ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *Спецвыпуск* | 2020

Валерий Сысоев

Три маски

2011

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *Спецвыпуск* | *2020*

В номере

ДиН мастерская

Владимир Костров
3 Да будет слово явлено

Сергей Кузнечихин
6 Последний романтик

синяя тетрадь

Маша Лелекова
9 Первые стихи

190 Солнце в подарок

ДиН краеведение

Юрий Ромашков
10 П. Е. Фунтосов: о жизни собственными словами

ДиН поэма

Илья Новиков
20 Песнь камня

ДиН симметрия

Александр Куприн
23 Сказка

Фёдор Сологуб
79 Всё ясно только в мире слова

Константин Бальмонт
89 В синем храме

Николай Рерих
99 Детские замки

Николай Оцуп
114 Осень

Михаил Кузмин
143 Родная кровь

Леонид Мартынов
180 В рабочей слободке

Игорь Северянин
182 Поэза правительству

ДиН проза

Елена Басалаева
24 Малиновое лето

Дарьяна Антипова
42 Сердце Земли

ДиН стихи

Наталья Мамлина
80 Не бросай!

Андрей Бирюков
82 Ветер, ветер…

Юлия Самородова
84 Альфа и Омега

Елена Галиаскарова
86 Вечные сказки

Екатерина Самусенко
88 Ткань бесконечного романа

Анна Цыглер
121 Вдыхай весну!

Сергей Бударин
175 Светом любви обручённый

Сергей Шкарпета
179 Жизнь—мельница

Дарья Ильгова
181 Детская наша бравада, взрослая наша печаль…

Анна Маркина
183 Дотянись до прощения

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Александр Орлов
90 Блаженная пигалица

Анастасия Чернова
92 Когда солнце срывает маску

Виктор Теплицкий
100 Мы все—одной крови

Анатолий Бимаев
108 Красивая партия

Виктория Татур
115 Секретная операция

Сати Овакимян
122 Без любви

Александр Евсюков
125 Пёс с ней

Севада Григорян
128 Охотник

Д*и*Н АРТ

Станислав Колчин
134 Эпоха традиционного модернизма

Елена Иванова
144 Реализация идей и ценностей постмодерна в поэзии

Дмитрий Косяков
149 Рок-портреты

Д*и*Н ДЕБЮТ

Екатерина Щерба
185 Судьба в твоих руках

Ульяна Лисова
188 За семнадцать вёрст до…

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Дорогой друг-читатель!

Перед тобой—внеочередной выпуск журнала «День и ночь», страницы которого в качестве творческой площадки предоставлены молодым авторам. Как своеобразное напутствие литературной молодёжи его открывает рубрика «Мастерская». Основная же часть—публицистика, стихи, крупная и малая проза—создана теми, кому до сорока или чуть за сорок. Просим любить и жаловать!

Редакция «ДиН»

Д*и*Н ГАЛЕРЕЯ

Репродукции картин любезно предоставлены «*Арт-галереей Романовых*» (Красноярск). Эта частная галерея не только экспонирует произведения искусства, в ней имеется художественный салон, где можно купить понравившиеся работы.

г. Красноярск, ул. Вавилова, 27а;
тел.: 8 (391) 240-61-32, 8 (391) 273-48-48

Часы работы: с 11 до 19.
Выходной: понедельник.

art-rom-gallery.ru

Владимир Костров

Да будет слово явлено

Поэт, переводчик, драматург, общественный деятель, Владимир Костров начал печататься в 1960-е годы. Он никогда не создавал вокруг своего творчества накала страстей, рекламного гула, но его внятный голос хорошо слышен уже более пятидесяти лет. Владимир Костров оказал серьёзное влияние на современную литературу. В значительной степени по инициативе Владимира Андреевича Кострова учреждён День русского языка шестого июня, в день рождения А. С. Пушкина. Двадцать первого сентября Владимиру Кострову исполнилось восемьдесят пять лет.

Беседовал с Мастером Сергей Шулаков.

— Владимир Андреевич, по первой специальности вы — инженер-химик, работали в отделе Загорского оптико-механического завода, в сфере технологии экранов. Давайте добавим в разговор немножко юмора: получается, что вы, некоторым образом, разделяете ответственность за то, что все мы теперь уткнулись в электронные устройства. А вы сами пользуетесь плодами ваших прежних технических достижений?

— Я имел отношение к развитию уже изобретённых технологий, к их усовершенствованию. И это доставляет некоторое удовлетворение: неплохо внести свой вклад в общую копилку важных знаний человечества. А об ответственности — как ни отвечай, всё равно получится в шутку. Ответственность, конечно, разделяю — вместе с другими инженерами и изобретателями. Но «тяну» в другую сторону — от гаджета к книге. А сам — да, как все, пользуюсь электронными устройствами связи, в семье все работают с компьютерами.

— Вы были инициатором учреждения Дня русского языка. Для вас русский язык — вопрос внутренний, российский, или внешний, имеющий отношение к глобализованному миру?

— Мою роль нужно рассматривать лишь среди усилий других: академиков Дмитрия Лихачёва и Олега Трубачёва, Никиты Михалкова, писателей Феликса Кузнецова, Валерия Ганичева, Юрия Полякова и других.

Самая большая загадка заключается в том, что мы до сих пор пытаемся понять, для чего живёт человек, как устроен мир, как он возник. Мир всё ещё пытается познать себя. Кто мы? Что нам ещё предстоит? Здесь роль языка, литературы очень важна.

Подобно математике, язык служит инструментом познания. Чем более он совершенен, тем он точнее говорит о явлениях жизни. К сожалению, в наше время язык претерпевает надругательство над собой.

Несовершенный язык — это всё равно что ошибочная математика.

А значение нашего языка для нас глубже всего выразил Иван Сергеевич Тургенев. Помните? «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты одни мне надежда и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..»

После великих событий в нашей истории каждый раз возникает потребность осознать их. Ещё раз понять: кто мы? Почему мы и зачем мы? Что нам предстоит?

В годы моей юности, тогда, после войны, многие писали стихи.

— Какие стихи писали?

— Всякие. Стихи, которые утверждали жизнь в противовес ужасу и смерти... В тот период тяжелейших последствий войны именно язык стал людям опорой. Слова: «Пока существует русский язык, поэзия неизбежна», — для меня эти слова всегда были наполнены прямым, конкретным смыслом.

— Литературой вы стали заниматься ещё в МГУ, в литобъединении, которое возглавлял поэт Николай Старшинов. Студенты МГУ — люди разнообразно одарённые, однако вы выбрали не КВН, а поэзию. Почему? Вы собирались стать профессиональным, если уместно такое выражение, поэтом? Как вам виделась жизнь в литературе тогда, в шестидесятых-семидесятых?

— Ну почему же не КВН? Отдельные строчки кавээнщиков стали историческими.

Дым костра создаёт уют,
Искры гаснут в полёте сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...

Стихи капитана команды КВН Губкинского института нефти и газа Николая Карпова. Это было одной из форм реализации творческой одарённости, формой необходимой и по тем временам довольно престижной. Многие стали поэтами — Дмитрий Сухарев, Глеб Горбовский, Андрей Вознесенский… Вообще, значительные авторы, как правило, обладают специальностью. А некоторые продолжают в ней работать, как Александр Городницкий, например…

— Вы работали в журналах «Техника — молодёжи», «Смена»… Тогда это сложно было назвать просто журналистикой в современном понимании этого слова. Что мы потеряли из того творческого процесса? И, может быть, что-то приобрели взамен?

— Сейчас мы стали утрачивать романтизм — свойство не только поэтов, но и учёных, пытающихся понять тайны мироздания… Мы пытаемся добиться лишь практических результатов, и потому тайные свойства вещей для нас оказались закрыты. Это придаёт современной поэзии излишний практицизм.

— Расскажите о вашей работе в Союзе писателей. Какие цели вы перед собой ставили?

— Тот Союз писателей, конечно, не без чиновничьих накладок, но помогал одарённым авторам находить себя, особенно на первых порах. Союз давал возможность ездить по стране и даже за границу, и это Союз оплачивал. Сейчас молодым трудно проявить себя, для этого отсутствует система отбора. Вам попадается книга или не попадается, вы читаете, вам нравится или нет, нравится многим или единицам… Для автора, да и для многих читателей, написанное становится судьбой. То есть весь литературный процесс становится судьбой — и создание книги, и чтение её, и осмысление, конечно.

Писательское сообщество тогда стояло во главе литературного процесса. Он был тогда. Сейчас литературного процесса почти нет. Есть писатели, издающие книги, а единый процесс отсутствует. Тогда роль писателя в обществе была огромной. Писатель мог поставить перед обществом, перед государством вопрос, касающийся важной стороны жизни, и к нему прислушивались.

— Будучи заместителем главного редактора журнала «Новый мир» Сергея Залыгина, вы внесли некоторое изменение в судьбу литературных журналов. В своё время, при Василии Фёдоровиче Одоевском, московские журналы стали интеллектуальным противовесом питерскому «литературному ремесленничеству».

— Да, помнится, журнал «Тайм» даже назвал меня идеологом новой политики литературных журналов… Тут дело было не в риске, а в том, что изменения уже назрели. Мы хотели, чтобы в «Новом мире», как в Большом театре, пели, звучали лучшие голоса, а они, как правило, не находятся в плену того или иного политического направления. Если бы мы гнались за сенсацией, то печатали бы исключительно новейших авторов. А мы дали целый ряд поэтов, например, Введенского, дали «Розу мира» Даниила Андреева. Безусловно, мы хотели дать то, без чего наша культура словно зияла прорехами. «Котлован» Платонова. «Доктор Живаго» Пастернака. Ну, вы, наверное, знаете — целый ряд вещей такого рода. То же мы старались делать и в поэзии.

— Владимир Андреевич, расскажите о ваших переводах. Почему вы, как представляется, решили обновить, придать новое звучание французским стихам Тютчева, что переводили обратно на русский Фет и Соловьёв?

— Ко мне обратились из Академии наук, тогда готовилось полное собрание сочинений Фёдора Ивановича Тютчева. Некоторые переводы оказались недостаточно адекватны как музыкально, так и по точности образа. Я ощущал некоторое смущение. Это настолько ответственно, такое обязательство… Мне хотелось соединить французские стихи Тютчева и их русский перевод и фонетически, по звучанию, и по смыслу, то есть словно воссоздать русский эквивалент французских стихов.

— Как вы чувствуете себя в русской — и во французской литературе?

— Свободно чувствовал себя Пушкин. Я лишь пытался донести до читателя духовный подвиг поэта.

— Актёр, режиссёр, общественный деятель Николай Бурляев работал во многих постановках, связанных с классикой русской литературы, в том числе над фильмом «Любовь и правда Фёдора Тютчева». Как по-вашему, существует ли единая преемственность от русской классики — через произведения советского периода — к новейшей литературе? Сохранилось ли у деятелей современного искусства моральное право на создание, поддержание нравственных образцов для общества?

— Они обязаны это делать. Тот, кто не обращается к нравственным проблемам, выпадает из ряда деятелей культуры.

Николай Бурляев очень любит, чувствует слово. Некоторые относятся к этому с завистью, потому что как раз не обладают преемственностью, но продолжают учительствовать по-пустому. Литературный форум «Золотой Витязь» — очень современный, необходимый проект, который показывает, что мы научились, вернее, вернулись к возможности осуществлять компетентный отбор,

поощрять одарённых авторов. Каждый из нас может убедиться в этом, просмотрев короткий и длинный списки этого конкурсного года. Более того, я убеждён в том, что именно этот уникальный проект должен финансироваться государством. По моему мнению, деятельность Николая Петровича Бурляева достойна высших наград России.

— Каково ваше отношение к известности и славе? Ваша песня на открытие Игр доброй воли в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, эстрадные и оперные сочинения, собиравшие аншлаги, большие тиражи вселяли в вас гордость, опасение или, может быть, что-то ещё? Что есть слава обобщённо — и в отношении конкретного прославленного человека?

— Быть нужным, необходимым, работать для кого-то, а не в пустоту, — большой успех. Такой успех я одобряю для других и горжусь своим, с этой точки зрения, успехом. Но твёрдо помню слова Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво». Конечно, к верно понимаемой славе как возможности щедро делиться своими взглядами, открытиями с возможно бóльшим количеством людей нужно стремиться, ради неё нужно работать. Но, достигнув славы, следует сохранять человечность.

— Вы награждены медалью имени Пушкина — высшей наградой Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Какое место она займёт в ряду других ваших знаков литературных заслуг?

— Я не хочу делить награды по значению. За каждую из них я благодарю людей, к ним причастных, — они трудились из добрых побуждений. Я никогда не пробивал награды, просто не видел в этом необходимости. Просто работал. Потому за награды мне не стыдно.

А медаль Пушкина «Золотого Витязя» — конечно, это знак высшего признания группы компетентных, одарённых, глядящих вперёд людей. Я ведь награждён ещё и государственной медалью имени Пушкина. Теперь они обе согревают мне сердце. Я чувствую себя словно крестьянин, у которого ухоженный надел и прочный дом и который сделал всё это своими руками. И та, и другая Пушкинские медали для меня — большая честь.

— Если уместно, позвольте задать личный вопрос. Ваша супруга, Галина Степановна, около сорока лет работала редактором, в том числе и в издательстве с традициями — «Молодая гвардия». Мы, конечно, не чувствуем в вашем творчестве влияния Галины Степановны, но, может быть, вы расскажете: оно там есть?

— Галина Степановна — человек, на котором я впервые проверяю качество своей работы. Я всегда показывал ей новые стихи, и её мнение очень важно — как показатель мнения тех, для кого я работаю. И она реагирует очень чутко — вот в чём влияние Галины Степановны. Но и у самой моей супруги много заслуг. Она замечательный популяризатор искусства, редактор множества произведений наших выдающихся писателей. Ею, например, полностью восстановлено собрание сочинений Василия Шукшина.

— В каком смысле — восстановлено?

— В советский период произведения Шукшина подвергались ангажированной, не всегда добросовестной обработке. Галина Степановна, словно реставратор, проделала большую работу, чтобы придать им авторское звучание.

— В одном из интервью вы сказали: «Бог русской поэзии, русской прозы, литературной критики — жив. Мне представляется, что он — больше Христос, чем Аполлон. Или, по крайней мере, существует равновесие». И всё же — первое или второе? Гоголь с его служением Богу — или радостный, в некотором роде осиянный Аполлоном античности и европейской литературы Пушкин? Какое крыло текущей литературы сейчас продуктивнее?

— Продуктивнее, если присутствует хотя бы часть крыла. А если оба — так это уже почти шедевр. Вспомните «Дубровского». Там есть и трагедия судьбы, и героические стремления. В «Онегине» есть и лукавство, и грусть о молодой любви, которая вот так закончилась, и большая драма, не столько личная, сколько, скажем, типическая… Вот образцы для нас.

Что такое поэзия? Это когда в человеке возникает знакомое ощущение. Напойте «Вечерний звон» на любом языке — и ощущение будет одно у любого человека в любой стране. Сорвите розу или посмотрите на неё — почувствуете восхищение совершенством. Есть сочетания вещей, которые несут ощущения благородного свойства, возвышающие человека. Поэзия — это любовь к чему-либо, выраженная в слове.

Сергей Кузнечихин

Последний романтик

(О Владлене Белкине)

Словосочетание успело превратиться в клише, но при этом не замутилось оттенком иронии, хотя и напрашивается на вопрос: «Неужели и вправду—последний?» Нет, конечно! Пока существует Россия, романтики не переведутся. Это провоцируется нашими просторами и нашей вечной неустроенностью. Всегда будут появляться мальчики, которым не терпится посмотреть: что же там, за пределами родного болота, которое нахваливают местные кулики? Там наверняка интереснее. Мальчиков гонит из дома любопытство и желание проверить себя: способен ли ты осилить незнакомую дорогу?

Ветра дули в восточном направлении, когда Владлен Белкин окончил Ярославский пединститут. Поучительствовал в сельской школе, но не сиделось ему в средней полосе. Как бы ни красивы были храмы Углича, Ярославля и Ростова, как ни внушала уважение величественная старина, а всё-таки тянуло на неизведанный таинственный восток, и в некотором смысле—на родину: ведь он появился на свет в Омской области. Определённое влияние на молодые доверчивые умы имела тогда и массированная пропаганда. Из радиоприёмников чуть ли не каждый день звучало бравое: «Едут новосёлы по земле целинной, песня молодая далеко летит…»—или сердцещипательное: «Полюбила тракториста—он уехал в Барнаул…»

И всё-таки последнее слово остаётся за конкретным человеком. Одни раздумывают, взвешивают, другим просто не сидится на месте. В результате молодой учитель Владлен Белкин оказался в поезде первоцелинников.

Красивые мечты уводят из дома, но встречи с жёсткой действительностью необжитых мест не каждому по характеру. Больше половины молодых мечтателей при первой возможности возвращаются домой. Но Белкин—человек другой породы. И если степи Северного Казахстана оказались немного не тем, о чём он мечтал, целина оставила заметный след и в душе, и в творчестве. Появилась поэма «Первоцелинники», которая, можно сказать, дала направление его поэзии на долгое время—определила метод.

В 1956 году Белкин уезжает на строительство Красноярской ГЭС. Сначала преподаёт в вечерней школе, потом уходит рабочим в бригаду своих бывших учеников, осваивает профессии бетонщика и каменщика и становится первостроителем в самом прямом смысле слова.

> Я обретал себя в бригаде.
> И от артельного огня
> шли чередой в мои тетради
> тревоги прожитого дня.

Это теперь Дивногорск—один из красивейших городов России, а самобытнейший—бесспорно. Но, как это ни парадоксально, лично у меня он ассоциируется с Суздалем. А начинался, как и все новостройки, с деревянных бараков. В это время и появились у Белкина стихи, написанные в жанре лирического репортажа,—не созерцательные, а продиктованные и выверенные личным опытом, где каждая деталь прочувствована и проверена собственными руками.

> Занудливо скрипит лопата,
> Скрипит докучный мастерок…
> Оранжевый, шероховатый
> Берёшь кирпич:
> Ложок, тычок…
> Дни, годы—всё одно и то же:
> тычок, ложок да твердь стены.
> Не зря на робота похожим
> Ты кажешься со стороны…

Какая уж тут романтика? Но лирический герой, который у Белкина почти всегда сливается с автором, понимает, что надо терпеть эту занудливую, утомительную монотонность, чтобы в итоге появился:

> Неотглаженный и горластый,
> работящий и гулевой,
> между сопок и скал клыкастых
> дерзко втиснулся город мой!
> Просмолённый, таёжный, бревенчатый,
> молодёжный, многоступенчатый…
> Свой! Своими руками рубленный,
> в дикий берег упрямо вросший.
> Дивный! Грязный…
> Хвалёный и руганый,
> на все города непохожий.

Оглянуться и почувствовать удовлетворение:

…И растает мой голос в гуле
нарастающих городов,
но останутся строчки улиц
посреди сибирских лесов,
но останется город строгий,
юный город у вечных скал…
Я не просто его строил,
я, как песню, его слагал!

В этих стихах нет ярких метафор и неожиданных сравнений, но поэт и не стремился к внешним эффектам, его волновало желание рассказать, как строился город, рассказать о людях, с которыми он прошёл этот путь.

Не замахивался Белкин и на лавры первооткрывателя темы. Евтушенко уже успел и написать, и широко издать местами очень яркую «Братскую гэс», о которой его противники (или завистники) говорили, что четыре строки Петра Пиницы:

Ах ты, сука-романтика,
Ах ты, Братская гэс,
Я приехала с бантиком,
А уехала без,—

намного значительнее этого огромного эпического полотна. Нет, конечно. Однако каждый имел право на свою правду. Просто они очень разные. Белкин—неисправимый романтик по убеждению, Евтушенко гнал поэтический азарт, а Пиницу вело, скорее всего, журналистское любопытство. Поэтому и на стройку смотрели они разными глазами и с разными чувствами.

Белкин и в солидном возрасте оставался горячим романтиком, только в России случились кардинальные изменения. Во времена перестройки многие эстетствующие поэты стали писать остросоциальные стихи, разоблачающие времена застоя. Даже Кушнер признался, что начал читать газеты. Но отгремели баталии, страна вошла в спокойное русло (вроде и новое, но сильно напоминающее прежнее). Идеалы разрушили, а дурные порядки остались. Отсутствие идеалов помогало им разрастаться и набирать силу. Многие поняли, что мы идём куда-то не туда. А современная поэзия не захотела это замечать и ушла в себя ещё глубже, чем при «застое». Однако Белкин—один из немногих, кто заговорил громко и внятно. Он всю жизнь писал о том, чего требовала его душа. А она требовала справедливости. Она не могла молчать, чувствуя, что с нами творится. Да и как смолчишь, когда слышишь по «Радио России», что в университетском Томске за 1991 год ликвидировано пятьдесят библиотек, а в 1992 намечено закрыть ещё десять? И в Ставрополье в помещении бывшего Дворца культуры открыт игорный дом?

По всей Руси чванливей и наглей—
нахрапистое хрюканье свиней…
Былого нет. Грядущее темно.
Мои коллеги… Кто залёг на дно,
дабы приумножать среди людей
бессмертный род премудрых пескарей;
другие вышли в важные чины,
иные бизнесом увлечены.
(И слава Богу, что нашли себя,
тщеславный зуд писанья истребя.)
Но посреди порушенных основ
осталась всё же горстка чудаков.
Хоть нищета и голод им грозят,
но пёрышком они ещё скрипят…
И может быть, из их печальных строк
пробьётся тот заветный родничок,
что мир живой водою напоит,
загубленные души воскресит…
И диким бредом обернутся дни
разгула торжествующей свиньи.

Выплеснул, не стесняясь в выражениях. Резко? И всё-таки—не теряя оптимизма. Таков Белкин. Хотя окружающая действительность делала всё, чтобы этот оптимизм зачах.

Как заклятие зла, выпал нам на века
незавидный удел—тараканьи бега…
За хламиду, за власть, за кусок пирога
начинаем с утра тараканьи бега.
И сапожник, и царь, господин и слуга
принимают как дар тараканьи бега.
Распинают друзей, ублажают врага
ради мест призовых в тараканьих бегах.
Высыхают моря, исчезает тайга…
Не кончаются лишь тараканьи бега.
Вот и воры страну волокут на торгá!
Ну а мы всё кружим в тараканьих бегах.
Матерь Мира склонилась, печально-строга:
человеческий род… тараканьи бега…

В середине семидесятых планировался краевой семинар молодых авторов. Чтобы на него пригласили, требовалось отправить рукопись, отпечатанную в двух (или трёх) экземплярах. Машинки у меня не было, печатать не умел, пришлось просить знакомую девушку. Но приехать на семинар я не смог, потому что послали в командировку. Можно было поговорить с начальством и отодвинуть срок отъезда, но не хотелось признаваться в грехе сочинительства. Рукопись попала на рецензию к Владлену Белкину. Я знал, что в Дивногорске живёт такой поэт, но он был в тени наиболее активных и удачливых Зория Яхнина, Романа Солнцева и Аиды Фёдоровой. Может, оттого он и отнёсся к рукописи автора, который не напечатал ни строки, с вниманием и сочувствием. Не успел ещё почувствовать себя мэтром. Потом, когда

познакомились ближе, я понял, что самомнения и чванства никогда не было в его характере.

К тому времени он издал три сборника и напечатался в сверхпопулярной «Юности». Правда, некоторые собратья по перу говорили с усмешкой, что издали не поэта, а строителя ГЭС. Но это неудивительно, это классика, исходящая из времён Хайяма. Насколько мне известно, кривых поэтических улыбок в его жизни было предостаточно. Кто-то от них ожесточается и начинает отыгрываться на неокрепшей молодёжи, а Белкин внимательно прочитал рукопись и отнёс подборку в дивногорскую газету. Не увидев меня среди «семинаристов», не поленился написать письмо и пригласил приехать в Дивногорск на литобъединение, которое он ведёт. В те годы там собралось довольно-таки крепкое ядро: поучившийся в Литинституте Николай Рябеченков, не менее амбициозный Стас Горохов, Алла Покровская и почти регулярно приезжающий из Красноярска Николай Ерёмин. Все они успели более-менее сформироваться и понемногу уже печатались. Иные мнили себя выше руководителя. Но Белкин и не вставал в менторскую позу непререкаемого авторитета. При разборе чужих стихов обходился мягкими, но точными замечаниями, которые всегда разрешалось оспорить. И оспаривали, порою очень бурно и нервозно.

За умение ладить с людьми, а творческие союзы довольно-таки взрывоопасны, его выбрали ответственным секретарём Красноярской писательской организации. Не секрет, что власть портит людей. Однако Белкин, вступив в номенклатурную должность, остался прежним, зато атмосфера в Союзе писателей изменилась до неузнаваемости. После прежнего вождя с диктаторскими замашками в кабинет к Владлену Николаевичу мог прийти любой, даже ещё не принятый в Союз. Прийти не обязательно с какими-то организационными вопросами, а просто поговорить за жизнь и за поэзию и даже, грешным делом, выпить с товарищем, таким же бесправным сочинителем.

И на работе, и дома Белкин всегда был открыт для общения. Помнится, приехала из Набережных Челнов поэтесса Инна Лимонова, поразившая нас великолепной строкой, одной из лучших в женской поэзии: «За коляской хожу, как за плугом…» (которую потом «позаимствовала» и напечатала в «Юности» звезда эротической поэзии Вера Павлова). Мы с Олегом Корабельниковым повезли Инну любоваться красотами Дивногорска. Остановились у Сергея Федотова. Вышли покурить на балкон и увидели Владлена Николаевича, живущего в соседнем подъезде. Позвали в гости, и он, не церемонясь, пришёл по-соседски, в домашней одежде. Не ожидал, что в компании окажется дама, даже бутылку вина принёс, хотя сам в тот период не выпивал. Познакомились. Белкин спросил у Инны про писательскую жизнь в Татарии, не сильно ли прижимают власти и осторожничают издательства. По её рассказам получалось, что им живётся повольготнее, особенно авторам коренной национальности. Белкин посмеялся, что русским у нас везде труднее. Потом Олег попросил Инну спеть, и она с удовольствием затянула: «Ой, то не вечер, то не вечер, мне малым-мало спалось…» Запела, и Белкин сразу подхватил: «…Мне малым-мало спалось, ой, да во сне привиделось…» К моему удивлению, у него оказался глубокий мягкий баритон, и пел он с явным удовольствием, ничуть не напрягаясь, легко и свободно. Потом спели «Поедем, красотка, кататься» и «Ты гуляй, гуляй, мой конь». Осмелевшая Инна завела: «Эх, лимончики, мои червончики…» Белкин и это знал. Пели долго, а когда он собрался уходить, я пошутил:

— Зачем с таким голосом стихи писать? Идите в ресторан — и будете зарабатывать почти как Кобзон.

— Или как Евтушенко, — засмеялся Белкин.

— Отличный мужик! — сказала Инна, когда он ушёл.

— Между прочим, ответственный секретарь краевой писательской организации, — гордо заявил хозяин квартиры Федотов.

— Ничего себе! И ты вот так с ним запросто?! Шутите, ребята?

— Могу его визитку показать.

Визитки под рукой не нашлось, и существовала ли она — не знаю, но Инна поверила.

— Пробую представить, что наши казанские классики запросто заходят в гости к рядовым поэтам, даже не членам Союза… Нет, хочу представить, но не получается, не хватает воображения. Вот она, сибирская вольница.

Сибирь здесь ни при чём. Предшественники Белкина тоже держали дистанцию. Иные даже не дистанцию, а глухой заслон. Им было что оберегать и куда «не пущать» кого ни попадя, разных и прочих — не хотелось терять возможность внеочередного выхода книг (которые, кроме как в местном издательстве, пристроить не получалось), двойные тиражи с повышенным гонораром и приличное жалованье, которое в советское время платили за должность. Дерзкая молодёжь, помыкавшись перед этим заслоном, уезжала искать понимание в другие города (один из молодых — Валентин Распутин). Белкин пользоваться должностью в личных целях не хотел — совесть не позволяла. Его сборники издавались не чаще, чем у других поэтов края. Разве что к пятидесятилетнему юбилею вышла книга в сто сорок страниц. Так и других юбиляров, которые не при должности, тоже поощряли внеочередными изданиями.

Но не все были довольны таким равенством и такой свободой, причём не только ветераны цеха,

но и некоторые новоиспечённые члены Союза. Нашёлся честолюбец и собрал группу единомышленников, которые смогли создать нужную им атмосферу, сумели внушить коллегам и соответственным инстанциям, что Белкин не соответствует месту, которое занимает в писательской организации. Переизбрали. Но собрание всё-таки одумалось и выбрало не того, кто организовал интригу. Какие-никакие, а инженеры человеческих душ поняли, кому нельзя доверять власть.

Обиделся ли Белкин? Любой бы обиделся, но на его отношение к людям это не повлияло. Он продолжал верить, что добро побеждает зло, несмотря ни на какие грязные козни интриганов; продолжал верить, что порядочные люди не перевелись и их намного больше, нежели подлецов; продолжал заниматься с молодёжью и писать стихи, подтверждая позицию героя своего давнего стихотворения:

Если б не плотником мне,
а, к примеру,
быть падишахом или премьером,
то не преминул б однажды собрать я
всех стихотворствующих собратьев.
И повелел бы им
дни и ночи
пни корчевать и каменья ворочать.
Бесповоротно порвавшему с музой—
тотчас путёвку от профсоюза.
А закосневшим в ереси ямбов—
десятилетия
в каменных ямах!
На хлебе с водой.
Без чернил и бумаги.
В грязи и презренье.
В забвенье и мраке.
Но если упрямец
и там, на каменьях,
ногтями выцарапает стихотворенье,
я бы такому
отдал государство:
— Царствуй!
А сам бы
смиренно устроился гидом:
те камни показывать
юным пиитам.

Кстати, уже через год вожделенная для карьеристов должность превратится из номенклатурной всего лишь в общественную и неоплачиваемую.

Он доказал свою правоту, как и положено мужчине,—построил не просто дом, а красивейший город, вырастил достойных сыновей и создал стихотворную летопись поколения.

В книге «Таёжная улица», вышедшей в издательстве «Современник» в 1975 году, есть глубочайшая строка: «Куда ни кинь, а пол-России стоит на вечной мерзлоте». Увидел, определил и всю жизнь старался, чтобы слой этой мерзлоты стал тоньше.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Маша Лелекова

Первые стихи

Шепелявое стихотворение

Сашка шепелявит отчаянно:
— Ну што ше, так слушаетша,
Жубы выпадают нешаянно,
Беж этого не полушается.

Первобытная Луна

Первобытная на небо взошла Луна
И высыпала первобытные звёзды!
А звёзды, летя, кричали Луне:
— Happy birthday,
Луна,
Happy birthday!

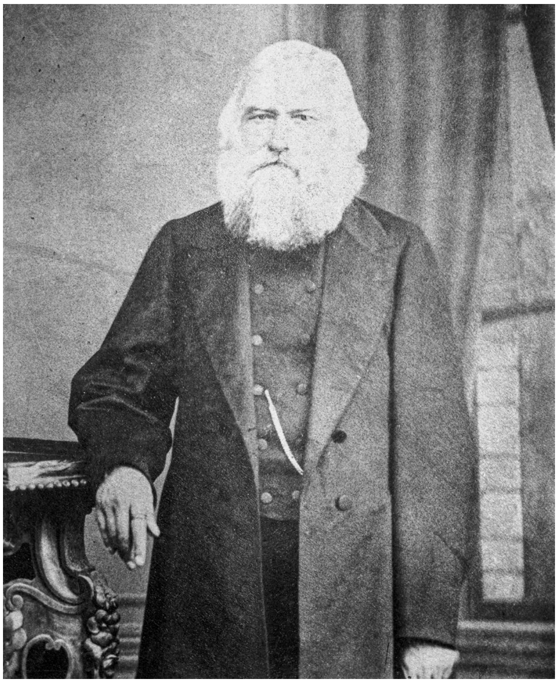
Юрий Ромашков

П. Е. Фунтосов: о жизни собственными словами

В общем массиве источников, посвящённых енисейскому купечеству, редко можно отыскать такой эпистолярный бриллиант, как их личные воспоминания. Чаще всего документы, которые хотя бы отчасти дают характеристику той или иной персоналии, либо носят отрывочный характер, либо страдают от системы односторонних оценок со стороны современников. Безусловно, воспоминания пишут люди, поэтому степень субъективности в них имеет место быть. Тем не менее воспоминания как источник хороши тем, что позволяют взглянуть на события глазами автора, уловить особенности эпохи, которые часто обрамлены художественным осмыслением. Воспоминания купца Павла Егоровича Фунтосова — несомненно, ценный источник, бережно сохраняемый в фондах Енисейского краеведческого музея. У него своя примечательная история поступления: в 1906 году эта рукопись была сдана в Енисейский музей потомками купца Василия Петровича Захарова, который в конце девятнадцатого века стал владельцем усадьбы на Большой улице. На самом деле связь между Захаровыми и Фунтосовыми намного сложнее, чем кажется. В начале девятнадцатого столетия иркутские мещане Иннокентий Петрович и Василий Петрович Захаровы устроились приказчиками в магазин Павла Егоровича. Именно он дал им «путёвку в жизнь», после чего они сами записались в енисейское купечество. Интересно, что в материалах Енисейской казённой палаты за 1882 год Захаровы упоминаются как приказчики при магазине[1].

Василий Петрович Захаров состоял во II-й гильдии енисейского купечества, торговал галантерейными и парфюмерными товарами, а также занимался золотопромышленностью. По крайней мере, на 1888 год его рабочие разрабатывали два прииска в Енисейском горном округе, получив с них один пуд шестнадцать фунтов золота[2].

1. ГААК. Енисейская казённая палата. Материалы о промышленных заведениях. 1882 г. Ф. 160. Оп. 1. Д. 742. Л. 68–69.
2. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах. XVIII — начало XIX вв. С. 152.
3. МКУ «Архив города Енисейска». Книга домовладений г. Енисейска 1856–1922 гг. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 160.



П. Е. Фунтосов. Фото второй половины XIX в.

Интересно, что оба брата, Василий и Иннокентий Захаровы, в прессе того времени записаны как наследники капитала Фунтосова и даже как его племянники. Таким образом, Василий получил дом Фунтосова по Большой улице (сегодня улица Ленина. — *Прим. авт.*) и его торговые капиталы, а Иннокентий — обширное место по этой же улице, где в последующем выстроил собственный каменный особняк. Чтобы понять, что из недвижимого имущества унаследовал Василий Петрович, обратимся к источникам. Из книги домовладений города Енисейска следует такой перечень: «Каменный двухэтажный жилой дом с магазином, флигель, пакгауз, сарай, стайки, амбар, завозня, конюшня и навес деревянный»[3]. Вся собственность, за вычетом по ветхости, была оценена в тридцать тысяч рублей. Помимо прочего, согласно завещанию Павла Егоровича, наследники обязывались выплатить родственникам наследодателя — сестре покойного Елизавете Егоровне Фунтосовой и его племяннице Александре Захаровой — по десять тысяч рублей, также племяннице Павле

Дом Фунтосова—Захарова (справа) на ул. Ленина. Фото Д. Дмитрейко. 2020 г.

Фоминской—четыре тысячи рублей[4]. Упоминались и другие родственники, которым полагалась часть капиталов почившего купца.

Возвращаясь к воспоминаниям Павла Егоровича Фунтосова как к документу эпохи, стоит сказать, что написаны они широким размашистым почерком и вполне «мужицким» слогом. Но именно этот слог придаёт шарм хронологически выстроенному повествованию. Недостатком документа можно считать его неполноту—до нас он дошёл в частично разрозненном состоянии, не имея завершения. Но, несмотря на эти изъяны, постараемся, основываясь на данной автобиографии и сохраняя её стилистику, дополняя её другими источниками, проследить жизненный путь Павла Егоровича. Все даты указаны по старому стилю.

Любопытно, что в начале повествования, рассказывая о своём рождении и родителях, он пишет от третьего лица, постепенно переводя его на рассказ от первого лица. Он пишет: «*Павел Егорович Фунтосов родился 9 февраля 1817 г., именины 16 февраля. Оставшись после смерти отца своего, Егора Ивановича Фунтосова, в возрасте четырёх лет, на пятом помер отец 21 апреля 1821 г.*»[5]. Таким описывает начало своего жизненного пути сам автор «Воспоминаний». В возрасте семи лет его отдают учиться в Енисейское окружное училище. Смотрителем заведения был учитель первого класса Е. Н. Спасский, учителем второго класса—А. П. Черепанов. В 1824 году деревянный корпус старого училища был сломан и выстроен новый, каменный. По уставу 1804 года оно было преобразовано в двухклассное. Далее оно неоднократно претерпит изменения, став в 1837 году трёхклассным окружным, а в 1899 году станет городским трёхклассным училищем. Вернёмся к Павлу Егоровичу. По завершении обучения в 1830 году Павел Егорович поступает на службу в питейную контору. «*…В то время был откуп князя Голицына и Кирилла Егоровича Кузнецова, управляющий Иван Петрович Никифоров, служил до 15 апреля 1832 г. Потом отошёл, был дома до 15 октября, занимался своим делом*»[6]. Здесь необходимо пояснить, что винный откуп на тот момент находился в подчинении казённой администрации и ещё не успел приобрести статуса доходной отрасли для частных лиц.

Получив первый опыт в торговых делах, молодой Фунтосов решает осуществлять самостоятельные коммерческие операции. Тем более что начинающему предпринимателю было на кого опереться. Его отец до своей смерти успел войти в енисейское купечество, пожертвовав двадцать пять рублей на ведение войны с французами[7]. Однако в 1816 году с семейством Фунтосовых произошла неприятная история, обошедшаяся им в выплату довольно крупной суммы в пять тысяч рублей. Павел Егорович пишет: «*…Отец мой в 1816 г. ездил на лошади, которая понесла, и он не смог её удержать на повороте на Еврейскую улицу. Но так как снег был глубокий, а дорога узка, то против дома Котельникова стоптал старуху.*

4. Газета «Енисейские губернские ведомости» // №48, 1892 г.
5. Воспоминания Павла Егоровича Фунтосова. ЕКМ. ОФ. 3092. Л. 1.
6. Там же. Л. 1.
7. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Ук. соч. С. 269.

Лошадь была подкована и подковой ударила в грудь. Старуха померла. Пошло дело… и сколько было хлопот и издержки там, что в тогдашнее время стоило до 5 тыс. руб.»[8]. Примечательно, что и дед Павла Егоровича, Иван Николаевич Фунтосов, проживавший ранее в селении Хантайском Туруханского края, перебрался в Енисейск ещё на рубеже восемнадцатого—девятнадцатого веков, активно занимаясь торговлей. В 1811 году он был отмечен как енисейский купец. Таким образом, начинающий купец мог опереться на богатый опыт своих предков и их капиталы. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что после смерти отца Павлу достались его долги. В год смерти отца Фунтосовыми был взят подряд на доставку хлеба в селения ниже Туруханска. Когда скончался Егор Иванович, все запасы остались нереализованными из-за стоявших холодов. Проблему с частичной реализацией товара помогли решить дядя, Иван Иванович Фунтосов, состоявший опекуном, и енисейский мещанин Андрей Гаврилович Колмогоров. После смерти отца Павлу остался капитал в четыре тысячи рублей. из которого он продолжал платить различные подати и квартирную повинность. И поэтому, прежде чем начать самостоятельное дело, он вновь поступает на службу: «*…А от 15 октября поступил к Фадею Ильичу Патракееву на службу. Там служил два года, в октябре месяце 1834 г. отошёл»*[9]. Это был его последний опыт службы у другого купца. С этого времени Павел Егорович начинает вести самостоятельные торговые операции, вступая в соглашение с другими купцами, но прежних связей с Патракеевыми не порывает. Поэтому, когда возникла необходимость съездить в Томск за покупкой товаров, он отправил туда одного из представителей рода Патракеевых—Алексея Борисовича, а также ещё одного своего доверенного—мещанина Петра Дмитриевича Ерлыкова. Томск на некоторое время станет своего рода важной географической точкой для П. Е. Фунтосова на заре становления его дела. Туда за товарами он и его доверенные будут ездить регулярно ещё в 1836 и 1837 годах. Расширяя своё предпринимательство, он решает заняться рыбным промыслом.

Нужно сказать, что на этом поприще он был не одинок: добычей и засолкой рыбы промышляли также Кытмановы, Грязновы и другие представители купечества и мещанства. Именно Грязновых он выбирает в качестве партнёров и в 1837 году отправляется лично на самостоятельный промысел: «*…А летом плавали с Ефимом Грязновым [до светла?] и ловили на [Высоком острове?] рыбу, по выходу оттуда Ефим едет для продажи в Красноярск, в 1838 г. зимой еду в Томск, а потом плаваю с Грязновым, добываю и солю рыбу. С рыбой я ездил в Ачинск, а Грязнов в Красноярск. […] В 1839 г. был зимой в Томске, а летом солили рыбу, и был с рыбой в Красноярске, в 1840 г. был в Подкаменной Тунгузке и в Ворогово, сдавал казённый хлеб от подрядчика Аксёнова»*[10]. Бросается в глаза желание автора выстроить своё повествование в хронологической последовательности. Павел Егорович практически год за годом описывает события из жизни. Торговые сделки по реализации рыбы и хлебные подряды были удачным решением ещё пока купеческого сына Павла Фунтосова, так как являлись неотъемлемыми продуктами в потребительской корзине и городского населения, и крестьянства, а также рабочих набирающей силы золотопромышленности. Капиталисты Урала и Европейской России постепенно втягивались в добычу золота, но енисейские купцы, как писал А. И. Кытманов, «не увлекались пока занятием золотопромышленностью»[11], предпочитая вести мелкий лавочный торг либо брать крупные подряды на снабжение активно формирующейся системы приисков.

В 1836 году Павел Егорович покупает дом у купца Павла Петровича Башурова за тысячу четыреста рублей ассигнациями. Причём выплата за покупку определялась в четыре этапа: в апреле этого года—четыреста рублей, через год—четыреста рублей, через два—триста рублей и через три—триста рублей. В купленный дом Фунтосовы перешли в мае 1836 года. Обладающий предпринимательским чутьём, Павел Егорович понял, что разрастающаяся система приисков требует постоянного снабжения продовольствием и материалами, поэтому к 1840 году акцент его интересов смещается именно в сторону золотопромышленности. Он активно берёт подряды на поставку зерновых и рыбы для приисковых команд и администрации. Тем более что постоянно возрастающая цена на хлеб делала операции с ним очень выгодными. Так, цена за пуд выросла с 3 рублей 61 копейки в 1837 году до 4 рублей 50 копеек в 1840 году. Летом этого же года происходит открытие приисков в Северной системе енисейской тайги компаниями Голубкова и Малевинского, и он активно заключает с ними договоры на поставку припасов. Однако уже в 1841 году цены на хлеб поползли вниз, и Павел Егорович переключается на поставку всё на те же прииски крупного рогатого скота. Так, в сентябре 1841 года Фунтосов удачно продаёт сто пятьдесят голов скота и восемьсот пудов овса для золотопромышленников. Его дорога по-прежнему

8. Воспоминания Павла Егоровича Фунтосова. ЕКМ. ОФ. 3092. Ук. соч. Л. 4.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Л. 2.
11. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. ЕКМ. Машинопись. С. 325.

Церковь Воскресения с картины С. М. Харченова

лежит в Томск: «*В 1841–1842 гг. зимой был в Томске за покупкой и доставлял мясо Голубковым и Малевинскому, потом доставил скота 240 голов*»[12].

Разумеется, для выполнения заказов, особенно по поставке хлеба, нужно было либо иметь, либо арендовать суда. До появления первых пароходов на Среднем Енисее традиционно использовались деревянные парусно-вёсельные шхуны и барки. П. Е. Фунтосов являлся одним из немногих енисейских торговцев, кто обладал своими барками, но торговые сделки требовали тесной кооперации с другими купцами. Так, были заключены соглашения с красноярским купцом Александром Андреяновичем Ильиным. Совместное ведение подрядов оставалось серьёзной гарантией, особенно когда случались убытки. В 1843 году потерпела катастрофу одна из зерновых барж, погибло до двух тысяч пудов сплавляемого хлеба. Спасти и просушить удалось только около полутора тысяч пудов. Это зерно ушло, как пишет автор, «за бесценок» в операцию 1844 года. Но в целом молодой предприниматель вёл свои дела довольно успешно и уже в 1846 году объявил капитал на III-ю гильдию, а затем и на II-ю. «*В 1848 г. было отправлено судно вниз по Енисею, и взята была казённая поставка во все магазины по Енисею и Ангаре по всем хорошим ценам на 1849–1850 гг. Плавало судно за рыбой вниз около 1850 г.*»[13],—не без удовлетворения отмечал он в «Воспоминаниях». Накопленные капиталы позволили начать строительство собственного деревянного дома, в который Фунтосовы переехали в сентябре 1845 года. Дом был выстроен нижегородскими подрядчиками Григорьевым и Масловым за пять тысяч ассигнаций. Тогда же было продано судно Ерлыковым за три тысячи рублей, а вырученные средства вложены в очередное дело в Туруханском крае. Но, несмотря на продажу судна, П. Е. Фунтосов продолжал оставаться владельцем ещё четырёх хлебных барок[14]. Кроме него, такими судами владели Грязновы, Токаревы, Зайцевы и Даниловы. Больше всех в своём распоряжении имели Матонины, за которыми числилось семь единиц.

В августе 1850 года Павел Егорович Фунтосов связал себя узами брака с дочерью соборного протоиерея Гаврила Ушакова (или Циганова—в тексте неразборчиво.—*Прим. авт.*)—Марфой. Свадьба состоялась восемнадцатого числа, венчание проходило в Градо-Енисейской Воскресенской церкви. В ревизских сказках за 1858 год П. Е. Фунтосов записан как купец II-й гильдии, жена его Марфа Гавриловна и сестра Елизавета, очевидно, проживавшая вместе с ними[15]. Однако брак не принёс ему счастья. Через два года после свадьбы умирает мать, Матрёна Васильевна, а в 1860 году—супруга: «*3 дня 1860 г. померла жена моя Марфа Гавриловна 29 лет. Смерть её была от родов сына Александра, который остался в живых,*

12. Воспоминания Павла Егоровича Фунтосова. ЕКМ. ОФ. 3092. Ук. соч. Л. 2.
13. Там же. Л. 4.
14. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 368.
15. ГАКК. Ревизские сказки на купцов и мещан города Енисейска Енисейской губернии 1858 г. Ф. 160. Оп. 3. Д. 670. Л. 5.

и так же палея смерти 4 мес. от роду 23 дня 1861 г. Всего детей было у меня три сына и три дочери, и все померли почти полугодовалые»[16]. Марфу Гавриловну отпевали в Градо-Енисейской Воскресенской церкви. Такой была плата за успех. Больше он не женится, полностью посвятив себя торговому делу.

С 1861 года он пробует себя в роли золотопромышленника, разрабатывая совместно с купчихой А. С. Ильиной Александро-Невский прииск в Минусинском округе, а в Енисейском совместно с купцом Игнатием Петровичем Кытмановым — Воскресенский по реке Гаревке. Правда, добыча золота так и не стала основной статьёй его дохода. В 1871 году он продаёт свою долю другу и партнёру И. П. Кытманову. Дружеские отношения между купцами прослеживаются несколькими эпизодами, хотя сам Павел Егорович во фрагменте своих записок, дошедших до нас, этого не отмечает. Тем не менее во время женитьбы тогда ещё торгующего крестьянина Игнатия Кытманова Фунтосов выступал в качестве поручителя со стороны невесты — Анастасии Зотовны Комягиной[17]. В свою очередь, И. П. Кытманов в 1853 году выступил восприемником у первенца Павла Егоровича — Петра. После потери жены и детей главными людьми в его жизни становятся родственники, и особенно сестра — Елизавета Егоровна. Поэтому, когда в 1861 году было завершено строительство большого каменного дома, в него перешло жить всё семейство. В 1862 году купец Фунтосов объявляет капитал в шесть тысяч рублей, позволяющий уверенно оставаться во II-й гильдии[18]. В 1865 году он выстраивает новое крыльцо Градо-Енисейского Богоявленского собора, «удобное, с входом в храм и на колокольню из паперти через закрытую галерею»[19].

В 1863 году происходит знаковое событие в истории сибирской виноторговли: казённый откуп уступает место вольной продаже вина, вызвавшей к жизни рост кабачных заведений в Енисейске и его округе. Исай Хейсин обращается к П. Е. Фунтосову с предложением начать совместное винное предприятие, а получив отказ, самостоятельно открыл винный торг, выросший в собственный завод в Енисейском округе. Пока неясной остаётся причина отказа от столь многообещающего предприятия: возможно, Фунтосова не удовлетворяло обстоятельство ведения торга с конкретной персоной. Однако на 1868 год он числится в списках енисейских виноторговцев, располагая в городе питейным заведением и оптовым складом по реализации алкоголя. Вскоре Павел Егорович едет по делам в Санкт-Петербург. Поездка протекала в несколько месяцев, но о её содержании, к сожалению, сам купец в своих записках не распространяется.

Случившийся в 1869 году пожар нанёс серьёзный ущерб многим предпринимателям Енисейска. Данная участь не обошла и Павла Егоровича. Вот как он сам пишет об этом: *«22 августа в Енисейске был сильный и страшный пожар. Меня в это время не было, я был на прииске, вернулся только 10 сентября. Пожаром истреблён почти весь город. Погибли каменные дома, но не меньше и деревянные со всеми постройками и имуществом… жар принёс убытков на 800 тыс. руб. Немало людей сгорело в церкви Воскресения и по домам и по улицам. В 1870 г. была в апреле-мае вода, которая заполняла все погорелые места, равняясь воде 1853 г.»*[20].

Постепенно, под руководством нового городского головы И. М. Ячменёва, Енисейск восстанавливался; в первую очередь отстраивались каменные казённые здания и культовые здания. Торговая деятельность Павла Егоровича также возвращалась в прежнее русло, и уже по данным на 1870 год он числится владельцем лавок мануфактурных, бакалейных и колониальных товаров[21]. Кроме того, на нижнем этаже его каменного дома также находится магазин. Всего в год выручалось семь тысяч рублей. Товары приобретались в основном на Ирбитской ярмарке. Также в части Гостиного двора он арендует склад под железо, которого в год реализовывалось на двадцать пять тысяч рублей. Железо приобреталось на абаканском заводе. Появление на местном рынке такой продукции было обусловлено возросшим спросом: город отстраивался, и потребность в железе, особенно кровельном, стала очевидной. В том же 1870 году родственник нашего героя, мещанин Николай Николаевич Фунтосов, продаёт пустопорожнее место земли рядом с Базарной площадью канскому I-й гильдии купцу И. Г. Гадалову, который вскоре выстроит там деревянный двухэтажный дом, сделав его своим торговым представительством.

Иногда нашего купца сопровождали судебные разбирательства. По торговым делам приходилось ездить и в столичные города: в 1874 году Павел Егорович был с визитом в Москве, где вёл переговоры с купцом Смирновым. Московский купец «рассрочил на 5 лет сумму, следовавшую с его

16. Воспоминания Павла Егоровича Фунтосова. ЕКМ. ОФ. 3092. Ук. соч. Л. 2.
17. МКУ «Архив города Енисейска». Метрическая книга Градо-Енисейской Христорождественской церкви. Д. 443.
18. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах. XVIII — начало XIX вв. Ук. соч. С. 269.
19. *Зыбайло П.* Богоявленский собор от «а» до «я» // Наследие народов Российской Федерации. №2, 2019 г. С. 41.
20. Воспоминания Павла Егоровича Фунтосова. ЕКМ. ОФ. 3092. Ук. соч. Л. 2.
21. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Ук. соч. С. 460.

покойного отца за проданные последним первому накануне его смерти в Ирбитской ярмарке ассигновки»[22]. Однако сгоревшие в пожаре 1869 года ценные бумаги ему вернуть не удалось, хотя некий проворный адвокат предлагал за одну тысячу рублей «устроить дело».

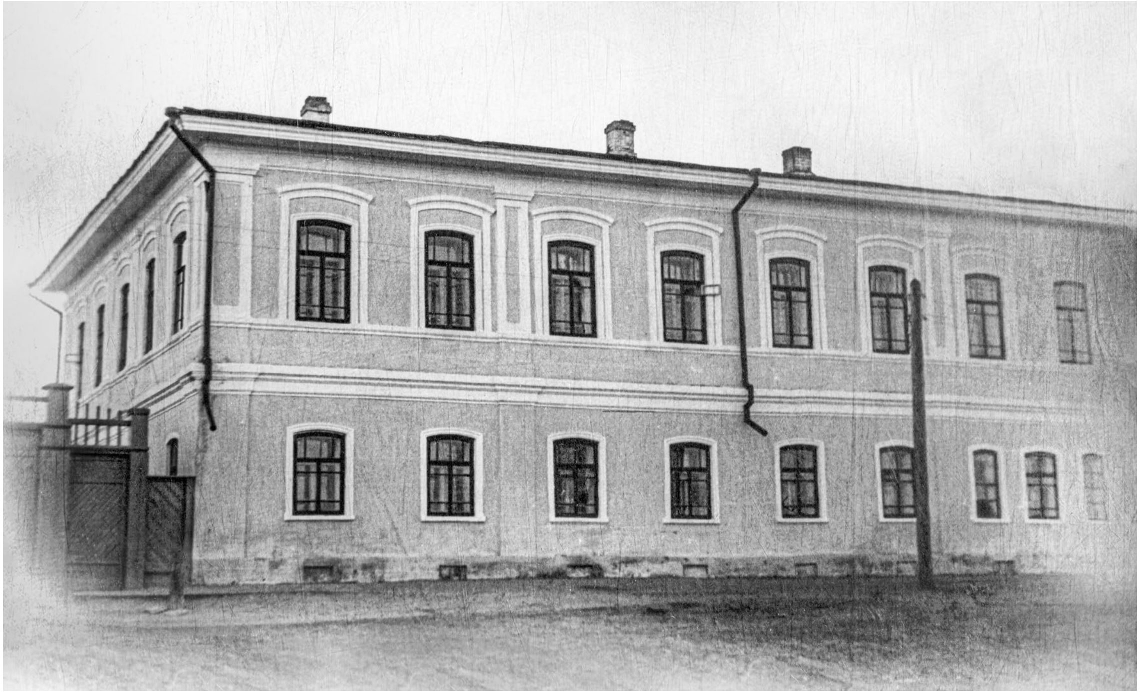
В 1876 году он дал расписку канскому купцу С. Т. Тимофееву при получении с последним квитанции от купца Лейбовича на сумму 2618 рублей 20 копеек[23]. Эти деньги—видимо, заём,—Фунтосов обещался вернуть в октябре этого года. Однако с возвратом не поспешил, и тогда Тимофеев обратился в суд для взыскания этих средств. Интересным фактом здесь выглядит обращение Тимофеева к императору Александру II с просьбой лично разобраться в этом деле. Поэтому канская полиция и енисейский суд потребовали от Фунтосова эту сумму вернуть. В этот период наш купец, благодаря своему участию в восстановлении лавок Гостиного двора, неоднократно попадает на страницы периодических изданий. Так, корреспондент «Биржевых ведомостей» писал: «Исправление указанных зданий (лавки Гостиного двора.—*Прим. авт.*) по частям вызвало здешнего купца П. Е. Фунтосова на беспроцентную выдачу обществу 2700 руб. на отделку ещё восьми лавок с кладовыми, что делает большую честь ревнителю и показывает его заботливость об общественном благе, всегда достойную подражания, в особенности в настоящее, бедное у нас финансами время»[24].

Кроме торговых операций, он участвовал в общественной жизни. Уже в 1840 году он служил сборщиком податей, а с 1846 года появляется в списках гласных городской Думы. В 1852-м Фунтосов выбран кандидатом при городском голове А. А. Кобычеве. Позже он служит директором окружного отделения Попечительного общества о тюрьмах. В 1864 году он, совместно с другими енисейскими купцами, вносит сумму до восьмисот рублей на строительство Красноярской мужской гимназии. В 1873 году Павел Егорович избирается городским головой. Эти выборы совпали с введением в Енисейске Городового положения 1870 года, которое более чётко определяло возможности местных органов городского управления. Также он получает звание потомственного почётного гражданина Енисейска и на свои средства ремонтирует южный придел Градо-Енисейской Воскресенской церкви, пострадавшей в пожаре 1869 года, и жертвует на её иконостас. Вообще, Фунтосовы очень благоволили этому храму. Уже после его смерти сестра, потомственная гражданка Елизавета Егоровна, пожертвует в октябре 1892 года доходный билет в две тысячи рублей на вечное почитание её рода[25]. Этот билет хранился при храме. Одна половина процентного дохода с него шла на содержание причта, а вторая должна была быть задействована на благоустройство обители. Но, помимо Воскресенской церкви, Павел Егорович принял участие в восстановлении и Преображенской.

В год избрания городским головой ему выпала миссия представлять делегацию от Енисейска, которая принимала участие во встрече великого князя Алексея Александровича, проезжавшего через Красноярск. Помимо Фунтосова, в состав делегации вошли: И. П. Кытманов, на тот момент исполнявший обязанности директора банка, городовой судья купец И. Н. Гундобин и гласный Думы А. К. Матонин. Также при его участии в Енисейске возобновило свою деятельность Общественное благородное собрание, которая была прервана пожаром 1869 года. Собрание на этот раз разместилось в доме купца И. Хейсина. Павел Егорович вместе с хозяином дома и купцами Кытмановыми был избран старшиной собрания. К сожалению, дошедшие до нас автобиографические записки Фунтосова обрываются очень рано и не охватывают события 1880-1890-х годов, поэтому рассмотрение дальнейших событий его жизни строится на других документах.

Особняком от общественной и торговой деятельности Павла Егоровича стоит его участие в организации Обь-Енисейского судоходного канала. Канал рассматривался как важное соединительное звено между бассейнами рек Оби и Енисея. При создании канала могла «отпасть надобность постоянного поддержания Московско-Сибирского тракта»[26]. В конечном счёте проект должен был быть реализован по забытому к тому времени Сочур-Кемскому направлению. В 1873 году он за свой счёт организует разведывательную экспедицию, которая состояла из рабочих под управлением его племянника Константина Захарова. Экспедиция обследовала реки Озёрная, Ломовая и Язевая и, как писал И. Н. Августовский, «нашла, что на водоразделе этой системы следует прорыть небольшой соединительный канал, и водный путь, при улучшении соприлегающих рек, может быть устроен без особых затруднений»[27]. Представляется, что

22. Газета «Биржа» // №167, 1874 г.
23. ГААК. Дело по рапорту Енисейского городского суда о принуждении канской полиции к выполнению требований суда о деньгах Тимофеева с Фунтосовым. Оп. 1. Ф. 51. Д. 635. Л. 1.
24. Газета «Биржевые ведомости» // №261, 1871 г.
25. Клировые ведомости Градо-Енисейского благочиния. 1902 г. ЕКМ. 7084. Л. 38.
26. *Агеев И. А.* Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (2-я пол. XIX—нач. XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010 г. С. 22.
27. *Августовский И. Н.* Обь-Енисейский соединительной путь и значение водного сообщения от Байкала до Оби. С-Петербург, 1885 г. С. 3.

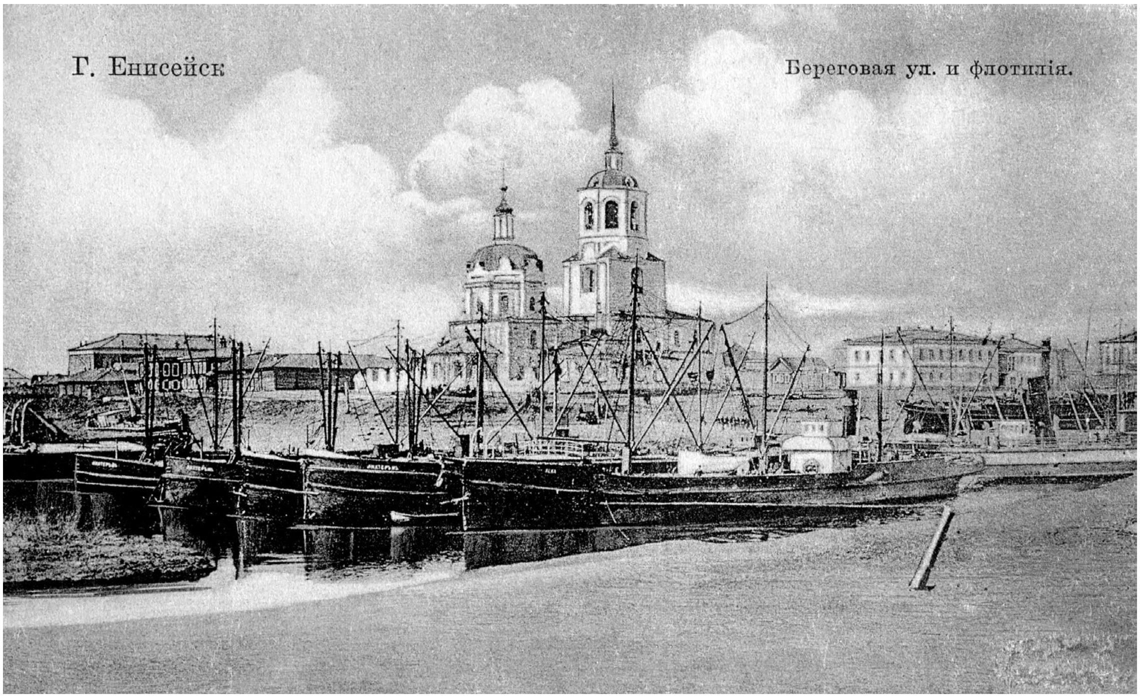


Дом, пожертвованный П. Е. Фунтосовым на нужды города. Фото 1959 г.

П. Е. Фунтосов, прекрасно зная речную систему региона и будучи знатоком торгового мира, увидел развитие торговых операций (в том числе и собственных) в совершенствовании внутренних водных коммуникаций. Не случайно по замыслу устроителей поток грузов, пошедших по каналу, должен был насытить товарами енисейский рынок. Экспедиция обошлась ему в десять тысяч рублей. Также средства на исследование будущего пути пожертвовал известный иркутский купец А. М. Сибиряков. По результатам экспедиции Фунтосов составил отношение к томскому губернатору А. П. Супруненко, а за его ходатайством все документы были направлены в Министерство путей сообщения, где получили одобрение. После этого в Енисейск в 1874 году прибывают две партии инженеров: одна — для рекогносцировки местности для возможного строительства, другая — для осмотра порожистой части реки Ангары. Для обследования водораздела между Обью и Енисеем командированы лейтенант Сиденспер и инженер Мошков. Активное позиционирование проекта сделало имя Павла Егоровича известным на страницах периодических изданий. Например, газета «Восточное обозрение», говоря о перспективах совершенствования транспортных коммуникаций, отмечала: «Г. Фунтосов много труда положил на исследование водораздела между Кетью и Касом, немало денег потратил на это дело, даже сделал денежный вклад в пользу его, и поэтому труд его обратил внимание и правительства, и сибиряков»[28]. Кстати, сам Павел Егорович отчасти покрыл свои расходы на канал тем, что получил подряд на заготовку леса для отделки шлюзов, и, не останавливаясь на этом, учредил премию в одну тысячу рублей тому судну, которое первым пройдёт по будущему каналу. За свои старания купец в 1873 году был награждён орденом Святой Анны, а ранее, в 1867 году, он получил статус почётного гражданина. Между прочим, в корреспонденции тех лет сообщалось о намерении Павла Егоровича «составить подробное описание путешествия экспедиции с планом пройденной местности с целью представить его Русскому географическому обществу и Обществу содействия русской промышленности и торговли в той надежде, что означенные учреждения обратят своё пресвященное внимание на открытый им удобный краткий путь»[29].

Реализация проектных решений коллежского асессора и инженера барона Бьёрна — Алексиса Александровича Аминова — началась двадцать седьмого июля 1882 года с утверждения первой очереди строительства соединительной системы[30]. Здесь нужно сказать, что, кроме «проекта Фунтосова», как прозвали канал в печати, были и другие предложения. В частности, общественностью

28. Газета «Восточное обозрение». Наши доморощенные проекты // 1883 г.
29. Газета «Биржевые ведомости» // №226, 1872 г.
30. *Литвинова О. Г.* Технология строительства Обь-Енисейской соединительной системы: первый этап 1882–1886 гг. // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015 г. С. 117.



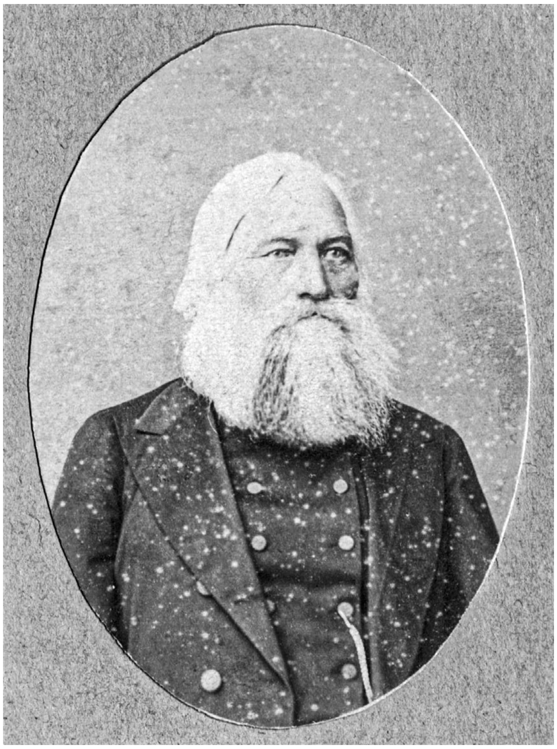
Енисейская казённая флотилия. Открытка 1903 г. Справа — дом Фунтосовых

активно обсуждалось предложение енисейского купца II-й гильдии В. М. Харченко, который скептически относился к «проекту Фунтосова», предложив в том же году собственный: конно-железную дорогу, которая соединила бы Енисейск с пристанью Полуустной, находящейся на Чулыме. Именно эту реку Василий Михайлович рассматривал как будущую важную артерию, способную вернуть округу былую торговую славу. В состав экспедиции, собранной на его средства, был приглашён местный метеоролог, ссыльный М. О. Маркс, который сделал съёмку пути и нанёс картографические указатели. По его расчётам, конно-железная дорога получила протяжённость в сто шестьдесят одну версту. Харченко, в свою очередь, определил стоимость строительства в две четверти миллиона рублей. И, как писал А. И. Кытманов, «Дума приняла проект Харченко сочувственно и считала, что дорога эта будет полезнее канала, соединяющего мелководные речки»[31]. Ко всему прочему, с собственным проектом выступил купец I-й гильдии А. С. Баландин, не меньше Харченко мечтавший о железной дороге. Однако если предложение Василия Михайловича было расценено как интересное, то замысел Алексея Сафроновича был встречен прохладно: «Упомянутый проект железной дороги А. С. Баландина был для нас, енисейцев, совершенной новинкою, о которой автор проекта не считал нужным и сообщить нам, своим землякам; поэтому можно думать, что этот запоздалый проект явился в фантазии господина Баландина скорее под впечатлением петербургской жизни, чем местной»[32], — не без иронии писал корреспондент «Восточного обозрения». Так или иначе, но все железнодорожные проекты в итоге остались только в образе планов.

Не всегда всё выходило успешно. Дело в том, что ещё в 1874 году ревизионная комиссия из гласных городской Думы, проводившая проверку отчётности органов местной власти, нашла перерасход бюджета на две тысячи рублей. Данная сумма по документам была потрачена на отстройку дома Цыхелевых, который изначально готовили отдать под будущую мужскую прогимназию. В 1875-м всё повторилось, но теперь перерасход составил одну тысячу шестьсот тридцать два рубля. Перерасход был сделан без постановления Думы или управы. Так как Павел Егорович находился в должности городского головы, ему предстояло давать отчёт о нецелевом расходовании средств. Фунтосов не согласился с таким заключением комиссии, предоставив свой отчёт по этому вопросу. Сегодня уже сложно сказать, была ли вина городского головы в растрате, однако после ухода Павла Егоровича с поста градоначальника Дума утвердила отчёт ревизии. Финансовые дрязги ещё не раз преследовали его. В 1875 году он, совместно с помощником городского исправника Батаревичем, обратился в Думу с предложением о постройке в Енисейске нового здания театра или отремонтировать

31. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 565.

32. Газета «Восточное обозрение» // 1883 г.



П. Е. Фунтосов. Фото второй половины XIX в.

существующее. У города на новое здание средств не было, поэтому было решено остановиться на последнем варианте. В 1877 и 1880 годах он выбирается в гласные Думы в общем числе сорока двух человек. Пожалуй, его участие в Думе и городской управе закономерно, так как ввиду ограниченности числа кандидатов избирались одни и те же представители. «Выборы на городские должности у нас кончились, и, сверх всякого ожидания, почти весь состав городской управы остался старый…»[33]—писал корреспондент газеты «Сибирь». В последний раз Павел Егорович Фунтосов избирался гласным в 1899 году.

Эти годы были временем больших надежд, связанных с месторождением золота в Красноярском округе, а также в Енисейском округе по реке Зырянка. Однако месторождения драгоценного металла оказались слишком преувеличены, поэтому, по словам А. И. Кытманова, «партии Хейсина, Фунтосова, Баландина и других возвратились ни с чем»[34].

В 1883 году возникли трудности у Енисейского общественного банка. Руководство этого учреждения обращало внимание на то, что ему приходится отказывать в ссудах лицам, служащим в банке, а также отказывать в кредитовании золотопромышленникам, если крупные суммы. Также руководство банка предлагало избрать учётный комитет. Налицо было очередное бюрократическое преобразование, в итоге практически не повлиявшее на ситуацию, но всё же Думой комитет был учреждён. Наряду с прочими, в него вошёл и Фунтосов.

В том же году состоялось открытие Енисейского общественного местного музея, и Павел Егорович не остался в стороне от его нужд. Как и другие, он упоминается в списке жертвователей за это время, так как музейный фонд рос преимущественно за счёт поступлений от частных лиц. Не случайно в отчёте было сказано, что «большинство лиц, к которым обращался музей, отнеслись к просьбам музея весьма сочувственно»[35]. В 1887 году он жертвует свой каменный двухэтажный дом под размещение второго приходского и женского училищ, до этого не располагавших достойной площадью для своих воспитанников. Здание тогда было оценено в двадцать тысяч рублей и передавалось вместе с дополнительными постройками и землёй[36]. В отчёте Общества попечения о начальном образовании за тот же год указано: «Ввиду того, что П. Е. Фунтосов пожертвовал городу большой каменный дом для помещения в верхнем этаже училищ, куда и перешли оба отделения 2-го приходского училища, Совет нашёл удобным перевести туда и первоначальное женское училище, сократив, таким образом, расход на наём квартир в 200 руб.»[37]. Также, по достоинству оценивая поступок П. Е. Фунтосова, Общество попечения о начальном образовании решило избрать его своим почётным членом, что сразу не было осуществлено ввиду несовершенного устава общества. Только в 1899 году жертвователь вошёл в ряды почётных членов этой организации. Не осталась в стороне от нужд образования и одна из сестёр—Елизавета Егоровна Фунтосова, которая также значится в списках действительных членов Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске.

В том же году состоялся новый судебный процесс. Дело в том, что по заявлению Павла Егоровича с дворянина, золотопромышленника В. И. Базилевского была взыскана сумма в 6813 рублей 81 копейку[38]. Чтобы эффективнее взыскать данную сумму, он обращается в окружное полицейское управление, после чего на золото был наложен арест. Он являлся поставщиком товаров на прииски компании Базилевского и Ратькова-Рожнова, которые просрочили срок уплаты по кредитам. Весной 1890 года Павел Егорович понёс ущерб—сгорел

33. Газета «Сибирь» // 1877 г.
34. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 516.
35. Отчёт Енисейского общественного местного музея за 1883–1908 гг. Красноярск, 1909 г. С. 7.
36. ГАКК. Дело о передаче дома почётным гражданином Фунтосовым для помещения приходских училищ в городе Енисейске. Оп. 1. Ф. 595. Д. 291. Л. 1.
37. Отчёт Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске. 1887 г. С. 2.
38. ГАКК. Дело о сложении ареста с золота Базилевского по иску Фунтосова. Оп. 14. Ф. 540. Д. 10061. Л. 5.

дом. В случившемся пожаре пострадали также усадьбы И. П. Лалетина, Хейсиных, Воробьёвых и Вициных. Всего пострадало девять домов[39].

К 1890-м годам строительство Обь-Енисейского канала столкнулось с рядом трудностей. Практически сразу в проект барона Аминова стали вносить многочисленные изменения. Росли расходы. Хотя изначально Аминов утверждал, что они не будут превышать восьми миллионов рублей, включая опытные работы, составление проектов и содержание местной администрации[40]. Тем не менее, как верно замечает В. Н. Большаков, «интенсивное железнодорожное строительство в России во вт. пол. XIX — нач. XX вв. не решило в полной мере её транспортных проблем. Опыт лидирующих в промышленно-экономическом отношении стран показывал, что создание и удовлетворительное функционирование транспортной сети предполагало взаимодействие железных дорог, шоссейных сообщений и речных путей»[41]. Именно поэтому строительство канала продолжалось, хотя уже тогда было понятно, что оно преступило черту рентабельности. Позже намеченного срока канал всё же будет введён в эксплуатацию, но покажет себя непроходимым для судов с большой осадкой, к тому же лучшая его пропускная способность будет обусловлена отдельными сезонами половодья. Интересное с точки зрения инженерных решений сооружение вызовет к жизни массу критики современников, осознававших всю запоздалость и убыточность проекта. Разумеется, канал не оправдал возлагаемых на него надежд. Современник тех событий М. О. Маркс писал: «Жители Енисейска вообразили себе, что у них будет какое-то чудо вроде Суэцкого канала, с большими морскими пароходами, быстро пролетающими вниз и вверх по Енисею; и сильно разочаровались, узнав, что это будет узенький канал, с мелкосидящими и подымающими небольшой груз судами. […] — Да за что же Фунтосов получил орден Св. Анны? — спрашивали с недоумением один другого, а потом совсем почти забыли и о канале, и об ордене»[42]. Так уж повелось, что современникам порой сложно оценить масштаб живущей рядом с ними личности. Вот и корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» в своё время зашёлся в критике: «Господин Фунтосов, принимавший участие в исследовании первого пути, получил орден и медаль от географического общества, почил на лаврах и ничего больше не делает, из чего можно, пожалуй, заключить, что он только этого и добивался»[43]. Сложно сомневаться в искренних намерениях Павла Егоровича помочь краю, но не будем забывать, что он был в первую очередь предпринимателем, для которого личные выгоды стояли не на последнем месте. Разглядев возможность развивать внутренний рынок Восточной Сибири путём будущего строительства канала, он не мог пройти мимо такого заманчивого инженерного решения.

Всё же одной из немногих заслуг канала оказалось участие в транспортировке грузов для строящейся Транссибирской железной дороги. Но Павел Егорович Фунтосов уже не успел увидеть начала работы канала, скончавшись третьего апреля 1890 года. В последние годы жизни он выбывает из I-й купеческой гильдии во II-ю. Согласно записям в метрической книге Градо-Енисейской Воскресенской церкви, умер он третьего апреля, как записано, «от чахотки», в возрасте семидесяти трёх лет. Был отпет в том же храме и погребён на городском Крестовоздвиженском кладбище[44]. Захоронение в настоящий момент утеряно. Его сестра, Елизавета Егоровна, пережила брата почти на девять лет и почила двадцать седьмого января 1899 года в возрасте восьмидесяти шести лет, как записано в метриках, «от старости»[45]. Похоронена на том же некрополе, могила также утеряна.

Подводя краткий итог повествования об этом интересном человеке, предпринимателе и меценате, нельзя не отдать должное его настойчивости в достижении поставленных целей. Начав свой жизненный путь в непростых условиях, в которых оказалась его семья, и пройдя его от мещанина винного откупа до почётного потомственного гражданина и купца I-й и II-й гильдии, Павел Егорович многое сделал для Енисейска и региона в целом. Разумеется, герой этой статьи не был безупречным как в делах, так и в отношениях с окружающими людьми и партнёрами по торгу. Но безоговорочным останется то, что купец Фунтосов видел пристанью своей жизни Енисейск, оставив достойный след в его четырёхсотлетней истории.

Автор выражает благодарность Малюга О. В. за участие в работе над рукописями П. Е. Фунтосова.

39. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 645.
40. *Востротин С. В.* Наши водные пути в Сибирь. Северный морской путь. Обь-Енисейский канал и внутренний водный транзитный путь. С-Петербург, 1906 г. С. 31.
41. *Большаков В. Н.* К истории Обь-Енисейского водного пути // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007 г. С. 105.
42. *Маркс М. О.* Записки старика. ЕКМ. 2141/10. Машинопись. С. 80.
43. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» // №146, 1877 г.
44. МКУ «Архив города Енисейска». Метрическая книга Градо-Енисейской Воскресенской церкви. Ф. 273. Д. 59.
45. МКУ «Архив города Енисейска». Метрическая книга Градо-Енисейской Воскресенской церкви. Ф. 273. Д. 249.

Илья Новиков

Песнь камня

Часть первая,

в которой мы знакомимся с большой и дружной семьёй, проживающей близ священной горы Тасхыл. Дни привычно и неторопливо сменяют друг друга, дети познают подсолнечный мир на его бескрайних просторах, а счастливая мать Хуртуях благодарит богов за размеренное течение жизни, за богатый урожай и крепкое здоровье детей

У подножия синих гор,
На зелёных ладонях степных,
Жили с самых заветных пор
Предки первых людей кочевых:

Сартахпай—богатырь умелый,
Хуртуях—мать счастливых детей,
Что сказания звонко пела
Для сынов, для своих дочерей.

Было много детей у пары,
Каждый делом семье помогал:
Кто на выкорм гонял отары,
Кто остистый ячмень выбивал,

Кто стругал и ошкуривал жерди,
Кто с заботой кормил очаг.
Не боялись дети усердий,
Был устойчивым первый их шаг.

Сартахпай перебрасывал горы,
Оживляя землю ручьями.
Нет для дела лучшей опоры,
Чем быть гордым родными краями.

Мать вплетала звёзды в узоры,
Украшая рубахи и платья.
Воспевали сёстры просторы,
Изучали охоту братья.

Чтили предков и духов земных,
Грустной песней платили за горе;
И речей не слыхали злых,
И не ведали жизни в ссоре.

Старший всюду глядел за малым,
Поступал, как велел отец.
Так и жили дружным аалом,
Крепли, словно степной жеребец.

А когда жёлтый лист слетал,
Праздник радовал всю семью.
Богатырский чатхан звучал,
Дети бегали по жнивью.

Жизнь пускалась в осенний пляс,
Хороводы листвы вздымая.
Ручейков перезвон, кружась,
Убегал, тишину лаская.

И казалось, всё будет так:
Сберегут от напасти горы,
Не угаснет родной очаг,
Не уйдут из-под ног опоры.

Часть вторая,

в которой Хуртуях снится пророческий сон, предупреждающий её о страшной опасности. Часть, в которой мать лицом к лицу столкнётся с неотвратимой судьбой и проявлением как людской, так и божественной воли

Первый снег наследил в полях;
Солнце пряталось от людей.
Страшный сон пришёл к Хуртуях
О трагедии будущих дней:

Чужеземцы настигли всех,
И не дрогнула их рука.
Чешуёю сверкал доспех
Человека с головою быка.

По мосту, что поднял Сартахпай,
Душегубы пришли с войной—
Их давно манил этот край,
И семья приняла смертный бой.

Так до следующего утра
Хуртуях потеряла покой.
Всё страшила её гряда
За серебряною рекой.

Богатырь уходил в дозор,
Но безлюдна была земля.
Тихой ночью в звёздный узор
Заползла ледяная змея.

Скот пугался своих теней,
Детский плач полон стал тревог.
Закоптило пламя свечей,
Будто дух пересёк порог.

За горою раздался гром,
И земля, как струна, затряслась.
Мать склонилась над малышом,
Колыбельную петь принялась:

«Ветры гонят злое лихо
Чёрной птицей, клювом острым.
Спи, сыночек. Тихо, тихо…
Быть тебе защитой сёстрам.

Наших предков будь достойным,
Почитай Тасхыл священный.
Будь добра и мира воином
Под призором у Вселенной.

Помни все мои заветы,
Помни дом свой, помни имя.
Здесь душа твоя согрета,
Связь с землёю нерушима!»

Стало ясно: они пришли.
Принял бой богатырь родной.
Сердце будто углём прижгли
И солёной умыли слезой.

Хуртуях подняла детей,
Чтобы быть готовой бежать.
Звон ломающихся мечей
Торопил синеокую мать.

Старший сын, оседлав коня,
Поспешил выручать отца.
Заблестела его броня;
Ветер нёс по степи бойца.

Сартахпай обнажил свой меч,
Отражая ударов град.
Обещал он семью сберечь,
Не ступив ни шагу назад.

Старший сын вонзился копьём
В иноземцев, ломая строй.
С Сартахпаем они вдвоём
Дали недругам честный бой.

Но когда самый грозный враг
Разрубил копьё топором,
Они поняли, что никак
Не пробиться им напролом.

Сын давал отпор чужакам,
Пока мост разбирал отец,
Но теснили его к холмам;
Близок был его сил конец.

Сартахпай не мог рисковать
И срубил опоры мечом.
Сыну он велел отступать,
Обещая помочь с прыжком.

Старший сын повернул коня
И помчал прямиком к реке.
Богатырь ухватил края
И зажал пространство в руке.

Прыгнул конь через гриву вод,
Но зазубренная стрела,
Пролетев по кривой, в обход,
Сына выбила из седла.

Сартахпай разомкнул кулак,
Но стрелу не успел поймать.
С головою быка чужак
Сына смог у него отнять.

Хуртуях замерла в пути—
Сердце чувствует боль детей…
Но, уняв камнепад в груди,
Зашагала она быстрей.

Выиграл время её супруг,
Помешав иноземцам пройти,
Но в бою потерял свой лук
И коня не сумел спасти.

Вместе двинулись второпях,
Не жалея ни сил, ни ног.
А вторженцы на лошадях
Вслед ушедшим трубили в рог.

Дети выдохлись и ослабли—
Каждый нёс сестру или брата.
Вскоре вовсе они озябли
Под лучами сырого заката.

А услышав, как топоры
Принялись деревья терзать,
Сартахпай у красной скалы
Приготовился зло сдержать.

Хуртуях обратилась к богам.
Боги приняли кровный дар
И, согласно её мольбам,
Обратили детей в янтарь.

Сорок капель живой смолы,
Плача, мать прижала к груди,
Полетела быстрее стрелы,
Оставляя дом позади.

Степи прятали её след,
Небосвод над врагом темнел.
Вдалеке, уводя от бед,
Алтын-кёль маяком рябел.

Снова дрожью пошла земля,
В небо бросив розовых птиц.
Мать бежала через поля,
Но споткнулась и пала ниц.

Где-то волки, сбившись кольцом,
Затянули протяжный вой.
Налилось её сердце свинцом:
Видно, смертью закончился бой…

Хуртуях попыталась найти
Ожерелье янтарных бус,
Но порвалась нить по пути!
Лёг на плечи тяжёлый груз.

Обернулась она на восток,
Онемев от потерь своих,
И, не чувствуя рук и ног,
Замерла, поминая родных.

Каменел её скорбный лик,
Снег белел в черноте волос.
Одинокий надрывный крик
По степи ураган разнёс:

«Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами,
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!

Уже не блещет солнце над горами,
И кровоточат болью облака.
Пусть всё то зло, свершённое над нами,
Пройдёт по памяти через века.

Да не умолкнут голоса родные,
Да не померкнет в летописи лик,
Да не исчезнут знаки родовые;
Ведь жив народ, покуда жив язык!

Священны горы, и тайга священна,
Чисты потоки ручейков и рек.
А ваши души, дети, драгоценны,
И солнца свет—ваш главный оберег.

Вы крепко стойте на ногах, как предки.
Не позволяйте грабить край родной!
Не верьте звону золотой монетки,
Подброшенной вражеской рукой.

Цените счастье, детские улыбки,
Не забывайте дома своего.
Не бойтесь, дети, совершать ошибки,
Но бойтесь не учиться из того.

Не растеряйтесь, дети дорогие,
Среди негаснущих людских костров.
Степные ночи звёздно-смоляные
Всегда вас ждут с далёких берегов.

Земля моя, хранимая богами,
Не дай забвенью покорить себя
И сохрани под чистыми снегами
Следы детей, что помнили тебя.

Не дай вторженцам, что пришли с мечами,
Сгубить потомство и пожечь поля;
Встань против них ветвистыми корнями,
Встань против них, Тадарская земля!»

Её песня терзала высь.
Голос матери был певуч,
А как связки надорвались—
Дождь пролился из серых туч.

И тогда мудрый Хайрахан
Посмурнел от злосчастных бед,
Но, подумав, другим богам
Дал на это такой ответ:

«Чтоб унять страданий пламень
И дарить надежду людям,
Превратится она в камень
С зарождённым внутри чудом».

Часть третья,

в которой несчастная Хуртуях, несмотря на тяжёлую участь, становится покровительницей матерей и прародительницей тюркоязычных народов. Воля богов исполнена, а каменная мать взирает на родные земли сквозь вехи тысячелетий

Поля закутались в саван
До месяца ложной кукушки.
Весеннее солнце травам
Пригрело, любя, макушки.

Затянул пушистый ковыль
Вереницу степных голов,
А цветов сиреневых пыль
Полыхнула на скулах холмов.

Разомлев, прикрылись листвою
Берёзки у шумной реки.
Медвяной умылись росою
Горящие в поле жаркú.

Там, где падал янтарь из бус,
Зарождался новый народ,
И курился степной улус
Синевой енисейских вод.

Красота этих диких мест
Стала радовать тысячи глаз,
А село превратилось в уезд,
И настало единство рас.

Степь—свидетельница всего;
Она помнит океана вес,
Помнит каждую жизнь того,
Кто ходил под лазурью небес,

Кто подсолнечный мир узрел,
Кто любил и терял родных;
Как хайджи сказания пел,
Как война забирала живых…

Суховей языком шершавым
Пишет летопись на камнях.
Горицвет с репьём поджарым
Молят небо о чистых дождях,

А когда-то счастливая мать
Всё поёт свою песню нам.
Научилась она помогать
Всем нуждающимся матерям.

И легенда из уст в уста,
От народа к народу шла;
Оставаясь нутром чиста,
Вопреки холодам цвела.

Все, кто жаждал иметь детей,
Получили надежды свет
Из-за гор, городов, морей,
Из рассказов, звонков, газет.

Хуртуях на родной земле
Обрела вековой почёт,
Помогая каждой семье,
Что за помощью к ней придёт.

Спустя тысячи долгих лет
Её дар сохранил народ;
Хуртуях, избавляя от бед,
Продолжает сибирский род.

Греет корни жизнь до сих пор
Под присмотром вершин ледяных,
У подножия синих гор—
На зелёных ладонях степных.

ДиН симметрия

Александр Куприн

Сказка

Глубокая зимняя ночь. Метель. В доме—ни огня. Ветер воет в трубах, сотрясает крышу, ломится в окна. Ближний лес гудит, шатаясь под вьюгой.

Никто не спит. Дети проснулись, но лежат молча, широко раскрывши глаза в темноту. Прислушиваются, вздыхают…

Откуда-то издалека, из тьмы и бури, доносится длинный жалобный крик. Прозвучал и замолк… И ещё раз… И ещё…

— Точно зовёт кто-то,—тревожно шепчет мужчина. Никто ему не отвечает.

— Вот опять… Слышишь?.. Как будто человек…

— Спи,—сурово говорит женщина.—Это ветер.

— Страшно ночью в лесу…

— Это только ветер. Ты разбудишь ребёнка…

Но дитя вдруг подымает голову.

— Я слышу, я слышу. Он кричит: «Спасите!»

И правда: яростный ураган стихает на одно мгновенье, и тогда совсем ясно, близко, точно под окном, раздаётся протяжный, отчаянный вопль:

— Спа-си-те!

— Мама! Может быть, на него напали разбойники?.. Может быть…

— Не болтай глупостей,—сердито прерывает мать.—Это голодный волк воет в лесу. Вот он тебя съест, если не будешь спать.

— Спасите!

— Жалко живую душу,—говорит муж.—Если бы не испортилось моё ружьё, я пошёл бы…

— Лежи, дурак… Не наше дело…

В темноте шлёпают туфли… Старческий кашель… Пришёл из соседней комнаты дедушка. Он брюзжит злобно:

— Что вы тут бормочете? Спать не даёте никому. Какой такой человек в лесу? Кто в эту погоду по лесам ходит? Все дома сидят. И вы сидите тихо и благодарите Бога, что заборы у нас высокие, запоры на воротах крепкие и во дворе злые собаки… А ты взяла бы лучше к себе дитя да сказкой бы его заняла.

Это голос чёрствого благоразумия.

Мать переносит в свою постель ребёнка, и в тишине звучат слова монотонной, старой успокоительной сказки:

— Много лет тому назад стоял среди моря остров, и на этом острове жили большие, сильные и гордые люди. Всё у них было самое дорогое и лучшее, и жизнь их была разумна и спокойна. Соседи их боялись, уважали и ненавидели, потому что они сами никого не боялись, всех презирали, а уважали только самих себя. В жилах их текла не простая кровь, а голубая-голубая…

— Спа-си-те!

Молчание…

1920

Елена Басалаева

Малиновое лето

— Что просто так дома сидеть? — сказала мне мама весной, просматривая объявления в бесплатной газете с интригующим названием «Шанс». — Устройся куда-нибудь поработать, хоть в магазин, хоть буклеты какие раздавать… Люди в восемнадцать уже вон бизнес начинают.

Удержавшись от ехидного замечания о том, что сама родительница ни в восемнадцать, ни даже в сорок пять не начала никакого бизнеса, я согласилась найти себе рабочее место на месяцок-другой нынешнего лета. Поработать всё-таки было интересно. Правда, обычные способы подработки моих однокурсниц с начфака пединститута меня не особенно привлекали: одну поймали стражи порядка, когда она обходила район с кипой объявлений и бутылкой клея ПВА, другой два месяца не отдавали зарплату за раздачу листовок. Я с самого начала своей трудовой деятельности отдала предпочтение организациям проверенным, желательно государственным, и, так как училась в заведении педагогическом, решила в поисках работы зайти не куда-нибудь, а сразу на сайт управления образования.

Искомое нашлось очень быстро. На одной из страниц мне бросилось в глаза выделенное голубым цветом объявление: «В детский летний лагерь требуются воспитатели, вожатые, повар и другой персонал». Ниже шрифтом помельче указывались условия работы: двадцать один день в смене, график двадцать четыре на семь с тремя возможными выходными, зарплата (что-то около восьми тысяч — дело было в конце нулевых) и координаты.

Чтобы работать было веселее, я подговорила ехать вместе с собой двух подружек-однокурсниц. Я живописала им прелести жизни в загородном лагере так красочно, насколько могла: прохладная речка, богатый земляникой лес, полный цветочных ароматов воздух… Веря самой себе, я говорила о трёх неделях в лагере так, будто нам только и предстоит делать, что любоваться золотыми зорями, малиновыми закатами да иногда, в виде развлечения, играть с подопечными, ощущая с затаённой беспечной радостью, что детство в наши восемнадцать лет ещё никуда не ушло — тут оно, тут, с его лёгкостью, недуманием о завтрашнем дне, верой в прекрасный, добрый, открытый человеку мир.

В качестве «пионерки» в лагере мне приходилось бывать три раза — в девять, десять и двенадцать лет. Дурные моменты, неудобства вспоминать не было желания, и девчонки, вдохновившись моим рассказом, согласились поехать со мной в сию чудную долину.

Первое испытание ждало нас уже на собеседовании. В одном из однообразных кабинетов управления образования две тётеньки приятной полноты, одетые в строгие юбки и пиджаки с плечиками, встретили нас не очень приветливо.

— Куда идём? — гаркнула одна из них.

— Идём трудоустраиваться, — сказала я дрогнувшим голосом, выступая впереди однокурсниц, которые были заметно ниже меня ростом и с удовольствием спрятались за мою широкую спину.

— Куда это? — всё тем же раздражительным тоном спросила первая тётенька.

— В летний лагерь, — как можно бодрее ответствовала я.

Вторая тётенька, с льняными короткими волосами, уже более мягким голосом позвала меня к столу. Спутницы мои сочли за лучшее подождать в коридоре.

Я показала справку с места учёбы, зачётную книжку с пятёрками и на вопрос светловолосой тётеньки, был ли у меня опыт общения с детьми, ответила, что огромный — с племянниками и сыном соседей. Тётенька кивала, и мне уже казалось, что дело в шляпе — осталось кликнуть девчонок и оформлять документы. В мыслях я покупала трудовую книжку в синем киоске «Розпечати».

— Ну а вожатскую школу-то ты посещала? — обрубила мои карьерные фантазии тётенька.

Мне пришлось признаться, что я не только не посещала, но и слов таких не слышала. Круглое лицо тётеньки словно заволокла туча, она ещё ничего не ответила, но я уже с тревогой предчувствовала, что работу на это лето, быть может, придётся искать в другом месте. И вдруг её коллега, до сих пор молча и сердито швырявшая в огромный шкаф белые папки, воскликнула, глядя на меня:

— Света, ну посмотри, какие у неё глаза! Глаза-то умные. Давай её возьмём.

Радость вспыхнула во мне факелом, но через пару секунд я спохватилась и махнула рукой в направлении коридора:

— А девочек?
— Они такие же, как ты? — слегка нахмурив короткие чёрные брови, спросила тётенька, разглядевшая в моих глазах сияние разума.
— Конечно, — заверила я.
— Ну, тогда… пускай. Давай сюда ваши документы…

Мы быстро договорились обо всём необходимом, и, уже затворяя дверь, я ненароком услышала:
— В крайнем случае уборщицами пойдут…

Через месяц настал нежный май, полный свежести распускающейся листвы, и мы с девчонками, как заранее было оговорено, поехали на загородном автобусе в лагерь — отмывать корпус и раскладывать матрасы. Были возле лагеря и неглубокая речка с каменистым дном, и дикий сосновый бор, простиравшийся по холмам с восточной стороны, казалось, до самого горизонта. Тётенька с льняными волосами, фамилия которой оказалась Шишкина, встретила нас на сей раз тепло и даже угостила чаем.
— У нас все по весне приезжают, это такой порядок, — объяснила она. — Вот я — старшая вожатая здесь уже который год, а тоже матрасы таскаю. У педагогов вообще судьба такая: не только учат и воспитывают, но и в столовой накрывают, и коридор сторожат, и стены моют. Вот, смотрите.

Для подтверждения своих слов одетая в трико и футболку Шишкина показала на стоящее в углу ведро с тряпкой.

С полудня и до темноты мы таскали полосатые матрасы, исписанные памятными надписями подушки, отковыривали засохшие жвачки с железных кроватей, выгребали мусор из батарей, оттирали крашенные в светло-синий цвет стены корпуса. Мы болтали, шутили, я рассказывала разные байки из своего детства, незаметно для самой себя слегка приукрашивая их выдумкой. Девчонки смеялись и тоже собирали разную весёлую чепуху.

Ночевать заранее решили в лагере. По корпусу после нашей уборки плыл горький удушающий запах жавеля. Мы открыли легко подавшиеся задвижки, растворили настежь двери и окна и вышли на поляну за корпусами, прихватив хлеб, сыр и чипсы. В пепельно-голубом небе тихо угас бледный оранжевый закат, над горизонтом появилась первая звезда, и в темноте стоявшего стеной соснового бора свечками забелели редкие берёзы. Мне почти взаправду казалось, что скоро, как в сказке о Василисе Премудрой, покажется чёрный всадник на чёрном коне, и если я отважусь пойти в глубь этого ночного леса, не побоюсь тьмы и разрывающей сердце страхом тишины, то непременно доберусь до избушки, справлюсь с хитрой работой Бабы Яги и принесу огонь — негаснущий волшебный огонь из иного мира.

Спутницам моим лагерь как будто понравился, они сказали, что будут работать — правда, обязательно со мной на одном отряде; но в середине июня одна из них сломала руку, неудачно упав с велосипеда, а другая, конечно, не захотела её бросать. Мне предстояло ехать одной.

Известие о том, что лагерь лишился двух потенциальных работниц, разумеется, не обрадовало Шишкину, однако она сухо сказала мне, что замену найдёт.

Давно отцвели мои любимые ландыши, потухло оранжевое пламя жарков, сошла с черёмух душистая белая пена; за ними угасли и цветы лиловых тонов — причудливые ирисы, нежные клемантисы, нарядная в пору нарождающегося лета медуница. Место скромных ранних цветов заступили роскошные, богатые красками лилии, садовые розы, махровые пионы. Когда же с персидской сирени осыпались последние фиолетовые звёздочки, на город пала жара. К десяти утра остатки утренней прохлады истаивали, солнце властно вступало в свои права, раскаляя дороги и крыши, простирая палящие лучи от края до края города. Ажиотаж был вокруг жёлтых бочек с квасом и ларьков с мороженым. Не знающая страха детвора лезла в фонтаны, брызгалась водой из бутылок. На размягчённом асфальте оставались следы автомобильных шин и резиновых сланцев-вьетнамок. Душными вечерами, когда сильнее начинали пахнуть скошенная трава в палисадниках и истлевающий мусор на городских помойках, на улицу выбирались полураздетые парни и девушки — гуляли, кучковались компаниями во дворах. И молодые, и старые — все строили планы насчёт того, куда можно уехать из города на время июльской жары: если не на море, так хотя бы на дачу или к озёрам.

Уже в первый день сезона я узнала, как, собственно, нашлась замена моим однокурсницам: директриса лагеря уговорила работать вожатых вместо одного сезона — два. Со мной на отряде оказались воспитатель Ната — ей было двадцать два года, после педагогического училища она уже пару лет преподавала английский, — и будущий соцпедагог Варя, которая, закончив третий курс, проходила обязательную практику. Четвёртой в нашей комнате оказалась Алинка. Детям её представили как вожатую, хотя на самом деле она была уборщицей, но строго запретила мне и остальным рассказывать о её настоящей должности детям. Алинке было семнадцать лет, она только окончила школу, сдала вступительные экзамены в какой-то техникум и вместе с матерью, учительницей труда, которую поставили воспитателем на другой отряд, приехала подзаработать денег и отдохнуть на природе. Варя и Ната, как я скоро поняла, давно знали друг друга, успели вместе отработать в лагере первый сезон и собирались ехать домой, но вдруг директриса предложила им остаться ещё на одну смену. От её предложений было сложно

отказаться всякому: Татьяна Григорьевна брала не только убедительностью аргументов, но больше того — массой, взглядом и басовитым голосом.

В первый день нашей смены мы таскали вместе с детьми постельное бельё, натягивали тугие наматрасники, расселяли всех по комнатам, сгоняли на обед и ужин, бегая вокруг корпусов и ища оторвавшихся от коллектива воспитанников, пересчитывали путёвки, перечитывали анкеты родителей, перебирали по приказу директрисы детские вещи, дабы в них не оказалось ненароком пропущенной крамолы вроде бутылки спиртного или пачки сигарет. Второй день принёс мало облегчения: теперь предстояло знакомить детей друг с другом, выбрать из них пару-тройку человек с артистическими наклонностями, чтобы вечером они смогли продемонстрировать свои таланты на концерте в честь открытия смены, а остальных тоже занять какими-то делами. Сразу после тихого часа, на котором наши двенадцати-тринадцатилетние воспитанники маялись от безделья, Шишкина выловила меня возле корпуса и попросила помочь вытащить две старые панцирные сетки от кроватей, чтобы для детей они были вместо батутов. Я кликнула трёх пацанов, мы быстро вытащили сетки, и, глядя на то, как скачут и кричат дети, получившие восхитительную возможность первыми испробовать нехитрый аттракцион, я не устояла и тоже стала прыгать на сетке, не сдерживая криков радости. На проходившего мимо охранника Женю я не обратила тогда никакого внимания — зато он, как потом довелось узнать, долго смотрел на меня, дополняя собственной фантазией мои возгласы счастья на старой панцирной койке.

После вечернего концерта Алинка позвала меня прогуляться по лагерю. Ещё со вчерашнего дня я замечала на себе её любопытные взгляды, а теперь она и вовсе сверлила меня глазами, дотошно рассматривая и моё голубое платье (сшитое дома тёткой и потому не похожее ни на что покупное), и серебристые балетки, и бело-сине-зелёное бисерное ожерелье.

— У тебя парень есть? — без обиняков брякнула она, как только мы немного отошли от сцены и танцплощадки, где бухала музыка.

— Н-нет, — призналась я и почему-то сразу почувствовала, что в её глазах это недостаток.

— Не-ет? — и впрямь удивилась и, кажется, разочаровалась Алинка. Ещё раз скользнув по мне взглядом маслянисто блестящих чёрных глаз, она вздохнула и сказала: — У меня пока тоже нет. Последний в мае был. А у тебя когда?

— В декабре, — сказала я первое, что пришло в голову, и тут же подумала, что, в общем-то, не обманула: перед Новым годом я действительно пару раз ходила гулять по набережной с одним знакомым мальчиком.

— Ни хрена себе, как давно, — покачала головой Алинка. — Как он у тебя был — ничего?

— Хороший.

— А в сексе?

От неожиданности вопроса я остановилась и хотела было сказать, что до такого дело не дошло: ограничились мы парой мимолётных поцелуев на автобусной остановке. Но, глядя в чёрные Алинкины глаза, продолжающие, как сканеры, шарить по мне вдоль и поперёк, я смалодушничала и солгала:

— Ничего такой был!

Алинка лукаво улыбнулась и ободрила меня:

— Мы с тобой здесь парней найдём! Видела — тут вожатые-парни есть, ну, они дохлые какие-то; есть ещё шофёр — Татьяну Григорьевну возит, есть диджей, Глеб зовут, кудрявый такой — м-м-м! И мент ещё есть, Женька, — видела его?

Я призналась, что не видела.

— Да ты что?! — укоризненно махнула на меня рукой Алинка. — Вечером знакомиться пойдём! Он тут в командировке, как инспектор по делам несовершеннолетних. Если кто водку будет пить или воровать, скрутит и домой вышвырнет на фиг, — сказала она так гордо, будто радовалась, что на свете есть такие люди, кто умеет вышвырнуть.

Алинка перечислила не весь мужской состав нашей смены: был ещё таджик-разнорабочий, который казался мне стариком, и физрук Степаныч, тоже далеко не молодой. Двое из парней-вожатых работали на специальном спортивном отряде, составленном из каких-то не то самбистов, не то каратистов, а третий поставлен был на отряд обычный, только самый старший, где числились четырнадцати-пятнадцатилетние «пионеры». Этот третий парень и привлёк моё внимание, когда Шишкина собрала всех вожатых на летучку. Он слушал распоряжения начальства, подперев русоволосую голову рукой, и огрызком карандаша делал какие-то записи в блокноте. Мне показалось, что он, так же как и я, не знал никого в этом лагере, приехал впервые и почти случайно. Когда летучка закончилась, все, загремев стульями, стали расходиться. Парень направился к своему корпусу, а я, продолжая стоять в дверях кабинета Шишкиной, смотрела вслед его долговязой фигуре.

Когда он пропал из вида и наблюдать мне уже было не за кем, я вдруг услышала поблизости чей-то звонкий задорный голос:

— Привет! Ты на каком отряде работаешь?

На меня смотрела рыженькая девушка маленького роста, с весёлыми и ласковыми глазами.

— На втором, — ответила я. — Меня Лида зовут.

— А я Маша. Я с маленькими на четвёртом. Приходи в гости, как будет время!

— Обязательно! — пообещала я, уже радуясь новому знакомству.

Но времени в этот день не оказалось и минуты: до вечера мы готовились к концерту, после ужина смотрели на выступления своих воспитанников. Варя, поведя широкими, как у пловчихи, плечами, с гордостью сказала о танцевавшей на сцене девочке:

— Это я с ней сэтывала номер!

После концерта и фильма убирали стулья со сцены, укладывали ребят спать. Зайдя в одну из двух мальчишечьих комнат, я как можно более строгим голосом отдала распоряжение закрывать глаза, но стоило мне только немного отойти от двери, как чей-то жалобный голос спросил:

— А что, вы нам ничего не расскажете?

В глубине души я обрадовалась этой просьбе: когда я сама отдыхала в лагерях, некоторые вожатые читали нам по книжке длинные сказки или сплетали какие-то небылицы про нечисть в духе Успенского и Усачёва.

— Вы знаете, кто такой король Артур?—спросила я наугад.

Некоторые ответили, что знают.

— О, сейчас вы узнаете всё о славном короле Артуре и доблестнейших, благороднейших рыцарях Круглого стола,—заговорила я, сама уже захваченная стихией игры в старину.—Я расскажу вам о том, как потомок Утера Пендрагона получил власть в стране бриттов, как он взошёл на трон, минуя опасности, и как он мудро правил своей страной.

Я вдохновенно вещала, медленно прохаживаясь туда и сюда в проходе между койками, на ходу вспоминая историю из книжки «Сказки и легенды Западной Европы», а мальчишки слушали, приподнявшись на кроватях. О, последнее счастливое время домобильной эпохи! Ныне оно кануло в Лету, и, пожалуй, уже никакой, даже самый талантливый сказитель не заворожит устным словом так, как яркие кадры «Ютуба». Или всё-таки есть ещё шанс?

Услышав, что я рассказываю что-то увлекательное, из соседней мальчишеской палаты высунул лохматую белобрысую голову пацан по имени Валера.

— А нам?—требовательно попросил он хриплым голосом.

Я зашла и в другую комнату, договорившись с пацанами, что уж завтра пойду к девочкам. Когда я, сама смежая глаза от усталости, заканчивала вторично рассказываемую историю про меч в камне, в дверь протиснулась Ната и шикнула на пацанов:

— А ну спать! Что не спим?!

— Да мы историю послушаем, тут им это… рассказываю,—стесняясь, объяснила я.

Ната оттащила меня за локоть к дверному косяку.

— Как закончишь, иди в корпус, где работники живут. Ну, не вожатые, а все остальные. По лестнице с улицы на второй этаж забирайся.

— Хорошо,—кивнула я послушно, как подчинённая руководителю.

Когда я поднялась наверх по металлической пожарной лестнице и открыла узкую дверь в небольшую комнатку, там уже сидели и Ната, и Варя, и черноглазая Алинка. Диджей Глеб разливал водку по стаканам и кружкам, а переодетый в спортивный костюм мент Женя, довольно осклабившись, приветствовал моё появление каким-то утробным звуком.

— Заходи, садись,—пригласила меня Ната.—Мы тебя только и ждём.

— Да?—удивлённо спросила я.—Ну, вот и дождались.

Варя вдруг засмеялась, поперхнулась водкой и стала мотать головой и махать руками, всё ещё продолжая чему-то веселиться.

— Гле-е-еб,—протянула она блеюще,—подай сюда сока, девушкам водка без сока не это.

Тряхнув шапкой каштановых кудрей, Глеб открыл коробку яблочного сока и ещё одну бутылку водки.

— Давайте, девки, выпьем за эту смену!—подмигнув, провозгласил он тост.

До этого водку я пила только два раза—по стопочке на поминках, но тут опрокинула в себя все налитые мне полкружки, и Ната, указав на меня пальцем, сказала с нарочито негодующим видом:

— Где это ты так бухать научилась? Смотри-ка, выпила махом, и даже без сока. А с виду вся такая приличная, ещё в платье ходит.

— Да это нечаянно,—отмахнулась я, чувствуя, как у меня слезятся глаза.

Девки пьяненько заулыбались, а мент Женя положил на моё плечо широкую жилистую лапу, отчего я вздрогнула и мгновенно выпрямилась.

— Как же задолбалась я в этом лагере!—воскликнула Ната, отрывая зубами прядь от сыракосички.—Это ж невозможно. Весь день, просто весь грёбаный день с этими спиногрызами заниматься. Вы знаете, сколько нам должны платить? А?! Знаете, сколько аниматорам платят на свадьбах, на днях рождения? Да они за раз пять косарей получат, а я за месяц десятку.

— Ну уж не за раз,—возразил Глеб.

— Ну не за раз, а за два!—озлилась на него Ната.—Долбаная эта работа учительская, тридцать три часа везу, потому что некому. Да и было бы кому, так одну ставку взять—жить на что? А жить хочется нормально, вы понимаете—нор-маль-но! Лето наступило, думаю, побуду сезончик, чтобы платья, обувь купить; так припахали ещё на второй!

Варя согласно кивнула, пересаживаясь с провисающей койки на пол и вытягивая смуглые короткие ноги вперёд, к проходу, и мечтательно промурлыкала:

— При такой работе надо отдыхать хорошо…

— Ты что это там рассказывала? — внезапно переключилась на меня Ната. — Пацанам нашим? Что это ты там говорила?
— Да это сказка… Это легенда о короле Артуре. Я их несколько помню.

Алинка, оживившись, уставилась на меня чёрными глазищами и вскричала с восторгом:
— Так ты чё, умная, что ли?! А ты чё ещё знаешь? Английский знаешь?
— Английский и я знаю! — огрызнулась Ната.
— Знаю, — сказала я. — Ещё немного французский.
— Ну-ка, ну-ка? — Алинка склонила голову набок и прищурилась в мою сторону, как любопытная кошка.

Я откашлялась и затянула песню из мюзикла «Нотр-Дам»:

C'est une histoire qui a pour lieu
Paris la belle en l'an de Dieu
Mil-quatre-cent-quatre-vingt-deux
Histoire d'amour et de désir…

— Круто! — крикнула Алинка и, хлопнув по плечу Глеба, приказала ему: — Наливай ей!

Мне подали ещё водки, и я, побоявшись отказать, снова выпила её, на сей раз поперхнувшись.
— Где это ты научилась? — поинтересовалась Ната, явно имея в виду не употребление алкоголя.
— Да в школе был второй язык… Ну и потом, просто для себя, немножко читала…
— Ты слышал?! — почти взвизгнула Алинка в сторону Глеба. — Вон чем люди занимаются! Учись! Учись!

Она со смехом накинулась на него, повалив на койку и задев ногой кружку, которая по чистой случайности не разбилась — её подхватила ловкая Варя.
— Одичали совсем… — незлобно проворчала та.

Алинка так и продолжала лежать на ничуть не сопротивлявшемся Глебе, запустив пальцы в его кудри, пока мент Женя разливал по кружкам ещё одну порцию водки. Тут я уже испугалась и заявила, что больше пить не стану.
— Ну, ради меня? — попросил Женя.

Его вытянутое лошадиное лицо с массивной челюстью и нависшими бровями было мне так неприятно, что я инстинктивно стала двигаться ближе к входу, где сидела Варя. Но мент оказался настойчив и всё-таки всучил мне в руки кружку с водкой, наполовину разбавленной яблочным соком. У меня не было часов или телефона, чтобы узнать время, и поневоле стало казаться, что мы находимся в комнатушке уже бог весть сколько часов. От водки меня клонило в сон, и становилось уже всё равно, где заночевать: в корпусе на кровати или здесь, прямо у двери на коврике, лишь бы отдохнуть от всяких навязчивых предложений, визгливого смеха и вообще людского общества.

Когда я уже погружалась в вязкую дремоту, Варя ткнула плечом меня в бок. Мент Женя, поднявшись провожать нас, занял весь дверной проём своей громадной, как холодильник, фигурой и сказал мне на прощание:
— Кто будет буянить — мне скажи. Я их!..

Он провёл себе рукой по горлу и загоготал, обнажив крупные зубы.

На третий, четвёртый и пятый день нас ожидала такая же круговерть: сбор детей, эстафеты, уборка в комнатах, подготовка к очередному вечернему концерту. Правда, с детьми проводили больше времени я и Варя: Ната уединялась в вожатской, заполняя какой-то неведомый мне план-сетку.

Варя вошла во вкус командования детьми, то и дело обращаясь к ним:
— Девочки, вы уже дорожки сэтывали?
— Ну-ка, проход разэтывайте мне!
— Кушайте яйца, берите масло и на хлеб наэтывайте!

Она часто заходила в комнаты, проверяла, чем занимаются дети, не прячут ли чего недозволенного, не играют ли в карты во время тихого часа. По утрам она делала вместе с ребятами зарядку, показывая им на своём примере, как надо выполнять упражнения. Я сама любовалась Вариной гибкостью, ловкостью, только ноги её мне казались короткими, и поэтому создавалось чувство, будто её крепкую фигуру снизу обрубили.

Но, кроме зарядки, она почти ничем не занималась вместе с детьми — только непрестанно контролировала их, отдавала распоряжения, и ребята больше тянулись ко мне и к Алинке, которую считали за вожатую. Я боялась, что мне будет трудно с мальчиками, но вышло, пожалуй, наоборот: с ними трудностей как раз возникало меньше. Отношения мальчиков были просты, понятны, хотя иногда жестоки.

В одной комнате жил маленький чернявый Ваня Бочкарёв. Пацаны стали насмехаться над ним за его рост и тонкий голос. Я рассказала им о своём друге детства, которого тоже недолюбливали за то, что он был младше всех и плохо читал, — а потом он вырос, и читать научился, и стал звездой школьной команды КВН. Историю о друге я вовсе не выдумала, оттого, наверное, она и прозвучала очень убедительно.
— Знаете, мальчики, я и хоть и добрая, но не стерплю, если кто-то обижает другого и считает себя лучше его. Вы для меня все равны, этот лагерь для нас как дом на всю смену. Плохой ли, хороший — но это наш дом, и все мы тут как семья.

Удивительно, но мальчишки прониклись моей уверенностью и перестали задевать Бочкарёва — во всяком случае, на виду. Отправляясь на дискотеку, он спросил, нет ли у меня одеколона. Я дала ему свои духи, Ванька побрызгался ими и, довольный, отправился плясать.

Я рассказала об этом случае Нате.
— А что?—хмыкнула она.—От настоящего мужчины должно пахнуть женщиной.

Был у нас ещё Валера, «мажор», сын владельцев большой оконной фирмы, которого отец отправил сюда в лагерь на перевоспитание (так, по словам Наты, он и сказал ей, вручая отпрыска). Валера привык отдыхать совсем в других местах, в лагере ему было откровенно скучно, и через недельку ушлая Варя поймала его на границе территории с сигаретами, а потом отыскала в комнате и припрятанное пиво. Оказалось, что за территорию бегал не один Валера: кто-то покупал папиросы, кто-то просто решил разведать местность. Узнав об этих побегах, физрук Степаныч организовал пацанам ежедневные матчи по баскетболу и волейболу. Валера пару дней презрительно отказывался в них участвовать, но сидеть в комнате, когда все весело носятся по песку, гоняя мяч, ему всё же наскучило, и он утянулся за остальными.

Среди девочек была небольшого роста, плотно сбитая Лера Братишко. Дети поголовно называли её Братишкой, посмеивались за нескладную фигуру, неуклюжесть и медлительность: Лера иногда задумывалась так, что не сразу слышала обращённые к ней слова, и тогда её окликали громче и сердитей:
— Эй, Братишка! Тебе говорят!

Мы с Алинкой однажды спросили эту девочку:
— Обижаешься, наверное, что тебя всё время Братишкой называют?

Она повернула к нам своё широкое азиатское лицо, наверное, пытаясь угадать, зачем мы спрашиваем, и, слегка качнув головой, выдала:
— Не-е-ет… Не обижаюсь… Я просто злюсь!!

В ответ на это искреннее детское признание я не сдержала короткий смешок, а серьёзная как никогда Алинка пристально посмотрела на Братишку и вдруг спросила:
— А хочешь, перестанут смеяться? Хочешь?

Удивлённая Братишка ответила, что, разумеется, хочет, и Алинка в этот же вечер заволокла девчонку к нам в вожатскую, заранее разложив на маленьком столике расчёски, фен, гель для волос, заколки, резинки и даже маленькие пробники духов из орифлэймовских каталогов. Я отлучилась по делам, а когда вернулась в корпус и снова вошла в нашу служебную комнатку, поневоле застыла на пороге. Алинка намазала Братишке всё лицо и шею основой под макияж, наложила на её хакасские скулы коралловые румяна, раскрасила веки до самых бровей серебристыми тенями и пустила над самыми ресницами роскошные сурьмяные стрелки. Тёмно-шоколадные Братишкины волосы Алинка начесала на макушке, прикрепила заколками по вискам. Увидев меня, Лерка рванулась подняться, и я, к своему изумлению, заметила, что её длинные волосы были подстрижены каскадом—нижние пряди оказались длиннее верхних.

— Ну как?—спросила меня Братишка, и по тону её голоса я поняла, что она ещё опасается, как бы в новом облике не вызвать насмешек ещё больших, чем раньше.
— К-красиво! Очень!—горячо заверила я.
— Ещё-о бы!—подтвердила Алинка, с видом довольного мастера оглядывая лицо ошарашенной Братишки в щербатом зеркале.—Я даже ей свои клипсы звёздочками отдам, не пожалею!

Когда надушенная, накрашенная, остриженная по последней моде Лерка наконец увидела свет, выйдя из вожатской, случилось то, чего я боялась: пара девчонок, только заметив её, принялись хихикать и закатывать глаза. Во мне упало сердце, но Алинка, ничуть не смутившись, вперилась в девчонок холодным взглядом и снисходительно-презрительным тоном задала им вопрос:
— Мне интересно знать: что вы ржёте, как лошади?

Те замолкли, захлопали глазами.
— Вы что, следите за модными показами? Читаете модные журналы, может, хотя бы смотрите передачи? Вы разбираетесь в моде, чтобы иметь какое-то мнение? Я Лере создала новый образ. Это мода, это шик!—глаголила Алинка.—И вы просто не доросли, чтобы его понять. Она сегодня будет на дискотеке самой стильной. У неё экзотическая красота, её просто надо было раскрыть.

Я не могла понять, в самом деле Алинка считала, что раскрыла Братишку, или просто хотела подбодрить ребёнка, пока она не изрекла покровительственным тоном:
— Можете, кстати, и вы обратиться ко мне, я вам тоже помогу подобрать имидж.

На дискотеке Братишка и впрямь блистала, поверив в свою экзотическую красоту. Танцевать Лерка не умела (или, может быть, стеснялась), но оказалось, что она довольно ловко обращается с волейбольным мячом. На глазах у всех она стала подкидывать мячик то ногами, то плечом, почти каждый раз подхватывая его снова, и сорвала аплодисменты. Я радовалась за неё, а разбитной Глебка крутил пластинку и заводил толпу «пионеров» выкриками:
— Двигай телом!.. А ну зажжём!.. Давай-давай!.. Танцевать не стыдно!.. Пра-а-ащай, разум! Встретимся завтра!

И «пионеры» плясали, трясли причёсками, скакали, носились по площадке, и даже самые строгие и угрюмые не могли удержаться от того, чтобы не начать постукивать ногой в такт заводной песне:

> Плюнь на ладонь, пригладь малиновые волосы,
> Здесь ждёт тебя незабываемая молодость,
> Здесь то ли ты, то ли он, то ли я—
> Здесь ждёт тебя страна Малиния!

И всё было бы неплохо, временами даже прекрасно, если бы не ночи. Всего один раз девки не утягивались в каморку к диджею и менту, всякий раз

прихватывая меня: в тот единственный вечер по территории ходила с каким-то блокнотом Шишкина, и Ната, втихаря её проклиная, почла за лучшее повалиться спать. В остальные дни, уложив детей и выждав немного времени, девки убегали из корпуса как подстреленные. Правда, однажды был день, когда собраться решили не в у парней в каморке, а в нашей вожатской. Я пошла рассказывать сказку в одну, потом в другую комнату девочек и нарочно задержалась там, втайне надеясь, что посиделки начнутся без меня, а значит, скорее и закончатся. Но ожидания оказались ложными: в вожатской по-прежнему сидели только девки, занимая время томительного ожидания откровенными разговорами.

— Как же я хочу секса!—тяжко вздохнула Варя, нервно встряхивая пачку сухарей.—Разве можно жить без секса три недели?!

Ната сочувственно отозвалась ей:

— Не говори. В этот долбаный лагерь и не позвать никого. И самой не вырваться. Два выходных, и то ещё хрен получишь. Приехал бы сюда мой Андрей! Как я скучаю по его губам, по его сильным рукам… Запах его тела такой обволакивающий… Он когда обнимет меня, особенно сзади, то я просто начинаю таять…

Дальше пошли такие подробности, от которых я всеми силами старалась отключиться, чувствуя, как лицо моё заливает краска. Варя и Алинка уже и раньше жаловались на то, что тяжко жить без секса, что мочи нет как хочется, обсуждали, правда ли это, будто размер известного органа определяется по параметрам носа и стопы, можно ли полоскать презервативы под краном и использовать второй раз, и всякие тому подобные вещи. Но они говорили о жизни пола с грубой, бытовой простотой, и я слушала их спокойно, не особенно вникая в тонкости обсуждаемого. Ната же пустилась в художественное описание деталей, изложив нам всю свою интимную жизнь с этим Андреем, о котором я в тот вечер узнала куда больше, чем хотела, и слушать её было почему-то стыдно до невыносимости, хотя она не произнесла ни одного похабного слова за весь рассказ.

— А что ты, давно того?—вывел меня из оцепенения чей-то вопрос.

Задумавшись, я даже не поняла, кому принадлежал голос—Алинке, Нате или Варе, и от замешательства неопределённо кивнула. Это было, конечно, растолковано девками так, что я вполне разделяю их страдания.

— У тебя сколько было?—уточнила Варя.

Тут я решила врать, да не завираться, и сказала, что был только один. Кое-какие сведения мной были почерпнуты из книжки «Азбука стервы», которую мама выписала по каталогу «Книга—почтой», да и, кроме того, из разговоров тех же Вари с Алинкой. Девки вцепились в меня, как майские клещи в лесного туриста, домогаясь, что же именно у меня было и как. Пришлось что-то выдумывать на ходу, чувствуя отвращение к самой же себе за отсутствие смелости сразу сказать правду.

— Ленивый он у тебя был, вот что!—заключила Алинка после описаний моего выдуманного опыта.—Женя куда лучше. Женька вообще крутой: работа у него мощная, и самому двадцать пять лет—наверное, уже нагулялся, не будет по бабам таскаться. Это хорошо.

— А сама Глебку выбрала, которому двадцать,—возразила Варя.

— Очень уж он сладкий!—томно выдохнула Алинка.—Да и я ему нравлюсь. Видела, как он на меня смотрит?! Глазами раздевает!—похвасталась она.—А Лидка менту нравится, это тоже сразу видно.

За разговорами мы не услышали, как парни вошли в корпус, и сидевшая на табурете спиной к двери Алинка взвизгнула то ли от страха, то ли от восторга, когда Глеб, помаячив мне, Варе и Нате, чтобы молчали, накинулся на неё сзади, стиснув что есть сил. Мент Женя зашёл следом, и в руках у него был привычный пакет с выпивкой и закуской.

— Что так долго не шли? Что принёс?—по-хозяйски спросила его Ната.

— Да… Поработать пришлось. В первый отряд вызвали к старшакам, там два пацана порамсили.

— В том отряде, где вожатый такой длинный, светленький?—уточнила Варя.

— Но. Ильей зовут. Он меня и позвал. Сам-то ни хрена угомонить не может. А у меня с этими киндерами разговор короткий: обоих по разным углам, койки обшмонал—сигареты нашёл. Ещё раз, говорю, ты, салага, попадёшься—хана тебе.

В соседней комнате, где спали девочки, послышался какой-то шорох и смешки.

— Не спят, сикилявки,—раздражённо заключила Варя.

— Ща мы их уложим,—заверил мент.

Вместе с ним я и Ната прошли в комнату девочек. Женя включил фонарь, обвёл всю спальню ярким лучом. Девчонки, ещё услышав наши приближающиеся шаги, попáдали в кровати и все до одной сделали вид, что спят.

— Встаём-встаём, кто не спит,—грозным тоном, в котором скрывалась своеобразная игривость, приказал им мент.

Подойдя к двум средним в ряду кроватям, он осветил фонарём пространство между ними и увидел брошенный впопыхах журнал.

— «Маруся»,—Женя поднял журнал с пола, стряхнул с него пыль, вопросительно поглядел на обложку.—Ишь вам, «Маруся». Завтра у вожатых заберёте. А сейчас спать! А то отхожу дубинкой резиновой, есть у меня.

Довольный собой, он засмеялся своим жутковатым утробным смехом. Одна из девчонок тоже нервно захихикала.

— А ну спать! — мент мгновенно вычислил, кто смеялся, и погрозил нарушительнице порядка увесистым кулаком. — Слушайтесь дядю Женю.

Он беззвучно притворил дверь и уже в коридоре выключил фонарь. Теперь только половина его вытянутого лица освещалась узкой полоской света из окна веранды, отчего смуглая кожа казалась жёлтой, будто у какой-то рептилии. Женька поправил на себе форму и всё тем же полупугающим-полуигривым тоном сказал мне:

— Темнота — друг молодёжи, в темноте не видно рожи.

Он и впрямь казался мне другом темноте, будто вылепленным из неё, вместе со своей чёрной формой и высокими берцами, и рядом с ним я ощущала не просто неловкость, а какой-то безотчётный, необъяснимый, но никак не проходящий страх. Он провёл своей лапищей по моей спине и сказал:

— Пошли, красавица, пить-есть будем.

В вожатской, как по волшебству, уже был накрыт стол на полиэтиленовой зелёной скатерти, где стояли банки с коктейлем и пивом, лежали кексы со сгущёнкой, пачки сухариков, огурцы, редиска и чёрный хлеб.

После первой недели работы с детьми стало ощутимо меньше: все уже освоились в лагере, познакомились друг с другом, записались на кружки и не так много требовали внимания со стороны взрослых. Решив устроить себе выходной от рассказывания сказок, я около одиннадцати часов заглянула в корпус младших «пионеров», где работала Маша, и предложила ей прогуляться по лагерю — хотя бы до душевых.

— Быстро ваши засыпают? — спросила я у неё.

— Когда как. Мы им игрушки выдаём, так они нессорятся: кто с мишкой спит, кто с жирафом. Некоторые плачут, домой хотят. Галина Сергеевна их утешает. Она педагог уже опытный, знает, как успокоить.

Мы прогулялись вдоль корпусов, спустились к тёмной шумящей речке, небо над которой синело мягким бархатом, на самом горизонте переходящим в медленно остывающую алую полосу заката. Июль стоял жаркий, и даже ночи доставалось вдоволь его света и тепла. На берегу пахло речной свежестью, медовым разнотравьем и росшей в изобилии полевой клубникой. Нам хотелось искупаться прямо здесь, но решились мы только на то, чтобы освежить прохладной речной водой лицо и шею.

— Давай в душ сходим, — предложила Маша.

Я согласилась.

Раздевшись донага, мы невольно несколько секунд изучали друг друга, и Маша, осмотрев меня с головы до ног, сделала заключение:

— Ты красивая.

— Спасибо, — ответила я. — Ты тоже.

Машка вправду показалась мне очень симпатичной, только не похожей на меня: она была маленького роста, с большой грудью и широкими бёдрами. Только волосы у неё были такие же длинные, как мои.

Помывшись в душе, мы снова пошли по аллее. Машка рассказывала о своих воспитанниках и Галине Сергеевне, и мне стало казаться, что работает она в каком-то совсем другом месте, нежели я, — настолько у них в корпусе было всё спокойно и чинно.

— Слушай, Маша, — спросила я. — А вторая вожатая, которая с тобой, — она не бухает?

Машка прыснула.

— Ну, один раз мы с ней пива попили, бутылочку на двоих.

— А больше нет?

— Нет… Зачем?

Я вздохнула.

— Понимаешь, мои каждый день пьют, как кони на водопое. Охранник приходит и диджей, приносят пиво, иногда ещё водку, и закусить. И меня всегда с собой тащат. Устала я от этого.

— А ты не ходи, — просто ответила мне Маша.

— Да я не могу, они тащат, и всё. Ещё заставляют то по-французски петь, то легенду рассказывать.

— Ну, ты скажи, что не можешь. Не соглашайся, они и отстанут, — повторила Маша.

Я внутренне ощущала, что она права: стоило мне в первый раз решительно отказаться, и девки не таскали бы меня на свои ночные сборища, да и вопросами «про это», пожалуй, не донимали бы. Я вздохнула:

— Ты мудрая.

— Нет, я просто педагог-психолог…

— Слушай, Маша, скажешь мне одну вещь? — немного стесняясь, попросила я.

— Какую?

— У тебя кто-нибудь был? Я имею в виду — парень. Ну, то есть не просто, понимаешь, чтоб погулять, а прямо…

Машка покачала головой.

— Нет. Дружили с одним ещё со школы, но это так, детское.

У меня вырвался радостный вздох облегчения.

— Как хорошо! Я уж думала, одна такая осталась.

Машка засмеялась:

— Ну ты даёшь.

— Ты бы тоже себя посчитала уникумом, если бы пожила с моими девками недельку! Они то и дело обсуждают, как да с кем. И меня пытают.

— Да не слушай ты их. Приходи, в крайнем случае, к нам в корпус, опять погуляем с тобой.

Не согласиться с Машей было трудно: казалось бы, чего проще — отказаться и не ходить, не выпивать и не слушать похабщину? Но, понимая на словах, что подружка права, я всё-таки не могла отбояриться от навязчивых девок и только однажды

осталась в корпусе под предлогом того, что надо рисовать плакат к будущему мероприятию.

Мероприятия в лагере устраивались каждый вечер: этим казённым словом из педагогических отчётов назывались и дискотеки, и конкурсы, и просмотры фильмов, и, главное, всевозможные шоу, изобретаемые фантазией вожатых. Ровно в середине смены планировалось шоу «Минута славы», которое, как я узнала, должны были вести Оля и Илья из старшего отряда.

На эту «Минуту славы» я привела наших воспитанников заранее, сама села в первом ряду и вся превратилась в ожидание. Ольга вышла в кремовом платье до колен, Илья — в брюках и белой рубашке; вели себя и разговаривали они так, будто находились не в пионерском лагере, а, по крайней мере, на любительской сцене университета.

— Дни идут, года летят, — заговорил бархатистым голосом Илья. — Что говорить о минутах? А можно ли их остановить?

Он сделал театральную паузу и ответил сам себе:

— Можно, но только в нашем лагере!

Я ожидала, что мы будем просто по очереди смотреть на то, как самые смелые (скорее смелые, чем талантливые) из «пионеров» будут демонстрировать своё искусство петь или плясать, но сценарий оказался куда интереснее. Илья вызывал детей и даже взрослых из зала, проводил с ними конкурсы, вручал маленькие призы за верно выговоренные скороговорки, так что скучать не пришлось ни минуты.

Я любовалась им все полтора часа и ощущала, как мой интерес к нему постепенно переходит в настоящее восхищение. Не в силах сдерживаться, я подошла к Илье после концерта и сказала, что всё было замечательно, а он — настоящий талант.

— Да это Ольга всё придумала, — отмахнулся Илья, но по его слегка смущённому взгляду я поняла, что всё-таки мои слова не оставили его равнодушным.

На Алинку выступление Ильи тоже оказало воздействие.

— Вот скелетина какая, — насмешливо отозвалась она. — Наверное, в армию не взяли, так он в пединститут пошёл.

Я в душе возмутилась и хотела сказать, что Илья не такой уж и худой, но сдержалась и промолчала, а Алинка вслух заинтересовалась тем, что было ей близко:

— А где же он спит? У них в отряде воспиталка и вожатая, неужели с ними?

Она не успокоилась, пока не сбегала в первый отряд и не узнала, что Илья спит в одной из комнат мальчиков.

На второй неделе нашей смены ожидалось ещё одно событие, для всего персонала более важное, чем какой угодно матч, концерт или конкурс: должна была приехать с проверкой санэпидемстанция. К её приезду Алинка надраила снаружи весь корпус, намыла и без того чистые окна и даже протёрла, пользуясь шатким стулом, потолок в длинном коридоре. Но, даже глядя на то, что она целый день не выпускает тряпки из рук, дети не заподозрили в Алинке уборщицу: я бегала с веником вокруг корпуса, выискивая в траве брошенные бумажки да сигаретные «бычки», а Варя, нудно ворча, вытаскивала вместе с девочками мусор из батарей, шкафчиков и тумбочек. Ната же, трясущаяся от волнения при одном только упоминании СЭС, возилась с какими-то таблицами, где нужно было писать, когда у нас убирают комнаты, коридор, туалеты; чем их моют; что хранится в хозяйственном шкафчике. Заполнять эти таблицы вообще должна была Алинка, но Ната сразу махнула на неё рукой и заявила, что с документами справится сама.

Кормили нас, на мой взгляд, всегда неплохо, но в день проверки закатили поистине царский пир. На столики для пущей красоты разложили малиново-белые салфетки, а напротив входа прилепили невесть откуда взявшуюся широкую бумажную полосу с затейливо изогнутыми буквами: «Добро пожаловать!»

Расставляя по столам стаканы, я почувствовала, что у меня кружится голова, и на минуточку присела отдохнуть. Несущая кастрюлю со вторым Варя остановилась на полпути, шатнулась, одичалыми глазами посмотрела вперёд себя и изумлённо прошептала:

— Ёлы-палы! Ведь не много вчера пили!

Варьку качнуло в сторону так, что она едва удержала в руках кастрюлю с гарниром: чудо, что там был не суп — весь пол бы залили красной жижей.

То, что Варя приняла за похмелье, оказалось не чем иным, как землетрясением. Напуганная не меньше нас Шишкина велела всем на пару минут остановиться, замереть, как в детской игре «море волнуется», а потом уж, Бог даст, продолжать сервировку.

— Ну как назло, в тот день, как СЭС приезжает! — недовольно покачивала она головой, и я быстро уловила, что СЭС (да ещё пожарников, которые тоже побывали в лагере с проверкой в начале заезда) начальство боится больше, чем огня, меча, землетрясения и потопа.

За эти пару-тройку минут нас тряхнуло ещё разок, к великой радости помогавших нам детей, потом всё как будто устаканилось, и мы накрыли оставшиеся столы. Проверяющие уже были у входа и пока молча смотрели на медленно вплывающий в широкие двери поток ребят.

Аккуратные, украшенные малиново-белыми салфетками столы зазывали к себе запахом свежайшего алого борща, в который мы с Варей не поленились кинуть по ложке прохладной сметаны (да, да, в каждую тарелку). На второе была изумительная, обжаренная в сухарях куриная

котлета и мексиканская смесь из риса с овощами, политая томатным соусом, в котором можно было различить кусочки свежих помидор. В прозрачных, как горный хрусталь, стаканах искрился апельсиновый сок. Ко всему этому великолепию Шишкина распорядилась добавить на каждого по куску огурца и по два пластика солёной селёдки в качестве лакомства—чтобы высокой комиссии уж точно было видно, что трапезы в нашем лагере достойны лучших домов из тех краёв, откуда прибыли господа проверяющие.

Дети прибывали от мала до велика; последним в столовую зашёл старший отряд, бубнящий примитивнейшую, но бодрую речёвку:

Надо—есть! Надо—есть!
Надо, надо, надо—есть, есть, есть!
Как—не важно.
Что—не важно.
Лишь бы, лишь бы, лишь бы—
Есть, есть, есть!

Дети ели с аппетитом: лучшей приправой им были голод и лёгкая усталость после купания на речке. Весёлые, подвижные, они с азартом накинулись и на суп, и на второе, успевая во время еды ещё и переговариваться полушёпотом. Шишкина, не разрешая ещё себе сесть за еду, стояла в ожидании разговора с проверяющими, однако напряжённое выражение на её лице уже сменилось лёгкой улыбкой. Может быть, она радовалась, глядя на детей и на то, как славно получилось у нас всё подготовить, а может, и просто углубилась в какие-то свои мысли.

Дети понемногу стали расходиться. Наш отряд увела Варя, я же осталась в столовой помогать с уборкой посуды. Проверяющие прошли на кухню, взвесили котлеты, заглянули в баки с варевом, посмотрели, как работает хлеборезка. Никаких замечаний высказано не было. Напоследок одна из проверяющих, брюнетистая и носатая, напоминавшая мне галку женщина, строго спросила Шишкину:
— Вы зачем детям вилки дали? Хотите, чтобы ткнули друг в друга?
— Так это же, извините, оздоровительный лагерь, не тюрьма,—пожала полными плечами старшая вожатая.
— Не тюрьма... Вы бы ещё ножики им положили!

Уже когда «галка» отошла на некоторое расстояние, приунывшая Шишкина пробормотала:
— И положим... Надо же детей к культуре приучать.

Обратившись ко мне, она вздохнула:
— Вот всегда они так, санитары эти, методисты, из роно начальники... Не найдут плохого, так хоть выскажут что-нибудь, настроение испортят...
— Да вы не расстраивайтесь, главное—замечаний нет,—робко поддержала её я.

Хотя к вечеру проверяющие уже уехали, отметив, как я поняла, что в нашем лагере всё нормально, ужин нам подали такой же шикарный, как обед: говяжий гуляш в соусе со спагетти, помидоры, хлеб с сыром, хотя сыр обычно берегли только для завтрака. После ужина выдали кефир—в полтора раза больше, чем обычно. Дети столько не пили, и вожатые, чтобы не пропадать добру, забрали остатки себе.

Вечером в этот раз устроили просто дискотеку, чтобы после изнурительной подготовки к приёму сэс не мучиться ещё и развлекательной программой. Я осталась в вожатской рисовать альбом, который, как доказательство того, что мы чем-то занимали детей всю смену, надо было сдавать директору.

Помимо мероприятий общелагерных, полагалось ежедневно устраивать и отрядные, писать их названия в альбом, для разнообразия снабжая какой-нибудь картинкой. Татьяна Григорьевна вообще любила рисунки, плакаты, орнаменты и прочие красивости и похваливала меня за то, что часто хожу в платьях:
— Вот нарядится Лидия—приятно посмотреть. На работу как на праздник!

Пока я занималась рисованием, в дверь кто-то постучал. Я подумала, что это ребятишки, и, не желая отвлекаться от кропотливой работы, довольно грубо крикнула:
— Что там у вас?

Дверь осторожно открылась, и я увидела Илью. В одной руке он держал чёрный пакет, другой опёрся на косяк, не заходя внутрь вожатской. От внезапности момента я не сразу сообразила, что надо пригласить его войти.
— А-а-а... Заходи, заходи,—сказала я, уже без особого сожаления откладывая своё рисование.

Илья скромно расположился на табуретке, стал вынимать из пакета одну, другую пачку кефира, какую-то плотно закрытую баночку, пару больших вафельных конфет.
— Ты кефир пьёшь?—спросил Илья.—У нас вот это... много осталось.
— Пью, конечно,—радостно отозвалась я, мысленно прибавив: «Особенно из твоих рук».

Илья немного оживился:
— А ещё мы селёдку с обеда собрали. Дети же не едят её! Тоже вот... некуда девать. Будешь?

Я засмеялась:
— Хорошая закуска: селёдка и кефир.
— Ага, и конфетки ещё.

Мы распечатали пачку кефира, стали закусывать вафлями и разговаривать. Илья сказал мне, что учится на матфаке, сюда приехал на обязательную практику и после того, что привелось ему увидеть за эту смену, сильно сомневается, что пойдёт работать учителем: чего только не вытворяют «детишки»!

— Наши тоже не сахар,— разделила я его переживание.— Несколько человек за территорию бегали. Варя со Степанычем их ловили. Сигареты находили под матрасами. Одного и с пивом поймали — в посёлок успел сбегать с самого утра. Прямо удивляешься.
— Это ещё что. Наши тоже, конечно, и вино, и пиво таскали. Да хуже есть проблема.
— Какая?! — я с замиранием сердца подумала про наркотики.
— Трахаться пытаются, сволочи,— угрюмо отозвался Илья, глядя в пол.— Захожу тут в спальню, смотрю, один лежит — что-то много места занимает. Когда, думаю, так растолстел? Покрывало, одеяло приподнял — а там девка. Я аж обалдел. Ещё и ушла не сразу, ворчала что-то. И другой раз смотрю — все на дискотеку смылись, а двое за шторой стоят… раздеваться начали. Тоже у пацанов в комнате, кстати. Что за девки пошли? Не стесняются ни фига!
— Ну хоть не все? — спросила я с надеждой.
— Не все, слава Богу. Есть хорошие. Оля Комелькова — спортсменка у нас, волейболистка. Потом Диана, Юля. Парни тоже нормальные есть, которые не бухать бегают, а брейк танцуют. Один вот даже математикой углублённо занимается. Только мало таких! Больше дебилов. Да даже если будет много нормальных, всё равно два-три человека так измотают! Надо хорошо подумать, стоит ли всерьёз с этим связываться.

Я поневоле согласилась.
— Вообще, конечно, любой опыт ценен,— философски заметил Илья.

Поговорить мы успели недолго: в вожатскую ворвалась Алинка и, приметив Илюху, не собиралась скрывать своего удивления:
— Здорово! А ты чё это тут делаешь?
— Кефир принёс.
— О! Бухаете с Лидкой! — одобрительно хмыкнула вошедшая вслед за Алинкой Варя.— В кефире же два процента алкоголя.

Илья смял свой пакет, засобирался:
— Пошёл я. Дискотека кончается, наверное.
— Да посиди с нами! Воспитательница твоя загонит детей. Давай посидим,— развязно пригласила его Варя.
— Сами сидите. А мне недосуг,— буркнул Илья и, не закрыв дверь, вышел.
— Слышь, офонарел?! Ты как нас назвал?! — дурниной заорала ему вслед Алинка.

Я не выдержала и рванулась вслед за Ильёй, догнав его уже возле корпуса, и бросила нарочито небрежно:
— Ты заходи!

Он улыбнулся тонкими губами, кивнул, и этого мне было достаточно, чтобы на долгие десять секунд, которые предстояло идти обратно до вожатской, погрузиться в не видимое ничьим глазам блаженство.

В вожатской на меня тут же накинулась Алинка:
— Тебе чё, длинный нравится?

За минувшие десять дней я устала врать и ответила коротко:
— Да.

Алинка захохотала:
— Ну ты чё?! Он же тощий. Будет об тебя костями биться!
— Что ты наэтываешь? — не согласилась Варя.— На мордашку симпатичный. Просто подкачаться бы ему. Ты чего нам сразу не сказала про Илью? Мы тебя с Женькой это… скрещиваем, а тебе Илюха нравится.

Впервые за смену я засыпала счастливой. Гулять девки нынче ушли без меня, то ли проявив невиданное с их стороны уважение к чужим чувствам, то ли просто махнув на меня рукой. Я попыталась устроиться на кровати поудобнее, но заснуть смогла далеко не сразу от окутывавшей всё моё тело сладкой истомы. Шум в ушах перерастал в звуки песни, в которой герои летят высоко меж звёзд и облаков. Казалось невозможным оставаться на месте, меня охватила какая-то неистовая жажда деятельности. Я схватила альбом и с обратной стороны простым карандашом начала рисовать речную гладь, лодку с двумя вёслами, пару лебедей и немного успокоилась только тогда, когда набросок был закончен.

Утром из космического полёта меня вернул резкий голос Наты:
— Родительский день завтра будет. Наша очередь придумывать сценарий. Ты займись.

Я хотела спросонья возразить, что Варька тоже может помочь мне чего-нибудь наэтывать, но моё сознание озарила прекраснейшая идея: написать сценарий в одиночку от «А» до «Я», порепетировать с детьми, а когда вечер удастся, похвастаться Илье, что это я всё придумала и воплотила. Будет повод поговорить, а потом, глядишь, и зайти к ним в корпус.

Я написала несколько стихотворений о жизни в лагере, которые показались мне смешными, выдала детям бумажки, чтобы учили наизусть моё творчество, подыскала двух ведущих и набросала им вопросы для зрителей. В день Х я надела своё лучшее голубое платье, сине-бело-зелёное бисерное колье, серебряные серёжки и села поближе к Илье — как будто случайно.

Программа моя начала проваливаться с самого начала: первый ведущий переврал слова, другая глотала окончания. На один из вопросов для родителей, к общему конфузу, никто из мам-пап не смог ответить — выручила Машкина воспитательница Галина Сергеевна.

«Ничего,— подбадривала я себя.— Есть ещё стихи».

Две моих «пионерки» вышли на сцену и проговорили без особого выражения:

Мы уборку проводили, артефакты находили.
Это чай или компот? Кто-то в нём уже живёт.
Вот носок зелёный пыльный и флакон какой-то мыльный.
Лавка древности, наверное? Шапки, бантики, рубли…

Последнюю строчку девчонки грянули неожиданно громко:

Это мы за батареей при уборке клад нашли!

— Напридумывают же всякую чушь,— проворчал рядом со мной Илья.— Ещё и читать не умеют.

Другой отрывок был про то, как «пионеры» дружно уклоняются от утренней гимнастики, притворяясь больными:

Эпидемия скосила за ночь всех ребят подряд?
Это просто на зарядку собирается отряд!

Я уже не надеялась на многое — хватило бы снисходительного молчания, но Илья и на этот стишок хмыкнул что-то ироническое. Сердце у меня кольнуло от обиды. Я и сама видела, что вечерок выходит не очень, но слышать едкие замечания от Ильи было уже слишком. Поначалу мне очень хотелось сказать ему, что эти стихи и вообще весь сценарий выдумала я, и, между прочим, старалась,— а у кого первый опыт выходит удачным?! Потом мне захотелось посмеяться вместе с Ильёй, сделав вид, что на сцене представляют вовсе не моё творчество, но было всё-таки жаль высмеивать собственный труд.

В итоге я не сказала ничего и после концерта молча ушла в вожатскую, нарочно заставляя себя не глядеть, в какую сторону пойдёт Илья. Утешением мне послужила только неожиданная похвала от Шишкиной, которая как-то сразу догадалась, кто сочинил нынешние опусы:
— Забавные стишки у тебя! И вообще, Лида, ты молодец. Только тебя надо направлять.

Вечером девки опять стали тащить меня в каморку на втором этаже. Я отнекивалась тем, что устала, но Ната начальственным голосом урезонила меня:
— Что это ты придумала отлынивать? Это вечерняя летучка у нас. Явка обязательна.
— Корпоратив! — хохотнула Варя.
— Не хочу. Идите сами,— отказалась я.
— Ну-ка, собралась и пошла,— грубо сказала мне Ната.— Мент сегодня вино привёз, не абы что, в город ездил.

Бутылка красного виноградного вина, да ещё коробка дешёвого сливового уже стояли на половике, когда мы с девками вошли в полутёмную каморку. Кроме вина, Женька купил торт, груши, апельсины, пару плиток хорошего шоколада. Я давно удивлялась, как ему не жалко своей зарплаты: казалось, что всё заработанное в лагере он должен был спустить на гулянки подчистую. Но мент, как подземный царь, обладал неистощимым богатством и не уставал поражать своей щедростью.
— Расскажи нам что-нибудь,— развязно попросила Варя.

Такую просьбу на вечерних «летучках» ко мне обращали не раз, я уже читала вслух и отрывки из «Онегина», и «Песни западных славян», и пела по-французски, и рассказывала что-то про основание Красноярска. Первые пару раз то, что меня слушают, казалось забавным и подпитывало тщеславие, но скоро стало понятно, что просят меня рассказывать и петь, просто чтоб заглушить скуку и ещё хуже того — чтобы иметь возможность кем-нибудь покомандовать. Впрочем, желание над кем-то куражиться возникает не из чего ли иного, как из той же самой скуки и не заглушаемой никакой житейской суетой маетной пустоты?

В ту ночь запас моего терпения иссяк, и я зло огрызнулась:
— Что рассказывать-то вам? Не знаю я больше ничего.
— Ну, ну. Не знаешь, так не знаешь. Потом вспомнишь,— Ната ножиком взрезала коробку со сливовым вином.
— Погнали, на,— произнёс тост Женька.

Минут через пять невесть откуда появился Глеб, держа в руках несколько порций мороженого.
— Где взял? — вытаращилась на него Алинка.
— Поварихи дали,— похвастался Глеб.— Завтра день Антарктиды, Шишкина заранее мороженое привезла.
— Что ты там с поварихами сделал, что они тебе дают? — заржал мент.

Мороженое расхватали мгновенно. Алинка нетерпеливо сдёрнула обёртку и сладострастно принялась облизывать шоколадный верх эскимо.
— А ты всё проглотить сможешь? — с подначкой спросила её Варя.
— В смысле? Да легко!
— Не сможешь!

Алинка сделала секундную паузу, потом запихнула всё мороженое в рот целиком и медленно вытащила.
— Во! — победно крикнула она.— Сама-то сможешь?

Варька повторила фокус, только не вытаскивала мороженое дольше, чем вызвала всеобщее веселье.

Я жалела, что не умею оборачиваться какой-нибудь птицей или исчезать с места по щелчку пальцев. Чтобы поменьше смотреть на происходящее, я отодвинулась к самому окну и вдруг увидела, что в одной из комнат нашего корпуса горит свет.
— Свет включили! — воскликнула я.— Что-то произошло!
— Да не парься,— Ната попыталась усадить меня обратно, но я подорвалась, наскоро обулась и, уже

не обращая внимания ни на чьи оклики, ринулась в корпус.

Оказалось, одна из наших девочек накануне поела суши (привозить их запрещала директор, но многие родители были уверены, что лучше знают, какие запреты принимать, а какие обходить), её начало тошнить, а потом и вырвало прямо на пол в палате — как раз когда я ворвалась в корпус. Я успокоила девочку, чувствуя невыносимый стыд за то, что мы все оставили её одну, когда ей было плохо, — девочка, конечно, стучалась в вожатскую, звала нас на помощь.

Через несколько минут пришла Ната, отвела ребёнка в медпункт, где ей дали активированный уголь и оставили на всякий случай спать прямо в боксе.

Наутро об этом случае узнала Шишкина (девочка сказала медсестре, что сначала её просто мутило, но отвести сразу в медпункт было некому) и устроила нам взбучку.

— Чтоб никуда у меня не отлучались, слышали?! Не то… — она бессильно погрозила нам кулаком. — А если бы кровь у кого-нибудь горлом пошла? Вы же с детьми… дети на вас! Вы что творите?

Она посмотрела пристально прямо на меня и спросила:

— Ты тоже была там?

Мне пришлось признаться. Шишкина не сказала ничего, только посмотрела укоризненно, однако этот взгляд был для меня хуже всяких слов.

С девочкой обошлось, но, не желая больше нарываться на выговор начальства, Варя с Натой решили теперь не ходить в каморку, а собираться всегда в нашем корпусе. Чуточку подустав от гуляний, девки стали всё-таки делать паузы: звали диджея с ментом не еженощно, а через день. До конца смены оставалась неделя, и как-то пережить её стало моей основной, не такой уж и лёгкой, жизненной задачей. Плюнув на всё, я перестала пытаться угодить девкам, отказываясь увеселять их, и за эту внезапную перемену в моём поведении они начали потихоньку мстить: отпускали в мою сторону шпильки, измазали полотенце зубной пастой, сбрасывали мои вещи с общего стола на койку, выкинули или, может быть, куда-то спрятали рисунок берёзы, который я сделала не для лагеря, а для себя. На ночных сборищах я уже перестала садиться за стол, но спать мне всё равно бы не дали, и я уходила сразу после отбоя и сказки в корпус младшего отряда. Мы пили чай с Машей, её напарницей, с воспитательницей Галиной Сергеевной, и я, не жалуясь им на свои передряги, просто отдыхала душой среди приятных людей. После этих посиделок я возвращалась в корпус успокоенной, немного повеселевшей и думала о том, что вспомнить после этого сезона можно будет всё-таки немало хорошего.

Девки, мент и Глеб тоже хорошо осознавали, что скоро от лагеря останутся одни воспоминания, и, судя по их разговорам, решали для себя, стоит ли им продолжать общение там, на «большой земле».

— Уедешь скоро, музыкант, — вздыхала Алинка, лаская диджея хмельными глазами. — Уедешь и не вспомнишь Алиночку.

— Как тебя не вспомнишь, такую горячую?

Алинка промычала что-то невнятное, а потом обратилась уже к менту, нарекая его неслыханно нежным именем:

— И ты, Евгеша, уедешь! Спасибо тебе, как это говорится… за хлеб-соль. Отдохнул тут с нами, поедешь опять всяким малолетним дебилам мозги править. Будешь им в башку ум вгонять. А в свободное время расслабляться будешь. Я зна-а-аю, у вас на работе там шалманище. Мать рассказывала. Проституток бесплатно пользуете.

— Ты чё пристала к человеку? — вступилась за мента Варя. — Он пашет как конь — всё ради нас! Он имеет право отдыхать. А кто отдыхать не умеет, тот и работает хреново! — кивнула Варька в мою сторону.

Илья с того выступления на родительском дне больше не проявлял никаких знаков внимания, и мне пришлось с грустью заключить, что я его не заинтересовала. Правда, в столовой или на речке, когда мы вдвоём приводили детей, он очень приветливо здоровался со мной и даже приобнимал за плечи — но что же с того?

И всё-таки дня за четыре до конца смены, ложась отдохнуть на пару минут, я спиной почувствовала что-то жёсткое под своими лопатками. Под покрывалом оказалась свёрнутая плотная бумажка. Крупным почерком в ней было написано: «Приходи сегодня в 11 часов вечера к душевым. Илья».

Я схватила записку, сунула её в наволочку и, напевая себе под нос песню про небо, стала лихорадочно думать, что бы мне надеть. Выбор пал на зелёное платье до колен, с атласным шёлковым поясом. Вечер в этот раз прошёл спокойно, после отбоя в вожатской осталась только Варя — она валялась на кровати и с самым равнодушным выражением лица играла в «змейку» на телефоне.

— А где Ната? — спросила я.

Варя ответила, что Ната с Алинкой ушли в столовую праздновать чей-то день рождения, а её оставили караулить детей. Обрадовавшись в глубине души, что убрались они очень кстати, я виновато попросила Варю побыть в вожатской, пока я схожу до душевых.

— Будь спок, — заверила меня Варя, лениво перекатываясь со спины на живот и не выпуская из рук телефона.

Я пошла к душевым, еле сдерживая себя от того, чтобы не побежать, и на каждый мой шаг сердце отзывалось гулким толчком.

Ровно в одиннадцать часов возле душевых никого не было.

— Илья! — позвала я робко, вглядываясь в темноту.

Молчание и тишина. Листья папоротника покачивались на лёгком ветру, как крылья сказочных птиц.

— Илья! — позвала я снова, уже уверенней.

Я жутко вскрикнула от холода: поток холодной воды окатил меня с головы до ног. Разлепив глаза, я увидела перед собой ухмыляющихся Нату и Алинку. Ведро уже стояло на земле, так что нельзя было понять, кто именно из них окатил меня. Скорее всего, обе сразу.

Я смотрела на них сквозь пелену мгновенно набежавших слёз. Чувства обиды, жалости к себе, нежелания верить, что всё это происходит здесь и сейчас, переполнили меня до краёв, и слёзы хлынули из моих глаз ручьём.

— Ты что? — подскочила ко мне Алинка. — Ты не плачь! Детей напугаешь!

Но я взревела, как изюбрь в осеннем лесу, уже не в состоянии думать о том, услышит ли меня кто-нибудь и что решит, если услышит. Обрушившись прямо на траву, я плакала безутешно, уже не столько жалея себя, сколько не понимая, почему люди способны на такие злые шутки.

— Прости! — Алинка протягивала мне руки, чтобы обнять. — Я не хотела. Я не думала, что так будет.

Ната язвительно возразила ей:

— Ага, не хотела. Ты сама же и придумала с Ильёй какой-нибудь прикол сделать.

— То раньше было, а то сейчас!! Я не знала же, что она так убиваться будет…

Алинка нерешительно обняла меня — скорее, ощупала руками, боясь, что я разобьюсь ненароком. Я не отклонила её, но продолжала плакать, вся дрожа.

— Пошли, пошли, — поторопила Ната. — Лидка, перестань реветь. Извини, правда. Мы переборщили.

Она сбегала за общим стаканом в душевую, принесла мне воды, чтобы перебить икоту. Кое-как успокоившись, я спросила:

— Илья знает, что вы придумали?

— Не-е-ет! — выразительно замахала руками Алинка. — Ты что, конечно, нет. Да вообще я даже не видела его сегодня. Наверное, выходной взял.

— Да и не думай ты о нём! — посоветовала мне Ната. — Ни рыба ни мясо этот Илья. Вообще, нормальный мужик в учителя не пойдёт. Тут сама-то не от хорошей жизни, а уж чтобы парень…

Мы как будто заключили худой мир, но на следующий день дети внезапно узнали, что Алинка — просто уборщица, а никакая не вожатая. Всю смену она вместе со мной, Варей и Натой проводила вечерние огоньки, по-хозяйски разговаривала с «пионерами», а то, что мыла ежедневно палаты, никого особенно не смущало — как я уже говорила, мы с Варей тоже регулярно махали веником в коридоре. Но тут «мажор» Валера застал Алинку за работой более грязной — чисткой туалетов — и растрезвонил об этом мальчишкам. Когда Алинка, вернувшись в корпус, отдала одному из пацанов какое-то приказание, он насмешливо скривил губы:

— А вы не вожатая, не воспитатель. Вы просто техничка.

Ната, услышав этот протест, ругнулась на пацанов, но толку не было. Алинка в одночасье потеряла авторитет, может быть, не столько за свой обнаружившийся род занятий, сколько за обман: ведь всю смену прикидывалась педагогом. И внешность её не подводила: выглядела она солидно, лет на двадцать — по крайней мере, при макияже, а тут такая оказия.

Варя собралась репетировать с несколькими девочками танец к закрытию лагеря. Танец девчонкам почему-то не понравился; через закрытую дверь я слышала, как Варя убеждала их, что без танца нельзя, что это заключительный концерт — событие важное, но в итоге вышла явно рассерженной. Во мне вспыхнуло злорадное чувство: подойдя к девчонкам, я спросила их:

— Что, не хотите Варвары Алексеевны танец?

— Да это дурацкий танец! И музыки у нас подходящей нет. Нам надо быстрое что-то, молодёжное, а она хочет типа румбы. Она сама эту румбу не знает как танцевать.

— Конечно, не знает, — вдруг поддакнула я. — Она же не хореограф. Ну и не танцуйте. Мы лучше песню споём. Кирюху попросим фокусы с картами показать.

Обрадованные тем, что не придётся репетировать, стараться, да ещё искать музыку, девчонки разлеглись по койкам и объявили забастовку.

Кончилось тем, что вечером в корпус явилась Шишкина и как с ножом к горлу пристала ко мне с вопросом:

— Ты зачем это делаешь?

Я решила поиграть в дурочку:

— Что делаю? Ничего я не делаю.

— Зачем детей настроила против Вари? Они тебя любят, они всему, что ты скажешь, поверят. Иди теперь и сама уговаривай их выступать.

Шишкина пошла к девчонкам вместе со мной. Удалось достигнуть компромисса: Варину румбу заменили на какое-то бодрое «зажигалово», но плясать девчонки согласились.

Узнав, что я немного рисую, Татьяна Григорьевна поручила мне сделать к закрытию большой плакат с речкой, соснами на берегу и солнышком поярче.

— Чтобы, как посмотришь, так и захотелось ребёнка привезти в наш лагерь отдыхать! — коротко объяснила она суть рекламного проекта.

На столе в вожатской я развернула большой лист ватмана, приготовила коробку свежей гуаши, воду в двух баночках, кисти, тряпку.

— Ты нарисуй лучше такой малиновый закат на берегу. Интереснее будет и романтичнее,— посоветовала Ната.

Варя возразила:

— Это тебе не какая-нибудь эротика, закаты да пляжи. Лагерь-то детский. Так что правильно Григорьевна про солнышко сказала. Побольше в траве цветочков наэтывай.

Я закрасила верхнюю часть ватмана нежнейшим светло-голубым тоном, разместила в верхнем углу пуховое белое облачко. Карандашом наметила высокие сосны и каменистую дорогу между ними, которая вела к корпусам с двускатными крышами. Внизу, над слегка нависающим берегом, должна была плескаться вода.

Чтобы хвоя у сосен получилась жизнерадостного цвета, я захотела добавить к зелёной гуаши немного жёлтого и зачерпнула кисточкой изумрудную тягучую краску. Густая капля упала на Алинкины наушники, которые остались лежать на столе и по рассеянности не были убраны ни ей, ни мной.

Признаваться в своей оплошности мне не хотелось. Я наскоро вытерла злополучные наушники тряпкой, надеясь, что всё обошлось и они ещё послужат хозяйке. Но наушники, видно, пострадали от краски всерьёз: вставив их в плеер, Алинка вначале разругалась безадресно, а потом, сообразив, чьих это рук дело, кинулась на меня с воплями:

— Слышь, художница! У тебя откуда руки растут? Что, не видела, чё красишь?! Гони наушники мне, овца!

В тот день и предыдущий она была злой из-за детских насмешек, и, чтобы я точно не отвертелась от покупки, позвала в корпус свою мать. Та очень внятно и доходчиво пояснила мне, что за чужие испорченные вещи надо платить, а заодно и пригрозила на прощание дочке:

— Смотри у меня!

Я нехотя пообещала заплатить, но настроение было испорчено, тем более что девки наперебой стали вспоминать мои старые грехи, вроде неубранной тумбочки или опозданий на обед, и не успокоились до самого ужина. Слушать их мне было трудно уже физически. До смерти мне надоели пьяные посиделки, пошлые анекдоты, бессмысленный трёп, недосып, постоянная суета и невозможность хоть на пару часов расслабиться и побыть наедине с собой.

Назавтра, за два дня до конца смены, мне исполнялось девятнадцать лет. Поразмыслив немного, я решила никому не говорить об этом событии, даже детям или Маше. Лагерь — большая деревня, скажешь одному — узнают все, и чёрта с два потом отвяжешься от того, чтобы опять пить водку с соком, слушать пьяный гогот и поздравления, больше похожие на издевательства. Ещё и проставляться придётся, а деньги лучше поберечь, подкопить и взять потом на них что-то полезное.

После ужина мне позвонила мама и сразу после приветствия спросила:

— У тебя деньги есть?

— Есть,— ответила я.

— Ты хоть дойди до посёлка, купи там винца, купи колбасу, дыньку, накрой стол.

— Не хочу.

— Как не хочешь? Это же твой день рождения. Надо учиться гостей принимать.

Последние две с лишком недели если чему и научили меня, так это говорить «нет», и я твёрдо отказалась:

— Не хочу.

— Не поймёшь тебя, что ты за человек! — раздражённо воскликнула мама.— Семёнова твоя звонила, спрашивала, скоро ли ты приедешь. Хочет тебя поздравить, подарок прикупила. Даже сказала, что может прямо в лагерь к тебе приехать.

— Не надо мне её, никого не надо! — воскликнула я, хотя речь шла о моей школьной подруге.— Пусть дома сидит, делать ей нечего!

— Ну и шут с тобой! — «благословила» меня мама и положила трубку.

Мне вправду было не нужно никого, ничего: ни Семёновой с её навязчивыми обнимашками, ни подарков, ни поздравлений, особенно в стихах. Глупые поздравления в стихах! Я их просто ненавижу.

Я ненавидела пьяную румяную рожу Глеба, глупо ухмыляющуюся лошадиную морду Женьки, чёрные Алинкины глаза и ямочку на её пухлом подбородке, короткие ноги и прилизанные волосы Вари, растянутые «московские» интонации Наты. Ненавидела тесноту вожатской, холодную утреннюю кашу, кисель с мерзкими плёнками, ржавые трубы в душевой.

В день моего рождения директриса пригласила в лагерь аниматоров. Они привезли киноаппарат; кучу узких, как ленточки, воздушных шаров, которые в надувном виде были похожи на сосиски и скручивались в разные фигурки; несколько ящиков разного другого добра, потребного для показа фокусов и проведения мастер-классов.

Шишкина уже после завтрака подошла к нашей четвёрке и сказала:

— Сегодня у вас выходной. Дети заняты на целый день до ужина. Отдыхайте.

«Вот и прекрасно,— с каким-то злорадством подумала я.— Уйду в лес до вечера и буду гулять одна».

До обеда я действительно ходила в лесу, собирала и ела уже подсыхающие ягодки земляники, рвала на опушках белобокую полевую клубнику, травянистую на вкус, но безумно ароматную. Мимо ног моих прошмыгнул бурундук, по веткам прыгали рыжие белки. В муравейниках

копошились чёрные и красные муравьи, в сумрачных уголках сосняка звенели комары, ныряли в воронки открытых цветов пчёлы — лес жил своей жизнью, в которой человек был если не лишним, то, во всяком случае, легко заменимым элементом.

На обед развлекательную программу прервали. Мы загнали «пионеров» поесть, потом вернулись в корпус.

— Спать надо, спать, — зевая, произнесла Варя. — Всю смену бегали, мотались, теперь полежим.

Глеб уже разлёгся на Алинкиной койке, закинув руку под голову и заняв чуть ли не всё место. Он и раньше часто ложился спать днём, в полуденное безмолвие, когда речка, деревья и даже небо немели от зноя, а ближе к вечеру просыпался и настраивал свою музыку.

— Имей совесть, подвинься, — слабо пихнула его в плечо Алинка.

Он лениво повернулся на бок, по-хозяйски закинув ногу на подружку, и свободной рукой прижал её к себе.

— Надо — спать, — повторила Варя, на сей раз отчётливо, как строку стихотворения, и Ната отозвалась ей, тоже плюхаясь на койку словно подкошенная:

— Надо, надо, надо — спать, спать, спать!

— Как — не важно! — Алинка слегка приподнялась с подушки и тут же брякнулась назад, будто брошенная кукловодом марионетка.

— Где… С кем — не важно! — поправила сама себя Варя.

— Лишь бы, лишь бы, лишь бы — спать, спать, спать! — хором грянули девки и замолкли.

Посмотрев какое-то время на них, уже, наверное, погрузившихся в дремоту, я с удивлением подумала: вот оно, то, к чему я стремилась, кажется, так долго, — чтобы все они уснули и оставили меня в покое. Но радости почему-то не было.

Мне захотелось надеть голубое платье — самое красивое, сшитое тётей, с рукавами-фонариками, и бело-сине-зелёное колье: всё-таки у меня праздник. Закрывшись на всякий случай дверью, я переоделась, обула серебристые балетки и вышла гулять.

Корпуса с синими и малиновыми крышами стояли притихшие, сиротливые: всех детей от мала до велика согнали в столовую и клуб. Одним крутили мультики, других развлекали фокусами и учили мастерить какие-то поделки. И из клуба, и из столовки время от времени слышались взрывы смеха, одобрительные возгласы. Мне хотелось по голосам угадать кого-нибудь из своих воспитанников, но в толпе из трёх отрядов это оказалось невозможно.

Я прошла по аллее до душевых, повернула направо и спустилась по сыпучей песчаной тропинке на берег реки. «Пионеров» мы водили купаться в другом месте, где специально для безопасности спуска соорудили деревянную лесенку с перилами и где была поставлена времянка — в ней жил в одиночестве старик-таджик, обслуживавший все постройки и технику лагеря.

Я сидела на берегу, потеряв чувство времени, и смотрела сквозь реку, сквозь прибрежный низкорослый ивняк, сквозь темнеющие на дальнем берегу сосны, как будто всего этого не существовало и всё это просто показывалось мне по киноаппарату — скучные кадры бесконечного фильма. Не существовало и меня — сегодня был день моего рождения, но никто об этом не знал. Эсэмэски, сыпавшиеся с утра на мой телефон, не считались. Некоторые я даже не стала открывать.

Прошёл час, а может быть, два, и я услышала рядом с собой чьи-то шаги. Это был старик. Он вежливо поздоровался со мной и попросил позволения сесть.

— Садитесь, пожалуйста, — учтиво пригласила я его на поваленную берёзу.

Старик немного порасспрашивал меня о том, где я учусь, кем работают мои родители. Потом обернул ко мне смуглое в морщинах лицо и сказал, понижая голос до интимной ласковости:

— Знаешь, Лида, что я тебе предложу? Выходи замуж за моего сына.

Увидев, наверное, изумление на моём лице, таджик проговорил:

— Он молодой, двадцать семь лет, и образование у него, экономист. Жена ему хорошая нужна, работящая. Я смотрю за тобой — ты послушная, скромная. И дети любят тебя, матерью хорошей будешь. И красавица-а-а!

Старик улыбнулся и игриво мотнул головой.

— Соглашайся, дочка. Что тебе тут делать? Я смотрю, тут девушки нехорошие. И парни нехорошие. Ты не такая. Я бы тебя отсюда забрал. Сыну моему женой была бы.

Я поёжилась от порывов ветра: холодать начало ещё с утра, к реке потянулись клочковатые облака, а теперь становилось совсем зябко, и пришлось встать, чтобы не замёрзнуть — кофту я с собой не захватила.

— Дождь будет, — сказал старик и, видя, что я собираюсь уходить, повторил своё предложение: — Соглашайся. Что тебе тут делать?

Я посмотрела на его смуглое и сморщенное, как курага, широкое лицо, и покачала головой:

— Да нет… Спасибо.

— У нас семья дружная, работящая. Я тут денег заработаю и вернусь. Дом есть, сад есть. Как в раю будешь жить! Ты что, думаешь, обижать будем, а?

— Нет, я так не думаю! — воскликнула я совершенно искренне.

— А что тогда?

Ветер морщил воду, покрывая всю её свинцово-серую гладь рябью. В воздухе запахло свежестью, дышать стало легко. Чтобы чем-нибудь занять себя, раз уж этот неловкий разговор не прекращался,

я зачерпнула с берега горсть светлых камешков и один за другим стала швырять их в воду.
— Паранджу не будешь носить, не бойся,— то ли пошутил, то ли всерьёз успокоил старик.

Я неловко усмехнулась и сказала ему то, во что сложно поверить, а ещё трудней — проверять:
— Да нет… Я это… Родину люблю.

Персиянин одарил меня мудрой улыбкой:
— Ну, ты всё же подумай, дочка.

Медленными шагами он удалился в свою времянку.

Старик правильно угадал насчёт дождя: с серенького неба начало накрапывать, а через пару минут дождик полился такой, будто наверху его сеяли через мелкое сито. Камешки на берегу покрылись крапинами, потом совсем потемнели, песчаная дорожка намокла, и наверх я поднялась уже по деревянной лесенке.

Не ускоряя шаг, я дошла до душевых и остановилась там под козырьком крыши, вспомнив, как девки окатили меня ледяной водой. Сейчас вода лилась с неба сама — ласковый, тихий дождик, после которого, наверное, начнут расти в лесу грибы. Самое им время. Скоро закончится знойный июль, недели, когда от жары растрескиваются сухие бурые стручки акации. Наступит август — тёплый, обильный такими вот добрыми дождями, орехами, грибами, падающими в тёмно-синих ночах звёздами.

Я вытерла тыльной стороной руки набежавшие слёзы. Дождь припустил сильнее, замочил мои ноги в серебристых балетках. У меня не было с собой часов, и я не знала, долго ли оставалось до ужина, но надо было на всякий случай возвращаться в корпус. Я вышла из-под крыши, побежала по аллее, сначала прикрывая голову руками, а потом сообразив, что это ни к чему — всё равно намокну.

Я пробежала мимо клуба, откуда всё ещё слышались диковатые возгласы каких-то мультяшных персонажей, мимо столовой, мимо корпусов младших отрядов. Мне подумалось, что вот уже через месяц с небольшим остатком кончится лето, все эти постройки опустеют, стихнет гул голосов, умолкнет музыка, двери закроются на ключ, и место будет безлюдным всю долгую осень и зиму. Каждый, кому случится проезжать мимо посёлка, не заметит даже ярко-малиновых и синих крыш корпусов: их засыплет снегом, и они сольются в одно белое полотно вместе с дорогой, недвижной речкой и зимним небом.

Я почувствовала, что мне жаль будет расставаться с лагерем. В сердце моём уже не было никакой ненависти; да и не выдала ли я за ненависть обыкновенное желание уединиться и побыть со своими мыслями в стороне от людей?

Я не сразу вошла в корпус, всё ещё прикидывая, далеко ли до ужина и стоит ли беспокоить девок и Глеба, которые могли ещё спать. Но внутри были слышны чьи-то шаги, так что я вошла и уже в коридоре наткнулась на Нату, которая ахнула при виде моего промокшего платья.
— Ты где это была? С Илюхой, что ли, под дождём гуляла?! Иди давай переодевайся, блин, сушись!

Я послушалась, переоблачилась в джинсы и футболку, снова спрятавшись за дверью вожатской. Глеб и Алинка ещё спали, обнявшись, а Варя сидела на кровати, расчёсывая волосы.
— Болею я сегодня,— низким голосом пожаловалась она, завидев меня.

Я подумала, что она простыла, и предложила таблетки от горла. Варя грустно усмехнулась:
— Да не так я болею…

Мне всё же захотелось полечить её свежим чайком, да и себя согреть заодно. Чайник у нас был контрабандный, привезённый мной из дома — пахнущий пластмассой «Витёк» (так я его называла), счастливо выигранный в лотерее «Эльдорадо». Держать чайник запрещалось по правилам электробезопасности, да девки и редко баловались чаем, предпочитая ему совсем иные напитки. Но в дождливый вечер, когда за окном сыро и ветрено, он казался очень кстати.

Пока мы пили чай с конфетами-карамельками, проснулась Алинка: застонала, потягиваясь в кровати, и ловко, как ящерка, соскользнула вниз, не задев Глеба.
— Что это вы чаи гоняете? — зевнув, спросила она.— Что за праздник?

Я, не ожидая от себя, выдала:
— День рождения мой.
— День рожде-е-ения?! — протянула Алинка и, сощурившись на меня, ругнулась: — Ты чё ж молчала, коза драная?

Сообразив, что это сказано ласково, я сказала:
— Не хотела отмечать.
— Не хотела! — возмущённо воскликнула Алинка.— Это не твоё дело решать. Человек родился — значит, праздновать нужно. А то он как будто и не живёт.

Я не могла с нею не согласиться. В тумбочке у меня лежали бесполезные триста рублей: посёлок был не очень близко, и пока бы я добралась до него, магазин точно оказался бы закрытым.
— Надо Женьке позвонить, он в городе,— смекнула Варя.— Пусть арбуз купит, шоколадки. Ты какие любишь?
— Молочные,— призналась я.— Да вы погодите, мне вернуть особо нечем. У меня триста рублей всего…

Варя только махнула рукой.
— Минералочки ещё пускай привезёт, голова трещит… Это ты вовремя сказала. Он как раз, наверное, собирается назад.

После ужина Глеб включил музыку. Уставшие от долгого сидения «пионеры» быстро стянулись к площадке на звуки заводных мелодий. Одни

танцевали, другие, скучковавшись по двое-трое-четверо, что-то обсуждали: впереди был итоговый концерт и прощальный костёр.

В вожатской со стола убрали все тетради, альбомы, листки, отцепили даже лампу-прищепку. На зелёной клеёнке лежали сочные ломти арбуза в широком блюде, открытые банки шпрот, кексы с начинкой, чипсы, разломанные шоколадки, несколько банок пива и коктейля.

— Ну, с днём рождения тебя, фея ты наша! — подняла Ната тост.

— Вздрогнем! — поддержал Женька.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Спасибо-то спасибо. А знаешь, Жека-то как старался, арбуз выбирал? Я ему говорю: выбирай там получше. А ты — «спасибо», — проворчала Варя.

Смутившись, я полезла в тумбочку за деньгами, протянула их Жене.

— Да брось ты, — он отодвинул ладонью мои бумажки.

— Ты нам сказку лучше расскажи, — потребовала Алинка. — Мы тебя кормим, а ты нам всякое интересное рассказывай.

— Да зачем вам это? — недоуменно спросила я. — Сказки… я же их детям говорю.

— А мы тебе не люди, что ли?! — возмутилась Варя. — Мы тоже хотим что-нибудь интересное узнать.

Я стала выбирать в уме сказку.

— Про двух рыбаков и сокровища в пещере?

— Убили кого-нибудь из-за этих сокровищ? — строго вопросила Алинка. — На фиг. И про покойников воскресших тоже не надо, не люблю зомбаков.

Я сделала новую попытку:

— Про потерянный рай?

— О! Хорошая тема, — оживилась Варя.

Я начала рассказывать сказку Андерсена «Райский сад». Алинка уселась поудобнее, обняв железную спинку кровати, и, не успела я сказать пару фраз, перебила меня признанием:

— Знаешь, у тебя голос такой, что слушать бы и слушать. Успокаивает. Ты в натуре фея какая-то: всё знаешь, песни поёшь, в платьях бегаешь…

Сказка закончилась быстрее, чем мне хотелось.

— Грустно как-то, — вздохнул Женька. — Сказала бы что повеселей в свой-то день рождения.

— Не грустная, — возразила Ната. — Говорится же, рай не пропал совсем, только под землю ушёл. Может, поднимется ещё, смотря как этот принц жить будет…

На несколько долгих секунд воцарилось молчание. Потом Алинка сказала мне:

— Мы ведь почему тебя доставали? Потому что ты же непонятная. Мы все понятные, все одинаковые, а ты, блин, какая-то не такая. Надо ж было проверить, какая ты есть? А?

— Надо, — согласилась я.

— Ты талантливая, блин… — Алинка похвалила меня матерным словом. — Память у тебя офигенная, фантазия… Короче, успехов тебе в труде и в личной жизни.

— Илья этот тебе не пара, — вспомнила кстати про личную жизнь Ната. — Он, когда на реке девочка поскользнулась, сам даже в воду не полез, а стал орать пацанам, чтобы встать ей помогли. А там вода-то смешная, голубю по колено.

— То ли дело Евгеша! — Алинка свойски похлопала охранника по плечу. — Защитник хоть куда. Жека, ты в армии был?

— А что, думаешь, не был? — пробурчал тот.

— Я и говорю — защитник. А война будет — пойдёшь нас защищать? — не отвязывалась Алинка.

— Буду, — просто ответил Евгений.

В ту ночь мы пели, пили, плакали и смеялись.

Потом было вручение грамот и подарков, костёр, сборы, прощание.

— Ну, пока, фея, — Алинка обняла меня на прощание. — Помни, что ты крута.

Я благодарно улыбнулась.

— А сто рублей давай-ка мне отдай, — вдруг спохватилась она. — За наушники пойдут. За свои поступки надо отвечать!

Я отдала ей бумажку, которую Алинка спрятала так быстро, что я даже не успела углядеть куда.

Я осталась в этом лагере ещё на третью смену; правда, попросилась работать на одном отряде с Машей. Мою просьбу исполнили. Только в следующем сезоне получилось так, что весь состав кухонных работников отказался трудиться, и завтрак, обед и ужин нам варила Шишкина, а воспитательницы и вожатые по очереди мыли посуду. Таджик предлагал стать его невесткой Маше и ещё одной девушке — очень уж, видно, нужна была супруга сыну-экономисту. И разных концертов и соревнований у нас было полным-полно, потому что вся смена состояла из танцоров и спортсменов…

А ненаглядного Илью я всё-таки нашла в начале сентября в корпусе матфака.

Но это уже, как говорится, совсем другая история.

Дарьяна Антипова

Сердце Земли

Глава первая

— Будет война. Я вам отвечаю, что будет всемирная война. И майя это предсказывали, да и всё само к этому движется. Вы знаете, что численность населения Земли достигает критической отметки?
— И что теперь, от количества людей Земля перевернётся? Перетянет?
— Да почему вы так примитивно мыслите? Через год неделю будет парад планет, это случалось последний раз, когда погибла Атлантида!
— Да, и вы при этом присутствовали!

У Славки затекли ноги. Она попыталась ими пошевелить, но рюкзак всё равно придавливал к сестре. Автобус был переполнен. Второй рюкзак стоял между Славкой и Катей, на коленях — пакеты с водой и бутербродами. У кого-то плакал на каждом повороте ребёнок, от других пахло пóтом, смешанным с дезодорантами, одеколонами, чипсами. В автобусе было душно, а форточку закрыли из-за накрапывающего дождя.
— Коро-о-ову увели! Её соседушка потом в поле нашла. Всю избитую. Ноги перебиты, все кости перебиты. Бедная-я! Придётся заколоть. А чё ещё остаётся?

Кому-то наступили на ногу. Крик, извинения, шлепок, рёв. Бородатый мужик закрыл глаза и покачивался в такт со старым автобусом. Его рука была так близко к Славкиному лицу, что та с тоской посмотрела на его часы. Славка вздохнула и прилегла на рюкзак. Прошли всего триста семьдесят шесть минут поездки.

Над обрывом ехали молча. Окно запотело, и Катя провела пальцами несколько линий, сквозь которые Славке удалось рассмотреть, как где-то далеко внизу шумит Катунь, разбивая камни, деревья и всё, что попадает в её зелёные водовороты.
— Скоро доедем до Усть-Кана! — ободряюще сказала сзади мама.

Славка с радостью услышала русскую речь. Автобус был полон алтайцами из деревень. Они понимали русский язык, но говорили только на родном алтайском. А Славка алтайского не понимала. Она даже английского не знала, но здесь от него не было бы проку.

В Усть-Кане была остановка. Все бросились к «странному по замыслу сооружению», как сказала мама, но внутрь заходить побоялись.
— Лучше туалета — лес, — поднял палец к небу отец, и всё семейство вместе с местными жителями пошло за кусты над обрывом.

В автобусе решили перекусить — Славка скормила семье свой пакет с едой, и теперь ей ничего не нужно было держать на коленях, кроме свой дорожной косметички. Катюша обиженно фыркала у окна. Но Славка решила, что сестра и так сидит на лучшем месте. Поэтому пусть держит свой пакет.

Перед Абаем к родителям подсел третьим на сиденье разговорчивый мужик. Он долго рассказывал о себе, о своей жене, потом что-то о пчёлах и пасеках. И вдруг спросил отца:
— А ты, случайно, не из Ильинки?
— У меня батя оттуда, — размеренно произнёс отец. Славку иногда бесили эти спокойствие и медлительность. — Не слышал про Диму?
— Слышал, слышал! Ну как же?! А у него ещё брат был, Сергей!
— Ну да, ну да, — кивал отец.
— А у Сергея первая жена — Галя. Потом он женился на Агафье. А ещё у Сергея была двоюродная сестра, Тома. Так вот я — сын Томы! Я твой родственник!

Он рассказал, где кого за последнее время убили в Ильинке, чью корову недавно обнаружили под Онгудаем переломанную. Сразу познакомился с бабкой, у которой эту корову и украли. Весь автобус начал общаться. А Славка медленно поднимала голову от рюкзака, а потом билась об него лбом. Сейчас в городе подружки, наверное, смотрят сериал. Одна поедет с родителями в Египет. Вторая к четырнадцати годам уже объехала почти всю Европу. И только Славка никогда нигде не была. Это была первая семейная поездка на родину папы и мамы — на Алтай.

Славка никогда не встречала других родственников, кроме своей семьи. Она слышала, что где-то на Алтае живет большая «родова» с отцовской стороны. В их же городе не было ни бабушки, ни дедушки. Только мама, папа и Катюшка. И Славка постоянно чувствовала себя очень одинокой и как

будто бы выброшенной на берег. Она привыкла к этому состоянию потерянности. И хотела поскорее, как только ей исполнится семнадцать лет, уехать учиться в другой город, а потом и вовсе перебраться за границу. Ей казалось, что ничто её здесь не держит.

Сотовый телефон не работал. И мама запретила класть в рюкзак лак для ногтей. Мама вообще выкинула из Славкиного рюкзака все необходимые для нормального человеческого существования вещи, оставив только походную одежду и аккуратно взвешенные отцом пакеты с крупами.

К Славке протиснулся новый родственник.

— А тебя как зовут?—спросил он.

— Славка…— откашлялась она.

— Ты первый раз на историческую родину приехала? Мы сейчас будем проезжать Элекманар. А ты знаешь, что значит Элекманар?

Славка с тоской глянула на сестру, но та сделала вид, что смотрит в окно на скользящие мимо горы. «Прерогатива места у окна», как сказал бы папа.

— Это значит—одинокий баран на скале. «Элек»—«баран», а «манар»—«скала». А твой отец родился в Узнезе, это название означает «хозяин реки», «дух». А ты чем занимаешься?

Славка никак не могла понять, сколько лет их родственнику. Двадцать? Тридцать? Сорок? У него было очень худое лицо с небритыми щеками. И много комариных укусов на шее.

— Я… в школе учусь.

Родственник задумчиво погрыз губу и снова пошёл назад. Оттуда он крикнул:

— Если станет плохо, попроси силу у Катуни. Так и скажи: «Катунь, помоги мне». Или: «Слава Катуни». И она тебе поможет.

На это даже Катя отлипла от окна и с сожалением посмотрела на Славку.

Вдруг автобус остановился на какой-то кочке, и в него вошёл настоящий Робинзон Крузо. В широкой коричневой шапке, с привязанным к поясу котелком и огромным рюкзаком, возвышающимся над головой. За ним семенили жена и два мальчика лет одиннадцати, близнецы. Все с такими же высокими рюкзаками. Вскоре другая алтайская семья вышла прямо в поле и стала растворяться в колышущейся от жары дали. Лесистые горы, по которым вился Чуйский тракт, с елями, берёзами, давно сменились пустой выжженной степью. Казалось, всё живое варится прямо на ходу. Ни ветерка, ни малейшего шевеления в сухой траве. Один лишь душный, пропитанный жарой, пыльный воздух. Теперь уже все окна были открыты, но это не спасало.

— Вы куда пойдёте?—спросил отец у Робинзона Крузо.

— Видимо, туда же, куда и вы,—сухо ответил Крузо.

Славке стало неприятно, что так недружелюбно отвечают её отцу. Видимо, слишком долго Робинзон стоял под солнцем. Но и его папин родственник быстро расшевелил. Один из мальчиков безразлично посмотрел в сторону девочек и отвёл глаза, когда Катя улыбнулась ему.

Сёстры пихнули друг друга плечами и хмыкнули. Обе поняли, что они с этими малолетками никуда вместе не пойдут.

А за окнами росли холмы. Через час за деревьями вдоль дороги уже мелькала тайга. Сёла встречались всё реже и реже. Вскоре должна была показаться знаменитая Громотуха, или Ыйык, которой издревле поклонялись алтайцы. Автобус медленно полз наверх, на перевал. Внизу гремела Коксу, слева резко вверх уходила скала. Славка так много слышала об этих местах от отца за обедами, что, казалось, знала дорогу наизусть. Ей казалось, что всё это ненастоящее, выдуманное отцом и она просто попала в послеобеденный сон.

Дорога становилась всё у́же, а из-за поворотов справа выплывали горы. Одна выше другой. Славке вспомнился Айболит. «А горы всё выше, а горы всё круче, а горы уходят под самые тучи». Славка привстала и взглянула вниз. Отшатнулась и чуть не упала на рюкзак. Люди переходили на шёпот. Даже алтайцы теперь сидели с напряжёнными лицами.

И вот—противоположный горный массив находится наравне с автобусом. Он медленно пробирался сквозь серпантин и сигналил невидимым машинам, которые могли бы оказаться за поворотом. В этом месте транспорт не мог разъехаться. Очень узко. Катюша закрыла глаза от ужаса. Славка чуть не выпрыгнула из автобуса и не пошла пешком. Справа—жуткий обрыв с грудами железа на камнях. Общая могила. И река где-то невидимо грохочет в глубине.

Когда все, наконец, вышли в Усть-Коксе, оказалось, что в горы вместе со Славкой и её семьёй собираются и Робинзоны. Родственник попрощался и побежал в сторону сельского центра. Рюкзаки были свалены в две одинаковые по величине кучи, и водители заламывали такую цену, чтобы довезти до Тюнгура и к подножью гор, что Славка понимала: им придётся идти пешком по пыльной дороге без асфальта до туристической базы. И вспомнила, как отец пытался заставить её зимой бегать с ним и мамой по утрам. А она валялась с наушниками в постели. А когда он решил повести всю семью в тренажёрный зал, чтобы подготовиться к походу, только одна Славка оставалась дома и смотрела фильмы на компьютере. Она и в школе на длинной дистанции всегда прибегала последней.

Мимо них по грунтовке проносились машины, обдавая два сумасшедших семейства облаками пыли. В одной из машин было открыто окно,

и оттуда высовывалась женская рука с видеокамерой. Рука тряслась на кочках. Славка отвернулась. Вот ещё. Чтобы её снимали в этой пыли и с большим горбом на спине.

Час спустя они дошли до Тюнгура. Село оказалось большим и даже наполовину русским. Потом все перешли через висячий мост, увидели вдалеке слева туристические базы на берегу Катуни. Славка умоляюще посмотрела на отца. Но тот поправил на плечах рюкзак, торчащий над головой едва ли не в половину его роста, и молча пошёл дальше. Семейство Робинзона уже давно убежало вперёд.

Навстречу из леса вышел измученный мужчина. Он откашлялся и слабым голосом спросил, далеко ли до цивилизации и базы, на что мама ему зачем-то ответила встречным вопросом:

— А вы из Горно-Алтайска?

Мимо проскочила «Нива». Водитель затормозил, сдал назад. И тоже спросил мужчину, куда он идёт и когда он собирается в Горно-Алтайск, столицу республики. Затем они долго спорили о цене, пока Славкиному отцу не надоело чего-то ждать, и они отправились дальше по дороге, попрощавшись с незнакомцем.

Ещё через час они были в Кучерле. Славка переглянулась с сестрой. Дома казались развалившимися, а в каждом дворе стояло конусообразное сооружение из жердей.

— Чадыр аил,— пояснил папа.

— Спасибо!— откликнулись девочки.

— А вот эти юрты около деревянной избы, укрытые корой деревьев, киис аил, используются как летние кухни.

Славка почувствовала, как её ботинки стали внезапно тяжёлыми. Она вляпалась в коровью «мину». И вот ради этой деревенской романтики она согласилась сюда ехать? Хотя её воплей никто не слушал. Отец собрал вещи, распределил одежду и пищу по рюкзакам, затем всё аккуратно взвесил на весах. Упаковал всю семью в машину, и они поехали на Алтай. В Горно-Алтайске оставили машину у родственников и пересели на автобус до Коксы.

А вот Катюшка с радостью согласилась ехать. Поэтому Славке показалось, что младшую сестру родители стали любить чуть больше, чем её.

Когда вышли из деревни, то остановились около большого кедра.

— Итак, девочки. Ещё раз посмотрите на ваши рюкзаки,— сказал папа.— Теперь рюкзак — это ваш лучший друг. Проверьте баланс, чтобы ни одна сторона не перевешивала и не натирала вам плечи.

Славка пнула свой рюкзак.

— Всё нормально.

— Тогда в путь.

Славка ещё никогда не слышала слов более депрессивных, чем эти.

Мама умудрилась распихать остатки еды с автобуса по карманам рюкзаков.

Солнце перестало светить, тучи становились всё подозрительней и подозрительней. Они будто выглядывали из-за гор и чего-то ждали.

Славка увидела в траве землянику и наклонилась, чтобы её сорвать. Рюкзак наклонился вместе с ней, потом внезапно ударил её по голове, и Славка упала на колени. С которых встать самостоятельно уже не смогла.

— Катька!— всхлипнула она.— Спаси!

— Никогда так больше не делай!— закричал отец.— А если бы это была не земля? А родник с водой и острыми камнями? Тебе жить надоело?

— Это разве жизнь?— тоже завопила Славка, стоя на четвереньках.

Остановиться решили у реки Кучерлы. Вода так громко шумела, что приходилось постоянно кричать.

— Мама! Дай мне туалетную бумагу!— Славка прыгала рядом с рюкзаком и без груза чувствовала себя птицей.

— Не мусори в лесу!— ответила мама и кинула в Славку рулоном. Славка его не поймала, и туалетная бумага, разматываясь, полетела в воду.

Отец тоже что-то сказал, никто его не расслышал, но всё было понятно по его жестикуляции.

Вдруг из леса вышел Робинзон с семьёй.

— Можно к вашему шалашу?— крикнул Робинзон.

Папа пожал плечами. Было видно, что делить найденную стоянку с другим представителем мужского пола он не намерен.

Но мама уже приветливо улыбалась.

Когда Славка вернулась к лагерю с пучком смородиновых листьев к чаю, то обнаружила, что палатка Робинзона уже оборудована, выстиранные вещи висят на верёвке, натянутой между кедрами (свою палатку Славкины родители до сих пор даже не вытащили), костёр разведён и над ним висит котелок. Конечно, тоже не Славкиной семьи.

Ещё около часа Славка с родителями и сестрой разбирались, как ставить новую палатку. Когда Славка спряталась от холодного горного тумана в спальнике, то почувствовала, как у неё болит спина. А ещё посчитала все камушки, на которых спит. Представила, как далеко ей придётся тащить ненавистный рюкзак.

Глава вторая

Всю ночь Славка не могла заснуть. Из-за жёсткой земли, из-за грохота реки. Ей казалось, что их палатка, стоящая на самом краю берега, должна непременно скатиться вниз. Славка любила спать, откинув ногу вбок. Но спальник был слишком узким. Поэтому Славка медленно и шёпотом проговаривала слово «кла-у-стро-фо-бия». Она отодвинулась к стенке палатки, но он был очень

мокрым — ночью шёл дождь. А палатку поставили криво. Катюшка тоже подвинулась ближе. Славке очень хотелось встать, всех распихать и развалиться во всю ширь. Одной.

Утром Славке городскую одежду пришлось спрятать в глубь своего рюкзака и попрощаться с ней на целые две недели. На голову Славки мама водрузила бесцветный платок, отец заставил надеть резиновые сапоги. В руки ей дали лыжную палку. Чтобы опираться по пути. Пока мама упаковывала последние вываливающиеся из рюкзака вещи, семья Робинзона уже ушла.

Затем отец выставил всех в походном порядке. Он шёл первым, как командир настоящего отряда. Затем топала Катюшка, как самая младшая, ей несколько дней назад стукнуло двенадцать лет. Потом Славка, а замыкала отряд мама, которая должна была следить, чтобы дети не упали с тропы в пропасть или не отстали.

Славка по дороге пыталась дотянуться до спелой черёмухи и съесть её. Вечерней кашки её организму было явно недостаточно. Руки были чёрными от ягоды, а язык прилипал к нёбу. Хотелось пить.

Горы подступали всё ближе к тропе, они быстро росли. Намного быстрее, чем шла семья Славки. Горы нагромождались и наслаивались друг на друга.

Первый привал отряд сделал на небольшой поляне в лесу. Там росли лиственницы, покрытые плесенью и белым мхом. Огромные ветви причудливо свисали над тропой. Катя сказала, что она оказалась в старой и очень грустно закончившейся сказке.

Славка скинула рюкзак и села на него. Но её тут же согнали. Потому что «нельзя сидеть на своём „друге“, иначе он обидится и будет причинять разные неудобства», сказал отец.

Когда идёшь по тропе — смотреть по сторонам нельзя. Только под ноги, чтобы не упасть. Поэтому этот день Славка почти не запомнила. Однажды только они вышли на большое солнечное поле, над которым парила мошкара и залетала Славке в нос. Кузнечики запрыгивали в жаркие резиновые сапоги, а огромная саранча тыкалась в тело во время своих неуклюжих перелётов. Славка нечаянно задавила в своих сапогах не менее пяти кузнечиков, двух бабочек, сидящих на дороге, и несчётное количество больших жирных муравьёв. Она хотела остановиться и вытряхнуть кузнечиков из сапог, но отец вёл отряд только вперёд. Поэтому Славка с ужасом чувствовала, как кузнечики в сапогах превращаются в слизь.

Спина ныла, в голове что-то настойчиво звенело и гудело. Славка перестала вспоминать свою счастливую городскую жизнь в течение всех четырнадцати лет. И только считала минуты до следующего привала. После десяти минут блаженного отдыха она с чувством полного опустошения вновь надевала своего «друга», висящего у неё на плечах. Молча, как партизан, вставала с помощью младшей сестры на ноги и шла дальше.

Процесс «надевания» рюкзака на спину стал ритуалом.

— По одёжке протягивай ножки, — хихикнула Катюшка, когда Славка очередной раз падала при неудачной попытке встать с рюкзаком на место, которое мама условно называла спиной.

После падения Славка несколько секунд сидела на земле, сосредоточиваясь. А вообще, вскоре Славка стала искать удобные пеньки около дерева, затем тащила туда по земле своего «друга», ставила его на пень, придерживая от падения, умудрялась повернуться к нему спиной, вдеть руки в лямки, застегнуть на талии пояс и с боевым криком «Ха!» резко вскочить на ноги и наклониться вперёд. Целая система. Славка почему-то решила дать рюкзаку имя Ур.

Обедали около Кучерлы, и Славка с сестрой лежали спинами на горячих камнях, нагретых солнцем. Потом умылись ледяной водой. Лежали на десять минут дольше, чем обычно. Когда отец объявил всеобщий подъём, Славка только застонала.

И они вновь поплелись в горы. Над обрывами с падающими вниз камнями. Вдоль грохочущих далеко внизу тонкими зелёными лентами рек. То по лужам с барахтающимися насекомыми, то по кочкам болот. Лезли вверх по камням, опираясь на лыжные палки всем весом, чтобы было легче.

Смеркалось в горах рано. Солнце быстро садилось за высокую гору, и наступал вечер. За час нужно было срочно найти стоянку. Семья Робинзонов убежала далеко вперёд.

Славка чувствовала возбуждение. У неё был «психологический подъём», как она попыталась объяснить свои ощущения Катюшке.

Она перестала чувствовать усталость. У неё открылось второе, неведомое ранее, дыхание.

Славка уже смутно вспоминала последний разговор с Петькой. Вот если бы она осталась в городе, то наверняка бы сейчас гуляла, сидела на скамейке, щёлкая семечки и ненароком прикасаясь к нему плечом. У Петьки светлые короткие волосы и огромные глаза. Как в японских мультфильмах.

Перед отъездом Петька пытался поцеловать Славку в губы. Но она это слишком поздно поняла. Петька промахнулся. Славка дёрнулась, смутилась и громко, как дурочка, засмеялась. И от этого, наверное, тоже позволила себя увезти отцу на Алтай. Надо же было так опозориться!

Славка по дороге пыталась вспомнить своих лучших подруг — Аньку и Юльку. Но вместо их лиц появлялись отвратительные морды кузнечиков, которые хором вещали Славке, чтобы она не оглядывалась назад — а то упадёт, чтобы

не жаловалась на усталость и на рюкзак, похожий на гриб-трутовик.

Вдруг навстречу выскочил один из близнецов Робинзона. И поманил в лес. У него волосы торчали во все стороны, и он казался каким-то таинственным и похожим на сына лешего.

Стоянка оказалась очень даже ничего. Посередине уютно горел огонь. Для палатки Славкиной семьи тоже было оставлено место. Рядом с костром стояли лошади с изящно расшитыми сёдлами и висевшими сзади оленьими рогами. Славку передёрнуло, и она вызвалась ставить палатку вместе с отцом.

От реки по каменному обрыву поднялся старый алтаец и заговорил с Робинзоном.

Славка ненавидела ставить палатку. Она каждый раз не понимала, какие дуги нужно ставить посередине, а какие — на вход. Она ненавидела раскручивать упрямые коврики, раскладывать их по полу, корячиться, придерживая края рукой и ногой, и кидать на них спальники. Но больше всего Славка ненавидела раскрывать рюкзак и вытаскивать с таким трудом уложенные утром вещи.

Славка не умела готовить, поэтому в её обязанности входили только поиски трав для чая. Славка уходила в сумеречный лес и только там могла оказаться наедине с собой. Она вытаскивала тайком плеер, чтобы послушать хотя бы одну песенку. Славка берегла заряд. И, напевая, искала кусты малины или смородины.

Когда она вернулась в лагерь, то села вдали ото всех на пень и приготовилась писать дневник. Но, естественно, у неё ничего не вышло. Она со вздохом выдернула лист и, пожевав ручку, вывела: «Дорогой Петя!» Немного подумала и поставила ещё два восклицательных знака. Славка никогда в жизни ещё не писала настоящих бумажных писем. Поэтому задумчиво подпёрла подбородок рукой.

Вдруг сзади подскочил один из близнецов, заглянул Славке через плечо и засмеялся. Потому заглянул в отупевшие Славкины глаза и серьёзно спросил:

— Муж, да?

Славка даже не пошевелилась. У неё очень болела спина. Не дождавшись улыбки, близнец произнёс:

— Муж… Ты ему напиши, какая тебя окружает обалденная природа и как ты любишь мыть жирную посуду в холодной воде!

— А тебя как зовут? — Славка наконец решила заговорить с малолеткой.

— Антошка! А мой брат — Мишка.

Славка пока не видела никаких различий между мальчиками. Вроде бы и одежда разная…

— А вы откуда?

— Из Змеиногорска! Знаешь, где это?

Славка поёжилась в ветровке.

— Не… Не знаю. Наверное, там живёт Хозяйка Медной горы. Скучно что-то!

— А давай карту посмотрим? — Антошка поправил серую бандану на голове.

Через мгновение Славка уже сидела в окружении близнецов у костра и смотрела, как Робинзон разворачивает огромную старую карту, коричневую от времени, зелёную от растений и очень дырявую. Никакую другую карту Робинзон, конечно, достать не мог. Отсветы костра путались у него в бороде, а изогнутая, похожая на пиратскую, шляпа поблёскивала, когда Робинзон наклонялся, чтобы разглядеть что-то мелкое на карте. Из палатки выглянула Катюшка, и её карие глаза тоже засверкали при виде карты.

Робинзон водил большим тёмным пальцем по карте и говорил странные слова:

— Здесь придётся идти по крутой морене, спускаться траверсом к Кучерлинскому озеру или сразу на Каратюрек подняться, если погода будет хорошая, чтобы с перевала увидеть Белуху и Карачик, там многие медитируют.

Славка не стала ничего переспрашивать. Она тоже решила «помедитировать». Ушла за поляну, подогнула ноги, как это делают индусы. Но её тут же укусило в щёку невидимое в темноте кровожадное насекомое, и Славка решила пойти спать.

Алтаец решил угостить путников свежим мясом. Вокруг костра собрались обе семьи. Женщин алтаец знаком попросил встать с северной стороны.

Он сказал, что убил горного барана специальным способом, разорвав аорту. Сваренные во время Славкиного отсутствия куски мяса алтаец поставил на камень в деревянном корытце. От мяса шёл пар, которому охотник руками помогал «подниматься» кверху.

— Горным ду́хам, — пояснила мама.

Рядом стояли творог в деревянной тарелке и бутылка с кипячёным молоком. Пар от молока тоже предназначался ду́хам. Около творога Славка увидела семь испечённых колобков и рыбу.

Алтаец, напевая, три раза обошёл вокруг костра. Зажёг пучок травы, провёл им над мясом барана, что-то бормоча.

Первый кусок мяса алтаец бросил в огонь. И только затем решил накормить всех собравшихся. Но Робинзоны оказались вегетарианцами. А Славка не могла прикоснуться к мясу. Поэтому отдала свой кусок отцу.

Наутро Славка проснулась первой и обнаружила, что алтаец уже ушёл.

Глава третья

В горах нужно ходить медленно, не спеша. Будто постоянно оставляя силу и энергию про запас. Это закон альпинистов. Славкин отец в молодости был настоящим альпинистом. И мама её тоже была альпинисткой. Даже их медовый месяц

прошёл на международных соревнованиях по альпинизму. Отец о том времени отзывался с восторгом. Мама—нет. Славке иногда казалось, что мама была альпинисткой только ради папы. На самом деле она хотела провести медовый месяц где-нибудь на море. Или в Европе.

А Робинзон был обычным туристом, к которым настоящие альпинисты, например, как Славкин отец, относились с презрением. Робинзон и его семья убежали рано утром, пока у Славки пригорала к котелку каша. Потом Славка разлила кипяток для чая по траве. И её в наказание отправили скручивать спальники и коврики.

Семья Робинзона легко бегала по горам, которые Славка с таким трудом преодолевала. Отец шёл медленно. И с остановками каждые сорок-пятьдесят минут. Славка перестала собирать ягоду по дороге. Не залезала больше на высокие камни—обходила их стороной. На привалах не бегала, как бешеная, вокруг стоянки, а лежала вместе со всеми и накапливала силы для следующего перехода.

Речки со смешным названием Текелюшка, у которой они планировали встать на ночлег, не было. Отец ворчал, что они должны были дойти до неё ещё часа два назад. Отец нервничал. А Славка очень не любила, когда отец нервничает.

Были ручейки, были крохотные речки. За Текелюшкой должна была начаться та самая «морена», о которой вчера говорил Робинзон.

Славка залезала на горы по витой грязной тропе, спускалась вниз по крутым спускам, рискуя при малейшем неверном движении упасть на камни. Петляла по долинам, огибая скальные завалы и «зажимы».

Семья то подходила к самой Кучерле, то отходила так далеко, что реки не было слышно. Иногда, в полной тишине, лес обступал Славку со всех сторон. Он тянул к её лицу свои ветви, подкидывал под ноги скользкие корни и веселился, когда Славка растягивалась в грязи на шпагат. Славка старалась держаться ближе к маме и не отставать от своей маленькой выносливой сестрёнки, которая пыхтела впереди.

Им навстречу выскочил один из близнецов. Семья Робинзона устало сидела, опершись о сосны прямо на тропе. Оказывается, они тоже не могли найти Текелюшку. Перепутали её с другой речкой, ушли не на ту тропу, сделали огромную петлю, потеряли четыре часа и вернулись обратно. Когда Робинзон увидел, что Славкина семья «черепашьим» шагом догнала их, то быстро собрал всю семью по лесу, и они снова убежали куда-то вперёд.

Славкин отец злорадствовал. От радости он даже разрешил Славке съесть кусочек шоколадки, которую мама уже давно прятала от неё на дне своего рюкзака. Через десять минут все двинулись вслед за Робинзоном.

И вскоре заблудились.

—Как глупо! Как глупо!—бормотал отец и зачем-то смотрел вверх, на кроны деревьев.—Итак… вспоминаем, вспоминаем, девочки! Перед нами было болото! Мы по воде ходить не умеем, поэтому пошли налево, на «обходную»! Она же была утоптанной!
—Это её Робинзоны утоптали,—утешила отца мама.
—Но она не вызвала у меня подозрений!—в ужасе сказал отец.—У меня! У профессионального альпиниста!

Мама хмыкнула и не стала говорить ничего ободряющего.
—Славка!—скомандовал отец.—Марш назад, ищи тропу.

Когда Славка снова сняла рюкзак, то почувствовала себя бабочкой. Она «пропорхала» несколько метров, когда её догнала расстроенная мама, и они практически поскакали рядом. Мама всю дорогу негромко повторяла:
—Ну как он мог её отправить в лес одну? Как?

Мама нашла тропу. Она выходила из болота и шла к Кучерле.

Но обратный путь наверх оказался просто кошмарным. Славкины ноги не слушались и петляли сильнее, чем тропа.

Когда они наконец вернулись, Катюшка плакала. Она сняла с себя двух клещей и боялась, что они энцефалитные и могли её укусить.
—Откуда здесь клещи?—опять нервничал отец.—На Алтае нет клещей! Мы слишком высоко над уровнем моря!

Мама же гневно сжигала клещей в спичечном коробке.
—Наверное, он узкоглазый и промахнулся,—решил странно пошутить отец, намекая на себя и на других алтайцев.

Но все молча надевали рюкзаки, чтобы идти вниз.

Они вышли из леса и внезапно остановились перед болотом. Странно было выйти из тёмного леса на открытое светлое пространство. Да ещё и на болото.
—Какое-то у меня лиминальное состояние,—непонятно пробормотала мама.

Катюшка выглянула из-за спины отца.
—Ну, чего мы стоим? Пошли?—отец вышел на солнце, а Катюшка по-прежнему стояла на месте и будто прислушивалась к чему-то.

Славка подтолкнула сестру вперёд, но та упорно смотрела в одну точку. Потом тихо сказала:
—Не надо туда ходить… Нас там не ждут.
—Чего?—не поняла отец.

А Катя показала рукой на кусты:
—Там есть тропа. По краю болота. Нужно туда идти.

Почему-то никто не стал с ней спорить.

Топать по мокрому болоту пришлось долго. Затем был снова подъём наверх. Катюшка допила

последнюю воду из своей фляжки, умоляюще посмотрела на старшую сестру. Мысль о том, что её сестренку мог укусить энцефалитный клещ и она могла умереть, жутко пугала Славку. Поэтому она отдала последнюю воду. Дальше же поход превратился в ад.

Им пришлось отдохнуть прямо на тропе. Прислонившись к деревьям. Воды не было ни у кого.

Намёков на стоянку у реки тоже.

Славка шла как зомби, уставившись на сапоги сестры, и сухими губами бормотала:

— Белогривые лошадки целый день играют в прятки, как мне хочется опять в чистом поле погулять, потому что у нас кладут асфальт местами и немного, на поле аленькому цветочку холодно зимой, возьми, Катюшка, кошечку с улицы домой.

Почему-то Славка думала о том, как, наверное, тяжело идти её младшей сестрёнке. Она никогда особо не интересовалась её жизнью. Катюшка согнулась под тяжестью рюкзака, видны были только её тонкие ножки в рейтузах. Иногда Катюшка откидывала две мокрые косички себе за спину.

Ладно идти в такой поход в четырнадцать лет… Но в двенадцать таскать рюкзаки по горам! Нет, Славка никогда не будет альпинистом. Даже ради Петьки.

По лицу лился солёный пот. Всё тело горело, будто его что-то сжигало изнутри.

Славке вдруг показалось, что ели вокруг них двигаются. Вот стоит одна, со сломанной веткой, хлестнувшей Славку по голове. И через несколько шагов снова она. И опять. И опять.

— Кать, у меня глюки,— Славка ткнула в бок сестру.— По-моему, деревья перебегают.

Катюшка устало подтянула рюкзак на плечах и ответила:

— Они ещё и руками машут.

— Ага…

— Наверное, это лесные женщины.

— Кто?! У тебя тоже глюки?

— На них лиственные платья…— прошептала Катя и замолчала.

Когда они наконец вышли к реке, то Славка медленно скинула рюкзак и молча пошла к воде. Теперь ей казалось, что у неё очень толстые и непослушные ноги. Она нашла крошечную заводь, где бурная горная река не смогла бы унести её вниз по горе, и умылась. Подошла Катюшка и без сил опустилась рядом прямо на землю.

Тогда Славка обняла её и провела по косичкам рукой. Катюшка была такой маленькой и хрупкой!

— Давай купаться!— тихо сказала Катюшка.

Купаться? Славка засмеялась. Вода была ледяной. Но всё равно они вдвоём заскочили за кусты, скинули на камень всю одежду и прыгнули в воду голыми.

— А!— заорала от прикосновения ледяной воды Славка.

Катюшка пыхтела, но молчала.

Отец доставал из рюкзака еду, повернувшись к реке спиной. А мама радостно присоединилась к дочкам.

После воды тело немного ожило. Славка надела на мокрое тело длинную футболку, а Катюшке на волосы накинула полотенце.

Далеко за горой, откуда текла Кучерла, виднелась первая в Славкиной жизни снежная вершина.

— Мы должны догнать Сергея,— сказал отец.

И у Славки снова заболела спина. Вот, значит, как зовут Робинзона на самом деле. Славка не хотела знать его настоящего имени.

— Ты с ума сошёл?— воскликнула мама.— Вечер! Ты бы хоть детей пожалел!

— Нет, ну ты видела, с каким он довольным лицом сегодня убежал? Он думает, что я слабак!

— А ты о детях думаешь?— крикнула мама.

Славка тоскливо зажала голову между колен. Ссора и снежная вершина как-то не вязались между собой.

Пока мама с папой кричали друг на друга, спрятавшись за куст шиповника, как будто шиповник мог заглушить их слова, Славка встала и потрогала свою талию. И поняла, что похудела. Она осторожно провела рукой по бёдрам. Да, ещё чуть-чуть… и Петька от неё глаз не оторвёт! И пусть он никогда теперь с нею не заговорит, зато будет жадными глазами смотреть со своей парты.

Катюшка сопела рядом, одеваясь.

— Может, пойдём дальше?— вдруг сказала она.

И семья снова потащилась наверх. Каждый ручеёк теперь они встречали общими восклицаниями:

— О, смотрите! Текелюшка! Давайте ставить палатку! На тропе? Конечно. Кому надо— обойдёт. Или пусть прыгает с обрыва в реку!

И снова: вверх, вверх, вверх, прямо, вниз, вниз, вверх.

Славка, почуяв славу модели, гнала всех вперёд. Ей нужна была нагрузка. Ей нужна была идеальная фигура! Она скандалила и искала вескую причину для продолжения пути. То через стоянку проходит тропа, то река далеко, то камни могут сорваться прямо на палатку, то дров нет.

Почему-то ей нужна была эта Текелюшка. Как цель сегодняшнего пути.

И вдруг она услышала за деревьями грохот, и через несколько минут семья вышла к водопаду.

На закате по скользким брёвнам никто не захотел переходить Текелюшку, но и единственная подходящая стоянка была уже занята.

На ней сидел старик, похожий на путника. На нём висела жилетка, будто поросшая мхом, тёмного дубового цвета. Он грелся у костра под высокой елью, покрытой настоящим мхом. Руки в глубоких морщинах были тёмно-коричневыми, а борода в темноте казалась зеленоватой.

Сначала Славка услышала его кряхтенье, а затем и голос, напевающий грустную песню из трёх-четырёх нот. На ели Славка заметила белочку, удивлённо выглядывающую из-за ветки. Увидев Славкину семью, белочка взлетела по дереву наверх.

Рядом со стариком лежала странная колода, расщеплённая надвое. Внутри она казалась выдолбленной. Стояла эта колода на берёзовых ветках.

Отец растерянно посмотрел на семью, а мама развела руками. За противоположную гору уходили последние, размазанные по небу, лучи солнца. Славке чудилось, что там, в закате, размыкаются два мира. Как две половинки персика.

— Извините, пожалуйста,—начал отец, выходя на полянку.—Можно мы поставим рядом с вами палатку? Нам нужно переночевать и утром пойти дальше.

— Придёт смерть за старушкой, станет бабка избушкой,—пробормотал дед и начал вить из травы верёвку.

— Нет, здесь мы не останемся,—испуганно прошептала мама.

Славке тоже стало не по себе.

— Извините,—раздражённо попрощался отец.

— Человек вернётся туда, откуда он пришёл,—эхом отозвался старик.

— В землю, что ли?—взорвался отец.

Он не любил сумасшедших.

— Почему ж в землю?—удивлённо произнёс старик, словно впервые обратил внимание на семью.—В дерево, голубчик, в дерево.

Отец покачал головой и, распихав семью своим большим рюкзаком, пошёл вниз по реке. Неподалёку он нашёл небольшую лужайку, на которой поместилась бы палатка. Сил на готовку еды уже не было. Сонная Славка уже привычно впихивала дуги в тент, колышки в землю. Катя сходила к Текелюшке и набрала в котелок воды.

Несмотря на жуткую усталость, Славка долго не могла уснуть, всё ворочалась, ей слышались голоса, казалось, что над палаткой летает огромная птица и страшно кричит. А ночью ей снился человек с двумя собаками.

Глава четвёртая

— Славка, вот за что ты любишь всё это?

— Что всё? Тебя, что ли? И правда, за что?

— Ну, я—спорный вопрос. А остальное? Эти затерянные в лесах домики, развалившиеся мосты? Эту деревню с коровами?

— Узнезю?

— Ну да… Все мечтают поехать в большой город.

— А я живу в большом городе. Но ты ведь помнишь, какой я сюда приехала?

— Вредной и нудной?

— Типа того. Я не знала тебя. Я не была знакома с прабабушкой. Я не тонула в Катуни. Мне кажется, что месяц здесь был лучшим временем моей жизни. И теперь всё будет по-другому. Это была последняя сказка детства.

— Сказка? Ну ты и скажешь… Мытьё полов, грядки с сорняками, пьяный дядь Вася на сеновале.

— А ты помнишь, как тебя собака цапнула, когда мы за Лёшкой следили?

— А как за тобой прабабушка с тряпкой по огороду бегала?

— До сих пор попа болит!

— Зато мы на дискотеку попали!

— Как же я по тебе скучать буду, Наташка…

— А по коровам?

— И по коровам!

Было раннее утро. Машина гудела. Папа целовал прабабушку, и та вытирала сухими пальцами глаза. Наташка стояла на крыльце в одной ночнушке.

— Так ты точно уезжаешь?

— Да…

— А когда вернёшься?

— Не знаю…

Ната усмехнулась, прикусила губу и отвернулась к стене:

— Бабушка всё-таки переезжает. В сентябре.

— Неправда!

— Правда.

Славка смотрела Наташке в лицо, пытаясь понять, как теперь жить. Она до последнего надеялась, что этого не произойдёт.

— А как же Узнезя?

— …

— А прабабушка? А Светка?

— …

Мама позвала Славку.

Тогда она неуклюже чмокнула Нату в щёку и побежала из ворот на улицу.

Закинула голову так, чтобы предательская слеза не вылезла наружу. Ведь она терпеть не может, чтобы кто-то видел её слабой…

Машина дёрнулась и поехала.

Славка оглянулась.

На мокрой земле у забора босиком стояла Наташка и махала рукой.

Утром кашей занималась Катюшка. А Славке было приказано прибрать стоянку. И оставить её такой же, какой они её нашли.

— А бутылку из-под пива под куст тоже обратно кинуть?—ныла Славка.

Из леса вышла толпа молодых парней с собакой. Собака подбежала к Славке и сразу облизала ей лицо. Парни оказались симпатичными, и Славка заигрывающе гладила собаку, чтобы они оценили её доброту и приветливость.

Компания оказалась из Екатеринбурга, она искала верхнюю тропу на Каратюрек. Отец предложил им допить горячий чай, а они спросили семью, не нужен ли им пёс. Пёс, по их словам, умел бегать по камням, есть чужую еду из тарелок, просить добавки, противно лизать в губы и выть по ночам. Тащить на перевал его не хотелось, а пёс пристал к компании ещё в Кучерле. Его алтайское имя они перевели по-своему: Сопливчик.

Отец вежливо отказался.

Парни изобразили на лицах удивление, перешли Текелюшку по висящему над водой тонкому бревну и вскоре скрылись, не удостоив Славку романтического взгляда. Славка решила, что никогда в жизни не поедет в этот, как его, Екатеринбург.

Совершенно оглохнув от грохота небольшого водопада, от его брызг, она была рада пойти дальше. Перейдя по гнилым и скользким брёвнам, кряхтящим и расползающимся под ногами, Славка поблагодарила духов леса за то, что не упала в Текелюшку, и снова стала подниматься в гору. Отец перед переходом через реку заставил девочек расстегнуть рюкзаки. На тот случай, если они поскользнутся, нужно было скинуть рюкзак в воду, чтобы его тяжесть не утащила вниз по реке.

Славка снова пела про себя песенки, вспоминала всех родственников и одноклассников.

Неделю назад они с Петькой сидели на детской площадке и спорили о необычных вещах. О том, как легче и лучше умереть. Медленно и безболезненно замёрзнуть среди снегов, как путешественники. Или быстро сгореть в лаве вулкана. Петька голосовал за вулкан. А Славке больше нравилась романтическая смерть у заметённых снегом саней с доказательствами того, что она дошла до Ледовитого океана и нашла новую землю, как герои «Двух капитанов». Ни Славка, ни Петька не хотели уступать, поругались и не здоровались друг с другом до самого отъезда.

Славка мечтала о привале, чтобы оглядеться по сторонам и полюбоваться на приближающиеся «белки́».

Они поднялись уже высоко над уровнем моря. Деревья здесь были в основном хвойные. Грибы росли на каждом шагу прямо на тропе. Но для того, чтобы их сорвать, нужно было наклоняться. А это значит—расходовать жизненную силу, а это непрактично. И грибы росли дальше.

Когда опять спустились к реке, то сразу увидели большой крест, прислонённый к валуну. На нём значилось, что лежавшая под ним девушка погибла тридцать лет назад при сплаве по Кучерле.

Почему-то Славке вспомнилась фраза, сказанная отцом на привале: «Странные всё-таки люди. Они покоряют вершины гор, реки. Но они пришли и уйдут. А горы и реки останутся такими же гордыми и неприступными. И „промелькнёт“ у них мысль: пропустить ли этого очередного настойчивого человечка или сдунуть? Как мы сдуваем муравья, ползущего по ноге. Или прихлопываем его».

Неподалёку лежали голые камни. Значит, морена была уже близко.

Под деревьями развалились три мужика. Знакомая уже собака лизала физиономию одного из них. Видимо, собаку всё же пристроили в хорошие руки.

— Здравствуйте,—сказал отец.

— И вам того же!—откликнулись из-под дерева.

— Вы откуда?—задала традиционный вопрос мама.

— Из Хабаровска,—ответили мужики.

— Здорово! А мы из Красноярска.

— Ага!

И Славкина семья отправилась дальше. Славка на прощание снова почесала собаку за ухом.

На противоположном берегу вдруг открыл свои бока водопад Тегеек.

— Пятьдесят метров!—не оглядываясь, сказал папа.

Славка на ходу открыла распечатанный маршрут, который таскала в кармане. Дорога шла утоптанная, и Славка смогла прочитать восторженный отзыв об этом водопаде. Издалека он не казался таким уж замечательным и великолепным, как того требовала инструкция. Может, Славка просто уже устала от красоты и от водопадов.

По стволу старой сосны ползали жирные золотистые муравьи. Один из них заполз к Славке в рюкзак, пока все фотографировали Тегеек, и Славка решила закрыть его там и отнести к собратьям на Кучерлинское озеро.

Потом она достала, пока не видит мама, «заначку»—жевательную резинку из бокового кармана. Бросила в рот две штуки и впервые поразилась, насколько это было невкусно. «Одна сплошная химия!»—разочарованно поморщилась Славка и сорвала букет из ягод костяники.

А в это время отец набрёл на свежую стоянку. Он по каким-то только ему ведомым признакам понял, что здесь недавно был Робинзон.

— Ага!—злорадно сказал отец, посмотрев, как зоркий сыщик, вдаль.—Мы их догоним!

И он потащил свой самый тяжёлый рюкзак первым. За ним подпрыгивала Катюшка. А за Славкой шла мама и подбирала вещи, вываливающиеся из рюкзака старшей дочки.

Морена… Глядя на высоченную гору камней, Славка поняла, почему о ней так много говорил Робинзон. Она уже проклинала ту необъятную глыбу льда, которая миллионы лет назад пихала эти булыжники и потом растаяла, образовав Кучерлинское озеро.

— Ой!—вдруг пискнула сзади мама.

Славка увидела, что наступила на чужой след. Это был огромный свежий след—Славкина нога казалась в нём совсем крошечной. В продавленных ногтями вмятинах блестела вода.

— Медведь, — просипел отец.

Славка вдруг поняла, что стоит на медвежьей тропе. Тут же она заметила шерсть на кусте и несколько капелек крови на листьях.

— Он охотился… — с ужасом в голосе сказала мама, и Славка схватила Катюшку за руку.

Они сделали вместе несколько шагов вперёд — и вдруг из-за поворота увидели большую кучу светло-коричневой шерсти.

Славка икнула и загородила собой младшую сестру. Отец отступил назад и зашипел:

— Не смотрите ему в глаза, не смотрите ему в глаза!

Мама сзади дёргала Славку за футболку и повторяла:

— Отступаем назад, отступаем назад! Это его добыча и его тропа. Уходим. Уходим.

— Не волнуйся, — говорил отец, обращаясь к медведю, который недовольно заворчал.

Славка послушно отступала назад и смотрела себе под ноги, чувствуя, как холодеет рука её сестрёнки.

— Мы уходим. Ты здесь хозяин, а мы гости. Мы только гости.

По удаляющемуся рычанию и треску кустов Славка поняла, что медведь, прихватив добычу, уходит в лес.

Она никогда и представить себе не могла, что увидит настоящего медведя. А медведь окажется настолько умным. И большим.

Отец молча и быстро повёл семью по другой стороне морены. Мама тихо плакала сзади. Славка так и не отпускала руку Катюшки. У той глаза стали ещё шире и ярче, чем обычно, и немного походили на медвежьи.

Славка чувствовала, что у неё появилось много, очень много сил.

В голове теперь крутилась песенка Крылатова со старого диска: «Мы шагаем, да не в ногу, что-то песен не слыхать. Каменистую дорогу трудно преодолевать».

Вдруг камни побелели, подъём прекратился, и Славка поняла, что они зашли на самый верх морены. Здесь на кедрах были повязаны разноцветные ленточки. Славка уже знала, что таков обычай тех, кто хочет сюда вернуться. Славка пока не хотела, поэтому присела на большой камень на краю обрыва и увидела огромное озеро.

Может быть, Кучерлинское озеро и не было таким уж огромным, но это было первое Славкино горное озеро.

Глава пятая

Кучерлинское озеро было окружено хвойным лесом, над ним возвышались белые вершины гор, поблёскивающие на солнце, как стёкла. Змейкой вилась среди этих гор, больше похожих издалека на холмы, речка Кучерла, берущая своё начало где-то там, среди этих ослепительных вершин. Славка посмотрела вниз, где по поляне прыгали две маленькие фигурки и махали ручками. Наверное, туда и следовало идти. Человечки были очень похожи на Мишку и Антошку.

Славка оглянулась на родителей. Отец зачем-то молча копался в земле, Катюшка залезла на старый кедр, увешанный ленточками, и оттуда смотрела на озеро своими огромными глазищами. А мама, закрыв глаза и раскинув руки в стороны, стояла под солнцем.

— Почисти и можешь съесть, — сказал папа и дал Славке странную луковицу. — Это слизун, дикий лук. Хорошая штука.

— И мне, и мне! — Катюшка сползала с кедра, вокруг которого земля была очищена от веток, а примерно в метре его окружали наваленные камни.

Спуск был едва ли легче подъёма. Ноги скользили по траве и грязи. Приходилось идти серпантином, делая большие зигзаги. Славке казалось, что они так никогда не спустятся. Наконец она не выдержала и, обогнав отца с его самым тяжёлым рюкзаком, поскакала вниз.

— Не упади! — кричала сзади мама.

— На камнях осторожнее! — волновалась Катюшка.

— Вот коза! — ворчал отец, который не любил, чтобы строй разрушался.

Славка всё-таки не удержалась, грохнулась, в последнюю секунду извернувшись, как кошка, и шлёпнулась на пятую точку. Опомнившись, осторожно и медленно добралась до Кучерлинской долины.

Славка сразу поняла, что отец был прав и Кучерлинское озеро — это рай на земле. Вокруг вился сладкий запах незнакомых горных цветов. Кусты ломились от спелой жимолости и смородины. Почти под каждым деревом она видела съедобные грибы, которые и не собирались прятаться от людей.

Антошка выпрыгнул из кустов с боевым воплем.

— Смотри, сколько тут брусники! — завопил он.

Славка прошла за ним на соседнюю поляну и упала у кострища. Тело горело. Славка ничего не видела перед собой и только сейчас поняла, что больше не может пошевелиться. Она никогда в жизни больше не встанет на ноги. Будет всегда лежать и смотреть на озеро.

Подул лёгкий горный ветерок, и Славка почувствовала, что одежда на ней насквозь мокрая. Тогда она скинула с себя Ура и вытащила из него купальник. Когда из лесу вышла вся семья, Катюшка тоже достала купальник, и обе сестрёнки бросились в воду.

Но озеро только с виду казалось дружелюбным.

Вода обожгла тело, а дно оказалось усыпано острыми, как иглы, камнями. Славка с Катей, не сговариваясь, упали в воду, которой было всего по колено, и поползли вперёд. Через несколько секунд Славка поняла, что ей свело от холода

ноги. Она посмотрела с ужасом на сестру и не смогла ничего сказать. Катюшка завопила что-то нечленораздельно, и сёстры бросились обратно на берег. Славка впервые в жизни чувствовала, что тонет. У берега.

Когда Славка выползла на землю и тёплую траву, мама только покачала головой на Катюшкины всхлипы.

Пока папа и Катюшка ставили палатку, мимо лагеря вверх по озеру, к ледникам, прошла компания молодёжи из Польши, несколько мужиков из Санкт-Петербурга и два чеха. Славка и Мишка сходили за дровами. А в это время с соседнего берега к их лагерю приплыл катамаран.

— Абориген,— пошутил папа.

«Аборигена» звали Димой. У него были протёртые до дыр штаны и сонное лицо.

Дима без церемоний уселся у костра и спросил, что готовят женщины. Галина и мама сухо ответили, что уху.

Тогда он рассказал, что один «не очень новый русский» скупил половину озера, поставил себе баню на противоположном берегу и иногда прилетает сюда помыться и отдохнуть. А Диме приказал снимать со всех туристов плату за стоянку на озере.

— Поэтому все и уходят подальше,— прошептал отец Робинзону.

— А сегодня День морского флота!— подмигнул Славке «абориген».

Славка поняла, что это что-то значит. Но не поняла, что именно.

— Хотите чай с жимолостью?— вежливо спросил Робинзон.

«Абориген» поморщился.

— Вы денег мне дайте. Или на День морского флота. И потом я поплыву дальше. Там вроде иностранцы прибыли. Они добрые.

Славка по отцовскому лицу поняла, что скоро им снова куда-то идти.

Тогда она вытащила из рюкзака свой блокнот для рисунков и села прямо напротив «аборигена». Ничего примечательного в его внешности не было. Он был обычным русским мужиком. Но всё равно Славка внимательно рисовала его фигуру.

— Что это?— смутился Дима.

— Я вас рисую,— улыбнулась Славка и увидела, как Робинзон с отцом понимающе переглянулись за спиной «аборигена».

— Ой, как приятно,— покраснел гость и начал позировать, забыв о цели своего визита.

На другой стороне озера раздался жуткий вой.

Все вздрогнули. По берегу носилась собака и выла.

— Это она скучает. Меня потеряла. Ты рисуй, рисуй.

Славка отложила блокнот.

— Смотрите!

Собака вдруг бросилась в озеро в самом узком месте и поплыла на другой берег. Взвизгнула, развернулась обратно. Но то ли течение в этом месте было сильным — здесь начиналось основное русло Кучерлы, то ли собаке тоже свело холодом лапы, но через минуту она исчезла с поверхности озера.

Все несколько минут молчали. А потом Катюшка захлюпала носом.

«Абориген» хмыкнул, сел на катамаран и поплыл брать деньги с чехов.

Едва родители успели поставить палатку, как за озером в темноте исчезли горы, потом на воде появилась странная рябь, будто вся поверхность озера покрылась рыбой. И начался град. Славке казалось по грохоту, что со всех окрестных гор вокруг полетели камни.

Шум стоял такой, что приходилось кричать друг другу, сидя вплотную в центре палатки. Тент прилипал к ткани. Палатка мгновенно промокла.

Славка выглянула в крохотный тамбур и поняла, что в просветах между тентом и травой что-то белеет.

— Папа, смотри!

— Что опять случилось?

— Снег!

— Где?

— Тут!

Пока град стихал, Славка с Катюшкой, укутавшись в спальники, пели детские песенки, мелодию из «Титаника» на кривом английском и «Рамштайн» на ещё более кривом немецком.

И это был конец июля! Когда град кончился и обе семьи выползли из палаток на белый свет, свет действительно был белым. Вся земля вокруг была покрыта крупными ледяными шариками. Тут же в Славку попал снежок, а Антошка со смехом убежал в лес. Славка быстро надела сапоги и погналась следом.

Катюшка слепила мороженое и сосала его, стоя у заваленного снегом кострища. Когда Славка вернулась, из палатки вылез Мишка и спросил:

— Ты в какой школе учишься?

— В обычной.

— А в каком классе?

— В восьмом.

— А я в пятом. У нас хороший класс. Правда, девчонки дуры. А у вас?

— А у нас пацаны дураки.

— Ой…

Из леса вышла недавняя собака-утопленница. Катюшка сразу налила ей в тарелку супа. А папа пошёл перепрятывать сало. Весь оставшийся день Славка с мальчишками посылали на противоположный берег дымовые и звуковые сигналы. Махали руками, кричали, прыгали. Но всё было бесполезно. Видимо, «абориген» Дима праздновал День морского флота с чехами.

Мимо прошёл замёрзший москвич.

— Смотри, как криво рюкзак собрал,—прошептал отец, обращаясь к Робинзону.

— Наверное, так в Москве принято,—усмехнулся тот.

Мама накормила путника супом. Тот погладил мокрую собаку, и когда уходил, она увязалась за ним.

— Как вам, кстати, переход через Текелюшку?—поинтересовался у отца Робинзон и почесал бороду.

— Ничего так переход. Хорошее брёвнышко. Анекдот один вспомнился. Идут альпинисты в горах. Надо перейти пропасть по тоненькому брёвнышку. Все боятся. Тут идёт местный пастух с бараном. Барана на плечо—и перешёл спокойно. Туристы ему: «Слушай, перенеси нас всех, заплатим по рублю с человека!» Он всех перенёс, остался последний. До середины донёс, зашатался, взял да и кинул туриста в пропасть, сам дошёл. Остальные пастуху: «Ты чё, мужик, обалдел? Ты чё наделал?!» А он им: «Да чего там, рублём больше, рублём меньше».

Славка отцовские анекдоты знала наизусть, поэтому побрела одна вдоль берега.

Снег быстро таял. И лес вновь становился летним.

Славке показалось, что недалеко на берегу стоит человек. Он наклонился и разводит костёр. Когда она, стараясь не шуметь, подошла ближе, то увидела, что это нагибина—наклонённое сухое дерево. Славка вдруг вспомнила медведя на тропе. Собаку, уплывающую по реке. Свой страх в ледяной воде.

У неё задрожали от усталости ноги, и Славка присела на нагибину.

В озере отразился золотой закат. Славка вдохнула полную грудь свежего воздуха и медленно выдохнула. Голова закружилась, и ей показалось, что вот сейчас небо и озеро должны поменяться местами. В воде засверкала первая звезда. А на небе Славка её не нашла. Горы потемнели. Они были совершенно одинаковыми вверху и внизу. Чёрными, как будто нарисованные углём. Деревья и горы словно объединяли эти два мира. Земной и небесный.

И только теперь Славка захотела в горы. Туда, ближе к звёздному миру.

Глава шестая

От озера поднимался туман. Он скрывал от взгляда всё, что находилось дальше пяти метров. «Островок» с палатками вдруг остался один на всей планете. Деревья исчезли, горы растворились. Славка, проснувшись утром, хмыкнула и рискнула пробиться сквозь туман. Пока она на ощупь шла к воде, туман хватал её за руки своими сгустками плотного воздуха, оплетал ноги и сковывал движения.

Сегодня они должны были вернуться к Текелюшке, подняться до перевала Каратюрек и остановиться у его подножья, в некой долине кедров.

Где-то во мраке вспыхнуло солнце, и всё встало на свои места. Славка обнаружила, что очень далеко отошла от лагеря. И совсем не в сторону озера. Туман уходил в горы, точно на сливки, которые медленно наливают в стакан с кофе.

Горы опять раздвоились: одна их половина стояла как и раньше, а другая зеркально опустилась в безмятежное озеро. Всё живое, замерев, немигающими глазами смотрело на солнце, не спеша поднимающееся из-за горы.

Славка с сожалением глянула в сторону лагеря. Ей хотелось остаться здесь подольше. Лужайка, на которой они ночевали, была правильной круглой формы. На большой сосне в центре сидела птица и внимательно смотрела на девочку. Славка помахала зачем-то птице рукой. Незнакомая птица покачала головой. А дерево вдруг зачудило, зашумело. Птица взлетела, сделала круг над лужайкой и полетела куда-то за озеро. Лес запел, засвистел, ожил. Славка ущипнула себя за руку. У неё было ощущение, что она только что вернулась из параллельного мира.

Из палатки выглянула сонная мама.

— Ты когда успела встать?—удивилась она и зевнула.—Надо сегодня сделать зарядку.

В палатке недовольно застонала Катюшка.

Мама заставила девочек встать кругом около дерева и стала показывать разные упражнения. Антошка и Мишка проснулись и стали разводить костёр, хихикая. А Славка и Катя обречённо махали руками и ногами.

— Веселее, веселее,—подбадривала их мама.—Мышцы нужно разминать перед и после дальней дороги. Сегодня мы будем долго идти. Очень долго и далеко.

Последние слова она сказала с грустью, даже перестав показывать движения.

Солнце светило прямо в лицо, скрывая от глаз дорогу. Славка постоянно оглядывалась на Кучерлинское озеро, прощаясь с ним. Робинзоны остались на берегу досушивать палатку.

На морену семья взошла молча. Катюшка повязала на ветку кедра тряпочку. И все четверо опять стали спускаться вниз.

. . . .

— Славка, прыгай! Трусиха! Я смогла, и ты тоже сможешь! Давай резче!

Наташка плавала под скалой и смахивала с лица капельки воды.

— Ага! Тебе легко говорить! Ты здесь дно знаешь! А я не для того с гор спустилась, чтобы в деревне угробиться!

— Давай толкну!

Наташка уже выползла на берег с явным намерением подняться к Славке на выступ.

— Стой! Ещё шаг сделаешь и… Ой! Ты совсем того, да? Не трогай! Убью-у-у…

Отплёвываясь, Славка вынырнула из воды и со звериным блеском в глазах посмотрела наверх.
— Ну чё? Не сдохла же?
— Я тебя…
— Отодвинься, я прыгаю!
— И речка выйдет из берегов!

Наташка зажала нос, присела и плюхнулась рядом со Славкой. Вынырнула из мутной воды со счастливым лицом.
— Давай теперь Лёху утопим!

Славка посмотрела на своего троюродного дядю, подплывающего к ним. Лёхе было уже пятнадцать лет, и он не по годам был высок и красив.
— Да ну тебя на фиг. Не буду я его топить. Сама топи.
— Да ты чего? Такой прикол будет!
— Ага, прикол. С жертвами.

Ната загадочно улыбнулась и с новым интересом взглянула на скалу, откуда недавно скинула Славку.
— Слу-у-ушай…
— Чего?
— А если скинуть?
— Кого?
— Лёху со скалы. Вот хохма будет!

Славка скривилась и мрачно поприветствовала Лёшку, в ответ тот дёрнул её за косу и быстро отплыл на безопасное расстояние.
— Ната, это тебе он двоюродный брат, а мне аж троюродный дядя. Я с ним никогда до этого лета не общалась. Ну и чё к чему я буду его топить? Я даже не знаю, о чём с ним разговаривать.
— Тогда влюбись и…

Славка накинулась на Наташку, вдавила её в тёплую воду и за ногу потащила к другому берегу озера Манжерок. Там, обнявшись, сидели её папа и мама. Сзади внезапно налетела Катюшка, и они вдвоём с вырвавшейся Наташкой накинулись на Славку сверху.

……………………………………………………

Шли практически без привалов.

Лес и тропа были знакомыми. Славка почему-то думала о том, что лес везде одинаков. Только деревья разные. И судьбы у них тоже разные. Хорошо, что здесь остались сравнительно не тронутые человеком места.

Когда Славка сквозь деревья услышала знакомый грохот горной Текелюшки, небо стало кряхтеть и непривычно потемнело.

Очень хотелось пить. Но отец пить в дороге запрещал. Да и Славка уже почувствовала, что если много пить во время ходьбы, то через полчаса начинаешь задыхаться и становится трудно идти.

На обед они остановились перед Текелюшкой. Славка побегала налегке по каменистому берегу вверх и вниз. Везде виднелись вытоптанные стоянки, соединённые друг с другом еле заметными тропами. Славка почувствовала себя первобытным человеком. И спряталась в кустах, когда мимо вниз по Текелюшке прошла компания туристов.

Начал накрапывать дождь. Рюкзаки перетащили под дерево, в сухое место.
— Скоро мы будем в деревьях жить,—усмехнулась мама,—как в стародавние времена. У меня опять такое же состояние, как тогда, на болоте.

Она стояла у бурлящей, падающей с камней воды и смотрела на другую сторону реки. Славка встала рядом. И правда. Будто тот мир, в котором она жила до этого похода, остался там, за Текелюшкой. А в этом мире ей мерещатся бегающие деревья, она принимает их за людей и обращает внимание на странных птиц.

Пока Катюшка с мамой готовили обед, мимо пробежала семья Робинзонов и, понюхав вкусный пар от грибного супа, пошла наверх. Славка посмотрела им вслед. Тропа уходила высоко в горы, вверх по Текелюшке. Туда, где, судя по цвету гор, шёл уже не дождь, а снег.

Славка села рисовать. Она укуталась в дождевик, накинула на голову платок и открыла блокнот. Сначала набросала фигуры мамы и сестры, склонившихся над костром. Перевела взгляд на другой берег Текелюшки. Там стояло дерево, в которое когда-то ударила молния. Славка нарисовала треугольное основание с поднятыми кверху ветвями-руками.

Потом все сели рядом и, прижавшись спинами друг к другу, ели суп. Папа спрятал пакет с сухариками у себя под рубашкой и возмущённо отмахивался от тянущихся к нему рук.

……………………………………………………

— Слушай, как целоваться хочется…
— Ага.
— А ты целовалась уже?
— В отличие от некоторых.
— В отличие от кого это?
— Приятно?
— Ты не увиливай!
— А я вопрос задала.
— Когда как.
— Ой, ну конечно. Типа много раз.
— А чё?
— На такую-то…
— На какую такую?
— Да вот на такую.
— Что-то ты, Ярослава, лексикон-то свой обогащаешь и обогащаешь, я посмотрю.
— А где Лёшка с Мишкой?
— Не знаю. На речке, наверное.
— А Катюшка?
— В доме с прабабушкой.
— А… наверное, она грядки полет. Хорошо, что мы убежали.
— Да стыдно как-то.

— Скоро бабушкины сёстры приедут?
— И дядь Митя приедет. И тёть Надя, и тёть Маша.
— А тёть Зоя?
— И мамка тоже. Ты в Катуни уже плавала?
— Я чё, сумасшедшая? Меня же унесёт сразу же. Один раз чуть не унесло на Семе. Больше не полезу.
— Да ну, все плавали. Унесло всего один раз, пацана из другой деревни, несколько лет назад. Но он щуплый какой-то был. Главное — далеко не заплывать. А то попадёшь в водоворот — не вернёшься.
— Надо с кем-то плыть. Может, Топчылая попросить?
— Или Лёшку?

....

Тропа поднималась по обрывистому берегу Текелюшки. Кучерлинское и Аккемское озёра разделены горными хребтами, через которые есть несколько перевалов. Самый лёгкий из них — перевал Каратюрек, три тысячи двести метров над уровнем моря. На остальные перевалы ходят только профессиональные альпинисты со снаряжением.

Подъём оказался очень тяжёлым. Высокие камни, которые приходилось обходить, грязь, стекающая по тропе, обрывающиеся из-под ног куски земли. Удерживаться порой удавалось только с помощью лыжных палок, от которых на равнине было мало толку. Привал устроили только один раз. Не снимая рюкзак, Славка прислонилась спиной к камню и, закрыв глаза, долго пыталась восстановить дыхание. Отец спустился к реке и фотографировал водопады. Мама с Катюшкой набирали на всякий случай в пластиковые бутылки вкусной горной воды. Слева, за Текелюшкой, начались отвесные скалы.

Славка посмотрела вниз. Их стоянку, да и Кучерлу, уже не было видно. Горы заметно опустились и ушли вдаль.

Славка поправила платок, который сбился на голове, и, несмотря на холодный ветер, незаметно от мамы расстегнула рубашку.

Часа через два семья остановилась вновь. Здесь русло Текелюшки раздваивалось. Она брала своё начало в двух местах и из двух источников. Отец, недолго думая, повёл всех по правому руслу.

Славка сильно сомневалась насчёт того, что они идут правильно. Но затем Катюшка заметила в стороне от тропы в траве кепку Галины, жены Робинзона. Славка прицепила её к своему рюкзаку.

Часа в три дня настоящий лес кончился, трава почти исчезла, и впереди виднелись только голые камни. Везде. Сверху, справа, слева. Каменная пустыня, бесконечным снегом уходившая в серое небо. Здесь на небольшой каменной площадке росли только кедры.

Это была последняя стоянка перед подъёмом на перевал Каратюрек.

Долина кедров.

Глава седьмая

Славка прыгала у костра, пытаясь согреться. Если посмотреть на заснеженный перевал, то можно увидеть физиономию Деда Мороза. Большой нос, шапка с помпончиком и борода.

Холодало, мимо стоянки плыли хмурые тучи, моросящий дождь постепенно переходил в снег. Никакого разговора о том, чтобы догнать Робинзона и пойти на Каратюрек, уже не возникало. Мама с Катюшей поставили палатку в самом центре долины кедров. Славка никогда ещё не видела столько древних кедров.

Кедры росли выше по горе, чем текла Текелюшка. Отсюда и начиналась река. Тонкий ручеёк перепрыгивал по камням, кое-где почти полностью уходя под землю.

Облака цеплялись за верхушки кедров, иногда подплывали к палатке и скрывали её в своей мороси. Когда ветер разгонял их, то Славка видела, что эта каменная равнина тянется почти до самого горизонта.

Славка пошла бродить по окрестностям и разглядывать старые деревья.

Сначала она увидела много туров — каменных пирамидок, которые каждую весну делают горные первопроходцы. Туры встречаются в горах там, где нет никаких иных указателей на тропу и где нет настоящих троп, как в лесу.

Конечно, тропу можно опознать по белым камням, вытертым горными ботинками. Но горы двигались. Славка пока никак не могла понять, как именно. Но двигались. Наутро можно было не обнаружить каменной тропы, по которой ты пришёл вечером на стоянку.

Славка добралась до самого последнего дерева в долине. Там стоял одинокий громадный древний кедр с толстыми ветвями. Славка вспомнила кедр на морене у Кучерлинского озера и решила сделать вокруг этого такой же круг из камней. Она долго ворочала их, складывая друг на друга.
— Ты понимаешь… — вдруг начала Славка, обращаясь к кедру, когда распрямлялась над камнями. — Я первый раз пришла в горы. Я никогда ещё не ходила так далеко и так надолго. Мне казалось, что я должна бояться обрывов, рек, камнепадов. А мне нравятся деревья. Нравишься ты. Это ведь нечестно, что тебя никто не любит, как тот кедр на перевале. Ты такой старый, долговечный. А мне всего четырнадцать лет! Ты высокий, а я маленькая. Ты широкий, а я тонкая. Ты самый что ни на есть высокий кедр со всей долины.

Славка оглянулась по сторонам. Вдруг кто-нибудь её слышит? Но облака затянули даже физиономию Деда Мороза. Тогда Славка подошла к кедру, переступив собственное каменное сооружение, и осторожно погладила кору. Дерево было очень тёплое, будто вместо смолы в нём текла настоящая человеческая кровь.

— Давай я оставлю в тебе кусочек себя. Ты ведь меня запомнишь? Правда? Ты помнишь все облака, которые пролетают мимо. Ты должен запомнить меня. Пока ты не упадёшь, так и со мной будет всё в порядке, слышишь? А если твои ветви опадут, значит, и мои дела плохи.

Славка отстранилась немного и вдруг увидела в ветвях небольшую дощечку. На ней был написан адрес: город Томск, дальше номер абонентского ящика и индекс.

Славка очень удивилась. Она решила запомнить этот адрес, а потом из родного города написать в Томск письмо. А вдруг там живёт красивый молодой альпинист? У него ещё нет бороды. Но он заметил этот кедр. И он знал, что когда-нибудь сюда придёт Славка и увидит его послание.

От этого внутри у Славки что-то приятно колыхнулось.

— Дорога, дерево, род, корень,— задумчиво произнесла она.— А вдруг в этих словах есть что-то общее, помимо буквы «р»? Пер-р-ревал. Гр-р-раница.

Славка посмотрела на заснеженную вершину. Это такая граница, которую будет сложно преодолеть. Никакая морена с медведями с настоящим перевалом и рядом не стояла. А вдруг здесь есть волки? А она тут одна. Беседует с деревом.

Как много странных границ в этом горном мире, подумала Славка. Перевалы, реки.

Она пригляделась к невысоким и невзрачным кустам, росшим неподалёку вокруг кедра. Что-то они ей напоминали… Точно! Можжевельник!

Вспомнился алтаец с мясом. Тогда она пошарила по карманам, нашла добытый с боем у отца сухарик, подержала его в руке, положила под кедр.

— Если тебя хоть кто-нибудь тронет, хоть одну ветку отрубит, пусть у него тогда что-нибудь отвалится,— прошептала Славка и села на одну из низких и крепких ветвей кедра.

Она прислушалась. Кедр шелестел на ветру. А разве кедры шелестят? Они же не берёзы. Славке очень хотелось услышать, что же ей ответит кедр. Может быть, кроме незнакомого адреса в Томске, он ей даст ещё что-нибудь? Прорицание?

Ей казалось, что этот кедр дышит, что он смотрит вдаль и думает о чём-то. Что он молчит, точно мудрый старик, иногда вздрагивает от порывов ветра. Или плачет по ночам. Широкие ветви с незрелыми шишками были похожи на крылья. А корни, выдавливающие камни из земли,— на птичьи лапы. А сама Славка сейчас закроет глаза, вцепится в кедр и полетит. Полетит над горами, над перевалом, над Кучерлинским озером…

— Славка-а-а! — раздался вдалеке мамин голос.

Славка очнулась.

Ещё раз погладила кору кедра и побежала в лагерь.

Быстро темнело, и долина кедров вдруг наполнилась голосами. Откуда-то с гор пришла компания туристов с «кошками» наперевес для того, чтобы ходить по льду. Они поздоровались, сказали, что приехали из Казахстана и разбили лагерь немного ниже от Славкиного.

Славка вдруг посмотрела на себя в маленькое мамино зеркальце и ужаснулась. Она совсем одичала. Пришлось срочно приводить себя в порядок.

Вскоре с перевала спустились ещё несколько человек — очень угрюмые и печальные. На их головах были странные разноцветные шапочки, а за спинами — невесомые рюкзаки. Наверное, эти люди совсем ничем не питались.

Мама вежливо спросила их, откуда они. И те ответили, что из Вологды. Затем они развели костёр недалеко от Славкиного лагеря и сели около него. Никто не раскладывал палаток, не готовил еду. Они просто сидели у огня и смотрели на него.

Совсем стемнело, и Славка старалась не отходить от своей палатки и костра. К ним из темноты вышел парень. Славка дала бы ему лет девятнадцать. Видно было, что он совсем замёрз, поэтому молча подошёл к огню и улыбнулся.

Славка тоже улыбнулась и мысленно поблагодарила кедр.

Парня звали Сергеем. Он приехал из Москвы, он всю жизнь хотел попасть на Белуху, но не знал, что на неё без снаряжения не подняться. Он учился в Бауманке на первом курсе, жил в Подмосковье. Славка улыбалась всё шире и шире. Сергей казался ей очень загадочным и красивым.

— Можно я посижу немного у вашего костра? — спросил он.

— Конечно! Хочешь каши? — Славка загремела посудой, и из палатки высунулась Катюшка.

— Ма-а-ам,— сказала она,— Славка кого-то нашей кашей кормит!

Тотчас из палатки выползла и мама.

— Здравствуйте,— улыбнулся Сергей, но на маму его улыбка никак не подействовала.

— Здравствуйте. Извините, а вы надолго к нам? — спросила она.

Из палатки, толкаясь в проходе, появился отец.

— Я бы хотел остаться ночевать в вашем лагере. У вас случайно места в палатке нет свободного?

Папа с мамой переглянулись. Славка с ужасом подумала о том, что родители сейчас выгонят такого красивого мальчика от костра.

Отец вышел, обулся и встал рядом со старшей дочкой.

— Извините, а где ваши вещи?

Славка и не заметила за улыбкой, что у Сергея нет рюкзака. Только одинокий тонкий спальник висит за спиной.

— Я не брал их. Люди добрые, кто в палатку пускает, а если нет, то я сплю в спальнике под деревьями. Ваша дочь меня кашей угостила.

— Ты что ж, прибиваешься, как придорожный пень? Никого она не кормит. Слав, нам завтра

вставать в шесть, мы не успеем приготовить завтрак. Поедим и пойдём на перевал.

— О, я покурил на перевале, это так… — хотел вставить Сергей, но отец перебил его и обернулся к Славке:

— И ты будешь есть свою кашу. Переход предстоит тяжёлый.

Но Славке уже было очень обидно за себя и за Сергея. Как здорово было сидеть с ним в темноте у костра и расспрашивать о жизни в университете!

— Я не хочу. Пусть ест мою.

— Спасибо, — улыбнулся Сергей.

Тогда отец силой поднял Славку за шиворот и молча указал ей дорогу в палатку. Она хотела что-то возразить, но только проглотила обиду и заползла внутрь. Она знала, что отец ненавидит людей, который ходят по горам без подготовки. И что дальше она отправится либо со своей семьёй и с кашей, либо с Сергеем и без палатки. Поэтому Славка укуталась в спальник и заплакала.

В полночь со стороны вологодской компании раздалось странное пение. Славка вылезла, сказав, что ей нужно в туалет, и подкралась к соседним деревьям. Люди раскачивались из стороны в сторону и выли. Иначе эти звуки Славка никак назвать не могла. Люди наклоняли головы, молитвенно сложив руки на груди. Затем один мужчина начал говорить, а остальные не прекращали своего пения. Одна женщина заплакала. Славка обернулась на свой лагерь и увидела, что к ней сзади подошёл Сергей.

— Что они делают? — спросила шёпотом Славка.

— Они готовятся к смерти, — на лице Сергея она не видела недоумения. — Не обращай внимания, это обычная секта. Эти вот боятся умирать, они где-то прочитали, что сегодня какие-то планеты встают друг за другом и что Земля погибнет через несколько часов.

— А мы тоже погибнем? — испугалась Славка.

Но потом успокоилась. Она не зря сегодня общалась с кедром, чтобы умереть. Такие вещи не происходят просто так.

— Нет. Чудики тоже скоро удивятся, что живы. Увидят в этом проявление небес и поедут по домам.

— Ага…

— Напиши мне свой адрес.

— Электронный? — засмущалась Славка.

— Какой хочешь, — ответил Сергей. — Я так тебе завидую. Тебе ещё предстоит подняться на Каратюрек. Это самое сильное духовное восхождение, которое ты вообще могла себе представить…

Счастливая Славка вернулась в лагерь. Вся её семья спала. А ей мешало пение соседей и бумажка с адресом Сергея. Она села на бревно у потухшего костра. Казахи тоже не спали, бродили между кедрами, разговаривали о сюрпризах природы и о завтрашнем снегопаде.

Глава восьмая

Казалось, что всё вокруг вымерло.

Каменная пустыня, покрытая снегом.

Шаг. Второй. Третий.

Славка вытерла рукавом пот, стекающий со лба в глаза. Но их тут же забил снег.

Семья уже сделала два привала. Один для того, чтобы сменить сапоги на тяжёлые горные ботинки, второй — для утепления. Славка вытащила куртку, кофту, поверх банданы надела толстую некрасивую шапку. А она ещё не хотела её брать!

«Зачем летом в горах шапка?» — орала она две недели назад дома, выбрасывала её из рюкзака, а мама молча складывала обратно. «Может, всё-таки на озёра скатаемся? — упрашивала она отца. — Лето в Сибири короткое, хоть неделю погреемся на солнышке». — «Ты что? Хочешь уподобиться этим жареным сарделькам на пляже? — возмущался отец. — Славке повзрослеть надо! Она в свои четырнадцать мыслит как десятилетний ребёнок! Раньше в четырнадцать лет замуж выдавали! А эта, кроме своих подружек и телека, вообще ничем не интересуется!» Мама пожала плечами и в очередной раз вернула шапку в Славкин рюкзак.

Славка попыталась рассмотреть вершину Каратюрека и не смогла. Всё вокруг было грязно-серым. Непонятно, где хребет горы, по которой они ползли, а где небо. Ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки. Бесконечные камни. Острые, круглые, плоские, и маленькие, и огромные.

Славка думала о том, что ей нужно выбрать, чем заниматься в будущем. Ничего, кроме рисования, у неё толком не получалось. В школе отметки тоже были так себе. Но не связывать же жизнь с рисунком? Куда податься?.. Кому она вообще нужна, такая бесталанная в четырнадцать лет? Лучше бы отец выдал её замуж.

Со всех сторон были видны лишь тучи и снег, и от этого Славке становилось страшно. Тропы не было видно, семья шла по серой, мутной и ледяной каше. Сзади — надвигающаяся серая стена туч, подгоняющая вверх. Каждый шаг отдавался в теле болью и усталостью.

— Мы похожи на четырёх ёжиков в тумане, — пошутил отец.

Никто даже не улыбнулся. Не было сил.

Славка впервые чувствовала кожей тишину. Такая тишина бывает в фильмах про умерших людей. Они стоят в белом небытии, и их окружает абсолютная тишина.

Один раз слева что-то прогремело. Славка вздрогнула, а Катюшка сказала:

— Это горы играют друг с другом в камни.

— Чего?

Славка поняла, что где-то слева падают огромные камни. А она их не видит. Камень просто может отскочить и убить её, вылетев из мрака.

— Они играют, пока никто их в тучах не может разглядеть.

Должно быть, Катюшке тоже страшно, подумала Славка. Ей казалось, что она совсем одна в этом мире. Что ни отец, ни мама, ни сестрёнка не смогут помочь, если вдруг она обессилеет и упадёт.

Ей чудилось, что она совсем заблудилась, заплутала и сама не знает, где идёт. Ни здесь, ни там. Есть две Славки. Одна передвигает ноги. Другая порхает рядом и только слышит тяжёлое дыхание первой.

Славка заметила, что пока идёшь — телу тепло, почти жарко. Но при малейшей остановке, даже для того, чтобы перевести дыхание, холод скручивает кожу, руки. И сразу хочется сесть, лечь. Укутаться в спальник, закрыть глаза и заснуть.

«Нельзя, нельзя, нельзя!» — Славка впервые почувствовала инстинкт самосохранения, гнавший её вперёд.

Нужно добраться до вершины. Славка знала: она достигла какой-то вехи в жизни, и ей необходимо попасть на гору. Если она доберётся до вершины, то докажет себе и другим, что она уже не маленькая глупая девочка, а взрослый человек, которому можно доверять и на которого можно рассчитывать. И настоящий переходный возраст — это переход через перевал Каратюрек.

И если Славка поднимется на гору, там она найдёт силы продолжать свой путь. А за невидимым горизонтом будет иной, чудесный, волшебный мир.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — бормотала Славка. — Кто бы вы ни были. Духи ли гор или неведомые мне силы. Пожалуйста, доведите меня до вершины. Доведите всех нас до вершины. Туда, где будет видна тропа вниз. К озеру и к людям.

Текелюшка превратилась в тонкий ручеёк, а затем пропала под камнями, лишь иногда напоминая о себе и о правильном направлении слабым журчанием и бульканьем под ногами.

Снег становился всё глубже.

А вершины по-прежнему не было видно.

....

Наташка и Славка валялись на крыше бани и лениво щёлкали подсолнух. Сначала наперегонки, а теперь просто так, от нечего делать.

Деревня будто вымерла. Горы за Катунью расплывались, висели в раскалённом воздухе и слегка шевелились, как ленивые рыбы плавниками.

Даже собаки не лаяли, а люди не выходили из прохладных бревенчатых изб.

— Славк, а ты (тьфу) солнечный удар когда-нибудь получала?

— Не-а (тьфу). Чуть не замёрзла один раз — это да (тьфу).

— Сегодня точно (тьфу) получишь. Чё-т надоели семки (тьфу). Может, ранеток сорвём?

— Не-а. Хотя... Сама поднимайся и рви (тьфу). А мне лень.

— Мне тоже лень (тьфу).

— Тогда давай о чём-нибудь поболтаем (тьфу).

— Всё, не могу больше их есть... Ну давай.

— О чём?

— Ни о чём.

— Здорово.

— Ага.

Молчание.

— Всё, щас испекусь.

Молчание. Наташка прикрыла своё веснушчатое широкое лицо руками.

— О, девки! Привет! Вы чего там валяетесь?

Славка с трудом подняла голову и взглянула вниз. На улице стояла Светка, лучшая подруга Наташки. А значит, теперь и Славкина. Алтайка, смуглая и тоненькая. Она прищурила и без того раскосые глаза, одёрнула белое платье, а на голове у неё лежал мокрый купальник.

— Эт мы разлагаемся. И нагреваем Славку. А то её до сих пор после гор колотит.

— А-а... А на речке здорово. Жаль только, что Узнезюшка пересохла.

— Эт люди её из берегов выперли.

— Катунь даже какая-то тёплая стала.

— Эт у тебя температура. Измерь.

— Вы, кстати, тоже. А то стукнет солнышко по головушке.

— Уже.

Светка растекалась у Славки перед глазами. А семечки просились обратно в подсолнух.

— Рада слышать! Ладно, побежала я к своим.

— Пока! До вечера! Ох, бедная моя спина!

....

— Бедные мои ноги. Бедные-пребедные! — застонала Славка.

— Да... — сказал папа. — В горах всё кажется близким, а на самом деле в километре — все четыре. А недалёкая вершина горы — часов на восемь ходьбы.

После короткой остановки семья снова пошла вперёд.

Тело горело, во рту пересохло, пот попадал на язык. Славка давно дышала ртом, а не носом, как просил отец.

Текелюшка кончилась. Поэтому ориентирами теперь служили лишь туры, и Славка с Катюшкой выискивали глазами занесённые снегом каменные пирамидки. Отец гнал всех вперёд. Он сказал, что ещё часа два — и даже туров не будет видно. И тогда они заблудятся в снегах.

Славке казалось, что они идут не день, а всю жизнь. И никогда никуда не придут.

....

— Вы не пойдёте на дискотеку!

— Но вся деревня идёт! Светка с братом, Оля, Владик, Аяс, Тюлюш! А мы чё, как левые, должны дома сидеть?
— Побудьте с прабабушкой! Все сегодня поедут на день рожденья Надин. А вы отказались!
— Мы теперь хотим!
— Поздно, в машинах мест нет. Марш в дом.
— Ну ма-а-ам,—захныкала Наташка.

Славка пыталась пустить слезу, но у неё ничего не получилось. Она надулась и села на кровать. Прабабушкина изба была совсем небольшая. Сени, где все оставляли обувь, летняя кухня, комната прабабушки с русской печью и комната для гостей. В этой комнате на четырёх кроватях у стен и на одной раскладушке умудрялись поместиться все родственники, приехавшие к прабабушке этим летом. На одной кровати спали Славка и Катюшка, на второй—Славкины родители, на третьей—тётя Зоя и Наташка, на четвёртой—Мишка с Лёшкой. На раскладушке—их папа, дядь Вася. Наташкин отец работал в Горно-Алтайске и в деревню приезжал только на выходные. Ночевал он на сеновале. Тёть Надя, Мишкина и Лёшкина мама, ночевала в летней кухне, на большом старинном сундуке.

Прабабушка уже спала, когда все уехали на день рожденья к одной из её дочерей. Всего дочерей было восемь. Одна из них приходилась Славке и Катюшке родной бабушкой.

Славка поначалу путалась в именах двоюродных бабушек, но быстро запомнила, как и имена своих двоюродных тёть и дядь, троюродных братьев и сестёр. Наташка ей приходилась троюродной тётей и была младше на год. Но чтобы не путать ребят в деревне, они решили назваться двоюродными сёстрами.

Из «гостевой» комнаты Славка и Наташка привычно вылезли через окно во дворик, где одиноко бродил соседский кот, затем выбежали в огород и сели на тёплую траву у грядки.

Где-то вдалеке, за рекой, на берегу светились окна Дома культуры, в котором и проходила дискотека.

Славка посмотрела туда и грустно вздохнула.
— Я никогда в жизни на дискотеке не была,—призналась она Нате.
— Да ладно тебе?—Наташка сорвала с грядки спелый помидор.—А в школе?
— Я учусь в гуманитарном классе. У нас с первого класса было всего четыре мальчика на двадцать девчонок. Представляешь? Мы однажды решили дискотеку в классе сделать, так у нас девчонки перед ними чуть не на коленях стояли, просили с ними потанцевать.
— И чё?—Наташка сорвала второй помидор.
— Так и не потанцевали... А я ж унижаться не буду, сбежала оттуда, пошла по пустым коридорам бродить, там Петьку встретила.
— М-м-м... Горох будешь?
— Так на дискотеку хочется...
— Да ну их. Зачем тебе вся эта пьянь?
— Ну Лёшка же не пьянь.
— Ну да. Но Лёшка твой родственник.

От реки долетел глуховатый стук музыки.
— Опять эта песня... Ей ведь уже лет двадцать! У вас что, одно старьё крутят?
— Я её никогда не слышала.
— Какая же глупая песня. Когда мы ночью с гор возвращались, водитель поставил тупую старую кассету, которая не давала нам заснуть. И там была эта глупая песня.
— А-а-а... Будешь огурец?—Наташка только руку протягивала, чтобы срывать с грядок овощи.
— Ничё не «а-а»! Знаешь, как это ужасно—всю ночь трястись на полу в машине, где даже прилечь негде, не то что присесть? Катюшка сказала, что она чувствовала себя жирафом в ящике метр на метр. Откроешь окно—холодно, закроешь—дышать нечем.
— У-у-у...
— А у машины то фары отключаются, то тормоза вдруг отказывают перед Громотухой. Сидишь—ни живая ни мёртвая. И думаешь, что этот момент—последний в твоей жизни. И ты зря с Каратюрека спускалась.
— Слышала я уже про твой Каратюрек.
— А ноги-то после восемнадцатичасового перехода разуты, мозоли вытекают, фу!
— Фу. Ну, хорошо, что доехали. А давай на сеновале заночуем?

....

— Неужели... Неужели это...

Славка не поверила своим глазам.
— Это что... перевал?—прошептала она сухими губами.

Зачерпнула рукой снег и положила в рот.
— Перевал!—закричала Катюшка и побежала вперёд, но тут же остановилась.

Впереди был обрыв, который уходил куда-то совсем глубоко.

Семья долго шла по гребню перевала, спуская вниз камни. Затем петляла в темноте и в конце концов наткнулась на большую кучу камней, из которой торчали палки с ленточками. Видимо, это и была самая высокая точка Каратюрека.

Среди горы камней была небольшая пещера, в которую следовало положить свой камень.

А за пещерой начиналась бездна. Славка была уверена, что очутилась на краю земли. Там, кроме серой пустоты, ничего не было. Такое же ощущение, наверное, испытал Данте перед восьмым кругом Ада.

Где-то далеко внизу прострекотал вертолёт—современное существо. Там была цивилизация.

Ночевать на перевале было страшно и холодно.

Внутри палатки Славка обняла сестрёнку, и они уткнулись друг другу в руки, согревая дыханием.

Всё мирское, суетное было отсюда невозможно далеко. Здесь же нужно было просто выжить. Не замёрзнуть.

Тучи окутали палатку.

— Мне кажется, что ночью горы зашевелятся, и палатка улетит вниз…— шептала Катюшка со слезами на глазах.

— Не улетит. Ты крепче за меня держись,— ответила Славка, а сама вздрогнула от мысли, что палатка и правда ночью может не удержаться на камнях.

— Горы кажутся окаменевшими великанами,— Катюшка всхлипнула и пододвинулась ещё ближе к старшей сестре.— Они не только в камушки играют, но и ходят зимой на лыжах, поют песни, ссорятся…

— Тише, тише,— Славка подула на руки сестрёнки.— Спи… Тебе нужно просто заснуть.

Славка полежала около получаса и поняла, что очень хочет в туалет. Они не ели целый день. И утренняя каша теперь вспоминалась с особой тоской и нежностью. Как и отец, который не дал дочке скормить её Сергею. Славка весь день вместо воды ела снег.

Она поворочалась немного, подоткнула под голову сестры свою водолазку, чтобы той было мягче спать. Обулась и высунулась наружу. Вылезать было страшно.

— Ма-а-ам,— тихо позвала Славка.

Но мама слишком устала за день и не проснулась.

Тогда Славка выползла наружу и быстро присела за священную груду камней.

Когда она подняла голову, ей показалось, что невдалеке среди падающего снега стоит белая лошадь. Славка спряталась за камнями, а когда выглянула, то никакой лошади уже в помине не было.

Может, это алтайцы бродят по ночам по перевалу?

Славка залетела в палатку, закрыла все выходы на молнии и укуталась с головой в спальник.

У палатки раздался тихий плач. Славка не сразу поняла, женский это плач или детский. Ее затрясло. Плач перерос в глухой вой. И вдруг вокруг палатки кто-то закричал, будто огромные птицы летали мимо, затем засмеялся на несколько голосов. Славка схватила Катюшку, начала её трясти. Она увидела, что на палатку налегло что-то тяжёлое и тёмное, продавив стенку почти до отцовского лица.

— Папа-а-а-а-а-а-а!— заорала Славка.

Глава девятая

И проснулась.

Отец заглянул в палатку.

Славка зажмурилась от непривычного солнца.

— Выходи, соня! Тут так красиво!

Славка обернулась к сестрёнке. Катюшка потягивалась рядом и улыбалась.

Вместо бездны и обрыва теперь была видна Аккемская долина. Промозглый ветер, пробирающий до самых костей, постепенно разгонял грозовые тучи.

Отец пояснил:

— Во-о-он там— Аккемское озеро, это— ущелье Ярлу, а внизу— долина реки Аккем.

— А Белуха где?— спросила сонно Катюшка и закуталась в куртку.

— А Белуха показывается не всем,— вздохнул отец и показал пальцем на большую тучу, усевшуюся на горизонте.— Вот эта штука всё загораживает.

— Её ещё называют Сердцем Земли,— мама собирала мокрые от снега и ночной влаги спальники.— Гималаи— это голова, реки— жилы Земли. А Белуха— сердце. Многие считают, что именно на ней находится Шамбала.

— Что находится?— Славка оглянулась на открывающиеся со всех сторон горы.

— Шамбала. Вход в параллельный мир. Мир ду́хов.

— А, вот, значит, кто вчера ночью кричал…

— Кто кричал?— удивился папа.

Тучи упорно не хотели расползаться и только приоткрывали иногда то белоснежную вершину Белухи, то Аккемское озеро с серо-голубой водой, то кусочек какой-то изумрудной, похожей на гигантскую лежащую птицу, горы.

— Нет, мы так долго сюда шли. И что, мы не увидим Белухи?— отец уселся на скатанную пенку и стал ждать.

Через несколько минут, когда палатка была собрана мамой и Катюшкой, поджал ноги в позу лотоса и забормотал:

— Чудо-чудо-чудо… Чудо!

И тучи стали подниматься, открывая подножье священной горы.

— Ну что же вы молчите? Помогайте!

— Мы палатку собираем.

— Потом соберёте!

Тучи опять опустились на Сердце Земли.

— Ну вот, это всё из-за вас. Здесь, на горе, материализуются все мысли и желания! А я хочу… чуда! Чудо-чудо-чудо!

Славка засмеялась и стала помогать отцу «открывать» Белуху.

И через несколько минут тучи действительно разошлись в стороны. Катюшка ахнула.

Мама тут же достала фотоаппарат и сфотографировала семью на фоне гор и Аккемской долины.

Затем начался утомительный спуск.

Понемногу теплело. Славка сняла куртку. Затем толстовку.

Несколько раз, спускаясь на очередную сотню метров ниже, все говорили: «Ух ты!»— и останавливались, чтобы сфотографировать открывшийся вид.

Славка разглядывала горы вокруг и делала для себя вывод, что горы бывают разных цветов.

Чёрные горы покрывают землю тьмой, на них висят грозовые тучи, и вершины всегда скрыты дождём. Синие находятся на востоке и приносят рассвет, там сияет утреннее солнце. Белые находились на юге. А жёлтые—на западе.

Слева виднелись скалы, толстые каменные глыбы, утёсы с крутыми склонами и острые выступы.

Семья же спускалась по каменистой гряде, которую отец называл непривычным словом «кряж».

Вдруг Славка заметила невдалеке среди камней шевеление. Она крикнула, чтобы её подождали, и поскакала туда.

—Мыши по норам, а козы по долам,—проворчал отец и присел на камень.

Славка не понимала, зачем идёт туда. А если это не очередной мираж, а настоящий человек? Или животное?

На камнях сидело существо, укутанное в мокрый спальник. В одном месте из него торчали светлые кудрявые волосы.

—Здравствуйте!—набравшись смелости, громко произнесла Славка.

Существо вздрогнуло. Голубой спальник сполз, и Славка увидела миловидное женское лицо, опухшее от страха и бессонной ночи. Волосы, выбивавшиеся из-под белого платка, тоже были в инее.

—Вам помочь?

—Я… я… я заблудилась!—пробормотала женщина и попыталась подняться. У неё были совершенно холодные, остановившиеся глаза.—Девушка, а вы откуда?

Славку впервые назвали по-взрослому, девушкой.

—Мы с родителями мимо проходили, к озеру. Я вас и заметила. Вам… нужна помощь?

—Да, да, да!—женщина с трудом встала с камня. Лицо у неё казалось ледяным.—Мы шли с группой. Ну, знаешь, я с ними пошла, потому что хотела на Алтае побывать и лишние килограммы скинуть. А группа подобралась спортивная. Они возились со мной, возились, а потом—раз. И вчера ночью я отстала и заблудилась. Тут волки ходили… Я думала, всё…

Славка оглянулась на родителей.

—Меня Марой зовут.

—А меня Ярославой. Возьмите термос, тут немного горячего чая есть.

…………………………………………………………

Славка каждый раз боялась первой заговорить с прабабушкой. Утомлённая и мудрая, она выглядела намного моложе своих восьмидесяти восьми лет.

—Вам помочь?—спросила Славка, проходя мимо.

Прабабушка медленно поднималась с кровати.

—Ах ты, дитятко моё, не надо, не надо. Я сама. Сяду. Отдышусь.

Славка неловко потопталась рядом, а потом кивнула на печь:

—А почему на ней никто не спит? Вроде на русских печах все спят?

—Давно уже не спит никто,—кивнула прабабушка.—И я скоро здесь спать не буду.

—Почему?—Славка присела рядом на кровать, пахнувшую какими-то цветами, а не старостью, как она ожидала.

В буфете стоял старинный фарфоровый набор. А на стене висела большая выцветшая картина с изображением коня.

—Меня дети хотят в город увезти. Говорят, нашли дом—точь-в-точь как этот. Но ближе к ним. Им тяжело меня здесь на зиму оставлять одну. Ну да как я отсюда поеду?

Славка посмотрела в окошко. Дом стоял на холме, на высоком берегу Катуни. Когда-то здесь прабабушка ждала своего первенца, а её муж был на войне. Здесь она родила Славкину бабушку. Бабушка вышла замуж и целый год жила в этом доме и родила здесь Славкиного папу. Как вообще можно продавать *такой* дом?

—Дед твой, Митя, горенку здесь новую построил. Давно уже. А держится.

—Я так рада, что мы поехали в горы. И я познакомилась с вами.

—Вот понесло же лешего… И чего в угору потащились? Сопли только морозить.

—Там красиво было! И мы такого странного мужика видели! Он был весь какой-то зелёный!

—У нас на Лешовой горушке такой же жил. Сидел на пне и шалил. Иногда направлял в медвежий слопец.

—Куда?—удивилась Славка и вспомнила медведя на тропе.

—В медвежью ловушку. Ох, устала я что-то… Я и год в том новом доме не проживу. Здесь-то меня стены держат… Принесёшь мне воды? Хотела пойти на огород, да что-то голова кружится.

Славка сбегала за кружкой. Зачерпнула воды из прохладной алюминиевой бочки. И слышала, как прабабушка тихо говорит:

—И горою в лес, и под горою в лес, и лесом в лес.

…………………………………………………………

Мама отдала Маре свою тёплую куртку и напоила чаем с имбирём.

Оказалось, что Мара была из того же города, что и Славка.

—А где вы работаете?—спросила Славка.

Она чувствовала, что может задавать любые вопросы спасённой женщине.

—У меня частная школа.

—Вы… вы же…—Славка только сейчас соотнесла лицо Мары с телевизионными новостями своего города.—Вас же постоянно по телевизору показывают!

—Показывают,—согласилась женщина и поскользнулась на мокрых камнях.

Славка поддержала её и задумалась.

— А ты кем хочешь быть? — спросила Мара.
— Не знаю ещё. Художником.
— У нас в школе есть художественный класс. Мы готовим к поступлению в колледж искусств. Если хочешь, приходи осенью. Посмотрим, на что ты способна.
— А в этом классе мальчики есть? — осторожно спросила Славка.

Мара засмеялась, а Славкины родители обернулись.
— Есть. Приходи. Я тебе визитку дам. Главное, звони сразу, не затягивай.

Появились первые деревья. Половина из них были чёрными. В прошлом году здесь бушевал пожар.

Перепрыгнув речушку, наткнулись на необъятное поле ярко-синих цветочков. Катюшка заглянула внутрь, а Славка на привале успела зарисовать строение одного из них.

Ещё ниже, в кедровом лесу, Славка заметила знакомую палатку.

Робинзон приветливо махал руками, а Антошка с Мишкой радостно прыгали вокруг Славки и Кати. Отец представил Мару. Все начали раскладываться.

Оказывается, Робинзоны под дождём добежали от Текелюшки и стоянки до долины кедров и сразу же пошли на перевал. Туристический путеводитель говорил, что подъём с Кучерлы до Каратюрека займёт максимум два часа. Робинзоны тоже ночевали на перевале, а на следующий день по венцу перевала пришли сюда и остановились без сил дожидаться своих красноярских друзей.
— Вы молодцы, медленно ходите. Сначала меня это раздражало, а теперь я понимаю, что вы правильно путешествуете, бережёте силы, — произнёс Робинзон и протянул отцу руку.

Отец гордо и многозначительно посмотрел на дочек.
— Здесь вчера вертолёт пролетел? — спросила у Мишки Славка.
— Да, свалились трое с перевала Буревестник. Один выжил. Помните, на Кучерлинском озере абориген к чехам ходил взятку брать? Ну вот…

Славка толком их уже и не помнила. Катюшка, судя по лицу, тоже. А отец воскликнул:
— А, ну да, точно! Они ещё не поздоровались.
— Серьёзные ребята. Да вот, видимо, не судьба.

Все немного помолчали.

Мара сказала:
— А меня Ярослава сегодня спасла.
— Ой, ну что вы… — засмущалась Славка.

Антошка с уважением взглянул на неё и протянул кусочек шоколадки.

Робинзон посмотрел на часы:
— Кстати! У нас на сегодня баня заказана! На метеостанции! В пять часов — девушки, в шесть — мужчины.
— И как вам это удалось?
— Да вот, специально тащил из дома две бутылки, отдал в залог. Так что — скоро выходим из лагеря, здесь далеко ещё спускаться!

Глава десятая

Перед баней Славка нашла поваленную свежую берёзу, нарвала веток и свила два венка, себе и сестре. И сделала три банных веника.

Попасть в баню оказалось не так-то легко. Прибежала горластая тётка с плетущимися позади немцами и заявила, что она проведёт своих туристов туда первыми. В четыре часа, как и намечалось. Отец молча продемонстрировал часы, стрелки которых показывали пять. Тётка с огромной копной волос непонятного цвета начала кричать, мешая отцу открыть дверь бани.
— Извините, — прервал её крики Робинзон. — А вы сколько бутылок давали в залог?
— Чево-о-о? — заорала тётка, а немцы начали перешёптываться.

Славка уже жалела, что спустилась с гор к людям.
— Так сколько?
— Одну!
— А мы две!

Тётка набрала полные лёгкие воздуха для последующих воплей, но тут двери бани распахнулись, и на пороге появились полуголые и красные мужики. Один из них, икая, ткнул в сторону Славки:
— Они — первые. У вас час.

И, опираясь на своих друзей, поплёлся в гору к домикам. Деревянных домиков было всего пять. Баня, гидрометеостанция, столовая, магазин и домик для жилья.

В бане было душно и мокро. Славка в большом зеркале увидела, как загорели её руки и лицо.

Она наконец-то помылась. В тёплой воде, с мылом. Вода Аккемского озера была мягкой, как и в Кучерлинском, с небольшой примесью известняка. Поэтому волосы после мыться стали же мягкими, как и после ополаскивателя.

Когда все вернулись в лагерь, уже темнело. Славка отошла за кедры по склону горы и уселась на пенёк среди чёрных листьев бадана. Отсюда была видна вся удивительная изумрудная гора. Славка достала из кармана блокнот.

Помимо причудливого цвета, гора имела ещё и необычную форму. Антошка назвал её «убитым солдатом». А Славке в её форме мерещилась упавшая от сильного удара на спину женщина. Славка даже зарисовала её «профиль»: чёткое и правильное, запрокинутое наверх лицо. Напряжённое, как от боли, тело. И рука, безжизненно спускавшаяся вниз, к Аккему. Вдоль неё текла неизвестная пока Славке река.

На плече у женщины зияло красное пятно со стекающей кровью.

— Вот ты где. А я-то думаю: куда пропала? — сказала мама, появившаяся из-за деревьев. — Покажешь рисунок?
— Это женщина.
— А по-моему, это не женщина, а птица. Там, где у тебя клюв, — это кулак, шея — рука. Ну и так далее.

Славка присмотрелась к горе. На закате гора начала переливаться и блестеть, будто сигналы посылать в космос.
— Всё равно что-то трагическое здесь есть, — упрямо сказала Славка.
— Конечно, есть, — улыбнулась мама и присела рядом на тёплый камень. — В любом случае Ярлу прекрасна.
— Ярлу?
— Долина Ярлу. Мы вряд ли туда пойдём в этот раз.
— А что там?
— Долина эдельвейсов. А ещё люди считают, что именно там находится космодром нло.
— нло?! — Славка залилась смехом.

Мама обняла дочку и закрыла глаза. Красные лучи последнего на сегодня солнца гладили её по лицу, успокаивая и забирая дневную усталость.

После того как мама ушла, Славка вместо возвращения в лагерь решила спуститься чуть ниже и заплутала. Она выскочила на каменный обрыв, чтобы подойти к ручью и попить воды, но поняла, что в сумерках вышла на сыпуху. Ступив на первый, с виду устойчивый камень, Славка с грохотом, балансируя, покатилась вниз. Пить сразу же расхотелось. Наверху позвала на ужин мама. Славка не ответила. Она не хотела, чтобы этот умиротворённый вечер был испорчен и чтобы ей очередной раз сказали, что она приносит одни неприятности и вечно лезет куда ни попадя.

Славка попыталась с разбегу атаковать камни и залезть наверх, но лишь разбила коленки. Под тяжестью тела камни задвигались сильнее. Медленно тоже подняться не получалось. Ноги засасывало камнями и утаскивало на дно ущелья, где бежал ручей.

Славка уселась на камни, так как ноги уже были в них по колено, и швыркнула носом. И осторожно начала вытаскивать ноги, чтобы двигаться вдоль по склону.

Сверху уже кричал папа. Он же обещал её выдрать. Славка, чувствуя, что по щекам бегут слёзы, сконцентрировалась и, цепляясь за редкие, заваленные камнями кусты и большие камни, поползла наверх.

Через полчаса, уставшая и мокрая, Славка, прячась за кустами, подошла к лагерю и села в сторонке.

Отец молча дал ей тарелку с гороховым супом и потрепал по волосам.

Отсюда была видна Белуха. Оба её крыла — Западное и Восточное. Левое упиралось в небо острой вершиной, а правое было будто срезано. Между ними, под «седлом», висела готовая обрушиться лавиной шапка снега. А ещё ниже и немного левее чернел «всадник» с растрёпанными волосами и распахнутой курткой. Он пытался вылететь из горы, но Белуха его не отпускала. И он бился о невидимую стену. Вечером от ледника шёл пар, и Славке казалось, что всадник ожил, он двигается! И скачет, скачет вперёд!

Славка не заметила, как доела свой суп, и подошла к маме за добавкой.

На удивлённый взгляд мамы она сказала:
— У меня растущий организм.

В горах с нагрузкой съедалось больше, чем обычно.
— Что готовим на утро? — спросил папа.
— Гречку! — закричала со своего места Славка.

Каждый вечер семья наперебой предлагала свои блюда, в зависимости от того, кто и какие продукты нёс.

Славка очень не любила гречку и геркулес. Всезнающая мама запихнула ей в рюкзак все пакеты с этими кашами, а также с пшёнкой. Поэтому обычно Славка, скрепя сердце, весело рекламировала гречку и геркулес, от которых всех уже тошнило. Но пакетиков до сих пор было очень много, а Славке не хотелось тащить их назад. Поэтому каждое утро и вечер она напоминала своей любимой семье, сколько в гречке полезных веществ!

Луна освещала Белуху, и та сияла на фоне ночного неба. В ветвях одиноко пела птица. Славка, Катюшка, мама, папа, Робинзон с женой, Антошка с Мишкой и даже Мара сидели вокруг костра и разговаривали.

Славка подсела к Робинзону:
— А вы знаете какие-нибудь истории?
— Какие истории? — удивился Робинзон, а все замолчали.
— Ну… — смутилась Славка. — Про Белуху, например. Почему здесь так много туристов?
— Я знаю только то, что, по алтайской легенде, когда-то здесь… ушёл под землю целый народ.
— В смысле — ушёл? — Славка обняла сестру и оглянулась, будто из темноты елей на неё могли смотреть глаза ушедших под землю людей.
— Да я толком не знаю. Они вроде не хотели покориться Белому Царю.
— Какому царю? — не поняла Славка.
— Неправда, — вклинилась в разговор Мара. — Изначально здесь жили скифы, они были высокими и белыми. Прекрасными воинами два метра ростом.
— Я понимаю, но при чём здесь Белый Царь?
— Есть пророчество о великом будущем и приходе Белого Бурхана.
— Ничего подобного я не слышал. Я знаю только, что когда Белуха изменит свои очертания, настанет время новой религии.

— Конец эпохи, что ли?
— Энергетической эпохи.
— Или человеческой?
— Да просто будет землетрясение, и всё изменится! — вдруг сказала Катюшка. И все посмотрели на неё. — Разве это непонятно? Тогда и мир изменится. И религия ваша. И Белуха станет другой.

Все помолчали.

— Настоящее имя Белухи — Уч-Сюмер, — сказал отец, обращаясь к дочкам, — что значит по-алтайски — «три вершины». Мой отец, когда работал здесь неподалёку в деревне, годах в пятидесятых, говорил, что это гора, «на которую нельзя ступать ногами».
— А почему здесь все Беловодье ищут? — поинтересовался Антошка.
— Беловодье… Это мечта просто. Говорят, с одной стороны — горы, с другой — болото. Туман всё покрывает, только петухи или голоса слышны. Туда только чистых душой пускают. — Мара укуталась в Славкину толстовку.
— А вход в Шамбалу всё-таки в самой Белухе или где-нибудь рядом? Какие есть версии? — спросила Галина.
— Ну, кто-то говорит, что вход сам в горе Ярлу. Но сама Шамбала находится внутри Белухи. Но в другом пространственном измерении. И увидеть её просто так, в нашем состоянии, не дано.
— А вообще, ребята, вам здоровски повезло, — Робинзон подкинул в костёр дров. — И с родителями. И со временем. Вы вряд ли сейчас понимаете, как здорово тут сидеть, смотреть на огонь. И чтобы сзади вас была Белуха.
— Точно! — отец поёжился от ветра. — Сижу вот и думаю, что жаль… ужасно жаль, что мы с моими родителями никогда вот так время не проводили. Всё работа, работа. Стройка гаражей, дач. Снова работа. А теперь вот… даже вспомнить нечего!

Робинзон кивал головой, Мара смотрела куда-то вдаль.

Катюшка посапывала у Славки на плече. Потрескивал огонь. И время остановилось.

Глава одиннадцатая

На следующий день, первого августа, пришлось попрощаться с Марой. Она узнала у людей, стоящих у озера, где на реке стоит её лагерь, и поспешила к нему, на прощание подмигнув Славке.

А отец повёл всех дальше, в долину Белухи, за морену. Сначала прошли по берегу озера к спасателям. Мальчишки опирались на лёгкие деревянные посохи, которые им сделал Робинзон, нарубив веток с обгоревших кедров. Спросил, на что они похожи, и затем вырезал физиономии на палках.

Славкиной семье достался самый большой и угрюмый посох с головой настоящего домовёнка. У него были кривые, глядящие в разные стороны глазки. Но чтобы не тащиться с такой тяжестью к Белухе, отец запрятал его в траве и кустах подальше от стоянок.

Семья Робинзона остановилась у домиков спасателей. Отпуск заканчивался, и им нужно было возвращаться домой.

Дорогу перегородил бурный ледяной поток — река Аккем, вытекающая из ледника в озеро. Через много километров вниз по течению Аккем впадал в Катунь.
— Я слышала, что нужно переходить вброд, — грустно сказала Славка, глядя на стремнину, — но не такой же длинный и глубокий.

Над рекой шириной метров в двадцать пять висел ненадёжный старый трос, закреплённый с обеих берегов за валуны. Славка наклонилась, окунув руку в воду. Руку сносило.

Мама запретила дочкам залезать в ледяную воду. Тогда отец на плечах перенёс по очереди все рюкзаки, затем Катюшку. Когда Славка залезла отцу на плечи, то вцепилась одной рукой за канат и другой зачем-то в папины волосы. Отец зарычал и вошёл в воду. Их вдвоём сносило сильным потоком горной реки, ледяная вода вспенивалась и временами доставала отцу до подбородка.

Славка видела, что отец очень устал после этого перехода и был на что-то сердит.

Когда все поднялись на морену, с неё вдруг открылась долина Белухи. Небольшое мутное озерцо, наполнявшееся время от времени водой. Говорили, что в некоторые годы оно разливалось, а в другие просто уходило под землю. По его краям возвышались горы, с которых то и дело срывались камнепады. Лёд под жарким солнцем таял на глазах.

Озеро пересекали песчаные косы и отмели. Стоянок поблизости видно не было. Да и до озера пришлось бы идти несколько часов.

Мама с папой опять отошли в сторону и стали препираться.
— И где же мы здесь встанем?
— На снегу!
— Ещё чего не хватало. Надо около деревьев.
— Где ты здесь видишь деревья? Одни кусты!
— Тогда на камнях.
— Ну уж нет.
— Здесь нет деревьев! Можем, конечно, вернуться к спасателям, но тогда нам придётся топать добрых пятнадцать километров до Белухи, а потом столько же обратно. А мы хотели сходить на озеро Горных Духов.
— Это ты хотел сходить на озеро Горных Духов, а не мы с девочками!
— А что за озеро Горных Духов? — вмешалась Славка.

Когда ругались родители, ей хотелось уйти подальше от них и никого не видеть.

— Карачик,—сердито ответил отец и снова обернулся к маме.
— Карачик. Понятно,—Славка расстроилась.

Спор так ничем и не закончился. Семья молча двинулась дальше.

Тропы виляли, переплетались. Одни уходили наверх, другие—вниз к реке. Семья перепрыгивала по камням ручьи, переходила по отмелям реки. Мама с папой не разговаривали, и Славке казалось, что они шли наугад. На одном из привалов Катюшка заскочила на пригорок и увидела оазис с деревьями, незаметный с тропы. Славке показалось, что они нашли райский уголок, хотя до начала ледника оставалось ещё ой как много километров.

Поставили палатку. Славка развлекалась тем, что заходила босиком в ручей, а выходила из него чужими непослушными ногами. У палатки был оборудовано место для костра. Здесь были камни для сидения, журчащая, а не грохочущая вода, высокие и густые кусты. А за спиной—крутая, покрытая мелкой редкой травой гора.

Мама с папой по-прежнему не разговаривали и просто делали привычные в походе вещи. Катюшка бегала по камням и пыталась приручить маленьких прелестных существ, похожих одновременно и на сусликов, и на мышат. Они назывались сеноставками.

Потом Славка и Катя начали обносить стоянку стеной из камней. За несколько часов построили целый замок с воротами.

Когда мимо прошли туристы из Твери и попросились попить чаю, то один из них решил, что эти постройки древние.
— Алтайские или скифские?—спросил он Катюшку.
— Скифские,—ответила она и рассмеялась.
— А кто такие скифы?—спросила чуть позже Славка у отца, чтобы хоть немного растормошить его.
— Народ.

Отец хмуро сушил ботинки. Помолчал, глядя на Белуху, и покрутил пальцами длинные брови.
— Они жили почти на всей территории Сибири. Но это не те скифы, которые были в Европе. Они были воинами. Богатых скифов хоронили в огромных курганах вместе с жёнами, лошадьми и воинами с оружием.

Отец откинулся назад и хмыкнул.
— Они были очень высокими. И светловолосыми.
— А куда они делись?
— В третьем примерно веке растворились в других племенах.

Мама развешивала мокрые после перехода через реку вещи по кустам. Катюшка, сидя на валуне, хлюпала босыми ногами по воде.

Тенью на холме прошёл человек.

Увидев огонь, он остановился и спустился в оазис.
— Здравствуйте,—произнёс он, и Славка увидела молодого высокого парня с кудрявой шевелюрой золотых волос.

Когда он по приглашению отца присел рядом со Славкой на бревно, то она заметила, что еле достаёт ему до плеча.

Ещё она заметила аккуратно поставленный рюкзак. Тяжёлый, огромный рюкзак, почти с неё ростом. Такой человек точно должен был понравиться папе.

Он был худощавым, в тяжёлых горных ботинках. Он широко, почти до самых ушей, искренне улыбался. Ещё он был похож на норвежца. На настоящего викинга. Только без лодки. Или на скифа. Наверное, последние скифы ушли с Алтая на плоскогорье.
— Саша,—представился парень.
— Ярослава,—засмущалась Славка.—А ты что здесь делаешь?
— Мы с кружком зоологическим сюда приехали. Те, кто выиграл биологическую олимпиаду, собрались и решили отправиться на Алтай, чтобы животных считать.
— Зачем их считать?—усмехнулась Славка.
— Чтобы знать, сколько их осталось. Их браконьеры постоянно убивают. И мы ищем их следы. Как… экскременты изучаем, поведение, количество.

«Какой умный!»—удивилась Славка и подвинулась к нему поближе.

Отец гордо стал рассказывать о молодости и о путешествиях в горы. Нашёл благодарного слушателя.
— А я в прошлом году был на Кавказе,—так же гордо произнёс Саша.

Через час они с отцом сошлись, что неплохо было бы съездить в Саяны, они хоть и не такие высокие как Горный Алтай, но тоже интересны.
— Ты анекдоты альпинистские знаешь?—спросил папа гостя.
— Да, немного успел услышать за поход. Ну… например, сидит ворона на дереве в снаряге, мимо лиса пробегает и говорит: «Ой, ворона, какая у тебя система классная! А какие карабины блестящие и золотые! А какой жумар! Даже бриллиантами инкрустированный! А какая восьмёрка интересная…» Ворона каркнула, сыр выпал… и завис на страховке!
— Отличный анекдот! Повеселил… Спасибо!

Парень попил чая, достал печенье и сгущёнку. Умудрился съесть почти всю банку за один присест. Затем выпил целый котелок чая с сахаром.

Рассказал, что ночевать будет со своей группой неподалёку отсюда. И он должен встретиться с друзьями, которые изучают здесь вопросы «стадиальности в развитии древнего оледенения», «морфологию озёрных котловин» и «аккумулятивные ледниковые формы рельефа».

На прощание он написал Славке свои координаты и смущённо улыбнулся. Славка посмотрела на бумажку и не поверила своим глазам. Там был

уже знакомый адрес, найденный ею на кедре. Город Томск, индекс и абонентский ящик.

Она медленно подняла на Сашу глаза и широко улыбнулась. Саша ничего не понял, но тоже улыбнулся.

Славка подумала, что это, наверное, первый за весь поход человек, с которым её отпустил бы отец. Хоть в Саяны. Хоть на Кавказ.

Ночью было очень душно. Сонно пролетел над ухом комар. И укусил кого-то другого. Храпели отец и Лёшка. Славка очередной раз повернулась в кровати и слезла с неё. Катюшка тут же раскинулась на кровати и сбросила с себя простынку. Славка придавила на её руке комара и выползла во двор через окно. Обошла дом стороной и села на крыльце.

Дверь сзади открылась, и рядом встала прабабушка. В одной длинной белой ночнушке.

— Не замёрзнешь?

— Да ну что вы! Жара такая. Невыносимая.

— А мне холодно. И под одеялом. И без одеяла. И спать не могу. Ничего не могу.

Славка смотрела на чёрные горы. Слушала треск кузнечиков. По небу летали звёзды. Яркий спутник, мигая, медленно полз по небосклону.

— Я всегда-всегда это помнить буду,— сказала Славка, голос её сорвался.

— Это правильно,— прабабушка накинула на плечи большой шерстяной платок, связанный её старшей дочерью.— В конце концов, у нас ничегошеньки не остаётся, кроме памяти. И кроме памяти наших детей.

Славка снова посмотрела на звёзды.

Хотелось, чтобы, когда она станет старушкой, звёзды были на тех же местах. И у Белухи не отвалилась бы ещё одна вершина.

— Я всё смотрю на тебя… и не разумею, на кого ж ты похожа с нашей родовы.

— Не знаю.

Славка подумала, что больше всего она похожа на свою маму. А в папу у неё только веснушки и белая кожа.

— Когда у тя будет свой дом… хотя вы сейчас не любите жить в деревне… посади во дворе рябину. Она тя от порчи и от сглаза спасёт. А ещё кушай её чаще— она даёт дар предвидения.

— Ага,— глупо ответила Славка.

Кузнечики застрекотали ещё громче.

— У меня было больше детей… Два при родах умерли. А ещё один— в тридцать лет. Ты его даже не знала.

Прабабушка глубоко вздохнула и босиком пошла по огороду. Поманила Славку за собой. Славка оглянулась вокруг. Деревня молчала. От дома шло сонное сопение, будто спал сам старый дом, построенный её прапрадедушкой и переживший не одно поколение их семьи.

Прабабушка легко шла по тёплой земле. Открыла незаметную и до сих пор неизвестную Славке калитку в углу огорода. Отсюда уходила по высокой траве невидимая тропинка к холму над Катунью. Где-то вдалеке виднелось деревенское кладбище. Под луной трава казалась синей. Синий склон спускался до бурлящей Катуни, сиявшей под чистым горным небом. На горизонте едва различались громадные утёсы и скалы. Амфитеатр величественных пиков тянулся от кладбища вдоль реки. Луна освещала скалы, те отсвечивали и были похожи на молочно-голубые снежные вершины.

— Смотри…— прабабушка наклонилась над травой и провела рукой по закрывшимся бутонам цветов.— Лучше всего здесь бывать при полной луне. Запоминай: это камнеломка, она поможет от болей в сердце. И остановит кровь. Я ею опухоль вылечила. У одиноких цветочков— длинные жёлтые бутоны.

Из-под прабабушкиной ноги вылетела птица и, сонно пискнув, рухнула в соседний куст.

— Пользуй корень. А это кровохлёбка. Её как раз в августе надо собирать. Лопатой выкопай корень. Отряхни землю. Отрежь лишние, гнилые части. Оставь корень. Помой в холодной воде. Разрежь корни наполовину и высуши. Наложи на рану. И на следующий день её уже не будет. Уяснила?

Славка кивнула.

— Видишь кусты? Там есть маральник и жимолость.

Бабушка бесшумно двигалась среди трав. В накинутом платке, в белой, светящейся в темноте ночной рубашке, она была похожа на царицу, укутанную в сибирские шубы, небрежно наброшенные на плечи. Она плыла по земле так же легко, как облака по небу.

Славка чувствовала, как от тела прабабушки идёт тепло. Это тепло было иным, не похожим на солнечное тепло. Оно будто бы окутывало Славку с ног до головы. И Славка поняла, что у неё всё будет хорошо. Что всегда, даже в самые сложные периоды жизни, она будет чувствовать кожей это тепло. А ещё— тепло мамы. И бабушки. И, наверное, даже Катюшкино тепло.

Звёзды начали падать всё чаще и чаще. Исчезать в траве и в Катуни. Как алмазный дождь. А Славка впервые в жизни не загадывала никаких желаний. Потому что у неё уже всё было.

Глава двенадцатая

На следующий день Славка вылезла из палатки.

— Вот холодно, блин…— проворчала она и заметила Катюшку, сидящую у костра и напевающую песенку.— Кать! Вот зачем нужно было так рано вставать и меня будить?

— Я тебя не будила. Ты спала как убитая.

— Ты по мне топталась!

— Не топталась,— тихо ответила Катя и подкинула ветки в костёр.

Над огнём уже закипал бульон.

Из палатки раздался мамин голос:

— Вот почему всегда так? Катюшка просыпается — и её никто не слышит, не видит. Зато как Ярослава соизволит пробудиться — так всё, вся семья на ушах.

Через полчаса, прихватив с собой только немного еды и толстовки, все налегке вышли к подножию Белухи. Не взяли воды. Река-то, пусть и мутная, рядом.

Но вместо того, чтобы спуститься к основной тропе, отец снова повёл всех поверху. После часа скачков по камням на склоне горы внизу показался небольшой лагерь. Это оказался лагерь настоящих альпинистов. Они очень удивились, когда увидели семью с одними толстовками, и решили, что она спустилась с одного сложного перевала 3А, уходящего к самому плато Белухи.

Славка перескакивала с камня на камень, с трудом удерживая равновесие. Она думала только о том, что больше никогда в жизни не захочет прыгать и ходить по камням. Лучше уж увязнуть в песке. Мало того, что Славка шла по крутому склону, где приходилось постоянно держаться за склон, а правой ногой балансировать над пропастью, так ещё из-под ног каждые десять минут срывались камни и улетали куда-то вниз, увлекая за собой целую кучу себе подобных булыжников.

Теплело, и камнепадов в долине было не счесть. То там, то здесь грохотали обвалы. Славке они издалека казались маленькими падающими камушками. Но теперь-то она знала, как это страшно. Стукнет такой камушек по головушке — и мокрого места не останется. Поставят крестик, а на следующий год те камни и крест завалят. Поэтому больше всего Славку заботило то, что происходило непосредственно выше её и семьи. Она постоянно прислушивалась: не идут ли туристы на плато Белухи? Не поднимаются ли к Карачику?

Она с ужасом смотрела на распростёртую перед нею долину. Где-то правее был подъём на Семиозерье.

Прямо перед Славкой возвышалась сама Белуха. Аккемская стена — двухкилометровая отвесная глыба льда — теперь была совсем рядом. Славка понимала, что до неё ещё много километров, но казалось: протяни руку — и потрогаешь холодную поверхность. Славка никогда ещё не чувствовала ничего подобного.

Почти на всю высоту Аккемской стены кем-то было нарисовано изображение женщины, стоящей во весь рост. Женщина шла, и у неё развевались платье и волосы.

«Не зря Белуху считают женской горой»,— подумала Славка и пригляделась к женщине. Она уже видела её издалека, с Каратюрека. Но теперь она была совсем рядом и от движения камнепадов, от налетающих теней облаков двигалась вперёд всё быстрее и быстрее. На руках у неё был ребёнок.

«Настоящий дух горы»,— Славка вздохнула и посмотрела на реку.

Вот оно, начало Катуни. Аккем. Ак-кем. Мек-ка.

Только сейчас до Славки дошло, почему реку многие называли Меккой.

А мама с папой опять спорили. Папа требовал, чтобы они продолжали идти по отвесному льду, ступая на мелкие неустойчивые камни. Ему, имеющему не последний разряд по альпинизму, это казалось привычным делом. Мама же убеждала его спуститься вниз на тропу, чтобы обойти опасные места. Славка полностью разделяла мамины тревоги, но отцу перечить боялась, поэтому продолжала идти за ним.

— Быстро камни летят, я быстрее бегу. Не догонят,— шептала про себя любимые папины стихи Славка.

И вдруг её нога скользнула по льду, Славка еле удержала равновесие, ухватившись за какой-то камень, но та неудобно вывернулась. Славка чуть не взвыла от боли. Взглянув на раздражённого спором отца, промолчала. И дальше шла хромая.

Почти тут же с Белухи сошла лавина. Это была маленькая лавина — над Женщиной, как гигантская пуховая шапка, висела огромная куча снега и льда, и Славка с опаской поглядывала на неё. Но и сейчас горы задрожали, а у подножья Белухи поднялся клуб ледяного «дыма».

Десять километров до подножия показались Славке бесконечными. Крошечные камушки, валяющиеся невдалеке, при приближении оказывались пятиметровыми булыжниками. Воды не было. Река осталась далеко внизу. Голова кружилась. Руки лихорадочно хватались за камни — от палок здесь совсем не было толку.

Славка взглянула на реку Сему, протекающую мимо Черги — села, где жили ещё одни папины родственники. По дедовой стороне. Затем посмотрела на узкий заливчик, где семья должна была купаться, спасаясь от жары, и невольно представила себе презрительную усмешку Петьки, который бы и не полез в такую «лужу». Он привык отдыхать на своём «дальневосточном» море.

А Славка полезла, придерживая на плаву Катюшку, которая недавно нарвала розовых цветочков и сделала Славке серёжки из лепестков, а в волосы вплела венок.

Вода была тёплая — видно, прогрелась за день. Славка несколько раз перевернулась, проплыла от мелкой воды до скалы, сделав руками взмаха три, и наконец решилась выйти из-за камней

в заливчике — в этом месте Сема разливалась. Подпрыгивая, Славка помахала родителям на берегу и только в этот момент поняла, что река сужается, а Славку заносит на самую середину речки. Скорость увеличивалась, Славка нервно пыталась выплыть, но максимум, что она смогла сделать, — это удержать себя на поверхности воды. Впереди в Сему вливалась ещё одна река, уже не такая маленькая и узкая, и дальше начинались пороги и, как конец, водопад на краю деревни.

И тут Славка по-настоящему испугалась. Подбросила тело над водой, уцепилась за камень, с удивительной для себя силой подтянулась, «впечатавшись» в него всем телом. Попыталась успокоиться. Её трясло. От нервов, от приближающихся камней, о которые её бы разбило, и от ледяной воды.

«Вот так и гибнут люди!» — как-то чересчур спокойно подумала Славка и попробовала подвинуться в сторону от спасительного куска скалы к берегу. Но вода вновь сбила её с ног.

И тогда Славка, плюнув на гордость, крикнула. Никто её не услышал. Даже головы не подняли — привыкли, наверное, что её вечно где-то носит.

Она попыталась ещё раз сделать рывок к берегу. Бесполезно.

Только жующая траву корова взглянула на Славку и без интереса продолжила своё занятие.

....

Сошла вторая лавина, и Славка наотрез отказалась подниматься дальше к Аккемской стене. Мама с Катюшкой тоже. И вдруг отец, разозлившись, кинул им свой рюкзак с едой и ушёл один.

Мама с дочками молча сели на торосы и достали последнее печенье. Славка жевала и рассматривала окрестности в поисках воды. Нашла крошечный ручеёк, вытекавший из-подо льда. Попила воды.

— Он же всю молодость в горы ходил, — пыталась оправдать отца мама. — А затем вы родились, и пришлось много работать. Он работал, работал, — мама судорожно вздохнула и дрожащей рукой поправила на голове платок. — И вот, впервые за четырнадцать лет, он вырвался в горы…

Славка всё понимала и не понимала одновременно. Горы, а всё не так, как представлялось папе в городе все эти годы.

Катюшка подошла к глубокой трещине — всё плато было словно изрыто. Ледяные торосы — нагромождения обломков льда — вздымались к небу, а рядом к самому центру земли уходили щели. Большие и маленькие. Они были повсюду.

— Осторожно, — тихо произнесла мама.

Катюшка кивнула и кинула в трещину камень. Он бесконечно долго летел в глубину, затем где-то стукнулся об лёд и почти бесшумно упал в воду. Катя вздрогнула и бросила изо всех сил другой камень в другую трещину.

Вокруг было очень тихо.

Затем опять сошла лавина. Катюшка вцепилась в лёд. А мама закрыла глаза.

Камни подпрыгивали, взбивая снежный покров Белухи.

....

И вдруг на Славкины крики обернулся отец. Он подскочил к берегу и, медленно-медленно пробираясь сквозь воду, начал двигаться в Славкину сторону. Славка уже не чувствовала ног. Да и вся нижняя часть тела уже онемела и не могла пошевелиться. Ещё несколько минут — и руки не смогут цепляться за камень.

Ей казалось, что папа очень долго идёт к ней. Она видела, как вода бьётся о его ноги. С каким трудом он удерживает равновесие, как босыми ступнями ищет твёрдое дно. Как морщится от боли, когда наступает на острые камни.

Славка протянула ему руку. Но между ними находился мощный водоворот. Отец тоже стоял за камнем, держась за него одной рукой. У него был очень сердитый вид. А когда отец сердился — значит, он не сердился вовсе, а очень сильно волновался.

— Давай сюда! — крикнул он и протянул свою руку.

Славка посмотрела на течение между ними, на расстояние до отца. Передвинула рукой левую ногу, затем, напрягшись всем телом, собрав последние силы, крикнула и прыгнула вперёд.

Отец на лету схватил её руку, подтянул к себе, хотя Славку сносило в сторону, и, зарычав, схватил второй рукой дочку за плечи.

— Папа, папа! — всхлипывала Славка и не могла больше ничего произнести.

Она уткнулась ему в шею. А отец, крепко прижав её к себе, начал так же медленно продвигаться обратно к берегу.

....

Кричать и звать отца они боялись, чтобы не спустить ещё какую-нибудь лавину, и только крутили головами в разные стороны.

Прошло около двух часов. Катюшка замёрзла. И мама решила возвращаться обратно.

Она вдруг совсем перестала походить на маму, которая всегда соглашалась с отцом и молча варила еду. Она распрямила плечи, взглянула на обеих дочерей, затем на дорогу к лагерю. Казалось, что она на глазах молодеет и превращается в ту девушку, бесстрашно покоряющую вершины, идущую первой в альпинистской связке. Такой Славка её не знала.

И сейчас мама должна была в сохранности добраться с детьми домой.

Долины с оазисом и палаткой не было видно. Папы и тропы тоже. Тогда мама, как зоркий орёл, разглядела вдалеке странные туры. И решила пойти по ним. Часа через три прыжков по каменным глыбам все поняли, что туры вели не к Аккемскому озеру, а на очередной перевал.

Славка стояла на вершине одного из самых высоких каменных завалов-«хребтов», а под нею лежала всю долина Белухи. Она видела крошечный лагерь альпинистов, морену и базу спасателей. Тонкий изумрудный Аккем вился среди гор и прятался в тайге. А за тайгой—бесконечные туманные горы. Лазурные, бирюзовые, лиловые, лавандовые, голубые, сине-зелёные.

Славка видела каскад озёр на противоположной стороне долины, падающие с гор реки. Как в замедленной съёмке облака летели по небу и по земле. Столько цветов зелёного Славка не могла припомнить ни в одной палитре. Горы отсюда казались мягкими, даже пушистыми. Камни превратились в бархат.

Катюшка напевала красивую незнакомую мелодию. И мама, не разжимая губ, тоже подпела ей.

Славка вздохнула всей грудью. Стащила с длинных волос резинку и помотала головой. Длинные волосы развеялись по ветру. Славка расправила руки в стороны, подставила лицо ветру и закрыла глаза.

Рядом встали мама и сестрёнка. И тоже раскинули руки.

— А-а-а-а-а-а!—закричала вдруг Славка и удивилась силе собственного эха.

— А-а-а-а-а-а!—закричали мама и Катюшка.

И когда Славка открыла глаза, она увидела их оазис и почти незаметную отсюда палатку.

Когда они спустились к себе, папа был уже там. Он сидел у костра и разговаривал с незнакомцем.

Мама молча положила у палатки папин рюкзак и пошла к речке. Славка села на любимый камень в «джунглях»—неизвестных ей деревьях у реки.

Незнакомец оказался проводником двух девушек-художниц на Карачик. Но внезапно они решили пойти в другую сторону—к Семиозерью. Девушки вышли откуда-то сверху, попили чая и попрощались.

А семья сидела у костра. Славка смотрела на закат. Пели птицы, журчала речка. Они с Катюшкой лениво перебрасывались парой слов и снова замолкали.

Легли спать очень рано—сильно похолодало. А Славка пододвинулась к костру и стала писать дневник. Она писала очень долго, набрасывая разговоры и встречи с людьми. И только когда совсем стемнело, пальцы замёрзли, а костёр потух, она, дрожа от холода, залезла в палатку, укуталась в спальник и облегчённо уснула.

— Катунь опять поменяла цвет. Теперь она совсем белая!—жаловалась одна из бабушек, доедая помидор.

Это удивительное свойство—пить чай с овощами—Славке никак не удавалось понять.

— Ничего, осенью снова синей станет,—сказала бабушка и взяла пряник.

В прабабушкиной комнате сидели только женщины. Мужчины ушли на улицу дышать свежим воздухом. Многочисленное женское семейство собралось за одним длинным столом.

Славка сидела между мамой и бабушкой, которые никогда особо не были близки. Но сегодня бабушка маме ничего обидного не говорила. Наоборот, постоянно обнимала Славку и повторяла: «Какая она у нас красивая!» И шептала Славке на ухо:

— Запомни, девочка моя. От стада не отставай—станешь добычей вора. Вперёд не забегай—станешь добычей волка. Будь вожаком!

— А меня тут муж на рыбалку вытащил. Сроду не ходила—а тут пошла,—начала вдруг тётя Зоя.— Ну, ночевали под ёлкой. Ну, сплю, и вдруг мне кажется, просто сама не понимаю, во сне или как: идёт человек с двумя собаками. Ну, я проснулась, смотрю—муж храпит, а вокруг никого нет. Опять ложусь спать—опять кажется так же. Просыпаюсь—опять никого.

— И кто это был?

— Да не знаю я…

— Мужика другого захотела! Ха-ха-ха!—засмеялась бабушка.

— Да ну тебя.

— Леший, скажи, был. Это он с двумя псами всегда появляется.

— Скажешь тоже…

— А я в молодости… Тош, ну ты помнишь, как мы в лес в пятидесятом ходили? После работы твоей? За ягодами-то? С бабушкой?

— Ох, да, страху-то…—Ксюшенька покачала головой.

— Помнишь, кличем бабушку, а она не отвечает. Идёт, вся белая, аж помертвела вся. Ох, говорит, милыя, чего видала. Едет, говорит, верховой на белом коне, и сам весь белый. Проехал мимо—ничего не сказал.

— Это оттого, что лесовики-то не разговаривают с людьми,—опять сказала бабушка и снова засмеялась.

— Это тогда не лесовик был, а Белый Всадник.

— Белый Бурхан, что ли? Ну, скажешь тоже.

— На Белухе его тоже часто встречают.

— У Белухи его когда-то и встретили! В начале века, кажись.

— Чушь! Никто никого не встречал. Просто в начале двадцатого там землетрясение было. И одна из вершин обвалилась. Славка, сколько там сейчас вершин?

— Две.

— Две! А было три! Отсюда и пошло всё. Бурханизм этот непонятный. Вот были шаманы. Это понятно. А белая религия—ерунда какая-то.

— Все к Белухе идут. Идут и идут. Славка, зачем туда ходит столько людей?

— Ну… Одни ищут Шамбалу. Другие — каких-то пришельцев из космоса. Кто-то — душевное спокойствие.
— Ха-ха-ха! Душевное спокойствие. А кого там всё-таки больше? Альпинистов или этих, «рерихнутых»?

Славка улыбнулась, вспомнив про туалетную бумагу и стоянку.
— «Рерихнутых», наверное.
— Ну ты и сказанула. Да лучше бы они там и оставались. А то когда все люди исчезнут, там будет рай.
— Это Пуп Земли.
— Не Пуп, а Сердце. Много ты понимаешь.
— Наша Белуха находится в центре от четырёх океанов — слышала об этом?
— О чём?
— Она расположена почти на равном расстоянии от Северного Ледовитого, Тихого и Индийского. Отсюда и «пуп».
— Тогда уже гора четырёх границ! Что тут рядом?.. Ну, Россия, само собой, Монголия…
— Китай и Казахстан! Кулема!
— Да, четыре границы сходятся в одном месте. Кто-нибудь ещё воды поставит?
— Так странно… — сказала Славка. — У вас в семье никто алкоголь не пьёт?

Сначала засмеялась прабабушка, затем бабушка, потом все остальные. Даже Наташка фыркнула и подавилась плюшкой с маком.
— Мы ж из кержаков. Какой алкоголь?
— И не «вашей», а в «нашей» семье.
— А вы слышали, что раньше сквозь Белуху шёл главный коридор, по которому древние ходили из центра Азии в Сибирь и в Европу?
— Перелетали, что ли?
— Пониже места не нашли?
— Ну, мож, они наши красные лилии продавали за границу.
— Красные лилии? — зашептала Славка на ухо маме.

Но та только плечами пожала.
— Вам бы тогда в пещеры сходить. На рисунки посмотреть. Ежели остались ещё в тех краях.
— И до Мультинских озёр скататься! Там очень красиво. А то у Сердца вы уже были.
— У Сердца Земли, — прошептала Славка.

Бабушки веселились. Наташка давно забралась на печку и там играла в карты с Катюшкой. А Славка задремала на мамином плече.

……………………………………

Глава тринадцатая

Третьего августа семья начала подниматься на ближайшую гору к озеру Карачик; рядом с ним в горах было ещё и озеро Горных Духов. Всюду стелился туман, превращаясь от движения людей в разные фигуры. Славке опять казалось, что она слышит голоса, хотя была уверена, что вокруг на десятки километров нет людей и стоянок.

Туристическая тропа шла вдоль речушки, но отец опять повёл семью напрямик. Выйдя на плато, Славка запуталась ногами в душистых травах. Тут рос странный шиповник. На вид — привычный куст с красными ягодами. Но его запах сводил с ума. Она сорвала несколько ягод и положила их в карман. Сделать бы духи с таким запахом. Выстроилась бы длинная-предлинная очередь, прям до самого соседнего города. Славка натёрла одной ягодкой запястье и принюхалась. От сладкого и свежего аромата голова закружилась, и Славке захотелось взлететь.

Через час вышли на другое плато. Славка увидела настоящий инопланетный корабль. Правда, окаменевший от времени. Он стоял посреди возвышенности, а окружали его каменные животные. Рядом лежали четыре валуна, подпирающие пятый, будто стоящий в специальной впадине, в форме правильного шара. Туман на мгновение рассеялся, и на камень попало солнце. Он заблестел жёлтым, красным, синим. Славка зажмурилась, и ей показалось, что эти лучи поднялись в разные стороны в небо.

«Животные» стояли друг от друга на равном расстоянии. Здесь были и гигантские черепахи, и удивительные ящеры.
— Чертовщина какая-то, — проворчал отец.
— Удивительно красиво, — сказала мама.

Перед Карачиком пришлось преодолевать очередную сыпуху и морену. Забрались на неё удивительно быстро. И довольный отец сказал, что дал бы девочкам за неё разряд, будь она подлиннее. Славка уже начала разбираться в сложностях подъёмов. И эта морена тянула на 2А, а Каратюрек по всем стандартам был всего 1А. С морены срывался небольшой водопад.

Когда дошли до Карачика, Славка и Катюшка сразу упали на траву. Мама намазала их специальной мазью, которая «помогала от горного солнца». Здесь к солнцу было ближе, чем на море.

Иногда тучи закрывали солнце, дул холодный ветер, но всё равно в те моменты, когда облака расходились, спрятавшись среди больших камней, Славка слушала шёпот воды и чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете.

……………………………………

Наташка аккуратно разложила сено на полу в сеновале и приоткрыла окно. Славка и Катюшка устроились поудобнее и стали отдыхать от дневной жары, кутаясь в футболки. За окном сверкали зарницы, на мгновение озаряя горы за Катунью. Где-то далеко за Узнезюшкой гремела музыка, там шла дискотека.
— Как там у вас в городе? — наконец спросила Наташка.

— Так же, как и здесь,— уверенно ответила Славка.
— Только в деревне лучше,— сонно произнесла Катюшка.

Она очень хотела спать. Но побыть со старшей сестрой хотела ещё больше.
— А ты чем заниматься будешь осенью?
— Я… в художественную школу пойду. Для подготовки в колледж искусств.
— О как…— Наташка расстроенно откинулась назад.

Катюшка стала напевать уже знакомую Славке мелодию, похожую на колыбельную.

Славка пощекотала сестрёнку за ухом.
— Что это за песня?
— А что?
— Ты же её… её пела тогда, у Белухи?

Катюшка смущённо кивнула.
— Я её сама сочинила.
— Когда это?— удивилась Славка и взглянула на Наташку.
— Когда шла. Вот ты, когда шла, о чём думала?

Славка пожала плечами.
— А я песенку придумала. Сначала музыка в голове играла. А я вспомнить не могла, откуда она.
— Вспомнила?
— Не-а. И решила, что я её сама выдумала.
— Я тоже такой не слышала. Значит, твоя. А что за слова?
— Да ну…— Катюшка зарылась в сено и хихикнула.
— Ну давай! Спой!— попросила Наташка.
— Не хочу,— прошептала Катя.— Там слова глупые. И рифмы дурацкие.
— Я никогда ничего подобного не писала! Я вообще стихи не понимаю,— сказала Наташка и улыбнулась.
— Ну ладно…— Катюшка, набрав в лёгкие воздуха, запела:

Любимый Алтай, родные просторы,
Белуха, Катунь, далёкие горы.
Ты ночью и днём волнуешь меня,
Небес синева. Не забуду и дня…

Славка улыбнулась про себя и взяла Катюшкину руку. Голос сестры был тонким, но сильным.

…Той жизни прекрасной. Внизу облака.
Палатка, а рядом грохочет река.
И тот перевал. Не свалилась я вниз,
В бушующий вал, где под нами карниз.

Грозные скалы, средь них водопад.
И хочешь вернуться— но поздно назад.
Иду над обрывом, а страх мне кричит:
«Вдруг камень сорвётся и вниз улетит?»

Там птицы летают, и кедры цветут,
И звери на помощь к тебе не придут.
Морены и пропасть, ледник и цветы.
Нигде не увидишь…

Катюшка замолчала.
— Здесь бы поставить «ты больше», но тогда в строчку не влезет:

…такой красоты.

Славка подумала, что в двенадцать лет ни за что бы не придумала такого стихотворения. А тем более песни.

Лавины и камни. Чуть ниже— тайга.
Посмотришь повыше— под солнцем снега.
Ты здесь отдыхаешь не телом— душой.
И Шамбала тайною манит большой.

Когда тебе плохо и сердце болит,
Приди на Алтай, он всё исцелит.
Свобода, костёр и песня ручья…
Вернусь на Алтай, поверьте, друзья!

………………………………………………

Озеро, окружённое голыми камнями, поднимающимися к небу, оказалось совсем небольшим. Камни эти были разного цвета— от чёрного до абсолютно белого. И все— причудливой формы.

Отец решил обойти озеро вокруг и, не встретив поддержки среди девочек, вновь отправился один.

Славка тоже решила согреться и пройтись в другую сторону в одиночку. Первые метров двести она перепрыгивала с камня на камень и наслаждалась одиночеством.

И вдруг нога наткнулась на что-то мягкое. Славка вздрогнула, отпрыгнула и чуть не упала на скользкий камень. Это оказалась растянута неприметная камуфляжная палатка, невидимая издалека. Из неё показалось небритое лицо.
— Здравствуйте!— улыбнулся мужчина.

Судя по акценту, он был иностранцем.
— Вы откуда?— Славка оглянулась на лагерь— убедиться, что её видят.
— Из Латвии.
— Вы давно здесь?
— Уже… пять месяцев!

Латыш оказался безработным. Он хорошо болтал на русском языке, в сравнении с другими иностранцами, которых Славка встречала в этой поездке. Он достал из палатки самодельную карту, и Славка ахнула. Это была настоящая карта Средиземья Толкиена. Только здесь были горы, овраги, озёра и реки Семиозерья и Белухи. Да и нарисовано это было карандашом и очень профессионально. Славка сразу же попросила карту для того, чтобы показать отцу. Тот любил дорисовывать свою старую покупную карту новой информацией и хотел создать самую совершенную на свете карту этих мест.

За пять месяцев латыш исходил всё подножье Белухи.
— Ты веришь в Шамбалу?— спросил вдруг он.

Славка пожала плечами:

— Нет, наверное.
— Я тоже не верил. Но три дня назад на одном озере, вот тут,— латыш ткнул, не глядя, пальцем в карту,— было землетрясение. Я пошёл посмотреть, что стало с озером. Для начала я по дороге подвернул ногу. Потом началась гроза. Но я не сдавался, хотя понимал, что всё это неспроста. Я уже подходил к озеру, когда навстречу выскочила медведица! Прямо передо мной! И я понял, что лучше на это озеро пока не ходить.
— Ага.
— А ещё «избранным» людям на Белухе показываются лица знаменитых людей.
— Ха! Избранным!— Славка глянула на ледник.— Я постоянно и везде лица вижу. И фигуры волшебные. Вон там! Видите? Снег и голые камни? А фигуру девушки в народном костюме? А здесь из горы будто выходит настоящий богатырь. А на Белухе мне почему-то Суриков показывался.
— Кто такой Суриков? Бойфренд?— засмеялся латыш.
— Художник такой…— пробурчала Славка, забрала карту, и, пообещав её вернуть, пошла в лагерь.

По лагерю нервно ходила мама и смотрела на озеро.

Оказалось, что оно было больше, чем предполагал папа. Сначала мама следила за его фигурой, мелькающей среди валунов. Затем начала еле различать его, а потом и вовсе потеряла. Катюшка уже разгребала рюкзак в поисках бинокля. Никто Славкиной рисованной карте не обрадовался.

Через полчаса встревоженная мама различила у кромки длинного водопада, стекающего тонкой струйкой с перевала между вершинами, отца. Они ахнули.
— Нет… Неужели он… Но он же не будет…

Сёстры переглянулись.
— Он того… он вдоль водопада начал подниматься.
— На перевал?— Славка раскрыла карту.

Судя по ней, за тем перевалом и находилось злополучное озеро, про которое говорил латыш.
— Один на сыпуху полез…— пробормотала мама.

Славка забралась повыше на камень и набрала в лёгкие воздуха:
— Папа-а-а-а-а-а-а-а!

Эхо ударилось в озеро, затем отлетело куда-то в сторону Аккемской долины.

Катюшка вскарабкалась к сестре и пошатнулась. Славка схватила её за руку.
— У меня голос громче. Давай вместе.
— Папа-а-а-а-а-а-а-а-а!

От водопада подул сильный и холодный ветер.

К вершине одной из гор прицепилась большая серая туча и стала наползать на неё всем своим телом, словно сверху положили огромный кусок грязной строительной ваты.
— Он нас не слышит,— крикнула мама дочкам.

И Славке показалось, что её голос, как листок, сорвало и понесло в сторону латыша.
— Это что, гром?

Славка посмотрела на тёмную снежную тучу, молча сидевшую на прежнем месте. Только ветер усилился, а солнце совсем исчезло.

Славка прищурилась. Шум шёл от водопада. Она видела, как ахнула мама. Как валун сорвался с горы и, подпрыгивая, помчался вниз, утягивая за собой другие камни.

....

— Знаешь легенду о кедре?— спросила Наташка.— Это любимая бабушкина легенда. Она её рассказывала, когда я был совсем маленькой.
— Не-а. И вряд ли она мне её расскажет.
— Ну да. Она молчаливая какая-то. Так вот. Шёл однажды по алтайской тайге человек. Похожий на вас. Устал очень и завалился спать под большим кедром. Ты видела большие кедры?
— Я видела просто огроменные кедры!
— Ну вот. Кедр этот был очень старым. И ветви его от старости изогнулись. И ствол был весь в извилинах. А под ним получился толстый слой хвои, которая туда падала всю его жизнь. И человеку было очень уютно под этим кедром и на такой мягкой хвое. Но утром он проснулся оттого, что кто-то стонал. Прислушался. А это разговаривали два кедра. Молодой и старый, под которым он и спал.
— И что?
— Ну так вот. Старый кедр жаловался молодому, что больше не может стоять и хочет умереть. А молодой спросил: «Так чего же ты не падаешь? Да только жалуешься?»— «Я хотел упасть ещё вчера, но подо мной лёг усталый путник». И тогда встал человек, обнял когда-то могучий ствол, поблагодарил его и отошёл в сторону. И тут же закачался и упал с облегченьем старый кедр на землю.
— И что?
— А ничего. Бабушка просила рассказать эту легенду тебе.
— Но зачем?
— Я думаю, тебе лучше знать.

....

После камнепада прошло очень много времени. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о камнях и папе, Славка и Катюша поставили палатку, хотя больше ночевать на Карачике не хотелось.

Темнело. Мама сидела в стороне от лагеря, укутавшись в папин свитер, с красными пятнами вокруг глаз от бинокля.

....

Свою родную бабушку— старшую дочь прабабушки и старшую сестру всех остальных «бабушек»— Славка очень любила. Отец рассказывал о ней только самые странные и весёлые истории.

Бабушка считала себя толстой. Хотя выглядела, наверное, помладше всех своих многочисленных младших сестёр. Когда она заходила в дом, все сразу замолкали и оборачивались на неё. Она не любила ни с кем целоваться и обниматься. Садилась в сторонке и сразу же становилась центром внимания.

Одна из её сестёр пригласила всю Славкину семью в гости. Но Катюшка простыла в Катуни, и родители остались с нею дома. А бабушка взяла Славку с собой.

Эту сестру все почему-то ласково называли Ксюшенькой. Ксюшенька с трудом поднималась со стула, приветствуя гостей. Совсем недавно она перенесла инсульт. И теперь постоянно сидела дома.

— Ну как ты, Ксюшенька?— спросила бабушка, похлопывая сестру по плечу.— Ну и раздалась же ты! Ужасть!

Ксюшенька засмеялась, потом закашляла.

Славка стояла у двери и боялась войти внутрь. Даже в прихожей пахло старостью и болезнями. У прабабушки дома пахло только свежим хлебом и цветами.

Бабушка ходила по комнате, раздвигая занавески, отчего её младшая сестра морщилась. Затем по-хозяйски поставила чайник на плитку, послав внучку за печеньем в ближайший магазин. Дорогу ей перегородил пьяный мужик. Он сально оглядел Славкины голые ноги в коротких шортах и вошёл в дом. Славка помедлила, но затем вышла за ворота.

Славка вернулась минут через десять и ещё около калитки услышала крики.

Она залетела в дом и остановилась у дверного косяка.

Приготовленная к чаю посуда на столе была разбита. Ксюшенька плакала, забившись в кресло. Мужик орал у печи. А около стола стояла, подняв вверх большой топор, Славкина бабушка.

— Ты меня понял, сукин ты сын? Ты понял меня или нет? Ещё раз к сестре моей прикоснёшься… ещё раз денег украдёшь… я тебе руки твои загребущие-то поотрубаю! Ты слышь меня, сукин ты сын? Али нет?

Она замахнулась топором, мужик взревел:

— Ах ты, мразь старая! Ведьма! Ведьма!

— Кто тут старая?— бабушка схватила другой рукой со стола нож и швырнула его в стену.

Нож воткнулся совсем рядом с лицом мужика. Тот побледнел и исчез.

Славка не поняла, с какой скоростью он убежал, промелькнув мимо неё в дверь.

Бабушка же, уронив топор, подбежала к Ксюшеньке и поцеловала её в макушку.

— Теперь он тебя не тронет, слышь меня? Не боись. Или хошь— приезжай ко мне жить! Мне одной скушно. Продадим твой дом, переедешь в Узнезю.

Славка вдруг увидела, как молода её бабушка. И что Ксюшеньке совсем не шестьдесят лет. А лет десять. И вздрогнула, когда увидела в Ксюшенькином лице знакомые черты.

— А ты чего стоишь?— обернулась к Славке бабушка и, смягчившись, ласково произнесла:— Печенье принесла? Неси чайник.

Отец вернулся, когда Славка уже приготовила ужин на примусе, который они хранили всю дорогу «на всякий непредвиденный случай». Славка вдруг поняла, что этот непредвиденный случай настал не на Каратюреке, а здесь, у пустынного озера. Безжизненного и холодного, как тёмное небо. И что их путешествие, скорее всего, на нём и закончилось.

Она больше не хотела идти дальше в горы. Не мечтала посмотреть на Семиозерье.

Папа с воодушевлением рассказывал о том, как залез на перевал, как нечаянно спустил вниз огромный булыжник. Как увидел озеро Горных Духов, как там красиво и какие все ленивые, раз целый день провели внизу у воды.

Ему никто не ответил. Мама молча поставила перед ним тарелку с супом и, взяв девочек за руки, залезла в палатку.

Славке не спалось. Она слышала, как отец непонимающе хмыкал и черпал суп. Она отчего-то чувствовала себя виноватой. Но за что?

В конце концов палатка покрылась испариной. Значит, на улице быстро холодало. Отец лёг спать и сразу захрапел.

Славка тихо выползла из палатки и пошла к валунам и круглому камню, на котором была утром. Вокруг было темно. Две звезды по очереди вспыхивали и гасли над горами, и казалось, что они перепрыгивают с вершины на вершину. Луны не было. Но камень по-прежнему светился, словно окутанный миллионом невидимых светлячков. Славке показалось, что так камень общается со звёздами.

И тогда она села на него и заплакала.

Глава пятнадцатая

На обратном пути семья обнаружила небольшую площадку, занесённую снегом. Скорее всего, он не растаял из-за морены, закрывавшей солнце. Рядом цвёл шиповник, а рядом лежал снег. Славка переоделась в купальник, выскочила на него босиком и закричала от жуткого холода.

— Битва!— крикнула Катюшка и бросила в сестру снежком из льдинок.

Славке стало больно и обидно. Тем более что в эту секунду мама как раз сфотографировала её искошенное лицо. Славка погналась за сестрой, но тут же провалилась по колено в снег и взвыла от боли, ободрав ногу о наст.

— И как там, в деревне деда?
— Ничего не осталось!

Славка лежала на песке, пытаясь загореть. Пляж в деревне оказался на удивление чистым и уютным.

— Приезжаем. А там — поле. Одна трава да тайга вокруг. Остовы домов стоят — страшно. Не верится, что там когда-то кто-то жил. Что там бабушка с дедушкой поженились…
— М-м-м… Потому что там от Катуни далеко. Сейчас только Катунь застраивается — это модно. А весь остальной Алтай разваливается.
— А ты здесь живёшь?
— Не, мы в Горно-Алтайске. Так что я тоже типа городская. Но тут всех знаю. И тебя познакомлю.

………………………………………………

Славка никогда ещё не видела столько палаток в одном месте. К Аккемскому озеру пришло сразу несколько многочисленных групп туристов.

Отец сходил за «домовёнком», сделанным Робинзоном, и теперь гордо опирался на огромный пучеглазый посох.

После очередного перехода через реку по тросу, да и перед долгой обратной дорогой, семья решила выспаться и постоять на Аккеме, полюбоваться Белухой.

С одной стороны стоянки сидели мирные дяденьки и тётеньки. Они сгруппировались около костра и о чём-то серьёзно разговаривали.

— Чудо! Чудо! — доносился от них шёпот.

Славка с Катюшкой переглянулись.

— Чего это они? — спросила Катя.
— А фиг их знает? Каждый сходит с ума по-своему.

Одна из женщин, увидев заинтересованный взгляд девочек, помахала им рукой. Славка осторожно подошла ближе.

— Здравствуйте! Я тут про чудо услышала, вот и…
— Да, да! — закивали головами мужчины. — В это месте силы мы ждём, когда нам явится Николай Константинович.
— Кто? — не удержалась Славка.
— Рерих, конечно! — воскликнули женщины. Только сейчас Славка заметила, что они были одеты в одинаковые белые платки. — Тот, кому явится Рерих, — необычный человек.

Славка осторожно оглядела окрестности. Весь лес здесь был грязным. Туристы оставляли банки, одежду, мусор. Иностранцы ходили в туалет не в определённые места «за кустами», а за всеми кустами подряд, оставляя вокруг разноцветную туалетную бумагу. Разве непонятно, что нужно травой всё своё прикрывать и каждый раз в новое место не ходить?

Эта стоянка тоже не блистала чистотой. Кроме слова «загажена», Славка не могла подобрать ей определение.

— А мне снился Николай Константинович! — неожиданно для себя сказала она. И испугалась — с такой скоростью начали вокруг собираться мужчины и женщины, охая и ахая. — Мы были наверху… и там было холодно и страшно!

Одна женщина нагнулась к её лицу так близко, что Славка отпрянула. Зато осмелела.

— И сказал он мне: ты пришла сюда не случайно! Здесь есть люди, которые ждут меня! — толпа издала общий стон наслаждения. — И сказал он мне: очисти здесь всё! Пусть эти люди очистят святые места от грязи! Слишком много здесь людей и слишком много грязи!
— Грязь! — осуждающе качали головой женщины и мужчины. — Вот для чего мы здесь! Спасибо, девушка! Возьми вот, возьми!

В лагерь Славка вернулась совершенно ошарашенной.

У неё в руках был шоколад.

А куски цветной туалетной бумаги быстро исчезали с кустов.

В другой компании были только молодые парни. У них было слишком много энергии. Они сегодня пришли сюда по Аккему, а не через Каратюрек. Из их лагеря постоянно доносились вопли. Затем кто-то включил радио, и компания устроила дискотеку.

— Не хочешь к ним? — съязвил отец и пихнул Славку в бок.

Она презрительно посмотрела в сторону парней и продолжила рисовать Аккем.

— Фотография всё равно лучше, — сказал отец и погладил свой профессиональный фотоаппарат. — Рисунки морально устарели.
— Ничего они не устарели. Каждый дурак может кнопку нажать. А перенести своё чувство на бумагу — мало кто.
— Продолжим спор попозже, — смеясь, отец ушёл разводить костёр.

Через час к лагерю вышли четверо. Низкорослый крепкий мужчина. Стройная женщина с красивыми волосами. И пара иностранцев с усталыми глазами. Судя по большим рюкзакам первых двух, отец бы уступил им место в своём лагере.

— Здравствуйте, — произнёс низким голосом мужчина и подошёл к костру. — Можно у вас здесь упасть? А то вокруг какие-то сумасшедшие стоят, не продохнуть.

Отец подал руку для приветствия и показал на небольшое свободное место — как раз под одну палатку — под елью.

Мужчина оказался «снежным барсом» — человеком, как потом пояснил отец, который побывал на четырёх семитысячниках. Их «барс» поднялся на пик Коммунизма (он же пик Исмоила Сомони на Памире), на пик Хан-Тенгри в Тянь-Шане, на пик Ленина и пик Корженевской, тоже на Памире.

Славка сама себе удивлялась, какими обыденными стали для неё новые названия гор, неизвестные совсем недавно.

Женщина была его помощницей. Они зарабатывали деньги тем, что водили для одной фирмы иностранцев к Белухе. Иностранцы оказались французами: Нил и Амели. У них были совсем крохотные рюкзаки, а у Амели с рюкзака свисали стринги и лифчик.

Папа удивлённо показал на них. Светлана, помощница «барса», покачала головой:
— Это она так вещи сушит, не обращайте внимания. Французы, что вы хотите, всё напоказ.
— Но… это разве трусы для похода?
— Поэтому и ходит медленно.

И все рассмеялись. Даже Славка. Хотя всего три недели назад она прятала в рюкзаке от мамы такие же стринги, подаренные подружкой.

Вечером все снова окружили костёр. Славка любовалась огнём, ласково обнимающим дерево. Она думала о том, что теперь не скоро сможет посидеть вот так, ощущая приятную пустоту в голове. И чтобы вокруг неё шумели ели, потрескивали брёвна в костре, шумел котелок. Птицы бы перелетали с ветки на ветку. А родители бы выглядели не уставшими после работы, а умиротворёнными, несмотря на все дневные разногласия. А вместо глупого телевизора «барс» бы рассказывал о своих странствиях.
— Мы тут ребят спасали,—засмеялся «барс».— Выходят к нам от Белухи странные личности. Тощие, глаза безумные. Говорят: дайте поесть. А у нас вроде бы всё по списку—не себе же покупали, а нашим французским друзьям.

При слове «французские» Амели оторвалась от книжки и улыбнулась.
— Ну и вот, ребята, конечно, оказались чокнутыми. Захотели от чего-то там очиститься. Нашли такого… как сказать… «клёвого» проводника, который им невесть что наобещал. Курил их проводник все три дня подъёма. А под Белухой наварил грибов и начал кричать, что им нужно для очищения обойти Белуху три раза.

Отец засмеялся. А Славка взглянула на снежные вершины.
— Ну а ребята в последнюю секунду скумекали, что за грибочками не надо идти. А дороги обратной не знают. И все деньги с билетами тоже у проводника остались, который в гордом одиночестве полез на Белуху.
— Три раза, говорите?—сквозь слёзы переспросил отец.
— Три раза! Славка, тебе понравилось по горам ходить?
— Понравилось! Только устала.
— Помните анекдот про альпинистов?—обратился «барс» к отцу.
— Какой именно?—обрадовался тот.

Славка переглянулась с сестрой. Папа и анекдоты. Жуткое словосочетание.
— Ну, этот… Где лезут в гору альпинисты—новичок, значкист, разрядник и инструктор. Новичок думает: «Щас сдохну. Щас сдохну». Значкист думает: «Вот дойду до того камня—и сдохну». Разрядник думает: «Щас дойду до вон того камня, и если не сдохнут они, то сдохну я». А инструктор думает: «Ну и лоси мне попались—хоть бы сдох уже кто-нибудь, что ли?»

Славка рассмеялась и замолчала, вспомнив себя на перевале.

Отец аж подпрыгнул на бревне и хлопнул себя рукой по коленке.
— Ну вот, начинается…—улыбнулась мама и пошла с котелком за водой для новой порции чая.
— Висят двое альпинистов на стене, мужик и девица,—начал отец.
— Да-да, я его помню!—загоготал «барс».

Но Славка хотела дослушать анекдот и заныла:
— Ну пап… Я не слышала!
— Это про вас, про девушек в горах. Итак, висят двое альпинистов на стене, мужик и девица. Мужик кричит: «Машка, вяжи булинь!» Она отвечает: «Сейчас попробую!» А он: «Не надо пробовать, вяжи пятнадцать бантиков!»

«Барс» и его помощница всё равно звонко рассмеялись.
— А почему люди сюда приходят за Рерихом?— спросила «барса» Славка.
— Рерих?.. Ну, великий был человек. Когда он путешествовал по Алтаю, то каждый день поднимался с этюдником и фотоаппаратом на окрестные белки́. Был на Катунском хребте. Вроде видел Белуху. Но на самом деле вряд ли приходил сюда. Ты видела рисунки Рериха?

Славка кивнула.
— Я-то ходила на его выставку. Но никогда его горы не любила. Они мне казались чересчур яркими. И фальшивыми.
— А теперь?
— А теперь… я понимаю, что именно он рисовал.

«Барс» довольно хлопнул себя по колену.
— Вот и молодец! Хорошая у вас девчушка выросла!—повернулся он к Славкиным родителям.

Амели, сидящая напротив у костра, тихо запела:

> Фрэрё Жакё, фрэрё Жакё,
> Дормэ ву? Дормэ ву?..

Катюшка, узнав знакомую мелодию, подхватила:

> Колокол на башне, колокол на башне,
> Дин-дон-дон, дин-дон-дон!

Всю ночь Славке снились кресты, которые она видела недалеко от Белухи. А рядом с ними стояли суровые альпинисты с бородами. Наверное, души, кружащие над своими могилами.

Славка почувствовала, что задыхается, и проснулась.

Где-то далеко в темноте играла свирель. Тихо-тихо. Кто-то выводил незатейливую народную мелодию. Грустные звуки ласково плыли в тишине, лились, как Текелюшка в своём истоке. Музыка не стихала, но и не надоедала.

Славка хотела вылезти наружу, но потом заметила, что в палатке никто не спит, и осталась. Когда свирель замолчала, Славка обняла Катюшку и мысленно попрощалась с Сердцем Земли.

....

— Ну, это типа наш дом,—Наташка хмыкнула.— Здесь типа кухня. Бабушкина—для тебя прабабушкина—комната. Ну и так далее. Выходить на улицу можно через дверь. А можно и через окно в спальне. Там удобнее. Затем можно по двору с курицами выскочить в огород. Мимо бани и сеновала—в калитку. Видишь калитку? Ну вот, оттуда—по дорожке—и к реке! Тут три секунды.

Славка кивнула. Она пока с трудом понимала, о чём говорить со своей троюродной тётей.

— А если хочешь удрать из дома, то слева от окна висит верёвка. По ней заберёшься на чердак. И пока кто-нибудь будет с другой стороны дома залезать туда по гнилой лестнице—например, дядь Вася… Он когда-нибудь с неё гробанётся к чёртовой матери. Напьётся—и вечно на чердак тащится… А ты в это время можешь оттуда на сарай перепрыгнуть—и по крыше сбежать к бане. А там—снова к реке. Поняла?

Славка опять кивнула. Всё-таки здесь было намного интереснее, чем во дворе в её городе.

— Если из двора идти направо—там магазин. Если налево—кладбище. Там многие с нашей семьи лежат. Потом свожу. Но кладбище всё хотят снести и поставить там очередной дурацкий туркомплекс. Вы же сегодня куда-то ещё поедете?

— Не сегодня, завтра. В дедушкину деревню.

....

Славка не понимала, куда все так спешат.

Отец говорил, что до отъезда с Алтая нужно побывать у прабабушки. И чтобы застать всё семейство, нужно торопиться.

— На сколько мы там останемся?—Славке было и любопытно, и страшно встречать «всё семейство».

— Не знаю. На недельку. На две. А потом домой.

— А дома чего делать? У тебя же отпуск длинный.

— Книжки будем читать. Телевизор твой любимый смотреть.

Славка в последний раз оглянулась на Белуху, и та скрылась за деревьями.

Этот день Славке ничем не запомнился. Они шли и шли. Иногда французы и «снежный барс» обгоняли их, совсем как семья Робинзона когда-то очень давно. Но потом окончательно отстали.

Переходы длились до пятидесяти минут. Кто-то сказал, что от деревни до Белухи альпинисты и спасатели налегке добегают за один день. Славка очень в этом сомневалась.

В полдень маме стало плохо, и пришлось сделать долгий привал.

Пообедали у водопада Текелю.

— Такая красота!—с трудом произнесла мама.— А любоваться уже и сил нет. Ни физических, ни моральных. Может быть, здесь и остановимся?

Славка зачем-то замотала головой и на ходу придумала, что слышала от французов о прелестной стоянке чуть ниже по течению.

Но никакой стоянки, конечно, там и в помине не было.

Семья медленно поднималась в гору, которая всё не хотела кончаться и была неприятно крутой, без воды и стоянок.

— У меня нет сил даже возмущаться твоим враньём,—еле выговорила сзади мама.

Славке стало стыдно. Все четыре часа, которые они шли практически без перерывов, она думала, зачем же соврала маме. И куда же она так спешит? Если и спешить-то некуда? И почему природа поступает с ней так отвратительно? Спуск должен быть лёгким. Они уже сильные и тренированные.

Славка пощупала свои ноги. Она и не думала, что ноги бывают такими железными. Одни сплошные мышцы.

— По-моему, я услыхала шум реки,—Славка резко остановилась.

— Не услыхала, а услышала,—поправила её мама.

— Неправда, у нас в классе все так говорят.

— Это наш диалект. А литературная норма—другая.

— Да мне плевать на литературную норму! На ней пишут где-то там! А у нас в городе все говорят «услыхала». То есть ты думаешь, что весь наш город недоразвитый? И моя учительница в школе недоразвитая?

Мама устало прислонилась к дереву, и вся семья тоже встала рядом.

— Доченька, я так не считаю. Но думаю, для будущего тебе нужно знать общепринятые правила.

— Ну как, как они могут быть общепринятыми, если на них не все говорят?

— Вы вообще о чём спорите?—подошёл отец.

— Мы все устали. Вот усталость таким образом и сказывается. Мы ссоримся из-за норм языка.

Отец повернулся и молча пошёл дальше.

Все тоже гуськом двинулись вперёд.

Вскоре и правда справа появилась речка. Семья упала на землю на ближайшей стоянке. Отец впервые за весь поход даже не обратил внимания на то, с кем именно они встали. Медленно разложил палатку и сварил кашу.

Соседями оказалась буйная и совершенно не горная компания мужиков с полуголыми девушками.

— По-моему, они просто удрали подальше от своих жён,— мама осматривала ноги с мозолями и дула на них.

— Ага. Тропа по Аккему — просто кошмар. Хайвэй какой-то,— пробурчал отец, поглядывая на визжащих девушек.

— Как же без людей было хорошо,— заговорила Катюшка.— Ненавижу пьяных.

— А у меня ощущение, что я попала во взрослый ночной клуб,— Славка доедала рис с курагой.— Жаль, что придётся всю ночь всякую фигню слушать.

— Правильно, доченька. Слушать, а не слухать.

— Ну мам!

Глава шестнадцатая

Ночь прошла незаметно. На следующий день, наевшись чёрной кислицы, о которой Славка только разо в детстве слышала от бабушки, семья рано утром, с отвращением посмотрев на валявшихся по всей стоянке мужиков, снова отправилась в путь. По расчётам отца, к вечеру они должны были уже выйти к базе, поймать машину до Горно-Алтайска или попросить водителя завезти их сразу в Узнезю к прабабушке.

Шли левым берегом реки Аккем. Спускались по долинам, покрытым густыми хвойными лесами. На высоте около полутора тысяч метров над уровнем моря стали встречаться берёзы, и природа стала родной. Ноги даже как-то сразу перестали болеть и потопали быстрее. После берёзового леса семья должна была пройти ещё около тридцати километров до подъёма на перевал Кузуяк. Последний перевал перед выходом к деревне.

Славка по дороге зачем-то срывала головки цветов, а затем швыряла их в траву.

— Славка, зачем ты это делаешь? — опять спросила мама.

— Что я делаю? Ничего я не делаю.

— Ты рвешь и бросаешь цветы. Что они тебе плохого сделали?

— Я их не бросаю. Я их кидаю,— язвительно ответила Славка.

Она не понимала, зачем грубит маме, но остановиться уже не могла. Почему мама постоянно её дёргает?

— А в чём разница? Результат-то один!

— А я не знаю, в чём разница! Ты мне и скажи! А то вдруг я опять неправильно говорю?!

— Да сколько можно-то? — взвился отец.

— Ух ты! — воскликнула Катюшка и сорвала крупную ягоду малины.

Славка оглянулась. Они стояли на тропе прямо посреди огромного поля со спелой малиной.

— Ура! — закричала она и начала есть ягоду.

Папа с мамой переглянулись, сбросили рюкзаки и тоже стали углубляться в заросли. Малина была чистой, без червячков, её сок стекал у Славки по подбородку и по рукам. Заросли кое-где шевелились — значит, её семья была поблизости. Кто-то странно прорычал. Наверное, папа совсем одичал на природе.

Целый час никто не мог оторваться от ягод. Никто уже не заботился ни о времени, ни о споре, ни о тридцати километрах до перевала. Славка ела малину, горстями закидывая её в рот и не успевая вытереть липкие руки перед следующей порцией. Как же ей надоели каши!

— Стоп! — вдруг крикнул откуда-то из малиновых кустов папа.— Нам пора.

Невидимая Катюшка икнула где-то справа.

— Ну ещё минуточку! — жалобно попросила мама от дальних зарослей у леса.

Славка набрала полные пригоршни малины. Катюшка вытащила из рюкзака небольшой пакетик и положила свои ягоды туда. Сестрёнка всегда была мудрее и предусмотрительнее Славки.

Когда все собрались на грязной тропе, вытоптанной лошадьми и туристами, папа поднял рюкзак и чертыхнулся:

— Нет, вы посмотрите! Кто-то нагадил прямо на мой рюкзак!

— Разве проходили лошади? Я даже не заметила,— удивилась мама и пригляделась.— Слушайте… а ведь это не лошадиный помёт… Тут раза в три больше, и куча семечек от малины. Кто-то…

Заросли малины снова зашевелились, и раздался уже знакомый Славке звук довольного рычания с причмокиваниями. Кто-то большой, тяжёлый медленно двигался среди ягоды и срывал их так, что кусты ходили ходуном.

— Медведь… — просипел отец.

— Бежим! — прошептала мама.

Все быстро пошли вперёд. Тихо, пытаясь потише хлюпать по лужам и слякоти. У Славки лоб покрылся пóтом, а малина просилась наружу. Катюшка пыхтела, но умудрялась бесстрастно доедать ягоду из своего пакета. Видимо, за этот поход она уже привыкла к медведям.

Семья выскочила из прохладного леса на поле. Огромное поле раскрыло свои жаркие объятия. Больше это было похоже на степь. Сухую, горячую и бесконечную степь.

Здесь начиналась настоящая просёлочная дорога, по которой изредка ездили тракторы.

— Цивилизация,— поморщилась Славка.

— Не волнуйся, дорогая. До цивилизации ещё далеко,— пробормотала мама и прищурилась на солнце.

Славка вспомнила, что всё ещё лето и где-то бывает жаркое солнце, от которого она отвыкла.

Из леса выскочила незнакомая компания и уверенно пошла к реке, плескавшейся далеко внизу.

Очевидно, для стоянки. За рекой поднималась по горе тайга. Над нею выступали скалы.

Семья присела, чтобы переобуться и переодеться.

Славка отыскала кепку и надела её поверх платка, чтобы не сгореть. Родители и Катюшка тоже были похожи на бедуинов.

Опять кузнечики. Опять саранча. Опять пе́кло, сжигающее солнце, сухая скошенная трава и ни одного дерева поблизости! Как в начале пути.

Еле передвигая ноги, Славка считала каждый свой шаг. Она думала, сколько в одном метре её усталых шагов. И сколько метров из оставшихся километров она уже прошла. Катюшка сгорбленно шла впереди.

Дальше дорога уходила от реки налево. И по Катюшкиному стону Славка поняла, что снова начинается подъём.

Навстречу прошли три молодые девушки из Омска. Они сказали, что до ближайшего источника ещё несколько километров.

Появились первые кусты.

Больше Славка ничего не запомнила.

Она шла и думала: «Это дерево. До него нужно дойти. До него всего пять метров. Пять метров — это целых пятнадцать шагов. Один. Два. Три. Четыре. Почему. На небе. Ни облачка? Где оно? Солнце. Прошу. Тебя. Спрячься. Теперь. До этого. Дерева. Вот оно! Башка звенит. Стучит. Болит. Сейчас. Сварится. Или. Отлетит».

Справа раздался женский смех, и кто-то крикнул:
— Привет!

Славка даже не посмотрела в ту сторону. Она заметила краем глаза, как мимо проскакала девушка, за ней тащился мужчина с рюкзаком.

Глаза смотрели только на ботинки сестры. Такие же заплетающиеся ноги, как у Славки. Катюшка споткнулась.

Ещё через два часа семья всё-таки взобралась на перевал. Никто ему не обрадовался.

Славка и Катя повесили ленточки на кедр, выпили остатки воды из бутылок и начали спускаться вниз. Спуск был таким же сложным, как и подъём.

Славка уже не чувствовала ног. Боль внезапно пропала. Она только понимала, что мозоли, набитые за подъём, сейчас лопнут. И они лопались. Одна за другой. Отчего Славку било как током. Но нельзя было останавливаться. Присесть некуда. Сядешь — больше не встанешь. Захочется пить. А пить нечего. До базы далеко, а сил совсем не осталось.

На спуске к полю встретилась девушка. В короткой юбке, в босоножках. Из вещей у неё была только небольшая туристическая сумка через плечо. Отец от удивления даже остановился. Девушка выглядела так, будто просто вышла в магазин. Накрашенные ресницы. Накрашенные ногти. Накрашенные губы. Славку передёрнуло.

— Вы заблудились? — ехидно спросил отец вместо приветствия.

Славка облизнула высохшие и потрескавшиеся на солнце губы.

— А на Бели… Белу… ху я правильно иду? — тонким голосом спросила девушка и кокетливо откинула назад волосы.

Славка снова поморщилась. Девушка очень сильно напоминала ей… себя. Но до похода.

— Я решила отдохнуть на базе. И мне там рассказали, что здесь недалеко есть красивая гора, на которую можно дойти за день.

«Ох уж эти альпинисты-юмористы!» — вздохнула про себя Славка.

— Да, налегке, наверное, можно, — задумался отец.

— Так я налегке! — засмеялась девушка. — Но я уже тут деревню прошла, поле прошла. А горы всё нет. А далеко до горы?

— За этой горой, — откашлявшись, с трудом произнесла Славка, — есть поле. А за полем ещё одна гора.

— А за той горой ещё одна гора, — сказал папа.

— И за ней — тоже гора! — добавила мама. — И ещё несколько похожих гор. А за ними…

— Белуха! — закончила Славка и улыбнулась.

— Пра-а-а-авда? — протянула девушка и провела устало рукой по лицу, задев ресницы, отчего чёрная полоса легла по всему лбу. — А мне говорили, чтобы я шла и шла по дороге.

— Хорошего вам пути! — попрощался отец и повёл семью дальше.

Девушка брезгливо посмотрела на Славкину потную и грязную рубашку, хмыкнула и пошла дальше.

Ещё через час семья вышла к деревне и покосившимся заборам, а вскоре и на асфальтовую дорогу, ведущую в Тюнгур. Если по мягкой земле ещё можно было идти с вытекшими мозолями, то на твёрдом асфальте Славка просто взвыла в голос и уселась на первое же крыльцо деревенского магазина.

Рядом упала на рюкзак Катюшка и, тяжело дыша, закрыла глаза. На ступеньку ниже прилегла мама. Стоять остался только отец.

— И чего мы расселись?

— Мы здесь будем ждать машину. Или останемся жить, — всхлипнула Славка и начала расшнуровывать ботинки.

Самое страшное было — снять их.

И тут на горизонте появилась зелёная машина…

Это был старая, разваливающаяся «буханка». В ней сидели три чумазых немца с уставшими и весёлыми лицами.

— Guten Tag! — активно замахали руками немцы.

— Hi! — сказала Славка и завалилась на рюкзак прямо на пол, так как стульев в этом виде транспорта почему-то не было.

— Buongiorno, — почему-то ответил отец и устроился на свой рюкзак прямо у двери.

— Добр дан,— закончила здороваться мама.

Немцы вышли у базы, попрощались и потопали прямиком к бане.

Славка бы сейчас что угодно отдала за баню. Она, наконец, сняла ботинки и захныкала.

К ним в машину влезли ещё четыре человека: две девушки и два парня. Они возвращались с гор домой во Владивосток. Славка вспомнила, что Петька тоже жил с родителями во Владивостоке, в военном городке. До того, как приехал в Сибирь.

Петька теперь был так далёк ото всего, что знала и чувствовала сейчас Славка. Он, наверное, сидел у компьютера и проходил очередной уровень в новой игрушке. А Славка тряслась на полу. С больными ногами. В душной машине. Рядом пыталась дремать Катюшка.

Когда машина въехала в Усть-Коксу, Славка выглянула из грязного окна и увидела, как девчонки её возраста стайками идут в местный клуб. Наверное, там была дискотека. Затем взглянула на себя в зеркало: загорелое лицо, обрамлённое выбивающимися из-под пыльного платка волосами, большие глаза. Расстёгнутая мокрая рубашка, болтающаяся над рейтузами. Голые ноги непонятного цвета. Славка поднесла руку к носу. От неё пахло по́том, дымом, травой и малиной.

Славка хмыкнула. Посмотрела на заходящее за снежные вершины солнце. И закрыла глаза.

Был уже почти полдень, когда машина въехала в незнакомую деревню со странным названием «Узнезя». Славка раньше слышала о ней только от папы.

Водитель даже не старался объезжать дыры в дороге, а Славка устала уворачиваться от тяжёлых предметов, сваливающихся ей на ноги. На голове красовалась солидная шишка.

Деревянные заборы. Крепкие избы. Блуждающая на свободе лошадь.

Со всех сторон деревню окружали высокие горы.

Деревня стояла на высоком берегу Катуни. По рассказам отца, два века назад сюда пришли первые русские люди. Пешком. Из Смоленска. И среди них были и Славкины прапрапрадеды.

Машина подъехала к одному из домов над обрывом и остановилась.

Славка с трудом поднялась на ноги и выбралась наружу.

На крыльце стояла незнакомая девочка со светлыми косичками, похожая на Пеппи Длинныйчулок. Увидев Славку, она открыла ногой дверь в дом и закричала:

— Эй, все! Они приехали!

ДиН СИММЕТРИЯ

Фёдор Сологуб

Всё ясно только в мире слова

Поэт, ты должен быть бесстрастным,
Как вечно справедливый бог,
Чтобы не стать рабом напрасным
Ожесточающих тревог.

Воспой какую хочешь долю,
Но будь ко всем равно суров.
Одну любовь тебе позволю,
Любовь к сплетенью верных слов.

Одною этой страстью занят,
Работай, зная наперёд,
Что жала слов больнее ранят,
Чем жала пчёл, дающих мёд.

И муки, и услады слова,—
В них вся безмерность бытия.
Не надо счастия иного.
Вот круг, и в нём вся жизнь твоя.

Что стоны плачущих безмерно
Осиротелых матерей?
Чтоб слово прозвучало верно,
И гнев, и скорбь в себе убей.

Любить, надеяться и верить?
Сквозь дым страстей смотреть на свет?
Иными мерами измерить
Всё в жизни должен ты, поэт.

Заставь заплакать, засмеяться.
Но сам не смейся и не плачь.
Суда бессмертного бояться
Должны и жертва, и палач.

Всё ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.
Всё остальное — бред земного
Бесследно тающего сна.

1920

Наталья Мамлина

Не бросай!

● ● ●

Афганское солнце в твоей голове заалеет,
И ты меня больше не видишь.

Вы были мальчишки.

В каком-нибудь ямбе каким-нибудь жгучим спондеем
Когда-нибудь после я выражу то, как молчишь ты.

Сегодня я руку кладу на горячий твой лоб.
Не важно, не страшно, что я постарела, поблекла.
Душа моя, хватит ли милости нам с тобой, чтоб
Пригодными быть для дороги, ведущей из пекла?

● ● ●

Сорок лет эта буря во мне завывала,
Так что сделался я и безмолвен, и сед.
Кто сберёг меня в бездне девятого вала,
Тот воистину был милосерд.

Стал я нищим скитальцем, идущим по суше.
Это новое бремя мне было легко.
Раб Господень себе не послушен—послушен
Побеждающей воле Его.

Предстояло мне каяться, в двери стучаться,
Сеять сердце своё сквозь Его решето,
Приближаясь к последнему страшному часу,
Когда будет о мне решено.

Пасха 2020 года

И они сказали друг другу:
не горело ли в нас сердце наше?..
Лк. 24:32

Не по красным свечам прихожан,
не по крестному ходу,
не по звону, что нас поражал
ликованием с ходу,

не по золоту милых нам слов
Твоего Златоуста,
не по Чаше Пречистых Даров—
по единому чувству

мы поймём, наш Господь и Равви,
что воскрес Ты от гроба,—
по горящему сердцу в груди,
как Лука и Клеопа.

● ● ●

Ты не премудрый, но и не пескарь,
А жизнь—она умнее всех, и точка.
Под золотом афганского песка
Погребена была твоя отсрочка.

И понял ты, вернувшись, старый сын,
Что будет очень трудно выжить снова,
Что лучшее лекарство—это сон
И что заснуть никак без омнопона.

…Но той, кто любит,—матери—позволь
С тобою говорить о высшем знанье—
Когда умрёт, кому поведать боль,
За рамки выходящую сознанья.

● ● ●

Тогда февраль вступал в свои права.
Мне было очень холодно—настолько,
Что не согрела б ни одна настойка.
И в сердце у меня чернел провал.

Тогда я перестала ждать тепла.
И чуда ждать я тоже перестала.
Меня чурались люди, кем я стала.
И вот тогда, поверишь ли, тогда

Животные с картонок Пиросмани
Пришли и зализали боль мою.
«Спаси Нико!»—Тебя, Господь, молю
О дивном уроженце Мирзаани.

Смерть солдата

Ты очнёшься под небом,
И природа предстанет как встарь.
Над собою, нелепым,
Ты услышишь благое: «Восстань!»

Обернувшийся ситцем,
Обернёшься не фрицев проклясть,
А разорванным сердцем
К разорённому дому припасть.

И к избе твоей полем
Приведёт тебя Ангел, солдат,
И до третьего полдня
Будешь возле калитки стоять.

• • •

Давнишние страхи вернулись — твои конвоиры, —
Несут нам раздоры, разлуки, безумством звеня.
В пруду отражаются ветки заплаканной ивы,
И пепел с твоей сигареты летит на меня.

В тот год, когда я родилась, рыжеватый манул
Афганской степи распознал в тебе дикого брата.
…Зачем мы знакомы? Ведь я никогда не смогу
Унять твою боль, послужив тебе верой и правдой!

• • •

Весь август мы будем ходить по коврам
Из трав полевых да знакомою просекой
От крова на самом краю Покрова́
До Шитки и дальше — до Чёрного озера,

В ночи возвращаться, стоять и смотреть
На небо и видеть Большую Медведицу.
Так всякому дню предстоит догореть,
Во что на рассвете не очень-то верится.

Нам будет легко на краю городка
Узреть, что природа склоняется к осени,
Что жизнь так прекрасна и так коротка,
Как наша дорога до Чёрного озера.

1990-е годы

Мы — бражники, блудницы, наркоманы —
Вошли в полуразрушенные храмы
И различили запад и восток.
В нас чувства, пробудившись, стали резки.
Нас окружили выцветшие фрески —
На уцелевших полыхали раны.
И было ясно, где добро, где зло.

В те дни мы восставали против тлена,
Мы приносили к стенам Вифлеема
Свои окаменелые сердца.
Мы даже не мечтали о прощенье,
Но (притчу испытавши до прочтенья)
Почувствовали, выходцы из плена,
Навстречу нам спешившего Отца.

• • •

Мой Господь, меня не бросай,
И, начав смирять немотой,
Если нужно — то продолжай.
Ничего не страшно с Тобой.

Отними мой слух, оборви,
Если нужно, песню мою.
Я смирюсь, Равви, мой Равви, —
Золотые слёзы пролью.

Спасителю

I.

От крутости до кротости
свершая узкий путь,
отречься бы мне гордости —
хоть воздуха глотнуть!

От безнадёги к чаянью
(уже нет сил зане!),
отречься бы отчаянья
во что б ни стало мне.

От ненависти к совести,
от зла идя к добру,
отречься бы мне зависти.
А я всё не могу.

II.

Сойди в мой ад и вытащи меня.
Как ждёт солдатка мужа с поля брани,
я жду Тебя.
Никто не отменял
ни веры, ни терпения, ни рая.

• • •

Верни мне мужество былое,
Бесстрашие моё верни —
Быть строгой перед аналоем
И снисходительной к другим.

Верни мне то, что я попрала,
Сама себе и враг, и тать, —
Мой голос, данный не по праву,
А даром, словно благодать.

Прости мне, Господи. Я плачу,
Раба греха, его холуй.
Что без Тебя переиначу? —
Намерение поцелуй.

• • •

Был каждый шаг в раю оправдан,
и все слова — себя нежней,
пока не правота, а правда
была мне воздуха нужней.

Сиянье звёзд и шелест кущей —
горели радостью сердца.
…Адам, прости меня.
Где лучше,
чем в поле зрения Творца?

Андрей Бирюков

Ветер, ветер…

* * *

Чтоб жить в квартире, а не в хлеве,
И класть на совесть кирпичи,
Он выступал на разогреве
Большой мартеновской печи.

Чтоб поедать в кафе эклеры
И на фуршетах канапе,
Он мог читать хоть под фанеру,
Хоть под листы из ДСП.

Что нужно делать всё попроще,
Он заучил, как «Отче наш»,
И выходил, смеясь, на площадь,
И выходил, шутя, в тираж.

Дружил с башкой, дружил со светом
И, изучив среду и спрос,
Мгновенно стал большим поэтом
И уважением оброс.

Фанаты, сети, группы тоже,
Под ним давно «Ютуб», «Фейсбук»,
Одет с иголочки, как ёжик,
В аплодисменты тысяч рук.

Как надоела эта лажа!
Талант не ставят и в гроши,
Поэт сегодня—раб продажи,
Продажи собственной души.

* * *

В меня давно вселились черти,
Но за аренду—ни гроша.
Веду здоровый образ смерти.
Веду под ручку не спеша

Свою депрессию к рестарту.
Читаю рэпчик и Дюма.
Любовь доводит до азарта,
Но не доводит до ума.

Ведь перед ней мы слишком слабы
И к помешательству близки.
Все наши горести—от бабы,
Не от Матфея и Луки.

Во мне от слова «Милавица»
Вскипают чайником мозги.
Ещё ведь надобно жениться,
Но мы и так почти враги!

А с кем она там делит ложе,
В своей резиновой Москве?
Мурашки бегают по коже,
А тараканы в голове.

Да я как вспомню: «Ешь васаби»,
«Болит спина—иди к врачу»!
Всё наше горе—только в бабе.
Но это горе я хочу!

* * *

Мой режим—как топор палачей,
Он карает любую небрежность.
Я питаю отцовскую нежность
К беспокойству бессонных ночей,

К жёлтым шапкам речных фонарей,
К абрикосовым краскам рассвета,
К той прохладе безлюдного лета,
Где живётся свежее, быстрей,

Где плескаются в кронах ветра́,
Где мечтаешь навеки остаться…
Только нужно ложиться в двенадцать,
Чтобы встать на работу с утра.

Так и рвётся заветная нить,
Оттого и слабеет сцепленье.
Как же сложно сберечь удивленье,
Без которого холодно жить.

* * *

Как же быть, коль лежишь на диване,
Но душа твоя просится в лес?
Как же быть, если пусто в кармане,
А в него ты за словом полез?

Как же быть, если сверху до низа
Только слякоть, насмешки и глум?
Если брошен не жребий, не вызов—
Брошен ты в одиночестве дум?

Как же быть, если сморщена вера?
Если падаешь вниз, не скользя?
Если смог стать хорошим примером—
Но примером того, как нельзя?

Если сорваны розы и маски
И ты ищешь не правду, а дым,
Чтоб сгустить молоко, а не краски,
Чтоб себя вспоминать молодым?

Как же быть? Эти строки—не ради
Чьих-то слёз и поджатых хвостов.
Просто в жизни моей, как в тетради,
Слишком много помятых листов…

* * *

Убегаю из людных мест,
Манят дали.
На себе я поставил крест—
Не распяли.

В ванной ржавится мёртвый душ—
Да, картина…
Умный в жизни срывает куш,
Глупый—спину.

На работе опять затор,
Сплошь рутина.
Я хожу туда, как сапёр,—
С грустной миной.

Осыпается потолок.
Утро. Восемь.
Осыпает собой порог
Дура-осень.

Я уставший. Ни рук, ни ног.
В чьи-то сети
Первый встречный спешит, как Бог.
Ветер, ветер…

* * *

На глазах её мелкие льдинки,
На ногах—золотые пески.
Я ловлю себя в каждой морщинке
Постаревшей холодной реки.

Очень тихо: ни уток, ни рыбы,
Только ветер без чувства вины
Прорезает по линии сгиба
Чёрный контур игривой волны.

Все мы ищем для сердца отраду,
Заедаем восторгами стресс.
Я смотрю зачарованным взглядом
На гладильную доску небес,

Будто в глубь антикварной витрины,
Будто в рай безмятежного сна.
И меня золотой паутиной
Оплетает седая луна.

И одно лишь желание гложет—
Вдруг спуститься, стирая следы,
Чтоб погладить гусиную кожу
На изнеженном теле воды,

Прикоснуться, проникнуть и слиться
С этим миром смолистой тоски,
Гладить кружева чёрного ситца
Теплотой огрубевшей руки.

Наше чистое—наша природа.
Наша сила. И наша беда.
Ведь её глубины и свободы
Нам, увы, не достичь никогда.

Юлия Самородова

Альфа и Омега

* * *

Вот ноябрь, спасибо на том,
поделился со мною чем было:
снежной крупкой, и белым пшеном,
и сквозь сито пропущенным пылом.
Расстояньям любым вопреки,
сверхчувствительным глазом мигая
на поверхности млечной реки,
наблюдает звезда голубая,
как на заднем сиденье авто,
чуть живым подпевая пружинам,
завернувшись в чужое пальто,
я стремительно падаю в зиму.

Скоро, скоро пойдёт по земле
Новый год. Это вовсе не ново.
Будут ёлка, салат оливье,
кислый запах чего-то спиртного,
фейерверки в бессонном дворе,
омрачённые холодом колким,
и какой-то чудак в мишуре,
что без спроса накинет дублёнку
мне на плечи. Спасибо на том.

* * *

Я, кажется, не сплю, но вижу сон:
плыву и неокрепшую весну
руками раздвигаю.
          От деревьев
отталкиваюсь.
          Сон или не сон—
мне только бы сейчас не утонуть.
Подставь плечо, иначе я, наверно,
не справлюсь.
     Посмотри, со всех сторон
деревья голые. Бессовестное ню.
И птицы, оттопыривая перья,
орут в оглохший птичий телефон.
Как хорошо, что я тебя люблю!
Как хорошо по улицам и скверам
к тебе спешить.
     И мир почти не скверен.

Альфа и Омега

Всё тот же город. Тянущая боль
всё та же.
     Перемигиванье окон.
Ленивая бордовая фасоль,
подброшенная в небо, и осколок
от солнца, уходящий в никуда.
Да, вечер—это выдох.
          На подлёте—
тяжёлый сон, слоёный, как слюда.
Холодное нутро квадратной соты.
Распахнутый диван—плохой роман—
прочти немного, брось на середине.
Да, pale blue dot всё та же: много стран,
но мало толку. Плюс большая льдина.

И хочется туда, где города
сменяются деревнями, деревни—
аулом.
     Остановится вода,
приляжет на заточенные гребни,
перевернётся
     и помчится вспять.
За горные воздушные причалы
зацепится ночная благодать
и облачные ялики.
          Сначала
начнётся жизнь простая, как цветок
багульниковый.
          Альфа и Омега—
нахохлившейся юрты тёплый бок,
большое засекреченное небо,
раскинувшее бисерный кушак
над сонным, обездвиженным аулом.
Ночной мороз.
          Горячая душа.
И ветром оцарапанные скулы.

Птахи зимние

Изгибается время.
Усложняются мысли.
Упраздняются страхи.

Незаметно и быстро
подрастают деревья.
Не меняются птахи.

И становится в радость
наклоняться над ними
и шпионить так долго…

что убудет ноябрь,
и протиснутся в зиму
треугольники ёлок,

и поедут, как сани,
по распушенным снегом
занесённому аду

в фантастический праздник,
неизбежно-последний.
Как чудовищно, правда?

Затанцует гирлянда,
засмеётся ребёнок.
Помогите же, люди!

Но стоишь, наблюдая
за какой-нибудь птахой,
интересной до жути.

Дерево

Загляну в окно, а дерево не спит:
нервно вздрагивает, крутится, гудит.
Спи давай.
Всё дремлет.
Город тих.
Три часа. На что ты тратишь их?

Загляну в окно, а дерево поёт:
белый ветер в дереве живёт,
кач да кач—как птица на ветвях.
Спи давай. Декабрь на часах.
Это долго. Долго!
Кажется, нет-нет—
на меня поднимет дерево в ответ
от мороза влажные глаза…
Спи давай.
Совсем не спать нельзя.

Загляну в окно: там утро, птичий хор,
и внутри меня как будто бы затвор
громко щёлкнет. Дерево-то спит!
За спиной у дерева горит
целый мир.
Как будто уцелел
только чудом, зимний водомер,
смелый лыжник мчится.
На бегу
ни в огне не тонет, ни в снегу.

А всё остальное—смех

Прибьёшься к одной из лавочек
в каких-нибудь там дворах,
и тут же к тебе играючи
на ватных кривых ногах
снежок подкрадётся.
                    Можешь ты
хоть мимо смотреть, хоть вбок—
на твой беззащитный кожаный
и полный тепла сапог
слезу он уронит опытно.
Не очень желанный гость
в твоих рукавах, под воротом,
ведь ты и сама как горсть,
и радости в ней—на краешке,
а всё остальное—смех.

Снежок, над землёй порхающий,
уляжется вдруг *поверх*…

Да, в память войдут пожизненно:
осанистый небоскрёб,
который перстом единственным
печальное небо скрёб;
а также—домишки,
                    домики
и прочая ерунда;
такси, что сновало гномиком
по тёмным пустым дворам.
Простое земное гнёздышко,
что пахло, как влажный мех,
и радость была на донышке,
а всё остальное—смех.

Елена Галиаскарова

Вечные сказки

Белоснежка

Вырастала на небе луна перезревшим лимоном,
В лабиринтах из туч скрылось звёзд золотистых свеченье.
С гор сбегали ручьи и стекали в долины по склонам;
Ночь бродила по улицам дня одинокою тенью.

Снег валил кружевной пеленой обречённо, угрюмо—
Ведь к утру потеплеет, и он, несомненно, растает.
Закрывая окно, чтоб не слышать дорожного шума,
Я подумала: ну и погодка за сутки до мая.

И заснула. Приснилось: выходит во двор Белоснежка—
Вся румяна, бела, в волосах разноцветные гребни.
Зашнуровано платье тесёмкой из шёлка небрежно;
Ветер клонит к земле алых маков пушистые стебли…

Спелых яблок сорвав, Белоснежка кладёт их в корзину—
Злобной мачехе в дар; вдалеке слышно птичьи напевы.
В старый замок войдя, в ожиданье печальном застынет—
Бросив в зеркало взгляд, там увидит лицо королевы…

● ● ●

Накрыло деревню под вечер лихое ненастье,
И лес изменился, стал тихим, пустым в одночасье.
Деревья в сугробах стояли, укутаны снегом,
Летела позёмка навстречу задорно, с разбегом.

Снежинки с небес беззаботною стаей кружились,
На мёрзлую землю ковром серебристым ложились,
И ветер угрюмый раскачивал ветки у сосен,
Мечтая вернуться в чудесную, яркую осень.

Бежали гурьбой по холмам и пригоркам олени,
А в глыбах из льда притаились безмолвные тени.
С метелью весь мир потерял очертанья и краски…
Застыла природа в морозной чарующей сказке.

* * *

В фиолетовой дымке заката крадётся ночь—
Дарит грёзы, шальные мечты, навевает сны.
Из души грусть ли, скука уходят на время прочь,
Загорается в небе серебряный диск луны.

На столе чай с лимоном и ягодный мармелад—
Жёлтый, красный, зелёный, оранжевый, голубой.
На картине застыл белых яблонь цветущий сад;
Вдалеке в синем море колышет волну прибой.

За окошком погода стремится опять к нулю—
Сильный холод и дождь, обещают на завтра снег.
Почему—не пойму я, тебя до сих пор люблю…
Расцветает у вьющейся розы густой побег.

О дальнем королевстве

Прекрасны звёзды в сумраке ночей,
И королева милая прекрасна.
А в замке бал, и сто зажгли свечей…
Ночь холодна, туманна и ненастна.

Выходит герцог властный на балкон,
Роз ароматом хочет насладиться.
С ним королева встретится тайком,
Романа дерзкого закрыв страницы.

Вино прислал ей лучший сомелье,
Составил гороскоп астролог мудрый.
Блестит на шее с жемчугом колье,
В причёску собраны златые кудри.

Но герцог будет встрече с ней не рад—
В пастушку он влюблён не понарошку,
За рощей у которой дом и сад,
Весной она сажает там картошку.

О, если королева невзначай
Узнала б всё, то в ссылку б их сослала.
На бал она идёт скрывать печаль—
И с королём танцует в центре зала.

* * *

Полдень, зноем наполнен тягучий воздух;
На пруду золотые кувшинки-звёзды,
Скрылось ясное солнце за облаками,
Серебристые окуни плавниками
Шевелят, за корягу лениво прячась.
Не надеясь на радугу, на удачу
Лепрекон закопал под мостом монетки.
Стайка горлиц щебечет, слетая с ветки
Расцветающей яблони или сливы;
Над рекой наклонились печально ивы…
Жаль, что скоро рассеется сонный морок—
Я вернусь в беспокойный, усталый город.

Лесная сказка

Есть легенда: между густых лесов
В час ночной, когда в облаках луна,
Скован мир оковами холодов,
Наступает сонная тишина.
А кругом—бурьяны да ковыли,
И туманы стелются вдоль реки;
По лесным дорогам, кружась в пыли,
Бродят ветры, счастливы и легки.
Из глуши выходит лесной король—
Суд вершить над царством своим готов,
Вслед за ним угрюмый норвежский тролль
На цепи ведёт трёх больших котов…

Дом стоит из камня среди болот—
Всякий зверь боится войти туда.
Выплывает в полночь из толщи вод
Водяница—ласкова, молода.
Словно лёд, глаза холодны, остры;
Затмевает солнце своей красой.
С водяным жжёт ночью в полях костры,
Его дразнит пышной златой косой.
По росе гуляет, поёт, смеясь;
С королём и троллем заходит в дом.
Рвёт рыбачьи сети, кидает в грязь,
Обернувшись лебедем, бьёт крылом…

В королевстве мрачном героя нет,
Чтобы зло коварное одолеть,—
Редко зверя, птицы увидишь след;
Опустел край дикий почти на треть.
Обернётся коршуном злой король
И летает с лебедем в небесах;
Превратившись в волка, норвежский тролль
Воет жутко, сея повсюду страх.
Хорошо злодеям бок о бок жить,
Зажигать блуждающие огни.
Не порвётся истинной дружбы нить—
Правит нечисть лесом, держась в тени.

* * *

Ты говорил о странностях любви
Той, что дарила ночи и рассветы…
Пьянящие магнолии цвели,
И было знойным, жгучим ваше лето.
Разлука—словно чёрная вода,
Река тоски без берега и брода;
Ушла любовь, быть может, навсегда,
Терзает душу мнимая свобода.
У розы опадают лепестки.
Придёт пора—и вырастет другая.
Кружат в саду, доверчиво-легки,
Прозрачных мотыльков большие стаи…

Екатерина Самусенко

Ткань бесконечного романа

● ● ●

На улице дождь, точно пух, невесом,
Тепло и светло, словно в раннем апреле.
Когда-то я видела этот же сон —
Вы снова вдали, и сейчас еле-еле

Мне верится в то, что в столице зима,
Что город на севере тонет в сиянье…
Закрою глаза — и уже я сама
Лечу, торопя с каждым мигом свиданье.

Не правда ль, вы знаете чувство, когда
Всегдашний житейский порядок наскучит,
И рвётся душа… неизвестно куда,
А мирная жизнь вдруг терзает и мучит?

В ответ — тишина… Я смотрю, как дождём
Окутался город — точь-в-точь одеялом.
Вы ждёте посадки — так что ж, подождём…
Ах, десять минут — как же это немало!..

● ● ●

Наверное, я б всё-таки смогла
И без тебя. Читала бы запоем
И находила бы себе кумиров
В портретах девятнадцатого века.

И, как филологической девице
Начертано судьбою, всё ждала бы
И вытирала слёзы у холста
С изображеньем мальчика-корнета

Лет двадцати, что в Бородинской битве
Со знаменем в руках, как князь Болконский,
Трагически погиб… или, напротив,
Благополучно вырос, возмужал

И стал неинтересен. В нежных губках,
Не свойственных бывалому вояке,
Во взгляде серовато-голубом,
Тревожном и отчасти отрешённом,

Мне чудилась бы тонкая разгадка
Какой-то неизвестной мне задачи,
И тайна не дала бы мне покоя:
Ведь в остальном всё было б — хорошо?..

● ● ●

Тусклый, приглушённый свет экрана,
Дымка утомления в глазах.
Завтра снова подниматься рано,
Но как много хочется сказать!..

Вы сейчас в сети, а значит, близко —
Здесь, на расстоянии руки,
И часами длится переписка,
Сну и километрам вопреки.

Крайне редко выпадает случай,
Чтоб вживую повториться мог
Этот одновременно кипучий
И сердечно-мягкий диалог.

Мне довольно этих откровений —
Ничего не попрошу у вас…
Только — тёплых рук прикосновений
И живого взгляда тёмных глаз…

● ● ●

Ах, каково воображать
Себя заглавной героиней
И всеми силами бежать
От будничных «сюжетных линий»!

Влюбляться, петь и танцевать
И беспричинно, постоянно
Происходящее вплетать
В ткань бесконечного романа,

Материал для новых глав
Искать в мученьях без ответа
И в них ценить, перестрадав,
Нежданный поворот сюжета:

Ведь боль — со временем — пройдёт,
Улягутся переживанья,
И твой роман в себя вберёт
Бесценные воспоминанья.

Жить — как писать на чистовик —
По вдохновению, без плана,
Всё для того, чтобы дневник
Был занимательней романа!

• • •

Всё тот же сон… и та же ночь.
С приходом темноты
Те мысли, что сбегают прочь
От вечной суеты,
Набросятся со всех сторон
И живо начертя́т
Полупустой ночной вагон
И задушевный взгляд.

Когда вдали локомотив
Призывно прогудит,
Как на заученный мотив,
Мне память затвердит
О фестивалях, городах,
Вечерней Ангаре,
О разговорах в поездах
И кофе на заре.

И до утра не отогнать
Воспоминаний рой.
Какой сюжет ни подобрать,
Везде один герой,
И дизелем и табаком
Из тамбура сквозит…
Так в памяти одним гудком
Всё поезд воскресит!..

• • •

До отъезда часы. Как ни хочется спать,
Невозможно уснуть до рассвета.
Лишь забудешься—мигом поднимет опять
Страшный сон о забытых билетах.

В ожидании сердце трепещет в груди
В такт со стуком колёс на просторах.
Я люблю это чувство, когда впереди
День дороги и ночь в разговорах,

Откровеньях в тиши с перерывом на смех,
Друг о друге нежданных открытьях,
Без сюжета, без плана беседах—из тех,
Что кончаются только с прибытьем.

Я готова сейчас вспоминать без конца,
Как темнеет в вечернем вагоне,
Как касается нежно родного лица
Тусклый свет фонарей на перроне

И как мягким туманом, как будто пьяня,
Кружит голову сон понемногу…
Если б жизнь уложилась в каких-то три дня,
Я б потратила их на дорогу.

Д*и*Н симметрия

Константин Бальмонт

В синем храме

• • •

И снова осень с чарой листьев ржавых,
Румяных, алых, жёлтых, золотых,
Немая синь озёр, их вод густых,
Проворный свист и взлёт синиц в дубравах.

Верблюжьи груды облак величавых,
Увядшая лазурь небес литых,
Весь кругоём, размерность черт крутых,
Взнесённый свод, ночами в звёздных славах.

Кто грёзой изумрудно-голубой
Упился в летний час, тоскует ночью.
Всё прошлое встаёт пред ним воочью.

В потоке Млечном тихий бьёт прибой.
И стыну я, припавши к средоточью,
Чрез мглу разлук, любимая, с тобой.

1920

Александр Орлов

Блаженная пигалица

Я вышел на лестничную площадку и закрыл дверь. Стойкий неприятный запах пролётом ниже резко усиливался. По ступеням стекала ядовито-жёлтая жижа, валялся кроссовок. У подъезда я увидел скорую с открытой дверью: крепкий мужчина в белом халате раздавал пощёчины лежащему на носилках молодому человеку.

Много лет назад моя мама наградила меня сильнейшей оплеухой. Началось это так: дворовые приятели суетились вокруг странной женщины лет сорока. Она была пугающе неприглядна. Её безобразие ничего не могло исправить. Всё увиденное мной сказочное телевизионное уродство было несравнимо с её страшной внешностью. Женщина была маленького роста, коренастая, с огромным горбом, длинным носом, гигантским ртом, широкими белыми зубами, пухлыми напряжёнными губами, маленькими смеющимися глазами, наипротивнейшим голосом. Карлица постоянно жалобно причитала, у неё были длинные руки и короткие толстенные ноги. И как бы она ни вопрошала о помощи, она была опасна. С жуткой гримасой горбунья неуклюже скакала и размахивала старомодной сумкой, пытаясь ударить хоть кого-нибудь из моих товарищей. Ребята кидались в неё маленькими камешками и с хохотом наперебой выкрикивали:

— Танечка, Танечка, Танечка-дурочка.

Она свирепела на глазах и с пеной вокруг рта бросалась на детвору. В тот миг я желал никогда с ней больше не видеться, моё омерзение было так велико, что мне даже не хотелось взять камень и запустить в неё, но я поддался общему настроению и тихонько заголосил:

— Танечка, Танечка, Танечка-дурочка…

Через минуту я поймал строгий взгляд матери. Она приказала сквозь зубы:

— Подойди ко мне.

Как только я подошёл к ней — получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. К нам подбежала Танечка и прокричала моей маме:

— Во, Ир, правильно ты его, давай ещё, давай, они меня обижают.

И все-все вокруг меня хохотали: Танечка, друзья, а рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего закадычного друга Андрея, и врезала ему ещё сильнее. Ребята замолчали, только Танечка продолжала всё противнее смеяться и приговаривать:

— Так их, тётя Шура! Так их, Ира! Они все, все меня обижают.

Нас загнали домой.

Никто не слышал моих оправданий, слёзы не помогали, вдогонку я получил ещё удар по затылку, сразу ощутил тяжесть обручального кольца мамы. Андрей тоже не был забыт тётей Шурой. В подъезде мама не унималась:

— Подонок! Все каникулы дома сидеть будешь! Не плачь, какой из тебя тогда мужик!

Женщины не останавливались. Тётя Шура пообещала вечернюю порку ремнём Андрею, он должен был только дождаться возвращения с работы отца. В тот день я так и не понял, что произошло, но усвоил, что дразнить карлицу Таню нельзя.

Первое время, заприметив Таню, которая, как правило, появлялась со своей мамой, я прятался — от своего стыда и её уродства. Но прошло время. Как-то зимним днём она неожиданно подошла ко мне сама, улыбнулась и, глядя на меня, сказала своей матери:

— Это Саша, мама! Это Саша, Ирин сын…

Странно: её тягучий и писклявый голос уже не резал мне ухо. Конечно, своей улыбкой она всё ещё напоминала мне Щелкунчика. Смущённо я приветствовал эту двоицу улыбчивым кивком. Вскоре мы все стали уважительно относиться к Тане. Непонятно, откуда взялась эта терпимость к ужасной и беспечной горбунье.

Незадолго до окончания школы, стоя у моего подъезда всё той же компанией, мы вновь увидели маленькое семейство. Было утро девятого мая. Из подъезда появилась Таня, за ней её мама. Мы внимательно смотрели на Танину маму — пожилую, сгорбленную, но крепкую женщину. Её лицо показалось нам прекрасным. Массивные старинные серьги подчёркивали некую благородную надменность, на её груди сияли ордена Ленина, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени, я успел разглядеть только несколько медалей: «За отвагу», «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Впереди отважной женщины шла гордая Таня, она весело приговаривала:
— Это моя мама.

Когда они прошли мимо, все мы вытянулись, как в строю.

Потом по обрывчатым рассказам родителей мы установили, что мама нашей блаженной пигалицы была подполковником военной разведки, дошла до Берлина. На фронте эта благородная женщина встретила любовь, они служили вместе. Весной 1945 года бритоголовые подростки из гитлерюгенда[1] обстреляли «Виллис», в котором ехала счастливая пара победителей. Танин отец погиб, мама была на седьмом месяце беременности, она чудом уцелела, одна из пятерых, ехавших в машине. Рожала она Таню сразу после выстрела немецкого мальчика из фаустпатрона[2], будучи в бессознательном состоянии у горящего автомобиля. Роженицу подобрали подоспевшие советские воины. Родившись в победоносном мае сорок пятого, Таня была обречена стать калекой.

Вдвоём они встретили двадцать первый век. Всё менялось, менялся и наш Ленинский проспект. Был построен новый подземный переход, именно в нём нашли Танину маму. Какой-то выродок ударил девяностолетнюю старуху ножом под лопатку, забрал у неё кошелёк и попытался вырвать старинные серьги.

Помню, как увозили осиротевшую Таню. Этот шестидесятилетний ребёнок был в замешательстве. Впервые она не видела так долго маму, всё изумлённо спрашивала соседей и санитаров психиатрической больницы:
— А где мама? Где мама моя?

Врач отвечал ей:
— Мама тебя ждёт, к ней мы и едем, скоро вы будете вместе.

Таня на мгновение успокаивалась, кривилась, а потом вновь начинала голосить, сопротивляться, а напоследок выкрикнула:
— Где моя мама? Где? Её нет! Нет мамы моей!

Так её и увезли.

Через омертвелое многолюдье ко мне пробирался один из дворовых знакомцев, Танин сосед, он был лет на пять моложе меня. Я хорошо знал этого приземистого, сильно пьющего каратиста. За год до убийства Таниной мамы умерла и его бабушка, которую я хорошо помнил, для меня она была олицетворением женской беспощадности. Мне казалось, что её лицо лишено мимики. Эта женщина была похожа на кладбищенское ка-менное изваяние в движении, во дворе она появлялась редко. Впоследствии я узнал, что она работала врачом на Лубянке, а её муж, председатель нашего домового комитета, был водителем «чёрного ворона».

Хмурый крепыш в спортивном костюме подошёл, пожал руку, посмотрел мне в глаза и прокряхтел:
— Вот как бывает, правда, Саш?

Я заметил на его шее широкую золотую цепь с резным крестом, браслет из крупных звеньев на запястье и перстень с драгоценным камнем безымянном пальце.

Минутой позже к нам подошли два его друга. Я частенько встречал это трио любителей нацистской символики поздними вечерами или ночью в районе Андреевской набережной или Нескучного сада. Не знаю, что нашло на меня в тот момент, но я отчётливо помнил мамину пощёчину, сквозь зубы я протянул:
— Если я когда-нибудь узнаю, кто это сделал, лучше этому человеку захлебнуться в собственной блевотине…

Я почувствовал запах табака за спиной. Это был Андрей.

Мы разошлись.

Крепыш дважды заходил ко мне — на девятый день и на сороковой. В первый раз он был напуган, его трясло с тяжелейшего перепоя, он заговаривался, желания общаться не было никакого. Золотых украшений на нём не было.

Во второй его приход картина повторилась, только выглядел он ещё хуже. Он продал свою квартиру за год до убийства мамы Тани и где обитал, было непонятно.

Воспоминания оставили меня.

Из скорой помощи вышел врач, он опустил руки, закурил. Открылась вторая дверца медицинского автомобиля. Я увидел обезображенное смертью лицо бритоголового крепыша, с его ноги чуть слышно свалился второй кроссовок.

Я вдруг вспомнил, что сегодня годовщина смерти убиенной.
— Асфиксия в результате аспирации рвотными массами, — буднично констатировал реаниматолог.

1. Гитлерюгенд (нем. *Hitler-Jugend*, старая орфография *Hitlerjugend*, сокращение *HJ*) — молодёжная организация национал-социалистической партии Германии. Членами союза были только юноши, для девушек существовал отдельный союз — «Союз немецких девушек».

2. Фаустпатрон (нем. *Faustpatrone*, от *Faust* — «кулак» (здесь «рука») и *Patrone* — «патрон») — первый противотанковый гранатомёт одноразового действия.

Анастасия Чернова

Когда солнце срывает маску

Клубника на блюдце

Ближе к полудню стало припекать солнце, и я, осмотревшись по сторонам, надела соломенную шляпу и ускорила шаг. Дело в том, что моя шляпа не совсем простая. Она обвязана широкой синей лентой, а сбоку приколоты нарядные тканевые цветы. Но милиции поблизости не было, столбы с камерами также остались в стороне: я шла по окраине, мимо мусорных баков, каменистого пустыря, заросшего бурой травой, а чуть позже—вдоль старого кладбища. Все дорогие гранитные надгробия уже лет десять как заменили на пластиковые таблички, которые крепились на железный прут и втыкались в землю. Издалека казалось, что над кладбищем парят белые птицы: раскинув крылья, присели на жёрдочку. Ну а если подойти ближе, то начинало рябить в глазах от великого множества одинаковых прямоугольников, уходящих в бесконечность, за линию горизонта.

Большой стенд у центральных ворот информировал посетителей, что надгробия успешно переработаны в кирпичи и пущены на строительство нового приюта для детей-сирот. Тут же, возле стенда, прохаживался сотрудник социальной службы. Подскочив, моё сердце учащённо забилось. Я сделала несколько шагов назад и повернула в сторону соседней улицы. «Главное, не беги, не беги,—говорил мне внутренний голос,—храни спокойствие, и он не заметит». Так и случилось. Сотрудник напряжённо смотрел в другую сторону и даже не шелохнулся. Солнечный свет ложился на асфальт ровными продолговатыми пятнами. Деревья, тощие высокие сосенки, отливали тёмно-синим, небрежно утыкаясь в неподвижные облака. Всё хорошо, всё хорошо.

Но всё же я очень испугалась, только за поворотом перевела дыхание. Ну и трусиха! С другой стороны, быть осторожной, проявлять бдительность не помешает. Штрафом, учитывая мои прошлые нарушения, здесь не отделаться, а провести неделю-другую в тюрьме, в грязной одиночной камере, и получать от Кони лишь скромные передачи без возможности увидеться—нет-нет, только не это. Кошмарная перспектива. Наверное, вы уже недоумеваете и осуждаете меня: ну и дурёха, сняла бы шляпу—делов-то. Зачем дразнить судьбу? А самые праведные, пожалуй, так и вовсе возмущены до предела. Сберегла в своём гардеробе нарядную шляпу, вместо того чтобы продать её и помочь нищим. Ладно, так и быть. Поспешно стягиваю, уминаю опасный артефакт прошлого в свой рюкзак—и прикрываю голову прямоугольной панамой, сложенной из газеты. Теперь—всё как у людей.

На соседней улице оживлённо. Медленно тянется пёстрая вереница машин, а между жилыми домами, больницами, поликлиниками и реабилитационными центрами разбиты небольшие уютные скверы. В клумбах зеленеет трава, такими пышными, ровно подстриженными квадратами. Одно время говорили, что стричь траву—неоправданные хлопоты и растраты. Какая разница, пусть себе растёт косматыми будылями, лишь бы увеличили социальные выплаты пенсионерам. Тут разразилась целая дискуссия—и в результате приняли отдельный закон. Если жильцы окрестных домов пожелают стричь траву, то пожалуйста. На безвозмездных основах не возбраняется. Цветы же, как вопиющий символ ханжества, по-прежнему под строгим запретом. Разрешить цветы—означает развязать руки мошенникам, которые будут спекулировать тайными продажами. Тут я невольно улыбаюсь. Однажды мне подарили садовый цветок... Он был засушенный, пролежавший много лет между страницами книги. Тонкие голубоватые лепестки и прозрачный стебель, невесомый, хрупкий.

Я поднесла его к свету, и тогда проступили робкие прожилки, сплелись замысловатые узоры. Созерцание наполнило меня неизъяснимой радостью. Слепок целого мира лежал в ладони. Лесные просторы и тайный говор подземных ручьёв. Потом я опустила цветок на бумажное блюдце, повернулась к Кони, склонила голову на его плечо и закрыла глаза. Мы были одни на балконе последнего этажа панельного дома. Сидели на низком диване, застеленном обрезками ковра, пили чай и больше молчали, чем говорили. В соседних окнах уже загорался свет, а далеко внизу гудели машины. Синяя вечерняя дымка смягчала очертания первых неясных теней, смешанных с последними лучами тёплого солнца, томительно застывшего над крышами.

Так сложилось, что нам было тесно и в этой жизни, и в этом обществе, тесно от правил и благородных установок, от забот, социальной ответственности, добрых побуждений. Мы оба тосковали о чём-то другом, избыточном, неправильном, вопиюще ярком, и нередко с удовольствием рассматривали фотографии прошлых веков, на которых демонстрировались примеры пережитков мрачного модерна и дикого капитализма. Почему так сложилось, не знаю. Я воспитывалась в детском доме, Кони — у тётушки Варвары в небольшом заводском посёлке. Говорили, что наши родители погибли при ликвидации последствий от взрыва хранилища атомных отходов, но точно этого никто не знал. Списки до сих пор составлялись и уточнялись. Между тем, когда, засыпая, я закрывала глаза, мне мерещились приоткрытая дверь и узкая полоса света. Сумрак комнаты, чьи-то шаги, тихая грустная песня — больше я ничего не могла вспомнить. Я знала, и знала точно, что родители в этот момент были где-то рядом, в той комнате с приоткрытой дверью, но я не могла их увидеть и от этого чувствовала бесконечную тоску и слабость.

Так вот. Разные мелочи, вроде нарядной шляпы, доставшейся мне по наследству от бабушки вместе с кассетным магнитофоном и хрустальной вазой, сухого цветка или картины на стене, а также бессмысленные украшения, мишура, хлопушка, вспенившая мгновенными блёстками вечернее небо, — всё это возвращало меня в ту комнату из детского сна, вплеталось в полоску света, расширяло, укрупняло её. Так, что я даже могла заглянуть за дверь, вот уже протягивала руку…

— Что за фантазии, Эде?! Тебе же не на что жаловаться! — возмущалась тётя Варвара. — Только подумай! Мы закрыли все пышные храмы, возведённые при Путине, — ох, сколько на них денег было потрачено… Переоборудовали их в столовые для бедных, в лечебницы и морги. Всю позолоту соскоблили, переплавили драгоценности, а вырученные средства направили в детские дома. Теперь у сирот имеется всё необходимое. Образование и медицина у нас бесплатные. На что ты жалуешься?!

— Да ни на что! На что мне жаловаться?.. — говорю, а у самой слёзы в глазах.

— Вот-вот.

С тётей Варварой лучше не спорить. Всё равно не объяснить, почему мне стало так грустно, когда на кладбище снесли памятник моей милой бабушки, гранитную плиту с портретом и крестом, и почему мне так больно видеть лишь белую табличку с именем… Сама не знаю. Могила ведь осталась. Травка на ней зеленеет. Этот памятник, говорит Варвара, ничего не меняет, не даёт усопшим радости, они вообще не в курсе, что происходит на поверхности земли; зато у живых детей-сирот теперь есть просторное помещение для занятий.

Тётя Варвара одета в жёлтую тунику и весёлые голубые шорты, заканчивающиеся у колен мохнатой бахромой. Округлая и добрая, словно шарик, она перекатывается по квартире, ловко переворачивает на сковородке куриные котлеты — чуть подбрасывая вверх деревянной ложечкой. Подливает масла — в ответ котлеты начинают аппетитно шипеть, а на подставке уже закипает чайник.

— Ну что, у вас-то как дела? — спрашивает Варвара. — Что нового?

Наливает себе апельсиновый сок, бросает в бокал кусочек льда и, вздохнув, приникает к трубочке. Из приоткрытого окна тянет жарким ветром, запахом бензина и горячим, раскалённым асфальтом. Вместо штор окна закрыты пожелтевшей газетой, такая же газета лежит на столе в качестве скатерти. Возможно, скоро разрешат вешать настоящие шторы: по исследованиям некоторых учёных, газета быстро выгорает, а потому затраты на ткань — оправданы. Как говорится, один раз потратиться, зато — надолго. Но пока это, конечно, дискуссионный вопрос. Многие боятся, что если начать с малого и, казалось бы, безобидного — общество быстро, почти мгновенно, скатится к духовному убожеству прошлых веков, к мракобесию, пышности и темноте. Сначала нужно решить острые социальные проблемы, напоминают политологи, а потом мы уже займёмся праздной эстетикой, культурой, наведением красоты. Но никак не наоборот. А что у нас? Да почти ничего нового.

Кони тоже присаживается за стол. Его светлые волосы собраны в пучок на макушке, а взгляд сосредоточенный и грустный. Вчера мы долго гуляли по вечерним улицам, отдыхали возле клумб, покупали в центральном киоске мороженое, пили сладкий кофе с молочной пенкой и танцевали на берегу серой безымянной реки, в сумерках и босиком. Прохладный песок скрипел, просаживаясь под ступнями. И только сосны, высокие, вековые, верхушки которых уходили в бесконечность, за все провода и антенны, были свидетелями нашего праздника, нашего счастья. Но наступил новый день, и старые проблемы вновь слепили своё кольцо, обхватили жёстко и равнодушно, словно тесные наручники. Мы встречаемся уже третий год, но вступить в брак пока так и не можем. Поселиться же вместе, сожительствовать — такой вариант нас не устраивает по многим причинам, которые называют «пережитками тёмных веков»; эти причины основаны на шёпоте, тайных знаниях, обрывках старых писем, мотивах запрещённых песен, красочной фреске храма, переделанного в столовую, вдохновенном возгласе встречного бродяги, сбежавшего на день из ада социального центра. Связаны с ощущением подлинного чуда, неслучайности, некой вечной правды, что выше простого благополучия и сытости.

Да, конечно, сами свадьбы не возбраняются. Только после росписи в загсе необходимо провести какую-нибудь крупную благотворительную акцию. Например, накрыть столы с угощением для всех нищих города или же купить новое оборудование в больницу. Без этого условия семейный союз двух влюблённых невозможен, но где взять столько денег? Учитывая растущие налоги и прочее, и прочее.

— Я понимаю, что у вас ничего нового,— неожиданно говорит Варвара,— зато у меня есть пара новостей. Последнее время у меня голова что-то болела, прям раскалывалась. Пошла в клинику, и мне предложили лечь на обследование. Так что собираю сейчас вещи. Навещать меня не нужно. Хотя от свежей клубники я бы не отказалась…

— Тётя!— говорит Кони.— Да как же так?..

— Да вот так! Подумаешь,— она машет рукой.— Клиника хорошая, всё бесплатно. Жаль только, документы на смену имени подписать не успею, да ничего. Это вам повезло— сразу, с рождения, новые приличные имена. И как ведь красиво и содержательно: Кони— «корми нищих», Эде— «экономь деньги». Повезло же вам, друзья! Как было раньше, не знаете… Раньше— что? Кучу денег тратили на украшение улиц, хо-хо. Меняли в городе бордюры, вешали на столбы горшки с цветами— безумие. А на салют сколько средств грохали! О-хо-хо…

— Салют… никогда его не видела… Ведь это же красиво?

— Не дури,— завершает тётя разговор.— Мало ли что красиво? А каково любоваться небом, если ребёнку-инвалиду не хватает денег на лечение? Салют красив, о да. Нас эта ситуация просто изводила…

В целом всё было как обычно: вкусный обед и предсказуемый неспешный разговор; лёгкая бледность тети Варвары не пугала, напротив, добавляла ей благородной утончённости и скромной красоты; на медицинские обследования она также ложилась регулярно, примерно раз в полгода, поэтому я очень удивилась, когда рано утром позвонил Кони и попросил скорее заехать. О том, что разговор предстоит серьёзный, совсем не телефонный, подчёркивали его приглушённый, чуть охрипший голос и торопливая, сбивчивая интонация. Кроме того, это были дни обязательных общественных работ, и то, что Кони найдёт для встречи минуту-другую, лишь усугубляло тревожные предчувствия.

— Бегу,— кратко ответила я.

Застегнула сандалии, поправила одноцветное серое платье, простое, без всяких украшений— только пояс, ленточка, завязывающаяся сзади бантиком, и выскочила на улицу, в жаркое движение и копоть заводских труб. Трава и кусты около подъезда клонились к земле. Кажется, само небо полыхало от сильного знойного ветра, кромсающего облака так, что из кружевных и лёгких они стали обвислыми, какими-то увядшими, похожими на белёсые подтёки разлитого молока.

Всё предвещало сильную бурю, может быть, скорый ливень и град, а потому я вернулась домой за плащом. Но, поскольку найти его не смогла, схватила шляпу моей бабушки, любимый не прогулочный артефакт, за использование которого легко получить штраф, а то и вовсе оказаться под арестом. Впрочем, эти правила не распространялись на дождливую погоду— тогда допускалось любое укрытие, даже самое нелегальное. Наверное, вы слышали, что последние годы участились кислотные дожди, от которых облезает кожа? Особенно нужно беречь лицо и глаза, предупреждают врачи; на проспекте Ленина даже открылась специализированная лечебница для тех, кто пострадал от дождя.

Ох! Нет худа без добра. Видели бы вы, как преображается наш город в дождь! Народ выходит в замысловатых одеяниях, в каких-то блестящих длинных платьях, на груди вздымаются тяжёлые бусы, похожие на пузыри, запястья оплетают тусклые цепочки, браслеты, воздушные сцепления колец. Широкие зонты завершают образ, частично скрывая это варварское благолепие. Конечно, так поступают не все— многие проходят быстро и невзрачно. Буднично исчезают за пеленой дождя, упакованные в скучный антикислотный комбинезон. Те же чудаки ещё долго стоят перед глазами; важно плывут в своих пёстрых и нелепых одеяниях, словно болезненные видения прошлых веков.

Но вот выглядывает солнце— и всё возвращается на круги своя… Словом, в какой-то степени я даже любила и поджидала дожди, которые случались не так уж часто из-за химического разгона облаков. В тот раз мои ожидания не оправдались— может быть, и к лучшему.

Я уже подходила к строительному комплексу, когда меня кто-то окликнул.

— Девушка!— спешила навстречу работник социальной службы.— Постойте, постойте. Вы не видели, где-то тут бомж обитает? Мы приехали за ним, вот только что сидел среди кустов. Отвернулись взять медикаменты. А теперь никого… Это не вы заявление подавали? Ну, что заметили деклассированный элемент…

— Нет-нет,— замахала я руками,— не подавала, я вообще не из этого района.

— А из какого?— подозрительно взглянула работник.

Она была одета в закрытый медицинский костюм, но из-за сильной жары сняла белые перчатки, и я вдруг увидела её неровные, в красноватых рытвинах, ладони, изъеденные тлёй-мутантом, которую в народе называют «зубаткой». Страшно представить: только год назад удалось уничтожить

этих опасных тварей, откладывающих личинки в городских щелях. Это, кстати, одна из причин, почему здания теперь перестраивают, укрепляют цельными бетонными пластинами с использованием ультрафиолетовых лучей.

— Не из этого района,— упрямо повторила я и сделала шаг вперёд.

— Подождите, сейчас я померю давление, у вас как-то глаза странно блестят. Признаки лихорадки, возможно…

Я ничего не ответила, лишь ускорила шаг. Вот не повезло! И так опаздываю, а тут ещё вот привязалась…

За строительным комплексом, огороженным высоким забором, возле огромной свалки, я заметила того самого бездомного. Он сидел на корточках среди картонных коробок и держал на коленях батон белого хлеба. Щурясь от солнца, отламывал крупные ломти и неспешно жевал.

— Вот чего вам не живётся?! — не удержавшись, воскликнула я.— Всё же, всё обустроили… приюты, столовые…

Хотелось просто рвать и метать, ведь из-за таких вот упрямых доходяг мы никак не можем обрести новый уровень жизни, трудишься-трудишься, но социальные проблемы не уменьшаются. Максимум — деформируются.

Он ничего не ответил. Его лицо мне показалось странно знакомым: острый, цепкий взгляд и бессмысленная блуждающая улыбка, выступающая то на одной стороне щеки, то на другой. Точно. Этот же тип обитал одно время возле моего подъезда и спал в картонных коробках, которые приносил с собой. Как-то раз ночью меня разбудили истошные крики. Выглянув в окно, я увидела карету Социальной помощи. Несчастного старика связали, погрузили на носилки и несли к машине, чтобы отвезти в приют. При этом он так вопил, словно его отправляли не в чистое благоустроенное жилище, где он будет сыт и счастлив, но в саму преисподнюю.

— Ищут,— зачем-то, неожиданно для самой себя, сказала я.

Он тут же понимающе моргнул, подхватил хлеб в одну руку, коробку в другую — и, прихрамывая, помчался в сторону гаражей. Уже в следующее мгновение здесь никого не было. Только крошки хлеба на земле. Только пара голубей, сосредоточенно толкущихся.

Когда со стороны забора показалась белая шапочка социального работника, я уже была возле ворот и набирала код. Щёлкнул замок, тяжёлая дверь приоткрылась — и я скользнула в сумеречное полуподвальное пространство. Вокруг были одни трубы, пахло сыростью. После яркого солнца мои глаза утратили способность что-либо воспринимать; казалось, я прыгнула в глубокую яму, упала в расщелину земли и теперь нахожусь по ту сторону живой, кипящей, разноцветной жизни. Всё стало чёрно-белым, как после пожара, и глухим. Звуки также сюда не проникали. Лишь в отдалении гулко и монотонно капала вода.

Отсюда уходили десятки подземных трасс, и день и ночь совершалась невидимая работа — производство защитного бетона, переустановка молекулярных схем, замена устаревших оборудований; в капсулах зрели зародыши мутантов и чудовищ, а в холодильниках лежали замороженные органы «людей будущего» и образцы мёртвых тканей — конечно, в рамках эксперимента. Такая вот мельница, всемирная научная лаборатория, на обслуживание которой в обязательном порядке привлекались и простые граждане, оплатившие штраф позже указанного в квитанции срока.

— Эде! — я почувствовала сзади, на своих плечах, руки.— Наконец…

— Кони…— обернувшись, я прижалась, крепко обняла.

Его верхняя губа была рассечена, запёкшаяся кровь застыла тонкой коркой.

— Что случилось?! — с ужасом спросила, отстраняясь.

— А, не, ничего страшного… не важно. Послушай, вот… Времени совсем нет.

Тут он протянул ведёрко, прикрытое белой тряпочкой.

— Что это?

— Клубника. Тёте стало намного хуже, сегодня сообщили. Ситуация очень серьёзна. Но я не могу вырваться, с трудом договорился, чтобы на пять минут заменили, постояли у станка. Надо бежать, всё…

— Отвезти клубнику?

— Да, и самое главное. Тётя хочет её взять, но не из бумажной тарелки — а из настоящей, фарфоровой. Такие были раньше. Она этим бредит. Врач сказала, что это не причуды, а симптомы смертельного заболевания. И, чтобы тётя поправилась, нужно её желание исполнить.

— Исполнить? Но как?!

— Обо всём уже договорились, врач выписала рецепт, а музей «Тёмная старина» выделил из своих хранилищ одну тарелку. Справка на провоз имеется…

— И ты всё успел?..

— Ну да, с пяти утра решали… Не успел, всё равно опоздал на производство,— он потрогал рубец над губой.— Беги, Эде. Беги скорее, нигде не задерживайся. Ситуация критична, и нужно спешить. Самокат возьми.

Наклонившись, он быстро поцеловал меня.

— Адрес ты знаешь. Тарелка на дне ведёрка, под клубникой.

И вот я вновь на яркой стороне мира. Облака разогнали, медовое солнце важно стоит над

крышами, контрастные блики теней. Дохожу до ближайшей стойки самокатов и, приложив карточку, оформляю одну поездку. Теперь—вопрос скорости колёс и моего везения. На ручку руля с одной стороны вешаю ведёрко, а с другой, подтянув ремни,—рюкзак. Отталкиваюсь, зажмуриваю глаза, потом открываю и уже слежу, не отрываясь, за дорогой. Вовремя притормозить на светофоре, ловко проскочить выпуклую крышку люка, перелететь бордюр, резко подтянув руль вверх. Только ветер свищет. Прутья встречных кустиков, линии домов.

Еду в обратном направлении, мимо интерната, строительного комплекса, свалок и больниц, вдоль оживлённой улицы, затем поворот и покатый спуск в сторону кладбища. Так—будет скорей; потом можно будет срезать наискосок—и вот он, через два или три супермаркета, нужный госпиталь.

Неожиданно, врываясь плеском красных фар, самокат подрезает машина Общественной помощи. С трудом успеваю затормозить, до предела прижав панель над задним колесом. Дверца открывается—и вместе с сотрудником милиции выходит та самая работник социальной службы, в белой шапочке и перчатках. Они настолько слаженно и одновременно выскакивают с разных сторон передних дверей, что на мгновение кажется, будто машина—такой громадный жук—выпустила крылья и теперь улетит.

Рядом знакомое кладбище, белый разлив до горизонта.

— Имеются показания о неоднократных нарушениях за сегодняшний день,—монотонно сообщает милиционер.—Кроме ношения запрещённых аксессуаров, вы подозреваетесь в сговоре с тёмными элементами подпольных организаций, практикующих нищету и безработицу…

— Ого!—выдыхаю я, и у меня холодеют руки.

Это очень серьёзное обвинение.

— Всё так и есть,—кивает головой работник,—у меня имеются доказательства. Скорее всего, она ещё связана с делом гробов. Зачем иначе проходить два раза мимо одного и того же места, тем более мимо кладбища?.. Не иначе, чтобы получить определённые сведения.

— Дело гробов…—ситуация становится всё менее понятной.—Но… но мне кажется, вы что-то перепутали.

— Вот и проверим. Сегодня утром от начальника кладбища поступило сообщение, что была предпринята попытка захоронения в дорогих гробах. Дубовых вместо картонных. Более того—обитых атласной материей с оборками…

— Ужасно!—не выдерживает работница.—Что дубовые, слышала. Но тут ещё и пышные оборки! Цинизму просто нет предела… Та-а-ак… Тратить деньги, когда есть голодные. Есть дети, которых надо лечить.

— Ничего не знаю,—я пытаюсь развернуться, но вижу, что с другой стороны уже стоят машины милиции, моргают красными фарами.

— Послушайте, можно не сейчас?! Мне нужно успеть по срочному делу!

— Есть обездоленные, нищие, дети-сироты…—тянет жалостливую песнь социальный работник.—Хватит ставить свои срочные дела на первое место. На первом месте у нас—помощь нуждающимся. Когда, если не сейчас?

Пыльный ветер кружит между ровными рядами табличек, над невысокими холмами. И мне вдруг представляются белые голуби, молчаливо и кротко заполнившие пространство, и крошки хлеба. Обычные крохи мягкого хлеба, рассыпанные для птиц небесной рукой.

Когда солнце срывает маску

Я родилась в период великого карантина. Мои родители, Пётр Николаевич и Дарья Павловна Сапожкины, в молодости своей много путешествовали и работали в развлекательном центре «Саквояж». От того времени сохранились стопка цветных фотографий, сувениры, выцветшие шляпы и стоптанные сапоги, а также разные истории. Когда родители начинают что-либо вспоминать, а это случается нередко,—у меня замирает сердце, так хорошо становилось. И удивительно, и страшно…

Карантин застал нас на съёмной квартире в Лефортово. Там мы и остались жить, платя исправно хозяйке, так как отец мой вовремя сумел наладить дистанционную работу и перевёл все развлечения на онлайн-платформу. Так же и мама—продолжала вести свой кружок по акварельному рисунку, с той разницей, что теперь она сидела не за мольбертом в просторном зале, а дома, перед монитором компьютера. Все выставки стали виртуальными. Новые картины загружали в специальный альбом, а на торжественное открытие этого альбома собирались в нарядных платьях, открыв скайп в назначенный час…

Родители могли бы вернуться на малую родину, в Тульскую область. Но решили остаться в Москве.

— Будем жить в Лефортово!—сказал мой папа.—Возможно, скоро всё разрешится… Потерпеть до лета. При жаркой погоде вирус не живёт.

Впрочем, когда я родилась, в начале мая, ещё можно было выходить в ближайший магазин или, например, в аптеку. Как-то раз, завернув в шерстяное одеяло, меня вынесли на улицу! Как говорит мама, я потрогала рукой ствол дерева. Пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь. Что-то ведь я тогда почувствовала, верно?! И даже немного горжусь перед Ноточкой—своей виртуальной подругой. Вот её на улицу родители ни разу не выносили. Глаза Ноты загораются.

— Расскажи!—просит она и стучит пальцем по экрану от нетерпения.

Но, увы, вспомнить не удаётся. Плотный смог застилает город... ничего не вижу, кроме смутных очертаний дальних домов. Привычный вид из нашего окна...

Сквозь многослойные марли и поролоновую защиту солнце пробивается едва-едва. Поэтому мы с сестрой стараемся встать пораньше и сразу припадаем к оконному стеклу, чтобы поймать краткий золотистый отблеск. Тёмное небо, обвитое медицинской повязкой, медленно меняет свой цвет. Из угольно-чёрного становится дымчато-серым, а в пасмурную погоду—кофейным, с тёмными разводами, похожим на перевёрнутую плетёную корзину. И вот тогда, в момент перехода, смены ночи и дня, на долю секунды всё озаряется светом. Не таким, какой бывает от электрической лампы. Но живым, очень лёгким и прозрачным... Как же мы любим свет! Этот краткий и нежный, грустный, но одновременно победный и прощальный взмах робких лучей! Не случайно родители назвали меня Кирой, что в переводе с персидского означает «солнце». Ведь они надеялись, что с приходом лета и жаркой погоды—погибнет вирус-мутант...

Но—увы. Папины прогнозы не оправдались. Напротив, выяснилось, что вирус способен заражать не только людей, но даже моря и далёкие планеты. После того как с неба упал осколок звезды, смертельно заболел один мальчик. Он сумел словить этот самый осколок, выставив из окна своей многоэтажки сачок: «Просто так ловил, чтобы желание загадать». Медики выявили, что заразился мальчик от упавшего осколка, в теле которого уже был запущен губительный процесс, он-то и ослабил крепление звезды к небу, она стала осыпаться и в конце концов упала. Тогда взоры всех обратились к солнцу. Если заболеет солнце—то это, считай, всё. Конец. Всякой жизни и всех надежд. Три месяца, три недели и три дня заседали учёные всего мира. В итоге приняли решение изготовить для солнца специальную защитную маску. Лёгкую и прозрачную. Но поскольку носить её солнце не желало, проявляя ужасающую беспечность: лучи так и брызгали во все стороны, а если заразится хоть один малый луч, то, считай, вся Вселенная пропала,—пришлось закрыть повязкой всё небо. К счастью, инфекция от той звезды на другие планеты не распространилась—медики отреагировали оперативно и успели поместить планеты в карантинные капсулы. Итак, небо удалось спасти. Правда, свет сквозь плотную повязку пробивался едва-едва...

— Кира, солнышко,—говорит мне мама,—наведи порядок в своей комнате. Сегодня к нам в гости заглянет бабушка.

Наша бабушка живёт в крохотном домике в Тульской области. Раз в неделю она выходит на связь и осматривает через камеру нашу квартиру. Меня не очень радуют такие посещения, зато родители готовятся и ждут. Они пекут яблочный пирог и заваривают вкусный чай с корицей.

Изображение на экране дрожит, бабушка постоянно крутит головой так, что я толком до сих пор так и не успела её рассмотреть.

— Это же твоя бабуля, Кира!—наставительно говорит папа.—Ты должна её любить. Помаши ей ручкой и улыбнись.

Но вместо этого я забиваюсь под стол. В самый дальний угол, куда камера добраться не может. А когда всё же, заскучав, выхожу из своего убежища—совместный ужин в полном разгаре. Мне отрезают кусок пирога. Папа подхватывает и сажает на колени.

— Смотри, какое варенье сделала наша бабушка!—шепчет мне на ухо.—Вот это да...

На экране появляется пузатая стеклянная банка, наполненная чем-то оранжевым, такая большая, что закрывает лицо бабушки. Только круглые очки тускло блестят над банкой да хвостик на самой макушке торчит. Идут помехи, связь нарушается...

— Слишком большая нагрузка на сеть!—сокрушается мама.—Бабулечка, прощай! До следующей субботы! Если тебе понадобиться какая помощь—звони! Могу помочь вскопать грядку социальной сети. У меня есть подборка очень красивых цветов, рассады... Также можем увидеться на вебинаре, посвящённом подоконниководству! Собираюсь посетить...

Но последние слова бабушка вряд ли слышит. Экран подёрнулся чёрной завесой, а затем, пискнув, проявил заставную картинку—земляничную поляну и облака.

— Ну наконец...—замечаю я.—Пусть сама сажает цветы. Нам-то что?

— Тебе не понять...—на глазах старшей сестры выступают слёзы.

Наверное, и правда не понять. Вероника успела пожить ещё до начала великого карантина. Она ездила в гости к бабушке. Только представить! Не просто видела, но могла и потрогать! Обнять. А ещё она рассказывает про лужайку, которая под окнами домика. И что на той лужайке можно бегать...

Сегодня произошло необычное событие. Сильный дождь прорвал небесную марлю, и тут же к нам, на всегда сумрачную, словно обугленную, землю, хлынул поток солнечного света. Он сметал всё на своём пути. Дрогнув, рассеялся плотный смог, и вдруг... в прорехе, среди белых ошмётков марли, полыхнул разлив голубого. Это не описать словами. Мы будто встали на воздушные качели и, оттолкнувшись, воспарили. Устремились туда, далеко, в золотое сказочное пространство... Пока учёные трудились, где-то полчаса прикладывали заплатку, мы не отходили от окна и любовались

дивным явлением. Но вот столб света, продезинфицировав спиртовым раствором, медики запихали обратно. Ультратонкой иглой зашили брешь, а потом наложили толстый слой тампонов и приделали дополнительную заплатку. Стало ещё темней, чем прежде.

Тогда сестра загрустила и ушла смотреть фильмы, а я отправилась путешествовать по квартире. Конечно, больших открытий меня ждать не может. Знаю каждый уголок, каждый развод на обоях. Но мне нравится брать в руки старые предметы и фантазировать. Например, в кухонном шкафу стоит много одинаковых чашек с блюдцами. Мама сказала, что это называется сервиз. Раньше его доставали на праздники, когда приходили гости. Все двенадцать чашек! Общение шло не через экран—а так, напрямую. Как я разговариваю с Вероникой или с родителями. Вроде бы такое возможно… Но как? Каким образом изображение—вроде нашей бабушки—может обратиться в человека? Как оно может прийти в гости и взять чашку? Пытаюсь соединить две реальности, но не получается… Не хватает какой-то смычки. Вроде бы ответ где-то рядом, но нащупать не удаётся. При этом я прекрасно понимаю: бабушка реальна—только для нас она на экране. Так же как и мы для других людей. А теперь попробуйте эту теорию конвертировать в практическую действительность. Вот то-то и оно. Не сходится.

Пытаюсь своими переживаниями поделиться с Вероникой. Но она не понимает. Говорит:

—Да ну… всё просто. Что тут такого? Достали сервиз, разлили чай. Гости сидят на стульях.

— А изображение на экранах?

— Выключено.

— То есть ты разъединяешь…

— Что разъединяю?

— Цельность человека, его изображения, души и трансляции… Так не бывает. То, о чём ты рассказываешь.

— Ой, ладно!—говорит она.—От твоих пустых разговоров только депрессия появляется. Вот, я уже первые признаки чувствую…

Красивые глаза Вероники становятся печальными, и она садится на пол, прислонившись к стене. Голова чуть откинута, руки лежат на коленях—ладонями вниз. Взгляд устремлён в одну точку. В такой позе она может просидеть очень долго, несколько часов. Мне становится скучно.

Больше всего я люблю играть в «Зелёную лужайку». Представляю, что она находится под окнами—и я по ней бегаю. Папа купил даже специальный коврик с ворсом, имитирующим травку. Говорят, что рано утром на траве выступают капельки влаги—роса. Поэтому, перед тем как начать игру, опрыскиваю коврик водой. Всё. Можно бегать и прыгать, конечно же, босиком.

Есть у меня и одно невероятное желание. Это—увидеть скалера. Скалер доставляет заказанные покупки из магазина к нам домой. Личность загадочная и неуловимая. Просто на тумбочке за дверью квартиры в определённый час появляются пакеты со всем необходимым для жизни. Вероника или кто-нибудь из родителей выглядывают и всё забирают. Миссия до того ответственная, что мне ни разу не поручали, как я ни просила.

— В подъезде витают вирусы!—строго говорит папа.—Это приключение не для маленьких девочек. Всё, что захочешь, мы тебе купим. В рамках разумного. Только не хнычь.

Я знаю, что скалер одет в специальный костюм и маску. Он отважный человек и работает с выходом на улицу—хотя понимает: шансы выжить минимальны. Увы, вирусы, словно иглы, прокалывают любую защиту. Нужен лабиринт из марли протяжённостью не меньше километра—тогда они не смогут проникнуть. Конечно, удачу никто не отменял. Поэтому некоторые скалеры работают года два-три. Их словно что-то бережёт. А другие заболевают очень быстро… Хочется стать скалером и отправиться в путешествие по городу—правда, в машине. Потом с дорожной котомкой за плечами заходить в подъезды, подниматься по лестнице, кататься на лифте… Мне кажется, я бы успела узнать много интересного и необычного… А пока… я загадала маленькое желание.

И однажды всё сошлось. У мамы намечалось очень торжественное и долгожданное мероприятие—открытие международной выставки. Она сидела перед компьютером в чёрном бархатном платье, завитые волосы были собраны в высокую причёску, которую она часа два делала перед зеркалом. И в этот момент поступил звонок от скалера—который был уже недалеко от нашего подъезда. Оказывается, про заказанный товар—яблоки к традиционному пирогу в честь встречи с бабушкой—все в суете как-то забыли… И вот теперь…

— Я никак не могу в подъезд!—воскликнула мама.—На выставке будут присутствовать почётные гости. Если они почувствуют недостаток внимания, наш проект может потерять свою хорошую репутацию!

— Ну а у меня сейчас важное совещание! Не могу же я отменить?!—возмутился папа.

— А без яблок мы не сможем испечь пирог!

Все взоры устремились на Веронику. Она уже второй день лежала с депрессией и, несмотря на некоторое улучшение, пока не могла встать…

— Пап, мам!—подключилась я.—Да ладно вам! Заберу всё, буду осторожной. Минуту в минуту сделаю!

Дело в том, что очень важно высчитать время, когда забрать покупку. Она уже оплачена через онлайн-систему, но нужно подгадать, чтобы:

а. выглянуть не раньше положенного времени—и не застать самого скалера, защитный костюм которого может излучать заболевание;

б. но и не позже—иначе на пакеты осядут вирусы, забьются в самые удалённые уголки, и тогда дезинфицирующий раствор может оказаться бессильным.

Уверяю родителей, что у меня всё получится. Можно не беспокоиться.
— Но если ты готова…—неуверенно говорит мама.
— Ну конечно, конечно!

И меня облачают в комбинезон. На лицо натягивают маску. Ставят на тумбочку часы.
— Не пропусти нужную долю минуты!

Наконец суета стихает. Родители уходят к своим мониторам. В наступившей тишине слышны лишь хриплое дыхание и приглушённые стоны Вероники. Не отрываясь, я слежу за временем: моя тайная задача—подгадать и рассчитать приход скалера. И… выйти чуть пораньше. От напряжения начинает кружиться голова. Прислушиваюсь ко всем, даже малейшим, звукам со стороны лестницы. Их—множество. Подъезжают и отъезжают кареты скорой помощи, кашляют соседи, где-то скулит собака… Постоянный ворох звуков, среди которого мне нужно угадать те самые шаги…

И хотя они почти бесшумные—скалер ступает мягко, невесомо,—я успеваю приоткрыть дверь и выглянуть в тот самый момент, когда он ставит на тумбочку пакеты. Он уже собрался уходить, развернулся спиной, но, видимо, от неожиданного щелчка замка, замедлил шаг и оглянулся. Тут я всё и увидела. Половина его лица была скрыта белой медицинской маской. Из-под капюшона виднелись пряди тёмных волос. И глаза были такие же тёмные, грустные. Он посмотрел на меня, кивнул, здороваясь,—и пошёл дальше. А я забрала пакеты, попрыскала на них специальной антивирусной жидкостью. Старалась всё делать не спеша и обыкновенно, чтобы у домашних не возникло вопросов, чтобы сохранить нашу маленькую тайну как можно дольше…

Откуда-то изнутри поднимался ликующий жар, согревая сердце. И тут я поняла, что больше не хочу прыгать на искусственной лужайке. Да и рассматривать забинтованное небо неинтересно. Самое главное—было здесь, со мной; в точке, подобной вспышке,—когда наши взгляды встретились. И этого уже никогда не отнять…

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Николай Рерих

Детские замки

• • •

Не знаю, когда сильно слово твоё?
Иногда ты становишься обыкновенным.
И, притаившись, сидишь между
глупцами, которые знают так
мало. Иногда ты скажешь и будто
не огорчаешься, если тебя не поймут.
Иногда ты смотришь так нежно
на незнающего, что я завидую
его незнанью. Точно не заботишься
ты свой лик показать. И когда
слушаешь речи прошедшего дня,
даже опускаешь глаза, точно
подбирая самые простые слова.
Как трудно распознать все твои
устремленья. Как нелегко идти
за тобою. Вот и вчера, когда ты
говорил с медведями, мне
показалось, что они отошли, тебя
не поняв.

• • •

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные
замки. Сколько хлопот около
этой забавы! Дождь за ночь
размыл их твердыни, и конь
прошёл через их стены. Но
пусть пока дети строят
замок из грязи, и на колонне
пусть сидит малая птичка.
Направляясь к храму, я не подойду
к колонне и обойду стороною
детские замки.

1920

Виктор Теплицкий

Мы все—одной крови

Бывшие

Каждый раз, проходя по коридорам БСМП, я будто слышу всплеск—по водам памяти расходятся круги… Подземные переходы, укромные местечки, подвал—я исходил этажи больницы вдоль и поперёк. Но особенно щемит в груди, когда поднимаюсь на шестой. Здесь на месте второго поста был наш храм.

В нулевые в больнице скорой помощи—в «тысячекоечной»—произошло событие: главврач решился отвести холл неврологического отделения под церковь. За несколько дней наши прихожане нашли кирпич, выстроили стену, сколотили иконостас. Теперь я бегал от святителя Николая к преподобному Серафиму и обратно.

Храм был небольшой, алтарь малюсенький—престол стоял прижатый к стене; подоконник заменял полку под богослужебные книги, а клирос был отделён тумбочкой. Литургию мы служили несколько раз в месяц, но еженедельно причащали, крестили, соборовали. Почему «мы»? Потому что во всех священнодействиях мне помогали катехизатор, проповедница и алтарник. Всё—бывшие.

Сергей, который ходил по палатам и подготавливал больных к таинствам,—бывший пятидесятник, ещё раньше—грозный деревенский боец. В девяностые он дрался один на один, за компанию, с компанией, на спор или ящик водки. Но Бог любит дерзновенных, и, когда Он уловил Сергея сетями своей любви, тот сразу пошёл за Христом.

Татьяна—бывшая предпринимательница. Своё дело, дом в Покровке, богатые подруги плюс куча оккультного знания. Но и к ней пробился Господь. Татьяна оставила и дело, и связи и в конце концов съехала с бухгалтерии до свечного ящика. Она благовествовала здоровым и больным о пути спасения, служа Богу даром слова, которым Он щедро её наделил.

Андрей—пономарь. Этому ремеслу он выучился, находясь в колонии, где мы с ним и познакомились. Бывший рецидивист хорошо читал по-славянски и неплохо знал богослужение. Освободившись, нашёл силы прийти в Дом Божий—место, куда несут боль и надежду.

Боли мы тут насмотрелись. В палатах стирается граница между полами. Здесь видишь не обнажённых мужчин и женщин, но людей в бинтах и спицах, растянутых на блоках, стриженых, без конечностей, лежащих без сознания на аппаратах в реанимационных. И почти всегда спешишь, потому что часто счёт идёт на часы, если не на минуты. Случалось, не успевали… Но бывали мы и свидетелями Божьей милости.

Пьём чай после очередного обхода. В храм протискивают коляску. В ней сидит бледный парень в мятой футболке и тапочках. Сестра, вытирая глаза, рассказывает, что брат неудачно упал, повредил позвоночник и теперь почти обездвижен. После операции доктора сказали, что шансов начать ходить почти никаких. Парень хочет принять крещение.

Пока Татьяна готовит купель, Сергей кратко оглашает—объясняет «Символ веры», суть таинства. Задаю несколько личных вопросов. Начинаем.

На фоне дребезжания каталок, звонких голосов медсестёр звучит древний язык. Оплывают свечи, парень сосредоточенно крестится. Когда начинается троекратное обхождение купели, Андрей—сухой, но жилистый—берёт парализованного и несёт вслед за мной. В память врезаются безвольно висящие ноги на синих исколотых руках.

Поздравляем, вручаем Евангелие, молитвослов. Коляска медленно исчезает в дверном проёме.

На следующий день вчерашний новокрещёный… пришёл в храм. Сам! Сестра его поддерживала, но это—на всякий случай. Проснувшись утром, он вдруг почувствовал, что может встать. Сделал шаг, держась за спинку кровати, потом другой… Врачи удивлялись, искали, как обычно, объяснение. Что ж, пусть ищут. На то человеку и дан ум, чтобы искать… Истину. Дано ему и сердце, чтобы веровать.

Теперь храм внизу, снаружи. Больным попасть в него непросто. Я в нём больше не служу. Бывшие мои помощники растеклись в разные стороны, и у каждого теперь своё русло. Но это уже другая история.

Коронованный одиночеством

У Валерия онкология, ему семьдесят с хвостиком, он недавно переболел коронавирусом. Последний раз я разговаривал с ним по телефону два месяца

назад. Он просил причастить его в больнице. Оказалось, что это невозможно. Несмотря на епархиальные предписания, как священнику совершать таинства над больными COVID-19, врачи нам отказали — категорически. А потом — молчание, неизвестность… Молились всем миром.

И тут звонок. На экране высветилось его имя.

— Жив! Слава Богу! Я словно в аду побывал…

Встретиться договорились через неделю.

Поднимаюсь со Святыми Дарами на пятый этаж. Всё тот же пейзаж за окном подъезда, те же исшарканные ступени. Пять лет я причащаю Валерия на дому. Рак не позволяет ему присутствовать на службе. Валерий скучает по храму и каждый раз спрашивает, как идут дела.

Стучу. Короткая стрижка, исхудавший, ходит с трудом, но без палочки. На кухне на столе иконки, чашка с тёплой водой, горящая лампадка. Всё как обычно, будто и не было двух страшных месяцев болезни. Но я замечаю что-то новое в его глазах — какую-то глубокую, вселенскую усталость. Валерий садится, я придвигаю стул.

— Представляете, — начинает он, — в реанимации пролежал полтора месяца. Аппарат, катетер, в трахее трубка. Всё! Изоляция полная. Что в мире происходит, как семья, живы, здоровы — никто ничего не говорит. Я человеческих лиц полтора месяца не видел. Откроешь глаза — над тобой маски, фигуры в балахонах. Ну точно — инопланетяне. Мычат чего-то. А я ещё плохо слышу. Они злятся. Все раздражительные. Понимаю, дел невпроворот, но мне от этого не легче. Состояние кошмарное, задыхаешься, пищу через трубку толкают, судно там… Я ходить заново учился, — Валерий машет рукой, замолкает. — Вы не поверите, — продолжает он, — мне там небо в звёздах открылось.

— Это как? В окно?

— Да какое там! Потолок! Он как бы иногда расцветал. Разольётся красками — яркими, насыщенными — и весь переливается. Будто кто-то раскрашивает. Я сначала подумал, что с ума схожу или лекарства так действуют. А потом решил: это, наверное, Господь утешает. Я ведь молиться не переставал. Без молитвы там — жуть. Отчаяние такое охватывает! Всё от одиночества. Один почти всё время, и не знаешь, когда закончится. И как закончится. А умирать одному, скажу я вам, страшно. Да ещё без причастия. Вот где мука адская! Тьма!

Валерий снова умолкает, погружаясь в пережитое. Да, несомненно, он прав, одиночество — мука из мук. Отцы пишут, что в аду нет движения, душа как бы замыкается на самой себе, и её окончательно поглощает та греховная страсть, которой она предавалась в земной жизни. Человек застывает навечно в том, что называется в Евангелии «тьмой внешней».

Один пьющий — совсем молодой парень — рассказывал, что как-то после очередного запоя решил повеситься. Нашёл верёвку, приспособил к перекладине. Перед тем как полезть в петлю, неожиданно забылся коротким сном. Но это был не просто сон. Парень вдруг ощутил себя в иной реальности. Во мраке — липком, густом, непроницаемом. В таком плотном, что можно было потрогать. Мрак этот состоял или, лучше сказать, был соткан из ужаса и отчаянья. И невыносимой тоски. Один в кромешной тьме. Словами этого не выразишь, нет в нашем мире слов, чтобы описать такое. И ещё. Он всем нутром почувствовал: это — навечно. Навсегда! Ни изменения, ни тени перемены. Тёмное нескончаемое безвременье… И вдруг он открыл глаза. И увидел свет — солнечный, тёплый, живой… Видимо, был в роду молитвенник.

Я подхожу к Валерию, принимаю исповедь, преподаю ему светоносные Тело и Кровь Христовы. Тьма рассеяна — и внешняя, и внутренняя. Но есть ли граница между временным и внешним? И не является ли наша жизнь нераздельной и непрерывной, как лента Мёбиуса?

На пороге Валерий снова вздыхает:

— Эх, маловерный я. Простите. Но если снова заболею, то уже не выберусь.

Это он о своей просьбе причастить его одноразовой ложечкой. Я успокаиваю — не каждому даётся пройти такое испытание. Он ведь и заразился в своём подъезде, пока спускался посидеть на скамейке во дворе. Родственники здоровы, а этажом ниже, как выяснилось, болела многодетная семья.

— Наверное, когда брался за перила, тогда и подхватил заразу. Вы уж поаккуратнее.

— Конечно, — отвечаю и закрываю дверь.

Мы не духовные великаны, мы просто стараемся нести крест и сохранить веру, которая то полыхает, словно огонь в печи, то мерцает, как головешка. Я спускаюсь по знакомым ступеням, старясь не держаться за перила.

Грани

Священство — не профессия. Это — служение. И проходит оно всегда по грани. Можно по-разному относиться к такому служению, но священник — тот же пограничник. Он всегда на краю времени-вечности (можно писать и без пробела, и без дефиса). Особенно это чувствуется, когда прикасаешься к смерти. Готовишь живых, провожаешь мёртвых.

Больничная палата или комната умирающего напоминает купе. Прощание, напутствие… и вдруг: «Провожающих просят покинуть вагон. Поезд отправляется через пять минут». Выходишь, аккуратно закрывая дверь. Надеешься, что

слова, которые только что оставил, сейчас помогут человеку.

Впрочем, случается и обратное: слова уходящих надолго остаются в тебе, поддерживают, словно масло в лампаде, огонёк надежды.

Где-то примерно через год после моего рукоположения я крестил на дому мужчину. Ему оставалось буквально несколько дней. Говорил он тихо, но я до сих пор отчётливо слышу его голос:

— Знаю, что там есть жизнь. Чувствую это. Не сомневаюсь. Но я ухожу туда — пустым. Пробегал, зря потратил и время, и силы. Мне нечего взять с собой.

Я ответил, что это не так. У него есть главное — вера. И не всякому открывается Бог на последних минутах, в тот самый «одиннадцатый час» Писания.

Но не только слова выбивает Божий резец на скрижалях памяти. Лица, события, вещи — всё сплетается в строку. Всегда что-то пишется. До той самой последней точки. Вернее — многоточия… И написанное останется навечно. Как те игрушки в гробике двухмесячной Лизы, которую пришлось отпевать без певчих, когда я почти не видел страниц требника. Как и лица её матери, склонённого над этим внезапно увядшим цветочком. Она молилась — спокойно и мужественно, неся в сердце скорбь и надежду. Позднее она рассказала о том, как видела во сне свою умершую бабушку и дочь. Прабабушка несла внучку на руках к Богородице…

Жизнь продолжается. И для нас. И для — них. И на каких-то гранях бытия случается нам пересекаться. И мы живём ожиданием будущей встречи.

А пока снова и снова звучит просьба покинуть вагон.

Поздняя осень. Голые чёрные ветви кладбищенских тополей воткнуты в небо. У калитки меня встречает смотритель. Здороваемся.

— Как оно? — спрашиваю.

— Охраняем.

— Кого? — оглядываюсь по сторонам.

— Покой усопших, — улыбаясь, отвечает сторож.

— А мы их провожаем.

— Куда?

— Туда.

Поднимаем головы. Небо плотно лежит на деревянных опорах огромного вокзала, где снуют невидимые бесплотные проводники и вот-вот тронутся вагоны поезда, который следует только в одном направлении — туда.

Девочка-педагог

В Рождественский сочельник я причащал ребёнка. Дитя ждало меня и очень волновалось. Она бы и сама с радостью пришла на праздничную службу, но уже нельзя выходить на улицу одной — зрение стремительно падает. Недавно по дороге в магазин сломала руку. Прихожане и соцработники пытаются помочь, но только смущают — ей неудобно кого-то обременять, доставлять хлопоты. Тем более священнику, да ещё когда в квартире не убрано.

Захожу в подъезд обычной хрущёвки и знаю, что скоро попаду в сказку. Стучу. Хозяйка — высокая, прямая, волосы строго убраны под косынку, завязанную сзади, — открыв дверь, отходит в сторону и складывает руки для благословения.

— Мир вам!

— С миром принимаем, отец Виктор!

Любуюсь её улыбкой. Солнце заигралось на губах, в подслеповатых детских глазах, морщинках; зацепилось лучиком да так и осталось погостить.

Проходим в комнату. Каждый раз хочется потрогать сухую ветку на зеркале, кружевные салфетки, глиняный подсвечник — волшебное убранство этого скромного жилища. На девочке деревянные бусы, блуза, длинная юбка. Строго и элегантно, с достоинством и вкусом, как и подобает выглядеть… педагогу. С неё брали пример, на лекциях — слушали. Писатели доверяли рукописи её корректуре, переводчики делились текстами.

Мягкий голос, спокойный и чистый, как лесной ручей, радует слух. Отдыхаю взглядом на корешках многочисленных книг, фотографиях литературных гениев, картинах, подаренных художниками.

Квартира прибрана, но нуждается в ремонте. То, что трещины на потолке и кое-где отстают обои, — полбеды. Больше всего досаждает ветер, который через щели и сырые углы пробирается в спаленку, заставляет кутаться в тёплое. Стёкла дребезжат от проходящих машин, и вечно капает вода на кухне. Но девочка-педагог не ропщет. За плечами опыт и терпение, горько-сладкая жизнь русской учительницы. И пока весело горит огонёк лампады, обитающий здесь ангел-хранитель утешает хозяйку. Сейчас же бесплотный трепещет, встречая Царя Славы и Господа Господствующих.

Читаем молитвы. Символ веры. Потом… потом ребёнок просит у Небесного Отца прощения — непритворно, доверчиво.

Руки аккуратно сложены на груди, уста благоговейно открыты. Христос соединяется со своим чадом. В доме становится тихо…

Запивка, просфорка. Всё делается сосредоточенно, внимательно.

Мне пора. Оглядываю ещё раз книжные полки. В студенческие времена пользовался этим сокровищем. В этих креслицах мы рассуждали о литературе. На том диване лежала больная сестра, за которой она ухаживала до самого конца. Там пили чай. Здесь пряталась любимая кошка…

Прощаемся. Как всегда, меня ждёт подарок. Дети, матушка — никто не забыт. А мне не забыть солнечный луч, загостившийся в этой светёлке… которая всё-таки нуждается в ремонте.

Коля

Три года, как нет с нами Коли.

С кем-то сходишься легко, с кем-то вообще не сходишься. Мы не стали друзьями, но и не были друг другу посторонними, внешними. Познакомила нас Вера — супруга Коли.

Бывало, мы собирались крохотной общиной в праздники у них на квартире. Стол, неизменный фруктовый пирог, общая чаша и вопросы, вопросы… Коля искал, и поиск этот не был лёгким. Жена трудится в храме. Старшая и средняя дочери подались к протестантам, вышли там замуж. Младшая ходит в воскресную школу. Деревенская родня на всё смотрит с ухмылкой. А он? Слушает, читает, спрашивает и потихоньку тянется… за женой.

Первые литургии. Пока он тут гость. Осматривается, знакомится, но семя веры брошено в добрую землю, а Бог умеет ждать. Исповедь, и снова вопросы, теперь уже другие — насущные, «проклятые». Всё живое ищет вечного, мёртвое — только временного.

Коля врастал в Церковь, как врастает в почву дерево; корни тянутся в глубину, переплетаются, напитываются влагой… Ветки набирают силу, обрастают листвой… И вдруг первый удар топора — опухоль. Злокачественная.

Он уже дышит воздухом евхаристии, живёт литургийным глотком от причастия до причастия. Но на службе приходится садиться. Болезнь продолжает свою работу, тяжёлое лезвие всё глубже вгрызается в ствол.

Потом он приобщался Святых Тайн дома. Еженедельно… Каждый день…

И вот последнее Колино причащение.

Глаза закрыты. Волосы, лицо, борода склеены в деревянную маску. Кожа — словно потрескавшаяся кора. Боль иссушила тело, смерть почти окончательно выскребла жизнь. Остались крохи часов, если не минут. Коля сейчас на тропе, это очевидно. Тонкая истёртая нить едва удерживает его в здешнем мире. И мы все боимся последнего рывка — к смерти привыкнуть невозможно. Может, это наш страх не отпускает его?

Я читаю над ним, но не ему. Слова молитв сыплются из требника, касаются печального чела, скатываются на постель. Уверен, он воспринимает их не как набор звуков и смыслов и не ухом, а каким-то иным — невидимым — органом.

Беру руку — лёгкую, как цветок. Так и дочитываю, не отпуская. Точка. Кисть бессильно падает. Пальцы ветхими лепестками темнеют на простыне. Губы с трудом расцепляются, чтобы принять Кровь… «во оставление грехов и в жизнь вечную». Завершающий «Аминь» скользит тёплым ветерком.

Благословляю… в путь. Снова беру кисть-цветок. Прощаюсь. И в ответ — неожиданно — рукопожатие. Мужчины, брата.

— До встречи, — говорю я и выхожу из комнаты.

Коля ушёл

Февральский снег недолог. Совсем немного, и он заплачет грязными слезами и умрёт. Сойдёт с лица земли, чтобы дать жизнь… Зная о своём близком конце, он и хрустит по-другому.

Я шёл в храм и слушал, как грустно поёт снег. В храме меня ждал Коля — сухой и спокойный. Вокруг него влажнели лица — печальные, внимательные, мужские и женские.

Когда я вышел из алтаря, море лиц всколыхнулось, раздвинулось, образовав тропинку. Я встал в изголовье гроба.

Сначала в тишине обречённо позвякивало кадило, потом волны снова сомкнулись, и над головами вспорхнула стайка древних глаголов. Они рванулись стремительно и как-то нервно, но я приостановил певчих. Это, разумеется, от волнения. Я и сам вцепился в требник, чтобы унять дрожь в пальцах.

Мои ектеньи напоминали испуганную растрёпанную птицу. Заикание, которое иногда удаётся спрятать за быстрыми словами, неприлично топорщилось. Горло сдавил тугой слёзный ком…

Читаю Евангелие, не видя букв. Тяжёлые слова вязнут на языке.

«Последнее целование». Всегда тягучее, горькое, как потухшие свечи. Вдоль гроба струятся потоки — Вера, дочери, родня, прихожане. Ручейки обтекают изъеденный болезнью ствол, который скоро превратится в труху. «Земля еси и в землю отъидеши».

Коля станет землёю. Но Коля уже пророс в Небо. Там его нетленные корни. Там он расцветёт и принесёт плод в тридцать или в сто крат. А иначе жизнь — пустая затея. А иначе смерть — как финал у графомана: заезженна и пуста. Да, она уродлива, бессмысленна и жестока, рвёт и царапает. И бесполезно отворачиваться от её безобразного лика. Смерть — это всякий раз разбитое стекло… И мы с надеждой ждём Стекольщика…

Я говорил Слово. О вере и вечности, о горних высотах, о нескончаемом пути. Говорил об Отце, в чьи руки мы падаем, шагнув за горизонт. О Встрече и встречах. О надежде и любви. Говорил это самому себе. Провожая Колю. Ободряя ближних.

И так нелепо торчали тапочки из-под церковного покрывала, когда я предавал тело земле.

Младшие сёстры

В церкви они редкие гости. Если идут на исповедь, то всегда последними. Ждут, когда разойдётся народ. Одеты скромно, без макияжа, в движениях — застенчивость. Чувствуется, как им здесь боязно. Отойдя от аналоя, спешат выйти из храма, спрятав лица.

Первую помню в начале нулевых.

Длинная великопостная очередь кающихся. В густых сумерках отчётливо звучит покаянный

канон. Голос чтеца ограждает от посторонних тайну — тайну исповеди. Сейчас я — свидетель падений и слов раскаяния, сопричастник чужой сокровенной жизни и благодати. Сейчас я — грань.

Наконец подходит женщина, что всю службу простояла в притворе. Капюшон низко опущен, пальцы нервно теребят бахрому на аналое. Мы одни — чтец и алтарник ушли, свечи вот-вот догорят.

— Деньги нужны были. Ребёнок болеет. Я одна…

Пауза затягивается.

— В чём каетесь?

— Я… я из… эскорт-услуг… Простите!

Плечи содрогаются, как в немом кино. Бархат Евангелия увлажняется от крохотных следов — детских стопочек, что неумело торят дорожку. Заблудившаяся девочка спешит к Отцу. И Он выходит навстречу, раскрывает объятья. Сквозь пропитанную никотиновым дымом кожу, к самым дверям сердца блудницы пробивается Тихий Присносущий Свет. Всё повторяется, как две тысячи лет назад, и те, кто надеется на милость, получают её. Христос, Который вчера и сегодня и во веки Тот же, — находит своих детей. И тогда стирается с губ помада, смывается с ресниц тушь, набрасывается капюшон…

Все, кто крещён, — одно Тело. Все мы — одной Крови. Вышли из одной Купели. И породнились. И та, что сейчас плачет, мне — сестра. Которая была мертва и ожила, пропадала и нашлась.

Старый фонарь

Перед тем как мне зайти к больной, родственница вынесла туалетное ведро.

— Подождите, я подготовлю бабушку, — виновато улыбнулась, прикрыла дверь.

В тёмном коридоре звучно тикали часы.

Комната напоминает вытянутый шкаф. Стул под грудой тряпья, тумбочка, заставленная склянками, кровать с железными набалдашниками — вот и всё. В изголовье окно с двойными рамами. Между стёкол сереют лохмотья ваты. За окном мокнет старый фонарь. Он точно заглядывает в комнату, пропитанную запахом чахлой плоти.

Я располагаюсь на подоконнике: икона, дароносица, плат. Прошу кипячёной воды. Открываю требник.

За фонарём виднеются гаражи, высокий бетонный забор, железнодорожные пути. Тополя роняют первые листья.

Женщина сидит, низко опустив голову. Морщинистые ладони сложены в замок. Наспех завязанный платок сбился. Покрывало сползло с плеча и обнажило дряблую грудь. Спрашиваю имя, начинаю читать молитвы.

Она медленно качается в такт какого-то своего ритма. Где она сейчас? В нашем мире? В своём?

Осторожно начинаю исповедь.

— Каюсь, каюсь, — отвечает больная…

На клеёнку, словно горячий свечной воск, медленно падают капли.

— Всех прощаете?

— Прощаю, прощаю, — чуть слышится снизу.

Накрываю её голову епитрахилью. Потом складываю крестообразно руки для принятия Христовых Тайн. Теперь я вижу её лицо, глаза…

Фонарь, кажется, с интересом наблюдает за происходящим. Похоже, это её единственный собеседник. Когда закрывается на ночь дверь, он мирно светит в окно. Она же, слушая мерный ход поезда, погружается в прошлое. А эту комнату, старую кровать и даже ведро-стульчак несёт на пробитых гвоздями руках Тот, Кто только что вошёл в эту умирающую плоть, наполнил Светом, навеки приобщив к себе…

Но знает ли она? Всё откроется позже.

Я убираю Святые Дары, зову родственницу. Голое тело снова уложено, укрыто, платок снят. И мне думается, что с последним вздохом этой женщины погаснет и ржавый фонарь.

Инженер

Жил-был инженер. Он любил играть на баяне. Любил, но не умел. Терзал инструмент нещадно — немного по вечерам и много по выходным.

Этажом ниже жил поэт. Он умел слагать не слагаемое, строить конструкции и оттачивать детали. Но всякий раз, когда его слуха достигали звуки баяна, дактили слетали с педалей, выбивало ямбы, а дольники не хотели делиться.

Надоела эта музыка поэту. Поднялся он к соседу, позвонил раза два. Инженер открыл. На груди баян, лицо красное.

— Знаете что, — начал без предисловий поэт (он не любил предисловия), — вы своим, так сказать, музицированием мешаете творческому процессу. Собственно говоря, при исполнении, с вашего позволения, мелодий моя муза страшно пугается и оставляет лабораторию слова и звука. Все мои стихотворные построения рассыпаются, как карточный домик. О! Неожиданный образ! — воскликнул поэт.

Вынул из шёлкового японского халата записную книжку, ручку, размашисто набросал: «Стихи распадались, как карточный домик», — сунул поэтические принадлежности обратно в карман и продолжил:

— Прошу вас, любезный, не занимайтесь тем, что вам не дано. Вы лишаете меня и мир свершений в области высокого искусства поэзии.

Инженер потоптался, как провинившийся школьник, вздохнул и ответил:

— Но я не могу не играть. Музыка — она как дыхание, как огонь в печи… Да, и насчёт музы. Пойдёмте.

На кухне на обшарпанном табурете сидела юная особа. Кудри украшены венком живых цветов, лёгкая туника, в руках лира.

— Узнаёте? — спросил инженер. — Мы тут репетируем.
— Как? — воскликнул поэт.
— Сам не знаю, — ответил инженер. — Что-то мне подсказывало…
— Дорогая! — перебил поэт, трагично простирая руки. На пальце сверкнул перстень. — Как же так?! Как же я?

Повернулся к инженеру:
— Давно она у вас?
— Да почти сразу, как только его привёз из деревни, — он любовно погладил баян. — Стоит только начать играть…

Инженер загадочно улыбался. Улыбалась и юная особа. Не улыбался только поэт.

Этажом ниже качались строфы, скрипели рифмы, и вся конструкция ходила ходуном, готовая развалиться. Прямо как карточный домик.

Лётчик

Жил-был лётчик. С младых ногтей мечтал о самолётах. Даже на уроках парил в облаках. На чердаке у него была лётная кабина, собранная из ящиков, и приборная доска из старых лампочек. Над кроватью висел портрет Экзюпери, под подушкой лежала «Планета людей». Иногда лётчик брал книгу в рейс.

Первого дельфина он увидел, пролетая над Адриатикой, когда ещё был вторым пилотом. В чистейшей синеве плыли сказочные горы — плотные, высокие. Вдруг из ближайшей, из самой толщи, вынырнул огромный дельфин. Весело махнул хвостом и исчез. Лётчик протёр глаза. Померещилось? Глянул на командира, но тот был занят приборами. Пилот облегчённо выдохнул. И тут в иллюминатор заглянула весёлая морда. Какое-то время дельфин скользил рядом, а затем потерялся в белоснежной пене.

Лётчик чувствовал, как на лбу выступил пот. Поход к психиатру означал крах — работы, мечты, самой жизни. Он сжал губы и не проронил ни слова до конца полёта.

Вечером в кафе он всё-таки убедил себя, что нужно обратиться к доктору. Галлюцинации — это не шутки.

Убитый поднялся в кабину. Когда взлетели, командир положил руку на плечо и сказал:
— Это нормально.
— Что нормально? — пилот старался говорить спокойно.
— Видеть дельфинов.
— А вы что, тоже их?..
— Не всегда. Попривык. Мне они редко показываются.
— А стюардессы, пассажиры?
— Нет, — улыбнулся командир. — Только лётчики.

Потом сурово добавил:
— Но никому не говорят.

Вскоре он мог без труда различать дельфинов Адриатики и Средиземноморья. Про себя лётчик посмеивался, видя удивлённые лица молодых пилотов. Некоторым дельфинам он подмигивал, те радостно махали хвостами, перед тем как нырнуть под крыло.

На земле лётчик скучал без своих весёлых друзей. Совсем невмоготу стало, когда ушёл на пенсию. Потому он покупал билет непременно возле окна. Дельфины всякий раз узнавали его, кувыркались и даже старались потереться носами о иллюминатор. Однажды, когда пара молодых дельфинов выделывала разные акробатические штуки, лётчик заметил, что его сосед, не отрываясь, смотрит в окно. «Из наших, что ли?» — подумалось ему. Открыл было рот, но мужчина опередил:
— Их видят не только авиаторы. Сочинители тоже. Они, знаете, такие… — пробормотал он и, улыбаясь, стал что-то набрасывать в исписанный блокнот.

Манекенщица

Жила-была манекенщица. Имела всё необходимое: грудь, талию, длинные ноги. Вышагивала по подиуму и не сходила с журналов. Жизнь крутилась словно калейдоскоп: гламур, бутики, фотовспышки… Манекенщица пользовалась спросом. Студии, позы, чувственные взгляды — почти без выходных.

Иногда она терялась на глянцевых страницах и с трудом возвращалась в свою комнату, заваленную плюшевыми мишками. Со стен многозначительно улыбались киногерои. Но от их улыбок веселей не становилось.

Это ещё полбеды. Со временем манекенщица окончательно запуталась в бесконечных позах и уже не знала, как и какую принимать в обыденной жизни. С каким выражением лица открывать книгу? Ноутбук? Жест для вопроса? Ответа? Ответы могут быть разные. Катастрофа! Как держать кофе? Чай? Ужас!

Несколько раз она попадала в неловкие ситуации: улыбалась, когда нужно было грустить, выражала удивление при банальностях. Если бы она читала классику, сказала бы: «Всё смешалось в доме Облонских». Но манекенщица читала только статьи о диете.

Однако она не сдавалась. Теперь с ней был плотно набитый рюкзачок. Заказать американо с фисташковым макаруном? Пожалуйста! Открываем, листаем, находим: спина прямо, в левой — чашка, в правой — десерт, мизинчик чуть в сторону. Конечно, дело небыстрое, но она — клиент. Клиент для официантов — бог! Подождут.

Но выходить из положения становилось сложнее. Таскать журналы нелегко, Заучивать позы — немыслимо, их тьма-тьмущая. Дефиле по подиуму — это одно, а выгул чихуахуа на глазах у всего

дома — совершенно другое. Действительно, всё смешалось в голове манекенщицы. Было отчего прийти в отчаяние.

Однажды она обедала в ресторане под тоскливые взгляды персонала. Стопа журналов угрожающе росла. Манекенщица никак не могла найти, как правильно отменить заказ: ей принесли не то блюдо. Не выдержав, она сунула официанту деньги и выскочила, хлопнув дверью. Рюкзак остался возле столика.

Она летела по улицам, напрочь забыв, как нужно ставить ноги и куда устремлять взгляд. Прохожие расступались и удивлённо оглядывались. Вдруг манекенщица остановилась у витрины. Красивый, модно одетый манекен задумчиво смотрел вдаль. Не спешил, не суетился. Таинственный, неприступный, свободный…

Она вошла в магазин. Её узнали, стали предлагать новые поступления, но манекенщица уже поднялась к загадочному незнакомцу.

— Ну как? — спросила она, приняв соответствующую позу.

— Супер! — выдохнули продавцы.

Манекенщица улыбнулась, накинула палантин…

По ту сторону стекла шумели машины и торопились люди. Она чувствовала надёжное твёрдое плечо. Ей больше не нужны ни рюкзак, ни глянец, ни вспышки фотокамер… ни даже улыбки киногероев, от которых только тоскливей становится на душе.

Банкоматчица

Жила-была банкоматчица. Маленькая-премаленькая, под стать всем банкоматчицам.

Профессия, конечно, не из лёгких: сутки напролёт вещать в тесном ящике «выберите сумму» или «введите пин-код» и всё остальное, набившее оскомину. Но попробуй найди работу с такой комплекцией! Да и куда деваться, если это наследственное? Дедушка всю жизнь просидел в телевизоре, бабушка умудрялась помещаться в ламповый радиоприёмник, а папа бибикал в игральном автомате.

Дело, конечно, не только в росте, тут главное — характер и выдержка. Голос должен звучать всегда одинаково, не меняя тональности. Люди ведь приходят разные, последнее время — нервные. Некоторые так даже норовят садануть чем-нибудь по банкомату. А смысл? Он ведь железный. Да и деньжищ каждый день валит — с головой.

Клиентов банкоматчица не видела, только инкассаторов и техников. Зато слышала всё прекрасно. Особенно по ночам.

Однажды под утро она услышала плач. Сквозь громкие рыдания разобрала: «плевать на всё…», «теперь он узнает, гад», «маме оставлю под запиской».

Посетительница сняла деньги, и каблуки застучали к выходу. И тут банкоматчица первый раз в жизни нарушила инструкцию. Не меняя тембра, она произнесла:

— Подумай о маме.

Девушка вскрикнула. После короткой паузы банкоматчица услышала испуганное:

— Кто здесь? — и еле слышно: — Наверное, я схожу с ума.

— Маме будет больно, — повторила банкоматчица всё тем же отработанным голосом.

— Пусть! — выкрикнула девушка. — Зато ему тоже будет больно!

— Не будет.

— Это почему?

— Он будет занят другой.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и всё. Иди к маме.

— Нет! Она не поймёт.

— Мама всегда поймёт.

— Я беременна.

— Мама всегда поймёт.

— Думаете?

— Не сомневайся.

— Можно ещё вопрос? — после короткого молчания спросила девушка

— Можно.

— Я ещё встречу… ну… настоящего?

— Не сомневайся.

— Спасибо!

— Заберите карту, — напомнила банкоматчица и чуть не рассмеялась от радости.

Библиотекарь

Жила-была библиотекарь. Разумеется, много читала. Книги с детства шли с ней по жизни. Вот только спутник жизни ей не встречался. Вначале это сильно печалило библиотекаря, а потом вроде как привыкла.

На работе её окружали стеллажи. А дома бесшумно слонялось одиночество. И только по вечерам оно пряталось в худощавой тени библиотекаря, когда та садилась у окна с бокалом вина и закуривала. Но только стоило лечь, как одиночество мостилось в изголовье и начинало свою заунывную песнь.

Библиотекарь много чего знала — полезного и неполезного. Первое с трудом лезло в голову, второе — весьма проворно. Ещё у библиотекаря были привычки и заморочки. Так, например, она гадала в ночь перед Рождеством. Но делала это своеобразно: открывала наугад книгу, тыча пальцем в страницу. Строка, на которую указывал перст, должна была приоткрыть завесу будущего. Сапоги за порогом и зеркала в темноте не прельщали. Но суженый так и оставался за завесой, и последние годы библиотекарь гадала по накатанной — без трепета и ожидания.

В это Рождество она решила довериться пасичнику. Может, Рудый Панько что-нибудь да прогоголит? Наскоро поужинав, библиотекарь извлекла из пакета книгу с оттиснутым профилем на обложке. Села за круглый столик, зажгла свечу…

«Не хорошо быть человеку одному», — прочитала она. Что-то здесь не так. Жаль, не приметила страницу. Выдохнула, зажмурилась… «И будут двое одна плоть». На этот раз библиотекарь запомнила место. Стала перечитывать. Никаких двоих, никакой плоти! Но ведь было! И вообще, откуда это? Она потянулась за сигаретой, но в руках снова оказалась книга. Тёмный профиль озорно улыбался. Очертя голову библиотекарь нырнула в диканьковский хутор. Палец скользил по знакомым строкам: «И мигом очутился Вакула около своей хаты. И в это время пропел петух, ибо крепка как смерть любовь». Стоп! Она узнала последние слова. Но как это возможно?

Библиотекарь уже не заглядывала в книгу.

Её не знобило, не тряслись члены, сердце стучало ровно. Она стояла у окна и слушала, как тикают настенные часы. Одиночество скукожилось и юркнуло в дальний угол. Вдруг библиотекарь прильнула к холодному стеклу. По заснеженному двору, оставляя следы, шёл человек: пальто странного покроя, цилиндр, из-под которого вились тёмные волосы, в руке трость. В свете фонарей отчётливо выделялись усики и прямой нос.

Библиотекарь опустилась в кресло. Она глядела на пламя свечи. И улыбалась.

Человек в цилиндре свернул за угол. Там его ждала небольшая ладная бричка. Чему-то посмеиваясь, сел в коляску. Малороссийским говором крикнул низкорослому кучеру: «Трогай!» Малый дюже походил на человеческий нос. Он щёлкнул кнутом, и бричка покатила по асфальту. Рядом на козлах сидел господин — не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок. Он улыбался, оглядывая город.

Мелькали светофоры и витрины, вёрсты, колодцы, обозы, серые деревни… Спицы превращались в один гладкий круг. Ещё немного, и бричка оторвётся от земли и взмоет в звёздное небо. Какой же русский не любит быстрой езды?

Чиновник

Жил-был чиновник. Как у многих чиновников, у него имелось значительное лицо. Не старое, не молодое, не худое, не крупное, а самое обыкновенное — необходимое для работы. Дома и в отпуске он его не носил.

Чиновник надевал лицо в прихожей, почти на ходу, одним безошибочным движением, даже не глядя в зеркало. Портфель, строгий костюм, галстук, лакированные туфли — вся атрибутика значительного лица сияла как золотая печатка.

Он был чиновником средней руки. Над ним возвышались более значительные лица, даже сверхзначительные или высшей степени значимости, но чиновника устраивало положение вещей. Та ниша вертикали власти, в которой он обитал, была ему отрадой и утешением. На хлеб с маслом, икрой и остальными прелестями — хватало.

На службу он приезжал без опозданий. Когда входил в кабинет, лицо приобретало серьёзное выражение, а когда в кабинет входил проситель — очень серьёзное. Лицо всё делало само. Никаких усилий! Даже когда за очередной согбенной спиной закрывалась дверь, лицо не позволяло себе улыбнуться, хотя чиновник ликовал. На тот случай, если вдруг зашевелится совесть, у него имелись трафареты: «Бизнес — ничего личного», «Каждый выживает как может», «Я в команде» и т. п.

Бывало, он собирался с товарищами после работы. Лица оставались в кабинетах, а люди веселились. Но когда приходилось веселиться с персонами из высших эшелонов, лица брали с собой — для официальной части. Затем щёлкали застёжки портфелей, и люди в пиджаках или без них садились за столы.

Случилось так, что на одном из таких собраний чиновник оказался без портфеля. Заработался, оставил в кабинете. С кем не бывает? После торжественных речей он сунул лицо в карман пиджака. Но то ли был он с устатку, то ли слишком часто поднимались тосты — одним словом, чиновник перебрал.

На следующий день он проснулся в собственной постели, но как в неё попал — совершенно не помнил. Мятый пиджак валялся на полу. Что-то нехорошее шевельнулось в груди. Он поднял пиджак, сунул руку в карман. Лица не было! Чиновник бросился на поиски. Одежда, квартира, подъезд. Ничего! Похмелье испарилось в одну секунду. Он обзвонил товарищей, но те только мычали в телефон. «Крах!» — вопил чиновник. «Катастрофа!» — вторила жена. Оба рыдали.

Он открыл бар.

Выходные ползли тяжёлой мрачной тучей, как мысли чиновника. Без лица он — никто, ничто, ноль без палочки. Он даже поглядывал на пояс халата…

Настал понедельник. На ватных ногах чиновник шёл к входной двери. В прихожей висело зеркало. Чиновник глянул и… обомлел. На него смотрело значительное лицо. Как?! Он принялся его ощупывать. Оно! То же самое! Но он точно помнил, что клал его в карман.

Ах, к чему эти загадки? Не всё ли равно, как оно вернулось? А может, и не исчезало вовсе? Невозмутимое, должностное. Сама законность! О, теперь он будет внимательным. Очень внимательным! И будет трудиться результативнее, чем прежде. Ничего личного — просто бизнес.

Анатолий Бимаев

Красивая партия

Красивая партия

Знакомства есть у каждого.

Кто-то имеет связи в прокураторе, кто-то в суде, у кого-то имеется «крыша» в криминальных структурах. У меня были знакомства в пиццерии «Восемь сыров». Дайте мне угадать. Вы сейчас верно подумали: «Ну вот, нашёл чем хвалиться! Чем, интересно, по его мнению, может быть полезен повар одного из местных фастфудов?» Но не спешите делать сиюминутные выводы. Очень часто жизнь подкидывает сюрпризы, и не всегда те спешат к нам навстречу по торным дорогам. Иногда они тихонько подкрадываются со спины, а иногда падают на нас прямо сверху.

Но довольно метафор. Перейдём сразу к сути. А она, если переводить её на слова, такова: однажды пиццерии «Восемь сыров» исполнилось десять лет. И, естественно, в честь этой даты собственник решил устроить для людей праздник. Но не такой, когда деньги швыряются направо-налево, травятся анекдоты, а предприниматель обнимается с каждым встреченным проходимцем, приглашая его на бесплатный фуршет, и потом целый год жалеет о понесённых убытках. А такой, когда вроде бы делается то же самое, но вместо убытков собственник получает изрядные прибыли, соответственно, ощущая все последующие триста шестьдесят пять дней состояние счастья, довольства и безмятежности. Одним словом, всё то, что ощущает «Сбербанк» после выдачи очередной ипотеки.

Вскрою карты и скажу, что хозяин пиццерии решил устроить розыгрыш. Каждый, кто сподобился отобедать в его замечательном заведении десять раз на сумму в пятьсот рублей, имел право получить номерок с четырьмя цифрами, который, в свою очередь, опускался в назначенный день в прозрачный крутящийся барабан. Думаю, дальше не нужно ничего объяснять Вы уже обо всём догадались. С каждым из нас проделывали нечто подобное. Я сам участвовал в этих забавах миллион раз. И так же, как вы, ни черта не выигрывал.

В этом месте наш рассказ проясняется.

Вероника, родная сестра моей любимой супруги и по совместительству повар пиццерии «Восемь сыров», была вылитым Остапом Бендером. Отправь её на Луну — она начнёт продавать там открытки с видами Колизея. Прослышав в чаде скворчащего масла о розыгрыше и его главном призе — путёвке в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов, она тут же придумала, как его выиграть. Одной ей известным путём она раздобыла призовые купоны и отдала все их нам, с тем чтобы мы обменяли их на номерки. Что мы и незамедлительно сделали. Сначала в пиццерию отправился я, потом сходила жена, через день наступила вновь моя очередь. Мы ходили туда как на работу, ходили до тех пор, пока регистрационной журнал участников розыгрыша не запестрил нашей фамилией. Условия акции явно не подходили для обременённых кризисом и провинциальными предрассудками граждан. Либо никто в нашем городе не мог позволить себе выложить за кусок пиццы единоразово пятьсот рублей, либо, выложив их однажды, так основательно наедался, что потом целый месяц питался только кефиром и булочкой.

Судите сами: первый номерок, который мне выдал администратор «Восьми сыров» был три ноля шесть, четвёртый — два ноля двадцать. Понятно, у жены была та же история. Пользуясь карточным сленгом, можно сказать, что у нас на руках был стрит-флэш. Вот только все вокруг знали об этом и уже вот-вот готовы были встать из-за стола, бросив карты.

Тут Вероника внесла в наш план действий корректировку.

— Так, — сказала она, — появляться в пиццерии вам больше нельзя. Это опасно. Вы и так уже примелькались. Обзвоните друзей. Пусть номерки за вас получат они.

— Но придётся с ними делиться, — против воли вырвалось у меня.

— Пообещаем им несколько тысяч. Думаю, этого хватит. В конце концов, всё, что от них требуется, — это расписаться в регистрационном журнале. Мы же получим основную часть приза.

Несколько тысяч? Ха. Как бы не так. Нынче пошли такие друзья, которым проще обобрать до нитки тебя, чем кого-нибудь постороннего. Постороннего ещё нужно найти, как минимум представиться, а ты всегда рядом. Даже не нужно никуда выходить. Вот я и подумал, что для этого дела нужен не просто товарищ, но по совместительству

ещё альтруист. И как только я так подумал, мне сразу припомнился Гена. Гена! Бесхитростный, непрактичный, витающий в облаках мастер спорта по шахматам, единственной целью которого было стать чемпионом планеты, как Ананд. «Уж он-то меня не обманет»,—подумал я, набрав его номер. Но телефон Гены был отключён. С утра и до позднего вечера он готовился к очередному турниру. Как боксёр, уезжающий перед боем жить в горы, подальше от родных и репортёров, Гена уходил вне зоны действия сети посредством нажатия красной кнопки. Только так он мог сосредоточиться. Разобрать этюды, поиграть блицы, посмотреть по «Ютубу» игры Каспарова с Фишером.

Лишь поздним вечером он, наконец, объявился.

— Гена,—закричал я,—твою душу мать, ты опять отключился?

— Да, сегодня была прямая трансляция с чемпионата Европы.

— Гена, мне срочно нужна твоя помощь!

— А что такое? Что случилось?

— Ничего такого, что выведет тебя из равновесия,—поспешил успокоить я друга. Мне как никому другому было известно, что Гена боялся всего, что было хоть отдалённо похоже на проблемы.—Нужно, чтобы ты получил за меня номерок.

Звучало, будто я звал его в гардероб. Поэтому я подробно обрисовал ситуацию. Поначалу Гена отнекивался. Как истинный шахматист, он просчитал положение на миллион ходов вперёд и пришел к выводу, что больно уж дельце хлопотное. Боже, как я любил этого человека. У него был собственный стиль, это точно. Ему звонят в полдвенадцатого ночи, просят получить номерок, а он говорит, что весь этот год, да и вообще ближайшее тысячелетие у него расписано по секундам. И он не обманывал. Может, самую малость. У него действительно не было времени. Не было времени для всего, что не связано с шахматами. Он попросту не признавал всего остального. Сон давал ему сил для игры, поэтому он иногда спал. Завтрак питал его мозг, и он любил завтракать. Чтобы вытащить его, например, попить пива, ему нужно было звонить за месяц, не раньше. И то минут тридцать читать по телефону лекцию о пользе алкогольных напитков для нервной системы. Когда же он от меня уходил, то обычно прощался такими словами: «Ну, может быть, летом увидимся». Это если дело было зимой. Летом он прощался до Нового года: «Ну, даст Бог, в этом году ещё свидимся». Удивительный человек. Честное слово.

— Прогуляешься,—говорил тем временем я.— Подышишь воздухом. Полезно для мозга.

— Ладно. Но я только получу номер. И всё.

— Разумеется.

— Ни на какие розыгрыши я не пойду.

— Розыгрыш будет транслироваться по телевидению.

— Смотреть его я тоже не буду!

— Не будешь, Гена. Не будешь. Мы его сами посмотрим.

— Хорошо,—сказал он.

— Тогда встретимся завтра в десять у пиццерии.

— Ладно,—произнёс он.

Я приготовился положить трубку.

— Постой, постой,—остановил меня Гена.

— Да?—спросил я.

— Это ведь всё законно?

— О чём ты?

— Мне не нужны неприятности.

— В тюрьму нас точно никто не посадит.

— И всё-таки это афера.

— Господи, Гена, да кому мы нужны со своими купонами? Им главное, чтобы реклама сработала, а кто полетит на Майорку, ты или бомж из подворотни, совершенно без разницы.

Я специально упомянул про Майорку, потому что Гена как-то выиграл там два турнира по блицу и влюбился в молодую испанку, которой потом долгое время писал на «Фейсбуке».

— Ладно. Но если меня спросят, где я взял эти купоны…

— Вали на меня, как на мёртвого,—сказал я.— Кстати, может, выпьем завтра пивка? В честь выигрыша? Должно же нам наконец повезти!

— Не знаю,—произнёс Гена.—Давай через месяц?

А дальше говорить нечего. Мы выменяли через знакомых ещё несколько номерков и на том успокоились. Розыгрыш должен был состояться в субботу. Было даже куплено эфирное время одного из местных телеканалов. Организаторы подошли к делу так же ответственно, как если бы это был прямой телемост с президентом. То есть как к грандиозному шоу. «Наверное, и победители уже были известны»,—рассудил я. Конечно, я рассчитывал выиграть, но в глубине души не верил в саму эту возможность. Я был типичным представителем своего времени. Представителем людей, которых много и постоянно обманывали. Обманывали в магазинах, в церквях, во время прогулок по парку и на политических митингах. Нет, я не был циником, если вы сейчас об этом подумали. Я знал лично двух человек, которым в этой жизни привалила большая удача. Один из них получил кофеварку, другой—годовой запас зернового кофе. Жаль, конечно, что они друг друга не знали. Из них могла получиться команда почище Феттеля и Шумахера.

В общем, в субботу мы с женой сели смотреть эфир. Выглядел он ровно так же, как представлялся. Как грандиозное надувательство. Ведущая в короткой, не выше подмышек, юбчонке платонически ворковала с солидным мужчиной в галстуке и при часах. Мужчина крутил барабан. Я даже вздохнул от досады и открыл банку пива. Я решил относиться к предстоящему розыгрышу как

к футболу. Выиграют твои или нет, ты всё равно возьмёшь своё счастье парочкой литров светлого.
— Итак, Константин, что сейчас мы разыгрываем?
— Мы разыгрываем пять завтраков в пиццерии «Восемь сыров» стоимостью одна тысяча рублей.
— Это завтрак на одного, или можно прийти всей семьёй?

Тут я, честное слово, расхохотался. «Восемь сыров» относилось к числу заведений, где один стограммовый салатик из помидор и капусты стоил двести тридцать рублей. А жаркое из питательной сои — четыреста. На тысячу рублей там можно было разойтись, только протащив под кофтой несколько собственных блюд и пакет растворимого сахара.

Ведущая тем временем принялась объявлять номерки. Наших, разумеется, она не назвала. Не назвала она их и в следующем туре, когда разыгрывались сертификаты на ланч стоимостью две тысячи рублей. Этот тур я просмотрел, не моргнув глазом. Слишком мелкая рыбка. Ужин в пять тысяч рублей я и вовсе пробыл в толчке. От пива у меня начало давить клапан. Когда я вернулся в зал, объявляли заключительный тур. На руках у нас было девять билетиков в рай, ни один из которых ещё не успел выбыть из розыгрыша.
— А теперь, — чуть ли не выпрыгивая из своего лифчика, объявила ведущая, — мы подошли к тому, ради чего, я думаю, вы сейчас все и смотрите наш эфир. К розыгрышу путёвки в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов. Константин, когда победитель сможет воспользоваться своим правом слетать, скажем, на Средиземное море? Сейчас, насколько я знаю, там ещё не сезон.
— В любой момент.
— То есть торопить счастливчика вы не будете?
— Нет, — сказал Константин.
— Отлично. Значит, победитель успеет купить подходящий купальник.

«Заговаривают зубы, — мрачно подумал я, открывая новую банку пива. — Сейчас либо во всей республике погаснет свет, либо начнётся экстренный новостной выпуск о снегоуборочной кампании в городе». Однако, против всех ожиданий, ничего такого не произошло. Выговорившись, ведущая взяла паузу и, задорно взглянув на Константина, спросила:
— Ну что, крутим?
— Крутим, — сказал Константин.

И они это сделали. Раскрутили барабан с такой силой, что я успел выдуть половину бутылки санкт-петербургского «Хайнекена» прежде, чем ведущая опустила за номерком руку.
— Итак, победителем сегодня становится… Барабанная дробь!
— Надо же, Елена. Заметьте, обладатель какого красивого номера наш везунчик. С таким номером грех было не выиграть.
— Итак, внимание. Номер один ноль ноль один.
— Поздравляю, — сказал Константин.

Я даже подавился чёртовым пивом. Это был наш номерок. Я хорошо его помнил. Я помнил все номера наизусть. А этот — особенно.
— Мы выиграли! — закричал я.
— Как? — не поверила мне жена.
— Вот он. Вот номерок!

Я отыскал в ворохе разбросанных по дивану бумажек нужную и показал её жене.
— Боже! — закричала она.
— Мы полетим на Майорку.
— Боже! — повторила жена.

Не скажу, что мы начали прыгать на месте или конвульсивно дёргать конечностями, но были весьма близки к этому. Не буду заострять на этом внимание. На мой взгляд, проявления радости так же интимны, как чистка зубов и приём пищи.
— Кто же, кто же этот счастливчик? — спросил Константин.
— Геннадий Викторович Левенок.
— Давайте наберём его номер и принесём личные поздравления.

В студии повисла напряжённая тишина. Потом раздался резкий, будь он неладен, зубодробильный звук, которым операторы извещают о том, что абонент недоступен. Что, собственно, тут же проговорил механический голос автоответчика. На лицах ведущих застыла неживая улыбка. Такое явно не входило в их планы.
— Гена, чёрт подери, — прошипел я.

Единственным способом экстренно вытащить Гену из бункера было написать ему в соцсети. Я немедленно это сделал. Боже, я никогда не писал на телефоне так быстро. Наверное, даже Фелпс не проплыл бы за это время пятьдесят метров.

Но Гена был вне сети.
— Ну что ж, — сказал Константин, растерянно посмотрев на Елену. — Без победителя мы не можем закончить эфир. Поэтому мы будем вытягивать номерки до тех пор, пока не дозвонимся до первого счастливчика.

И они снова раскрутили свою адскую лотерею.
— Эй, это нечестно! — закричал я.

Но разве они меня слышали?!
— Что там Гена? Ответил? — спросила жена.
— Какой там! Да это уже без надобности.
— Почему?

Бедняжка. От пережитого стресса она, похоже, перестала ориентироваться в происходящем.
— Смотри, что они делают. Они вытягивают другой номер.
— Не может быть!
— Может, чёрт их дери.

Они действительно вытянули другой номер. Я, конечно, надеялся, что этот номер снова окажется нашим, но, видимо, таких везучих людей просто не бывает на свете.

— Мы победители! Мы! — кричал я, пока ведущие поздравляли какую-то старую перечницу с отвратительным голосом любительницы кислых щей.

Как она могла сожрать итальянской еды на пять тысяч? Это было явной подставой, причём самого дурного пошиба. Она просто не годилась в подмётки нашему Гене. По голосу он был вылитым ценителем средиземноморской кулинарии. Какой там! Будучи полиглотом, он мог выразить свои чувства на чистом итальянском, а потом добить их французским. Они только что лишились чистокровного Мастроянни.

— Нет, — застонала жена.

Я выключил телевизор. Мне не сиделось на месте.

— Отвечаю, пусть он берёт кредит и покупает путёвку.

— Ладно, ничего уже не исправить.

— Не исправить? Да он теперь будет строить нам дом в Зелёном бесплатно.

Мой телефон завибрировал. Гена!

— Да! — сказал я.

— Просил позвонить? — спросил он.

— Разумеется, я просил тебя позвонить, — едко произнёс я. — Ты почему был недоступен?

— Играл блиц с Афанасьевым.

Афанасьев. Афанасьев. Всюду этот гребёный Афанасьев.

— Мы только что упустили из-за тебя штукарь баксов.

— Что такое? — встрепенулся Гена.

Я объяснил ему, что такое. Я высказал всё, что о нём думал. Я любил Гену, но сейчас я его ненавидел. Я также не постеснялся и обрисовал во всех красках личность Афанасьева. Мой монолог можно было легко положить в основу сюжета какого-нибудь скандального телешоу. «Афанасьев и его пешки». Или: «Горбатый конь Афанасьева». Или: «Афанасьев, горбатый ты конь!»

— Да ладно тебе, — сказал Гена, когда я выпустил пар.

— С чего это мне должно быть «да ладно»?

— Фигня. Мелочи жизни.

— Фигня? — спросил я.

— Ты бы лучше взглянул, какая у нас получилась красивая партия.

Великое посольство профессора Петрова

Дверь открыла темнокожая девушка.

— А где Катя? — спросил он.

— Она занята, — ответила негритянка, слегка коверкая русскую речь. — Проходите.

— Простите, но мне нужна Катя.

— Проходите, — повторила девушка, скрываясь в недрах квартиры.

«Вот так номер», — подумал Геннадий Алексеевич Петров, закрывая за собой дверь. Человеком он был культурным — двадцать лет преподавал в институте лингвистику, но свои права всегда защищал с педантичной напористостью. Где нужно, мог накричать, а то и обозвать бранным словом. В общем, в обиду себя не давал, особенно тем, кто был ниже его по социальному положению. Подобные люди, считал он, коль скоро они ничего не добились в жизни, требуют к себе наиболее строгого отношения. Бо́льшая часть их — невежды и должны знать своё место, иначе образованному человеку будут кругом притеснения.

Однако сейчас, хотя проститутки были в общественной иерархии Геннадия Алексеевича существами самыми низшими и осуждаемыми, а нынешний случай ущемления его прав — вопиющим, он промолчал. Говоря напрямую, профессор крайне стеснялся того, что оказался в борделе. Что может быть нелепее ситуации, когда человек идёт в дом терпимости, понимая, что узнай об этом его коллеги по кафедре или, упаси боже, жена — и он будет признан безнравственным человеком и, как всякий такой человек, больше не сможет войти в приличное общество, — и всё же, превозмогая душевные муки, делает это, платя падшим женщинам деньги за ласку?

Геннадий Алексеевич стыдился своего поведения и потому лишь шамкнул носом, переступая порог борделя. Молча раздевшись, он покорно прошёл в спальную комнату, дверь куда заблаговременно отворила перед ним негритянка.

Спальня была небольшой. Почти всю её площадь занимали кровать — двуспальная, с цветочками на покрывале, — и тумбочка. Здесь было уютно и чисто, но как-то неловко.

Девушки заставляли себя ждать, совещаясь на кухне, и Геннадий Алексеевич не знал, что ему делать. То ли сразу раздеться, то ли пока подождать. Кати, чью анкету он с таким тщанием выбрал в Интернете, переворошив с десяток специализированных сайтов, явно не будет, а он настроился именно на неё. Казалось, у него даже возникла некая духовная связь с этой девушкой, такими добрыми были её глаза на фотографии, так ласково смотрела она на него с экрана компьютера. И вот теперь ему нужно было привыкать к новой, совершенно незнакомой девушке, с неизвестно какими глазами.

Встав у окна с огромным, загораживающим весь вид на улицу фикусом, он решил, что должен уйти, если ему не приведут Катю. Он подумал, что нельзя идти на поводу у проституток, что раз он платит деньги, то ему обязаны предоставить надлежащий товар — тот, который он предпочёл сам, а не который ему спихивают за ненадобностью. Ничего не поделаешь, в крови Геннадия Алексеевича была изрядная доля еврейской практичности, и сейчас она взяла в руки вожжи, оттеснив на второй план татарина и поляка, также прописанных небрежной рукой Амура в запутанных генах профессора.

Наконец, когда Геннадий Алексеевич уже намеревался откланяться и даже приготовил прощальную речь, в которой собирался высказать всё, что должен был сказать в самом начале, в спальне появились три девушки. Две светленькие, с испитыми лицами, хмурые и некрасивые, и та темнокожая, что открыла дверь.

— А где Катя?— повторил свой вопрос Геннадий Алексеевич.

— Выбирайте любую. Их как раз зовут Катями,— ответила старшая, светленькая.— Тебя как зовут?— спросила она негритянку.

— Катя.

— Вот видите? Всё как хотели.

— Но позвольте, я ехал к другой Кате, русской! А это чёрт знает кто. Вы мошенники.

— Надо же! А вы где-то встречали святых?

— Безобразие. Я напишу администрации сайта, чтобы вас заблокировали.

— Пишите,— пожала плечами блондинка.

— Мошенники,— повторил в бессильном гневе профессор.

— Послушайте, либо оставайтесь и выбирайте одну из этих двух девушек, либо уходите. Нам некогда выяснять отношения. Неужели вы действительно думали, что за эти копейки получите первоклассную девушку?

Геннадий Алексеевич открыл было рот, чтобы высказаться и по этому поводу, но смолчал. На сей раз причиной была не неловкость. Аргумент денег подействовал на него. И вправду, стоимость Кати была более чем символической для Москвы с её дороговизной. Он решил внимательно осмотреть девушек.

О светленькой, разумеется, не могло быть и речи, уж больно та была непривлекательной, а вот темнокожая… «А она ничего»,— подумал профессор Петров. Невысокая, стройная, в чудовищно пошлом, зато откровенном купальнике — она смогла пробудить в Геннадии Алексеевиче угасший было огнь желанья. «Когда ещё,— продолжал размышлять он,— мне представится шанс побыть наедине с негритянкой?»

Он подумал именно так: «побыть наедине»,— потому что даже в мыслях своих никогда не допускал прямоты в известных вопросах, камуфлируя всё зоологическое в отношениях между мужчиной и женщиной нейтральными фразами. Он ни разу в жизни не «занимался сексом» даже с женой, а по-спартански с ней «ложился спать». В общем, Геннадию Алексеевичу захотелось экзотики. К тому же искать сейчас другой бордель было поздно. Завтра с утра он должен был присутствовать на научной конференции, ради которой и приехал в командировку в Москву из далёкого Екатеринбурга.

Помявшись с секунду, он показал на темнокожую девушку:

— Она.

— Вот и отлично,— ответила старшая.

Все три девушки тут же куда-то исчезли, и Геннадию Алексеевичу снова стало неловко. Он никак не мог решить, раздеваться ему или ещё подождать. К счастью, в одиночестве пребывал он недолго. Вскоре в комнату вошла негритянка. В руках у неё была тряпичная косметичка.

— В душ пойдёте?— произнесла девушка, не поднимая глаз от косметички.

— Пожалуй, нет,— профессор не желал терять время зря.

Через минуту он уже лежал на кровати, а Катя сидела подле, поджав ноги. Её чёрная кожа светилась матовым блеском, отражая тусклый свет окна. Профессор ждал. Его возбуждённая плоть настойчиво просила любви.

И негритянка дала ему эту любовь, приведя Геннадия Алексеевича в блаженный восторг. Боже, как давно у него не было женщины! Разумеется, ночи, когда он «ложился спать» с женой, не считались. Состарившаяся и располневшая, она давно потеряла для него привлекательность; спать с ней было горькой повинностью, которую он отрабатывал как крепостной — неохотно и спустя рукава.

Сейчас же всё было иначе. С этой молодой и стройной африканской девчонкой профессор Петров почувствовал себя вновь молодым. Распалённый желанием, он представлял всевозможные мерзости. Он воображал себя американским рабовладельцем, который насилует свою самую гордую и неприступную из невольниц. Эти грязные и так не вязавшиеся с его тонким, одухотворённым множеством прочитанных книг внутренним миром фантазии разжигали профессора сильнее умелых ласк проститутки. В конце концов, он осмелел до такой степени, что стал вытворять поистине непристойные вещи. Ни один проктолог в мире не позволил бы себе проделать с пациентом подобные вольности, какие совершал над проституткой профессор. Опьянённый страстью, он не давал отчёта в своих действиях, становившихся всё разнузданней ещё и оттого, что негритянка принимала их с отстранённой покорностью, никак не реагируя и ничему не препятствуя. Только иногда, когда Геннадий Алексеевич делал что-нибудь особенно грубое и неприятное, она легонько брыкалась, давая понять, что он переступил грань дозволенного.

Наконец, хрипло вскрикнув, профессор откинулся в изнеможении на кровати.

— Спасибо,— нежно сказал он девушке, отдышавшись.

— Не за что,— грустно ответила та.

Теперь, когда всё закончилось, Геннадий Алексеевич проникся неподдельным участием к негритянке. Он был благодарен ей за то, что́ она для него сделала, пусть даже сделала это за деньги.

Он внимательно посмотрел на неё. Девушка сидела, поджав ноги, и покорно гладила его руками по бёдрам. В её глазах стояли слёзы.

— С тобой всё в порядке? — встревожился он.

— Да, — ответила девушка.

— Ты можешь мне всё рассказать. Тебе нечего опасаться!

— Нет, всё в порядке.

— Тебя удерживают здесь против воли?

Негритянка молчала, потупив глаза.

— Скажи! Я позову помощь.

Девушка колебалась. Наконец она тихо сказала:

— Да.

«Бедняжка! — подумал профессор. — Всё это время она была со мной против желания. Какой ужас. Это ведь, по сути, изнасилование». Вскочив с постели, Геннадий Алексеевич схватил штаны с тумбочки и принялся спешно их надевать, намереваясь немедленно начать действовать.

— Одевайся. Ты пойдёшь со мной в посольство.

— Тише, прошу, — зашептала Катя, прикрывая ему рот ладонью. — Нас могут услышать. Лучше сначала вам идти в посольство один.

— Один? Чтобы ты продолжала здесь ублажать всякий скот! Нет, об этом не может быть речи. Я выведу тебя отсюда немедленно, и никто мне не помешает.

— Пожалуйста… — негритянка заплакала.

— Одевайся! — чуть ли не кричал Геннадий Алексеевич.

— Идти в посольство один, — настаивала девушка.

Как нарочно, за дверью послышался скрип половиц. Негритянка испуганно обернулась. Геннадий Алексеевич тоже покосился в сторону скрипа. Удивительно, но его решимость тут же остыла, словно устыдившись свидетелей. «Пожалуй, девчонка права, — рассудил он. — Зачем мне лишние неприятности? Скорее всего, они не осмелятся ничего сделать уважаемому человеку, и всё-таки лучше не рисковать. Не хватало ещё влипнуть в историю».

— Хорошо, я пойду в посольство один. Из какой ты страны?

— Нигерия.

— Сегодня же я вызволю тебя из этой квартиры.

— Я хочу домой. Пожалуйста, помогите.

Слёзы хлынули из глаз девушки настоящим ручьём, будто до этого их держала плотина. Она не хотела отпускать Геннадия Алексеевича, обхватив его руками за шею.

— Пожалуйста, помогите! Домой, домой.

С трудом успокоив девушку и записав на сигаретной пачке её труднопроизносимую фамилию, профессор вышел из спальни. Он изо всех сил старался делать вид, что ничего не случилось, хотя его сердце щемило от боли и чувства собственной страшной вины. Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько мерзко. Подумать только, через что прошла эта бедняжка! Вероятно, её били, запугивали, прежде чем она согласилась работать на панели. И это в двадцать первом столетии, в самом центре Москвы, недалеко от Белорусского вокзала!

Он улыбался всё время, пока одевался в прихожей. Провожать его вышли все обитатели страшной квартиры: негритянка, две светленькие девушки и незнакомая ему брюнетка. Оказывается, была и брюнетка, которую, видимо, приберегали для более состоятельной клиентуры. Профессор улыбался им всем, клятвенно обещая посетить их в следующий приезд в столицу.

— Что с тобой, девочка? — спросил он Катю, чмокнув её на прощание в щёчку.

Уж больно несчастной та выглядела.

— Не обращайте внимания, — ответила старшая. — Скучает по родине. Сами должны понимать. Ну ничего, вот заработает немного денег и поедет к родным.

— Да, понимаю, — кивал профессор, взявшись за ручку двери.

Оказавшись на улице, он, не откладывая, направился в посольство Нигерии. Любое промедление, как ему представлялось, было бы соучастием в этом гнуснейшем из преступлений. Вполне вероятно, лишь за ним захлопнулась дверь злополучной квартиры, как Катю заставили обслуживать нового посетителя. А сколько ещё предстоит ей вытерпеть унижений, прежде чем сдвинется с места громоздкое колесо государственной бюрократии и девушка будет вызволена на свободу! Может быть, пройдёт не один день, может быть, неделя. Нет, он собственноручно приведёт посла по нужному адресу, если тот будет упрямиться.

«Да, я сделаю это, — подбадривал себя профессор Петров, идя скорым шагом по 1-й Тверской-Ямской, — сделаю, если потребуется. А всё-таки — требуется ли?» — вдруг мелькнула у него в голове трусливая мысль. Ведь идти в посольство лично по столь щекотливому делу означало вручить собственную судьбу первому встречному человеку, возможно, не имеющему ни малейшего представления о чести. Это весьма опрометчивый поступок, который при пристальном рассмотрении стал казаться ему ненужным и даже глупым.

Геннадий Алексеевич закурил, перейдя на прогулочный шаг. Москва загоралась вечерней иллюминацией. Был один из тех вечеров, когда особенно хорошо бродить по парку Горького и ВДНХ. Тёплый весенний вечер, в который даже запертые в глухих пробках люди кажутся не более чем туристами, мирно любующимися видом центра столицы. Постепенно ход мыслей профессора начал меняться, поддаваясь окружающему настроению.

«Не лучше ли написать анонимку? — размышлял он. — Ведь должно же посольство рассматривать подобные письма, раз речь идёт о спасении человеческой жизни?» Задав себе этот вопрос, он без

колебаний ответил на него положительно. У него созрел новый план.

«В отель!—сказал себе Геннадий Алексеевич.— Написать в посольство я могу и оттуда. Обстоятельное, умное письмо, внушающее доверие стоящей за его строками интеллигентной, образованной личностью, которое мне непременно удастся сочинить в спокойной обстановке гостиничного номера». В голове Геннадия Алексеевича уже начали оформляться некоторые намётки будущего обращения. Он мысленно шлифовал их, предложение за предложением, доводя формулировки до совершенства. У него была прекрасная память, позволявшая сохранить каждый речевой оборот, каждый эпитет, каждую метафору и возникавший в связи с этим тонкий подтекст анонимки, без которого было нельзя обойтись порядочному человеку, описывающему такое мерзостное явление, как проституция.

Но через час, поднявшись в номер, профессор обнаружил, что уже поздно и что он смертельно устал после трудного дня перелёта. Только подумать, как быстро идёт время в Москве! Завтра ему предстоял ответственный день, и нужно было как следует подготовиться: перечитать доклад к конференции, погладить с дороги костюм и рубашку, выспаться, наконец. Заниматься сейчас анонимкой—значит, жертвовать своей будущностью. Не слишком ли большая плата за доброту?

«И если б вся проблема заключалась только в написании самого текста,—рассуждал Геннадий Алексеевич.—Ведь, чтобы отправить письмо, необходимо создать новый аккаунт под вымышленным именем. А это займёт уйму времени, которого у меня нет». Для профессора, недавно с блеском защитившего докторскую диссертацию, одно название которой для девяноста девяти процентов людей показалось бы древнеегипетской тарабарщиной, регистрация нового ящика электронной почты виделась сейчас практически неразрешимой проблемой, похлеще доказательства теоремы Ферма или, скажем, создания машины времени.

«Завтра,—сказал себе профессор Петров, горько вздыхая.—Завтра я обязательно напишу, но не сегодня. Всё равно час давно поздний и в посольстве никого нет». С этой мыслью Геннадий Алексеевич лёг в постель и почти сразу уснул.

Утром он почувствовал себя выспавшимся и бодрым. Повязывая галстук и надевая любимый пиджак, он насвистывал весёлый мотивчик.

ДиН симметрия

Николай Оцуп

Осень

Ты не слышала тяжких камней,
Только ветер с моря коснулся
Ситцевых занавесов белых
В окне деревянного дома
Против Тучкова Буяна.
Ты томилась встречей осенней,
И дрожью милой газели
Трепетало лёгкое тело
С родинкой на левой груди!
Жаль, что утром плохо кормили
Голубым электрическим сеном
Добрые стада трамваев,
И они от голода стали,
Грустно глядя друг другу под номер.
Мне пришлось, по талому снегу
Хлюпая, пешком пробираться
К этой густолиственной сени
Голубых с цветами обоев,
К шёлковой мураве дивана!
Нацеди из ключа кувшина
Мне холодной влаги: устал я,
Пробираясь к милой дубраве.
Ах, костёр развела ты в печке!
Сядем на пол, красный от света,
Дай мне руки: осень шагает
По зелёным невским зыбям,
А мы с тобою как будто
Негр и негритянка
Под летним потолком неба
У костра африканской луны.
Ведь для негра мускусный запах
Кожи милой и шлёпающие губы—
Такая же дорога к бессмертью,
Как для меня завиток волос
Твоих—за коралловым ухом;
Где кожа так душно пахнет,
Как дорожки Летнего сада:
Червонной верменой листьев,
В холодеющем ветре поэм,
Осенних поэм,
Елена!

1920

Виктория Татур

Секретная операция

Бабушкино облако

— Бабушка-а,— в длинной ночнушке до пят я ныряю под одеяло,— расскажи сказку.

Прижимаюсь к мягкому, раздобревшему телу, от которого пахнет сеном, молоком и сладким по́том. С шумом втягиваю носом этот запах и готовлюсь слушать.

— Чего рассказывать? Я и рассказывать-то не умею.

— Тогда почитай.

Бабушка тяжело переворачивается на бок и тянется к тумбочке, где лежит потрёпанная книжка с цветными картинками.

— Только не ёрзай!— она надевает круглые очки в толстой оправе.— «Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато, когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и нарвали полные карманы огурцов».

— Бабушка, ты вчера этот рассказ читала и позавчера.

— Хороший рассказ, правильный. Слушай и запоминай.

Я слушаю. И запоминаю. На всю жизнь. И каждый раз боюсь, вдруг этот Котька испугается и огурцы не вернёт. Но Котька храбрый, он всегда огурцы сторожу возвращает.

— Ну, теперь спи.

Бабушка аккуратно вынимает пластмассовую гребёнку из седых волос. И там, у неё в волосах, получаются тонкие бороздки. Она снова поворачивается на бок и выдёргивает провод лампы из розетки.

В темноте я слышу, как она молится, торопливо крестясь:

— Господи благослови, Царица Небесная, Матушка родная.

За окном воет соседский пёс.

— Не к добру,— заключает бабушка.

А я лежу и думаю: какое оно, это недобро? И как сделать так, чтобы оно не наступило?

Мыслями уношусь высоко-высоко в небо. Там становится темно, а я — такая крохотная точка, вот-вот исчезну. И не будет больше ничего. Меня не будет. И бабушки не будет. И так страшно становится. Жутко. Бр-р-р.

— Бабушка,— я прижимаюсь к ней ещё теснее,— а ты правда молодой была?

— Правда.

— Как моя мама?

— Как ты.

— Не может быть!— отвернув одеяло, я сажусь в кровати.

Бабушка легонько тянет меня к себе. Укрывает ноги и тщательно подворачивает одеяло.

— Спи уже,— вздыхает она.— Утром в лес идти, пока ягода добрая, росой напитая.

— А что, бывают злые ягоды?— я натягиваю одеяло до самого носа.

Кажется, соседский пёс перестал выть. Тишина.

— Быва-а-ают,— широко зевает бабушка.— Такие ягоды далеко за горой растут. Баба Шара, которая на хуторе живёт, их по ночам собирает. Сушит, а потом в ступе толчёт. Слова страшные на них наговаривает.

— А потом?— моё сердце колотится. Мурашки по коже пупырышками вскакивают. И даже пальцы покалывает.

— Потом она толчёные ягоды с мукой смешивает и пироги печёт. Узнает, кто из детей по ночам не спит, так их пирожками и угощает.

— Ой,— я вскрикиваю и закрываю руками рот.— Она вчера мне пирожок давала. Я съела.

— Ну вот, вырастут у тебя теперь заячьи уши и нос пятачком.

— А говоришь, сказки рассказывать не умеешь,— я надуваю щёки и вытягиваю губы.

Снова завыл соседский пёс. На чердаке заскребла мышь. Нет-нет да и скрипнут половицы, словно изредка переговариваются друг с другом.

— Бабушка-а,— снова тяну я шёпотом.— А когда люди умирают, они на небо улетают?

— На небо.

— И ты туда полетишь?

— Полечу. Сяду на облако и на тебя смотреть буду.

— Ты только сегодня не улетай и завтра. И ещё долго не улетай, хорошо? А то мне без тебя скучно будет.

— Ну, это уж как Бог положит.

Я чувствую, что она улыбается. Значит, не улетит пока. А сама представляю, как Бог каждому человеку кладёт в тарелку кашу. Кому-то ложку, кому-то две, а кому-то и до краёв. Если ты хороший и добрый человек, тебе Бог много-много вкусной

каши положит. И мне кажется, что её нужно есть не спеша, маленькими ложечками.
— А расскажи, как ты маму нянчила!
— Ой, зыбну люльку об пол и побегу корову доить. Вот и всё,—усмехается бабушка.—Люлька потом долго-онько на пружине качается.
— А тебе не жалко маму было?
— Тогда не жалели. Время другое.
— Какое?
— Трудное.
— А меня тебе жалко?
— Жалко,—соглашается бабушка.—Вот твой дедушка меня всегда крепко жалел.
— За что?
— А ни за что, любил очень, вот и жалел.

Жалеть—значит, любить, думаю я про себя. И мне становится всех-всех жалко. И даже соседа Ваську, который в меня из самодельной трубки черёмуховыми косточками стреляет. Наверное, это из-за того, что у него велосипеда нет, а у меня есть. Завтра днём обязательно дам ему прокатиться.

А рано утром я с бабушкой в лес пойду. Она возьмёт огромную плетёную корзину. А я буду срывать маленькие жёлтые пуговицы цветов пижмы. Кажется, их можно пришить к платью и пахнуть летом. И чем крепче их пришьёшь, тем дольше оно будет.

Но лето всегда заканчивается. А потом ещё одно и ещё.

— Ма-ам, почитай сказку,—просит меня сын.

Мы лежим с ним в той самой комнате. Правда, не осталось дивана, свидетеля наших с бабушкой ночных разговоров. Но на чердаке я нашла ту самую потрёпанную книжку с цветными картинками.
— «Огурцы»,—читаю я название.
— Не-е, про огурцы скучно, давай про машины или про роботов.
— А ты слушай. Слушай и запоминай. Этот рассказ ещё бабушка мне читала.
— Расскажи, какая она была.
— Бабушка?—я задумываюсь.

Трудно подобрать слова, простые и правильные. Наконец нахожу нужное:
— Честная. Бог ей много положил.
— Чего положил? Каши?

Сын смеётся детским заливистым смехом, в котором ещё нет страха и боли утраты. А я закрываю глаза и чувствую, что бабушка, как и обещала, сидит на облаке, смотрит на нас и улыбается.

Крапчик

В тот день я возвращался из школы со своим другом Славиком.
— Таких умных лабрадоров, как моя Лакки, ни у кого нет,—хвастался он.—Я ей говорю: «Лакки, тапки!» Она мигом под кровать залезает или нос за диван суёт, это смотря где я их оставил, и несёт мне тапки.
— Сразу два?—не поверил я.
— Не, ну, сначала один найдёт, потом другой. Вот, ещё я командую: «Лакки, умри!» Она ложится на пол и лапы вверх вытягивает. Такая умора. А больше всего мне нравится, как во время обеда я перед её носом сосиской машу, ну, дразню так. А она отворачивается. Знает: со стола ничего брать нельзя.
— И не жалко тебе её?
— Слушай, Вовка, с собаками строгость нужна. Она знать должна, кто хозяин в доме. Тогда и слушаться будет, и любить.

Я-то знаю, как Лакки Славика «любит». Стоит ему на неё прикрикнуть, она хвост поджимает. А если он замахнётся, так она начинает скулить.

Проходя мимо куста сирени, мы увидели кота. Он замер с поднятой передней лапой и приготовился к прыжку: спина прямая, хвост подрагивает.
— Вовка, смотри,—зашептал Славик,—сейчас птичку поймает.

В кустах раздался тонкий жалобный писк: «Чак… Чак…»
— Брысь!—я прыгнул к коту.

Кот отскочил, удивлённо посмотрел на меня и снова двинулся к кустам.
— Ты чего?—возмутился Славик.—Сильный съедает слабого. Это закон природы.
— А закон человека—сильный помогает слабому!—ответил я и направился в ту сторону, откуда снова донёсся слабый писк.

За кустом в листьях подорожника сидел птенец. Взъерошенный, размером с воробья. Я задрал голову. Хотел найти гнездо, из которого он выпал, но ничего не увидел. Неожиданно птенец отпрыгнул и завалился на бок. Я протянул к нему руку.
— Вовка, да оставь ты его. Он всё равно погибнет.
— Домой его отнесу,—я осторожно взял птенца.

Ладонями почувствовал, как быстро бьётся его сердце.
— Тебе родители не разрешат.
— Сам разберусь!

Славик только пальцем у виска покрутил. Оставшуюся дорогу мы шли молча.

Дома я поставил на письменный стол коробку из-под конструктора, устелил дно кусочками туалетной бумаги и положил туда птенца. Он улёгся на бок и тяжело задышал.
— Ты, наверно, пить хочешь? И есть тоже?

Как и чем его кормить я не знал. И даже не знал, кто он. На воробья непохож, на синицу тоже. Сам серенький, а грудка светло-коричневая с тёмными крапинками. На головке по бокам торчком пух стоит. Ну вылитый недовольный старичок. Да ещё и клюв поджат, точно сердится.

«Чик, чак»,—запищал птенец.
— Сейчас, только посмотрю, как тебя кормить.

В Интернете я много полезного узнал о том, как и чем кормить птенцов. Из чайника налил в стакан воды. Окунул в него пипетку и поднёс её к жёлтому клюву птенца. Сначала он отворачивался, и я его всего измочил, но всё-таки влил ему несколько капель.

Затем сварил яйцо и почистил морковку. Пока её тёр, все пальцы исцарапал. Мелко покрошил яйцо и смешал с морковкой. Осторожно раскрыл птенцу клюв и положил еду прямо в него. Птенец заморгал и проглотил.

— Отдохни пока, а я почитаю, как за тобой ухаживать.

Птенец лёг и прикрыл глаза. А я уселся на кровать и нырнул в Интернет. Так увлёкся, что даже не заметил, как родители с работы вернулись.

— Опять в планшете сидишь?—в комнату вошла мама.

Я испуганно посмотрел на неё и зачем-то спрятал планшет за спину.

— Сходил бы мячик во дворе попинал,—крикнул из коридора папа.

«Чик-чак»,—донеслось из коробки.

Мама прислушалась и подошла к столу.

— Ты посмотри, что твой сын домой принёс!—крикнула она папе.

Он вошёл в комнату и тоже заглянул в коробку.

— Хо, так это слеток,—папа рассматривал птенца.

— Кто?—в один голос спросили мы с мамой.

— Сле-ток. Птенец, который только учится летать.

— А вдруг там рядом его родители были?—спросила мама.

— Я смотрел, никого не было!

— Они бы ему всё равно не помогли,—задумчиво произнёс папа.—Он уже слишком тяжёлый, его в гнездо не поднять.

— Что же нам с ним делать?—мама осторожно погладила головку птенца.

— Я уже всё знаю. Сейчас, только покормлю его,—сказал я и убежал на кухню.

Вернувшись, снова напоил птенца через пипетку. Он уже не отворачивался, а послушно открывал клюв и с жадностью глотал. Потом в ход пошли яйцо и морковка.

Папа с мамой удивлённо смотрели на меня.

— Птенца нужно кормить каждые два часа,—объяснял я, а сам боялся, что родители заставят отнести его обратно.—Давать ему варёное яйцо, пшённую кашу, творог, ягоды и листья одуванчика.

— Вот это да-а,—папа похлопал меня по плечу.—Удивил!

А мама достала с книжной полки энциклопедию о животных.

— Давайте узнаем, что у нас за гость? Сам он вряд ли представится,—она внимательно взглянула на птенца.—Так-так, ты у нас крапчатый и невероятно симпатичный. Хоть и делаешь вид, будто чем-то недоволен.

Я присмотрелся. Вокруг глаз чёрная обводка, поэтому кажется, что у него сердитый вид.

— Ага!—мама пальцем постучала по картинке в книге.—Теперь понятно, что ты за птица.

Внизу была надпись: «*Дрозд-рябинник*».

— Давайте ему имя придумаем,—предложил я.

— Послушай,—папа серьёзно посмотрел на меня.—Птенцу требуется постоянная забота. А у тебя школа.

— Я справлюсь, честное слово,—в горле у меня отчего-то запершило, а глаза заслезились.—Он же… на улице… его кот поймает.

— Ты теперь за него в ответе,—мама положила энциклопедию на стол.

А я обнял коробку и прошептал:

— Тебе нравится имя Крапчик?

«Чик-чак»,—ответил птенец.

Крапчик просыпался в шесть утра. В это время я уже мчался на кухню и готовил ему еду.

В школе я с трудом дожидался конца второго урока. Перемена шла двадцать минут. Я успевал сбегать домой и вернуться обратно.

«Чик-чак-чик!»—чирикал Крапчик, когда я входил в квартиру.

— Вот хитрюга,—я бросал ему в клюв пшённую кашу и свежие листья одуванчиков, сорванные по дороге из школы.

Теперь он совсем меня не боялся. Запрыгивал на мою ладонь и крепко цеплялся за неё упругими лапками.

— Кра-апчик,—я гладил его по головке, с которой совсем исчез пух.

Птенец важно задирал клюв, а потом спрыгивал с ладони и смешно плюхался в коробку. Он всё ещё не умел летать.

Однажды, возвращаясь из школы, я принёс домой ветку сирени. Посадил на неё Крапчика и поднёс к кровати. Взмахнул веткой. Крапчик подпрыгнул, расправил крылья и упал на подушку.

— Ничего, с первого раза ни у кого не получается. Давай ещё попробуем.

Я снова сажал птенца на ветку и взмахивал ею. Крапчик каждый раз падал на подушку, но уже дольше задерживался в воздухе.

Через несколько дней он, наконец, полетел. С моей ладони он перелетал на книжную полку. А потом планировал обратно ко мне на руки.

Однажды, как только кончились уроки и я схватил портфель, чтобы скорее бежать домой, ко мне подошёл Славка:

— Вовка, пойдём мяч погоняем.

— Не могу я. Меня Крапчик ждёт.

— Подумаешь! А мне Лакки выгулять нужно. Но она умная, будет терпеть, пока я не приду.

— А Крапчик терпеть не может, его кормить надо.

— Ну, пойдём тогда к тебе, покажешь своего цыплёнка.

— Это дрозд-рябинник,—пробурчал я.

Когда мы пришли домой, из комнаты раздалось радостное чириканье: «Чак-чик-чак!»

Я скинул кроссовки, вбежал в комнату и подставил ладони:

— Крапчик!

Птенец сидел на книжной полке и раскрывал клюв.

— Ничего себе, летать научился! — удивился Славка.

— Ага, смотри, как он умеет, — я подставил ладони и позвал: — Крапчик!

Птенец наклонил головку вбок, мигнул глазом-бусиной и слетел ко мне на руки. Славка осторожно погладил его спинку.

— Надо заняться его дрессировкой. Тапочки он тебе, конечно, не принесёт. Но должна же от него быть какая-то польза.

— Не нужна мне никакая польза. Я его и так люблю.

— Ну, пусть он хотя бы тебя встречает. Чтобы понимал: хозяин домой вернулся.

Славка схватил Крапчика и пошел в коридор. Я за ним:

— Отпусти его, не нужна нам никакая дрессировка.

— Да ты мне ещё спасибо скажешь! — Славка открыл входную дверь. — Смотри, заходишь в дом и кричишь: «Крап-чик!» — а он вылетает из комнаты и к тебе на плечо садится, как настоящий попугай.

Славка раскрыл ладонь. Птенец взмахнул крыльями и вылетел в подъезд. Сначала ткнулся клювом в стекло на этаже, а затем шмыгнул в открытую форточку.

— Кра-апчик! — я побежал за ним.

Выскочил на улицу и ещё долго звал. Но он так и не вернулся.

— Прости, Вовка! Я не хотел, честное слово, — Славка стоял рядом со мной и, опустив голову, теребил пуговицу на рубашке. — Ну, пока тогда.

И он ушёл. А я сел прямо на землю около рябины во дворе и заплакал. Там меня и нашли родители, когда с работы возвращались.

— Вова! — мама бросилась ко мне. — Что случилось?

— Я… я… я с ним даже попрощаться не успел… — слёзы текли по моим щекам.

— Рано или поздно тебе пришлось бы его отпустить, — папа приобнял меня за плечи и повёл домой.

Вскоре начались летние каникулы, и родители отправили меня в деревню к бабушке. Когда я видел, как воробьи и сойки таскают ягоды с кустов смородины, то сразу Крапчика вспоминал и грустил.

Незаметно лето закончилось, пора было возвращаться в школу. Со Славкой я почти не разговаривал. Никак не мог его простить. Он несколько раз звал гулять, но я отнекивался и уходил домой.

Однажды в начале апреля в квартиру стали настойчиво звонить. «Дзынь, дзынь, дзынь», — дребезжал звонок. Я открыл дверь и увидел на пороге Славку вместе с Лакки.

— Вовка, пойдём скорее!

— Куда? — безразлично спросил я.

— Там… они… — Славка уже сбегал по лестнице. — Быстрее, а то опоздаем!

Я не хотел никуда идти, но всё-таки набросил куртку и вышел вслед за ним. Около подъезда на рябине сидели птицы, серенькие, с тёмными крапинками на бежевых грудках. Их было не меньше пятнадцати. Они клевали засохшие ягоды.

— Давай! — подбодрил меня Славка. — Попробуй!

Я протянул руку и неуверенно позвал:

— Кра-апчик.

В этот момент одна из птиц взлетела и опустилась на мою ладонь.

— Крапчик, миленький мой, хороший, — я гладил его и чувствовал, что сейчас расплачусь. Только теперь от счастья.

Славка стоял рядом и улыбался. Он обнимал Лакки за шею, а она крепко прижималась к его ноге.

Секретная операция

Бабушка страшно огорчилась, увидев в нашей теплице несметные полчища крохотных чёрных муравьёв.

— Ну, я сейчас твоей маме позвоню, пусть на выходных средство привезёт, чтобы муравьёв извести! — сказала бабушка и с воинственным видом вышла из теплицы.

А я ходил вдоль грядок взад-вперёд и думал. Как спасти муравьёв? Так увлёкся, что потоптал укроп, морковку и свёклу. До приезда мамы оставалось всего три дня. Нельзя было терять ни минуты.

Я отправился к соседу Борьке. Он в третий класс перешёл и, наверное, стал уже очень умным. А я только осенью в первый класс пойду.

— Бо-орька! — крикнул я.

Лохматая Борькина голова тотчас высунулась из окна, будто он только и ждал, когда его позовут.

— У меня секретное дело! — ещё громче заорал я. — Можешь выйти?

— Если секретное, зачем так шуметь? Сейчас выйду.

Борька спустился на крыльцо с таким видом, будто его отвлекают от важного дела.

— Чего тебе? — и нарочно широко зевнул.

— Ты про муравьёв что-нибудь знаешь?

— Не понял.

— Ну, что-нибудь особенное про муравьёв?

— Зачем тебе?

— Вот заладил: чего да зачем, — не выдержал я. — Значит, не знаешь!

— А зачем мне знать? Сейчас «о’кей гугл» нам поможет! Только ты всё-таки скажи: для чего? — настаивал Борька.

— У меня секретная операция по спасению муравьёв!

— И зачем их спасать?

— Муравьи забрались в нашу теплицу. Бабушка собирается с ними бороться. А я хочу их спасти.
— Понятно. Сейчас посмотрим.

Борька ушёл в дом, а через минуту вернулся с планшетом.
— Значит, так: «Му-ра-вей»,— он ввёл слово в поисковик.— Ага, нашёл.

Борька читал про себя и хихикал. А мне тоже интересно.
— Давай вслух читай!
— Вот, например, они едят на огороде землянику, овощи и даже цветы! В общем, вредители твои муравьи.
— А мне всё равно их жалко!
— Смотри-ка, у муравьёв куча профессий: строители, солдаты, нянечки. Даже врачи есть, они отгрызают повреждённые ножки у муравьёв, чтоб те не хромали. Ничего себе! А муравьи-листорезы скручивают листья в муравейнике и выращивают из них грибы! О, ещё фермеры есть.
— А фермеры зачем?
— Фермеры тлю разводят. Тля высасывает из растения сок, а потом приходит муравей и начинает её щекотать. А она ему свой сахарный сироп отдаёт. О, а это вообще фантастика!— Борька опять про себя читать начал.
— Мне-то дай посмотреть!
— Да погоди ты! Представляешь, муравьи эту тлю пасут: переносят её с одних растений на другие, а осенью заносят в муравейник, чтобы тля не замёрзла. А в опасные моменты уносят её в своих челюстях!
— Ничего себе, какие умные!— я даже порадовался за муравьёв.
— Ого, смотри! Некоторые жители Африки яйца муравьёв на хлеб намазывают. Это наподобие наших бутербродов с икрой.
— Вот видишь, а если каждый с муравьями бороться или поедать начнёт? Тогда их вообще не останется!
— Да, выходит, ты хорошо придумал, что их спасти нужно. Во, нашёл!— обрадовался Борька.— Муравьи боятся петрушку.
— Да у нас этой петрушки целое море на грядках.
— Тогда головы копчёной селёдки.
— Что, селёдку посадить?— удивился я.
— Да не посадить, а разбросать эти головы рядом с муравьями, и они уйдут. То есть не головы, конечно, а муравьи уйдут.
— Ага, Барсик сорвёт нам всю операцию. Он знаешь как рыбу любит? Нет, тут что-то другое нужно.
— Так-так,— произнёс Борька,— что у нас дальше? Табачный пепел! Его надо в банку собрать и тоже рассыпать там, где муравьи ползают.
— А где я его возьму? Я не курю, бабушка тоже.
— Ну ничего тебе не нравится! Тогда соль. Вон тут пишут: чтобы сделать жизнь муравьёв невыносимой, нужно везде соль рассыпать.
— Зачем невыносимой? Слушай, я к тебе за помощью пришёл, а ты хочешь бедных муравьёв погубить.
— Да тут больше ничего не написано!— возмутился Борька.
— А ты знаешь, что муравьи любят есть больше всего на свете?
— Во даёт!— он покрутил пухлым пальцем у виска.
— Я подумал, муравьям нужно проложить тропинку до леса из того, что они любят. Тогда они по ней уйдут в муравейник. И останутся там жить.

Борька уселся на скамейку:
— Вот ты любишь сладкое?
— Люблю,— пробормотал я.
— Ну вот! А муравьи что, не люди, что ли? Ой, то есть не звери? Я хотел сказать: не насекомые, что ли?
— Ага, спасибо, понял,— закивал я и уже собрался домой бежать.
— Понял он! Давай рассуждать дальше,— сказал Борька с важным видом.— Ты же не проложишь тропинку из конфет? Это тебе килограмм десять понадобится.
— Это да-а-а,— протянул я.
— Торт им тоже не накрошишь.
— Почему?
— А потому! Пока ты его на кусочки разламывать будешь— половину сам съешь!
— Может, и съем,— неохотно согласился я.

И тут Борьку осенило:
— Точно! Как же я сразу не догадался? Сахар! Мы насыплем им сахар!
— Мы? Ты вместе со мной их спасать будешь?— я даже оторопел.

Борька никогда не звал меня с собой играть.
— Конечно! Это теперь наша секретная операция.

Договорившись, что каждый возьмёт из дома сахара сколько сможет, я побежал к себе, а Борька к себе. А когда встретились, у нас получился довольно большой пакет. Вечером моя бабушка ушла домой, а мы незаметно пробрались в теплицу. И стали насыпать из пакета тоненькую белую дорожку. Вышли к грядкам картошки. Перелезли через забор и гуськом, продолжая высыпать сахар, двинулись вдоль старой заросшей дороги.
— А вдруг они его в траве не найдут?— спросил я.
— Найдут!— уверенно ответил Борька.— По запаху.

Вскоре мы очутились у пролеска. Здесь был большой муравейник. Хорошо, что мой дом на окраине деревни.
— Думаю, этот муравейник подойдёт,— решил Борька.— И в лесу стоит, и от деревни недалеко. А соскучатся— будут в гости приходить.
— Нет уж, в гости не надо.

Борька заулыбался.
— Слушай,— я вдруг испугался,— а если муравьи из этого муравейника по сахарной тропинке,

наоборот, в нашу теплицу придут? И там жить останутся?
— Делать им, что ли, нечего? Здесь в лесу гуляй — не хочу, а в теплице твоей особо не разбежишься. Теснота.

Утром я сразу помчался в огород. И как же расстроился, когда увидел лужи. Ночью шёл сильный дождь — весь сахар растаял. А муравьям хоть бы что. В теплице сухо. Они, наверное, съели весь сахар, вон какие довольные ползают! И даже, кажется, подросли за ночь.
— Борька! — снова кричал я под его окном.

Заспанный Борька вышел на крыльцо.
— Ты чего в такую рань? — он с трудом разлепил глаза.
— Пока ты дрых, наша операция провалилась!
— Куда провалилась?
— Посмотри, какие лужи! Сахар растворился.
— Да-а-а, — протянул он и добавил: — Уже четверг. Нам осталось два дня. Будем думать.

Мы сели на скамейку и начали думать. Вокруг стояла тишина, только изредка где-то лаяли собаки да кричал чем-то недовольный петух.
— А давай, — встрепенулся Борька, — про лес им расскажем, про муравейник! Картинки покажем всякие. Может, они и не знают, что есть другая жизнь?

Он взял планшет, и мы отправились в теплицу. Нашли видео про строительство муравейника. Борька громко рассказывал, как в лесу хорошо живётся, как там просторно. Не знаю, слушали его наши муравьи или нет, но планшет они облепили и с интересом по нему ползали. Изучали, наверно. Затем Борька попытался забрать планшет, аккуратно смахивая с него муравьёв. И один его всё-таки цапнул.
— Ай, — взвизгнул Борька, — я тут его спасаю, а он кусается!

Я захохотал, но тут же сам взвизгнул, растирая укус.
— А нечего над другими смеяться! — наставительно произнёс Борька. — Я вот читал, что бывают муравьи-пули, у них яд больнее, чем укус осы. Индейцы в некоторых племенах вплетают их в перчатку, сделанную из листьев, и надевают её на руку маленьким мальчикам. Так они воспитывают в будущих мужчинах стойкость.

Мы внимательно посмотрели на суетящихся муравьёв, но решили не испытывать себя на стойкость. На всякий случай мы снова проложили тропинку от теплицы до муравейника, только теперь не из сахара, а из кусочков яблок.

В пятницу утром я снова побежал в огород. Сначала проверил тропинку в грядках. Но там уже не было ни одного кусочка яблока. Тогда я помчался в теплицу. И просто застыл от удивления. Муравьёв стало ещё больше. Они облепили яблоки, и, казалось, за одну ночь размножились в тысячу раз. Я скорее бросился за ведёрком и лопаткой. Сложил туда остатки яблок и выбросил их подальше от дома. А потом догадался, что яблоки на тропинке склевали бабушкины куры. Они у нас гуляют где им вздумается.
— Бо-о-о-орька! — кричал я.
— Ушли? — из окна высунулся Борька, уже умытый и причёсанный.

И мы снова сидели у него на крыльце, повесив носы, и снова напряжённо искали выход.
— Может, они мясо любят? — неуверенно сказал Борька.
— Ага, с кетчупом и майонезом!
— Ну не жареную же картошку? — не унимался он.

За весь день мы так ничего и не придумали. Вечером сидели с Борькой уже на моём крыльце. Вдруг я увидел, как рядом со мной по скамейке ползёт муравьишка. Он казался очень печальным и одиноким.
— Потерялся? — я подставил ему палец.

Муравьишка забрался на него и радостно тряхнул усиками.

Тут как раз бабушка вышла с миской пшена:
— Пойди курочек покорми.
— Ага, — кивнул я, — сейчас.

Я взял миску одной рукой, а на другой сидел муравей.
— Давай сначала домой его отнесём. А то уже темнеет, ему одному страшно будет.

В теплице я поставил миску пшена на помидорную грядку и осторожно поднёс палец к земле. Муравей проворно спустился по нему и побежал к своим друзьям. Мы с Борькой ещё немного посидели и понаблюдали, как муравьи уходили в норки — спать, наверное. Тут я махнул рукой и… просыпал всё пшено. Теперь точно от бабушки влетит.

Как мы ни старались собрать пшено, но оно ещё больше проваливалось в землю.
— Давай завтра утром его соберём. А то сейчас уже не видно ничего, — предложил Борька.

Я согласился и с тяжёлым сердцем пошёл домой. Завтра мама привезёт средство для борьбы с муравьями.

Ночью сквозь сон я слышал, как недовольно кричал наш петух. Наверное, возмущался, что я так и не покормил его вместе с курами.

А на следующее утро Борька первый прибежал к моему дому. Я ещё даже как следует не проснулся. Мы отправились собирать пшено, пока бабушка ничего не обнаружила. На грядке в теплице всюду виднелись крохотные жёлтые зёрнышки. И — ни одного муравья. Исчезли, будто провалились.
— Не может быть! Неужели ушли?

Я не мог в это поверить.
— Получилось! — радостно закричал Борька и тут же на всякий случай поковырял в земле пальцем — никого.

Я обежал вокруг теплицы. Заглянул под каждый листочек, но ни одного муравья не было!

Довольные, мы сидели у меня на крыльце и ждали мою маму.

— Ничего себе, пшена испугались! — радовался Борька.

— А я люблю пшённую кашу.

— И я люблю, — признался Борька.

— Вот с чего нужно было начинать! — осенило меня.

— С чего?

— С того, что муравьи больше всего на свете не любят!

— Как думаешь, они в лес ушли?

Вдруг калитка отворилась, и во двор трусцой вбежала Борькина бабушка. Она тяжело привалилась к столбу, чуть отдышалась и взволнованно произнесла:

— Боря! Идём скорее. У нас в теплице муравьи завелись.

От неожиданности Борька свалился с крыльца. И, сидя на траве, ошалело смотрел то на бабушку, то на меня.

Литературное Красноярье ∴ ДиН стихи

Анна Цыглер

Вдыхай весну!

Снегири

Продержаться бы день, да ни шагу назад,
Только б сердце по-прежнему билось!
Что за шарики там алой стайкой летят,
Ожерельем на снег опустились?

Мои птиченьки милые, гости зимы,
Снегирёчки, сердечные други!
Не боитесь вы лютых погод кутерьмы,
Ни сибирских морозов, ни вьюги!

Когда тускло, уныло январской порой,
Нет ни сил, ни тепла, ни просвета,
Серый будничный день вмиг раскрасят собой
Ваши грудки морковного цвета!

● ● ●

Намедни — всё белым-бело.
Зазеленело, ожило,
И шапки с елей унесло,
Зима ушла куда-то…

Опять щебечут в вышине,
И допоздна не спится мне,
И снова у меня в окне
Красивые закаты!

Вновь первоцветы родились,
Из каждой почки «лезет» лист,
А воздух так прозрачно-чист,
Довольный коршун реет…

Так ждали все — и вот оно!
Дожили! Выгляни в окно!
Беги с ручьями заодно,
Вдыхай весну скорее!

Листок

Я — этой осени листок.
Как появился я, откуда?
Премудрое какое чудо:
Я из набухшей почки — щёлк!

Я — этой осени листок,
И к жизни есть моё стремленье,
Я — чьей-то мысли воплощенье,
Во мне энергии поток!

Я — этой осени листок.
Я возрастал, согрет лучами,
Полит и закалён ветрами,
Во мне бежит по жилам сок.

Я — этой осени листок.
Я — часть неведомого плана;
Узна́ю поздно или рано,
Ну а пока мне невдомёк.

Я — этой осени листок,
Уж позолотой покрываюсь,
Но до конца держусь, стараюсь,
Ещё не время мне, не срок.

Я — этой осени листок,
Я — мира малая частица.
Как можно мной не восхититься?!
Ты разгляди меня, дружок!

Сати Овакимян

Без любви

Карантин, день 1

Мои дороги не ведут в Рим. Площадь моих дорог составляет пятьдесят квадратных метров. Из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни в коридор—ванную—туалет. Пожалуй, всё. Это мой лабиринт: узкий, кривой и нескончаемый. В моём лабиринте внезапно появились другие—члены моей семьи. Когда пятеро взрослых и один малолетний встречаются вечером после работы—это ничего, но сейчас мы вынуждены видеть друг друга с утра до ночи, днём и вечером, каждую минуту, секунду встречаться взглядами, слышать, взрываться, орать, ненавидеть и показывать своё отношение друг к другу. Я хочу ускорить это чёртово время, хочу утопить все маски, павильоны новостей, откуда бесконечно передаются слова «карантин», «пандемия», «коронавирус». На столе появляются тарелки, хлеб, запечённая курица и спагетти. Мы взяли стол в окружение, наши мысли тянутся так же, как спагетти из тарелок переходят в наши рты. Острые зубцы вилок терзают уже дохлую и запечённую птицу, которая так никогда и не успела взлететь. Мать сердито смотрит на отца: «Жуй тише». Отец взглядом Минотавра отвечает матери: «Ты поешь, мы уж потом поговорим».—«Ну хватит уже»,—сестра повышает голос, брат угрожающе перебивает: «Когда же я уйду от вас? От вас невозможно избавиться. Это полный дурдом!» Мой сын плачет, а затем подключается к другу: «Сейчас кого убивать будем? Запри его в ящик, чтоб не смог выйти. Хана, хана, хана!» Кладу в рот спагетти, чтобы не вмешиваться. Я, кажется, температурю. Видимо, на нервной почве. «Апчхи!»—чихнула мать. «Ничего себе, не хватало, чтобы ты заболела и нас заразила»,—усмехается сестра, вместо того чтобы пожелать здоровья, и считает, сколько ещё нам предстоит сидеть дома. «Обычная история. Надо же было так наказать человечество! Труп на трупе, видимо, все умрём. Вон, в Италии ни души, все, все помирают»,—констатирует брат и уходит к себе в спальню—дорисовывать цикл картин «Горгона». «Что-что?»—переспрашивает сестра и хохочет как сумасшедшая. «Бездарным коровам знать не дано, ты разбираешься только в искусственных цветах, подаренных твоим таксистом»,—колко отвечает брат. Они кричат друг на друга, отец матерится, мать плачет. Чувствуется, как они любят друг друга.

Карантин, день 4

«Вот, все умирают, нет Европы. Конец»,—жуя и одновременно глядя в телефон, говорит отец. Я дрожу. Я хочу залезть под стол, как в детстве, когда наивно думала, что так мать не сможет найти меня, я хочу проснуться из этой реальности, хочу найти выход из своего лабиринта и уехать к своему возлюбленному, который ждёт меня в Риме. Да, в отличие от своих домочадцев, я безработная; я никогда не работала. Успела лишь окончить школу, университет, выйти замуж, родить ребёнка, развестись, вернуться обратно. Вернуться, сидеть, ждать, ждать, крепко сидя на стуле, дать название своему перформансу: «Растить ребёнка». Растить, растить, ребёнок всегда нуждается в опеке, опека требует времени, нужно отложить свои требования. Безработная не имеет права слова, не поднимает голоса, разведёнка—в особенности. Я разведённая и безработная женщина. Как говорит сестра, «классическая паразитка». Я, конечно, не знаю, чем отличается классическая паразитка от неклассической, но она денно и нощно работает (как и остальные члены моей семьи), кормит нас с ребёнком, и я вынуждена делать вид, что ничего такого не слышу. Хотя однажды не сдержалась. Несколько дней назад сын мне сказал: «Ты мне не указывай, делать уроки или нет, классическая паразитка!» Я вышла из себя и дала пощёчину; видимо, получилось слишком сильно, потому что все мгновенно собрались вокруг нас изо всех углов и начали обвинять: «Невоспитанная вырастила невоспитанного!»

Карантин, день 6

Мои слёзы больше не умеют течь снаружи. Они капают поперёк и застревают там, внутри. Прячутся. Как я, от этого мира. Сильные мира устали от своих граждан, граждане—от своих начальников, начальники—от работников, работники—от своих супругов, супруги—от детей, все отказались друг от друга. В итоге не только Дания, как писал Шекспир, но и весь мир превратился в огромную тюрьму. Я в своей тюрьме угвоздилась на маленьком

стуле рядом с окном, перед ноутбуком. От нас только Интернет не отказывается. Пока он новенький, не очень-то разбирается в людях. У меня задание: написать рассказ для одного журнала. Сестра смеётся: «Напиши-ка ты про таких же классических паразитов, авось полюбишься читателям, ко всему прочему, ещё и эмигрантка, будет от тебя хоть какой-нибудь толк». Мне захотелось поставленную перед ней тарелку разбить о её коровью морду, но тарелку стало жалко. У нас всего шесть тарелок. Если разобью, из чего же тогда буду есть?

Карантин, день 8

В нашей маленькой московской съёмной квартире к основным членам семьи добавился ещё один — премьер-министр Армении, который, периодически заходя в лайв, появляется среди нас. Это невыносимо. Можно подумать, что отец делает это намеренно, последовательно следя за нашей реакцией. В ответ на это брат демонстративно включает арии из «Нормы», сестра якобы случайно вспоминает, что должна заняться шейпингом, пока не растолстела, и под непонятные ритмичные звуки, тряся своей огромной задницей, начинает опускать и поднимать грузное тело (она думает, что в её тридцать пять шансы на замужество и беременность сошли к минимуму, из-за чего часто раздражается). Тогда брат, который младше её на пять лет, кричит из спальни: «Ну не делай так, худые коровы приобретают болезненный вид». Я начинаю смеяться, и это моя самая большая ошибка, поскольку все вспоминают, что существую я, младшая в семье, в реальности —двадцативосьмилетняя женщина, смех которой раздражает всех.

Карантин, день 10

Если карантин продлится ещё месяц, думаю, многие семьи с любовью уничтожат друг друга, ведь невыносимо, когда в одном месте собирают людей, друг друга ненавидящих, и заставляют их оставаться дома. Мать заранее закупилась продуктами. Нет никакой необходимости выходить из дому. А если кто-нибудь из нас заболеет, вот тогда начнётся настоящая драма. Никто из нас не имеет гражданства, а срок регистрационных документов уже два месяца как истёк. «Хватит истерить. Кто проверять-то будет?» — говорит отец. Режущий слух голос премьер-министра вновь распространяется по квартире.

Карантин, день 15

Мой ноутбук — моё спасение. Это моё окно в мир, где воздух более чистый, где нет надобности носить медицинские маски, где все… ладно, не все, но некоторые любят меня. Среди них мне сразу понравился он, Марчелло, который живёт в Риме. На самом деле он русский по имени Миша. Он такой же эмигрант, как и я, бесконечно ищущий свой жизненный путь, цели, свою любовь. Я представила себя с бокалом шампанского, смеющейся и танцующей в фонтане Треви с Марчелло, конечно же, не с Мастроянни. Эмигрантам приходится несладко. Марчелло тоже нельзя выходить из своей маленькой съёмной квартирки. На стройке сейчас делать нечего, остаётся сидеть взаперти и рисовать. Он рисует облака. Большие, кучевые, слоистые, перистые, разных форм и оттенков. Правда, мне было не по себе, когда он показал непонятно куда движущееся облако загнутой формы и добавил, что перистое облако на картине — я. Признаюсь, было досадно, но потом я остыла и подумала: лучше быть перистым облаком, чем классическим паразитом. Он признался в любви. Это окрыляет.

Карантин, день 22

Сын постоянно сетует: «Когда вырасту, и тогда нельзя будет выходить на улицу?» Продукты питания постепенно заканчиваются. «Пораньше ложитесь спать, чтобы тратить меньше электроэнергии и мало есть», — наставляет мать. Я стараюсь меньше питаться, меньше общаться, меньше думать. Мать наводит порядок в шкафу. И так каждый день. В день два раза. Впечатление, что выводит своих собачек на свежий воздух. Это очень смешно, но и печально. По вечерам она достаёт своё красное платьице, которое в последний раз надевала в трёхлетнем возрасте. «Дети, я ведь тоже была ребёнком, вот в этом платьице, взяв за руку свою маму, возвращалась из детсада домой. Меня любили, угощали конфетами. Я устала от своей жизни, я хочу вернуться в детство. Каким хитрым волком ты оказался на моём пути? Апчхи!» Отец, распространяя дым сигарет, из кухни появляется в гостиной. «Неблагодарная ты! Опять начинаешь, опять… Не устала от своего архива? Хочешь, катись ко всем чертям, тебя никто не задерживает». — «Ты мне должен, верни мою жизнь, ты сожрал её и спрятал в своём огромном брюхе!» — отвечает мать. Слёзы опять тихонько начинают укладываться в еле заметные дырочки вязки. Ссора начинает набирать обороты, детство матери борется с хладнокровием отца. В неравном бою побеждает появление брата с картинами «Обычная пандемия». На картинах — клетки с открытыми дверцами, а внутри клеток — трупики птиц и животных. «А нет ли среди них колибри?» — спрашиваю я. «Нет, они и без того наказаны, что такие маленькие, я их пощадил». — «Маленькие, как мама, наказанные, как мама, хи-хи, хи-хи!» — хлопает в ладоши, покатывается со смеху сын, поднимая волну хохота в доме.

Карантин, день 23

Я каждый день кормлю голубя. Он залетает на балкон и своим воркованием зовёт меня. Оказывается, Марчелло тоже кормит голубя. Мы решили, что

это наш почтовый голубь, единственный реальный свидетель нашей виртуальной любви. Я стараюсь быть по возможности предусмотрительной. Вдруг подумают, что я делюсь нашим хлебом с какой-то птицей? Ведь нам и самим не хватает еды. Сегодня утром заметила, как сын тайно следит за мной (когда мне было восемь, я не была такой), но сделала вид, что не замечаю. Не хотела поднимать лишний шум. Он вскоре ушёл со своим телефоном—наверное, опять взялся уничтожать виртуальных врагов. Я понимаю, что слаба как мать, женщина, дочь, человек, в конце концов, надо быть более принципиальной и смелой, надо менять свою жизнь. Когда всё это закончится, я обязательно изменю свою жизнь. Возьму свой маленький чемодан, сына, поблагодарю своих родных и уеду в Италию. Да, именно к нему! А если сын заупрямится, не захочет уехать со мной?.. Нет, тогда я не смогу оставить его и уехать одна. И не смогу не уехать…

Карантин, день 25

Я продолжаю писать. Литература—самый приятный наркотик, оправдывающий существование таких самоизолированных, как я. Наша жизнь находится на грани снов. Это немного страшит, так как сейчас на нашей планете все до единого видят один и тот же сон. Это как если в тёмном зале кинотеатра включить фильм определённого жанра и заставить всех смотреть именно этот фильм. Я так и не полюбила кино. Моя любовь—театр, порывистый и искренний, без лживых монтажей, сцен, снятых общим, средним и крупным планом.

Карантин, день 26

Мать снова плачет. Все кричат друг на друга. Я предложила ей стакан воды и попросила открыть мне сердце. Она посмотрела на меня блёклым взглядом, своей пухленькой рукой прикрыла мою костлявую руку и сказала, что всегда мечтала с концертами игры на арфе выступать в разных странах, чтобы ей аплодировали и дарили цветы. «Мам, так у тебя есть музыкальное образование?» Она на пару секунд задержала взгляд: «Девочка моя, мечты не требуют образования».

Карантин, день 30

Пока все спят, я решила испечь хлеб. Если правильно рассчитала, то мы сможем испечь ещё десять буханок хлеба, и всё. Надеюсь, что через десять буханок нас выпустят на свободу. А пока закрыты всевозможные границы мира, я смело перехожу границы Интернета. Моя итальянская любовь на фоне всеобщей боли нашла другую боль—это я. Я начала ныть, что одиночество грызёт меня, что я больше не могу так жить. Он улыбнулся своими небесными глазами и произнёс: «Нас с детства учат быть ответственными за других людей, но не учат брать ответственность за своё одиночество». Находясь в окружении своих картин с облаками, он показался мне более далёким и очень любимым. «Опять ты куришь»,—улыбнулась я. «Выкуриваю своё счастье». Я поняла, что ожидание чудес и скрытые мысли опустошают нас…

Карантин

У нас пока ничего не изменилось, если не считать, что ссоры и затишья стали более беспорядочными. Большое затишье следует за большой ссорой, а потом снова собираемся на кухне, за столом продолжаем незавершённые разговоры прошлых лет. Слова, мысли, воспоминания, словно эстафетой, передаются от одного к другому, это продолжается до тех пор, пока все не поймут, что истощены, и потихоньку не покинут поле битвы. И опять включится премьер-министр с повесткой дня, со сложной арифметикой смертей и выживших. «Я больше не в силах терпеть это. Мне хочется на родину»,—говорит отец. «Эх, а кто тебя держит-то?—обиженно отвечает мать и продолжает:—Остаётся понять, где ты жить собираешься, и всё». И всё. Все вспоминают наш проданный дом, чистый воздух, оранжевое солнце, наш переезд, ожидание и надежду, веру, спрятанную за медицинской маской, а ещё—наши просроченные документы…

Карантин

Уже два дня, как Марчелло сильно грустит. Он сказал, что цикл «облаков» пополнился кучево-дождевыми облаками. Показал. Мне не понравилось. Он понял. Я не умею скрывать свои эмоции. Он сказал, что дождевые облака приятны лишь земле. Заметила, что он отощал от голода, но он продолжал говорить о нашей любви, границах, которые очень скоро откроются, о солнце и воздухе… Мать снова обняла своё красное платьице и опять продолжает требовать у отца свою слопанную жизнь… «Апчхи!»…

Карантин

Сегодня я почти весь день спала, только к вечеру сестра разбудила: «Вставай, ужин готов». По правде говоря, я не хотела есть, не спеша зашла на кухню. Я еле удержалась за стену, чтобы не упасть. Хотела закричать, но голос куда-то пропал. Застыла на месте. На стол в овальной тарелке положили моего голубя. Острые копья вилок вонзились в его тело. Я смогла лишь повернуться и войти в туалет, затем обеими руками схватиться за унитаз… Меня словно никто не видел и не слышал. Когда выходила оттуда, до меня донёсся восторженный голос сына: «Дедушка, ты такой крутой! Как тебе удалось, а? Смотри, за несколько часов столько лайков собрали!»—«Да уж, мальчик мой, не каждому удаётся крысоловкой поймать птицу. Ты ешь, набирайся сил, нам ещё много всего предстоит сделать…»

Александр Евсюков

Пёс с ней

У Тани в жизни будет несколько собак, хотя ни одну из них она и не подумала бы заводить нарочно. Ни разу она не поедет в питомник для придирчивых осмотров перед выбором щенка и не станет платить за него деньгами, чтобы забрать с собой в специальном такси с услугой перевозки домашних животных. Нет, каждая её собака будет объявляться сама, каждая протяжно заглянет в глаза и вдруг привяжется невидимой пуповиной к сердцу.

Однажды весенним днём Таня вышла с переполненным ведром к мусорке. Солнце ласкало кожу теплом, но из-за угла налетал резкий ветер, и приходилось всё время держать ведро так, чтобы все эти обрывки газет, тонкие картофельные очистки и луковая шелуха не разметались по асфальту. Сама эта странная погода внезапно напомнила Тане, что ей уже больше двадцати и она теперь живёт в другой стране, у которой скукожились границы, где отменили комсомол и где теперь есть секс. Даже слишком много секса.

Именно из-за этого они снова поругались с Вадимом. Его дела так резко пошли в гору, что теперь пришёл черед «Мерседеса» вместо привычного «Москвича-2140». А ещё он завёл себе другую — крашеную блондинку с рыбьими глазами и хрипловатым грудным смехом. И Таня, узнав об этом, наконец-то решилась всерьёз с ним поскандалить, но как-то быстро ослабела и уже через десять минут сама не верила своим словам. Она то переходила на визг, то, наоборот, что-то мямлила, повторяя одно и то же, и никак не могла надолго поднять взгляд. Вадим отвечал отрывисто, но уверенно. Да, он её муж, но он человек нового времени, он идёт к успеху, у него теперь другой статус, и ему необходимы свободные отношения. Положена мне любовница, понимаешь?.. Пока не привыкла, можешь пожить отдельно. Нет, не привыкну, Таня по одному выталкивала из себя слова. Тогда — вот, и Вадим шлёпнул по столу пачкой купюр.

Она застыла с гримасой презрения и му́ки. Но когда муж вышел, Таня, пометавшись по комнате, как по чужой и незнакомой территории, всё-таки забрала эти деньги — никаких других у неё не было. Их хватило на два месяца съёма квартиры, а ещё на большой мешок гречки, запас мясных отходов и субпродуктов.

Таня перевозила свой скарб на садовой тачке с одним колесом. Трижды выталкивала её в горку среди бела дня и трижды, погромыхивая, скатывала обратно. Когда с Таней здоровались, она едва слышно отвечала и очень старалась сделать вид, что так и надо, а она занята самым обычным, всем понятным делом. Затем всё разложила и развесила на новом месте. Вымыла пузатый пустой холодильник и оконные стёкла. Отскребла полы, перестелила кровать. Включила старый телевизор с рябью на экране и с жутко скрипящими голосами. Ходила-ходила-ходила по комнате и кухне взад и вперёд, два шага влево к телефону, потом три вправо, и уже готова была взвыть.

На второй такой вечер Таня не выдержала. Сначала позвонила подруга Нина, которая собиралась её навестить, но теперь сообщила, что сможет забежать только завтра. Таня глухим голосом ответила, что всё понимает. Она ещё постояла, замерев, а потом достала обтягивающее тёмное платье, которое ни разу не надевала после замужества. Приготовила туфли на самом высоком каблуке. Во всём этом Таня чувствовала себя совсем другой. Сосредоточенно, как индеец перед выходом на тропу войны, накрасив губы и подведя ресницы, она пошла в ближайший бар.

Там гудела оглушительная музыка. Рядом со стойкой переминался парень, похожий и не похожий на Вадима. Выше, стройнее и, кажется, без лишних понтов. Совсем ещё трезвый и пока застенчивый. Таня приблизилась к нему и заговорила. А он, кажется, не верил происходящему и с усилием решался на каждое слово.

— Угостишь меня коктейлем? — подсказала Таня.

— Да-да, — засуетится он.

«Какое же гадостное пойло», — думала Таня и отворачивалась, чтобы скривиться украдкой.

— Тебя как зовут-то?

— Ваня…

— А я — Та… Тамара.

— Царица?

— Сегодня — да. Пошли танцевать, — махнула она рукой изумлённому парню.

Они потанцевали. Ваня двигался в такт, но тело казалось отдельным от взгляда и лица. Надо

было влить в себя ещё три коктейля и два джина без тоника — тогда всё стало лёгким и насыщенным одновременно. И только музыка… музыка… музыка! Как же всем весело… Как же?..

Теперь она купалась в этих жадных мужских взглядах. Танцевала, не прерываясь, долго-долго, отшвырнув туфли, плясала, стремясь выплясать босыми ногами, выдернуть с корнем всю эту боль, которую пришлось взращивать и носить в себе. Потом в изнеможении споткнулась, и чьи-то руки крепко и надёжно её подхватили. Не хотелось вглядываться и узнавать, чьи они. Не было сил спрашивать, куда её ведут, уводят, увлекают. Это точно был не Ваня, нет, кто-то опытный и сноровистый. Не терпящий долгих заминок, способный срывать одежду и сжимать тело до хруста. Вокруг пульсировала жаркая темнота. Платье задрано кверху. Кто-то безымянный делал своё дело, ритмично посапывая. Она не сопротивлялась, чувствуя, что сейчас могло быть только так. Да, ближе… да, вот так… да, без нежностей… только бы знать: ей тоже что-то положено! И чтобы всё уже закончилось скорее.

Она, пошатываясь, встала с влажной скамейки. Животу и ногам стало холодно.

— Проводить?

Какой противно-самодовольный у него голос!

Она, не глядя, отмахнулась. Босиком добрела до нового дома, поднялась на свой этаж и упала на диван. Не получалось ни сдвинуться, ни уснуть. Из-за стены отчётливо доносилось стариковское кряхтение. На другом конце комнаты часы пульсировали странными звуками. Дважды включался и замирал холодильник. Тело болело. В душе стало совсем пусто. Так и пролежала с закрытыми глазами до трёх часов дня.

В три часа явилась подруга Нина. Не разуваясь, она энергично прошлась по комнате, выглянула с кухни во двор и присела к столу выпить чаю. Печенье у неё было с собой. Таня чувствовала, что подруга настроена выслушать про их разлад с Вадимом. Но сегодня она не могла об этом говорить. Надо было либо делиться всем, как на исповеди, либо не заговаривать вовсе.

Нина, понятное дело, удивилась её сдержанности, но постаралась не подать вида. Перевела разговор на свою работу — она не первый год трудилась кинологом. С собаками Нина была требовательной, а с людьми деликатной. Окончательно поняв, что откровенного разговора сегодня точно не случится, она двумя глотками допила чай из чашки и тут же вспомнила, что именно сегодня ей надо зайти на почту. На прощание она раскрыла сумку и протянула Тане книжку в чёрной обложке с большими белыми буквами: «Мишель Нострадамус. *Центурии*».

— Вот, почитай. Там про будущее — ничего не понятно, но очень интересно.

Таня приподняла и перевернула ведро над мусорным баком. И тут же заметила его — высоченного тощего дога с потерянным взглядом. Его нельзя было не заметить. Он выглядел аристократом, доведённым до последней крайности. Бока ввалились, а рёбра выпирали, едва не протыкая шкуру. Дога пошатывало от голода. Он принюхивался к целлофану и картофельным очисткам. Неподалёку в пыли лежала толстая кость.

Вдруг он заметил Танин взгляд и резко вскинулся, как от пощёчины. Всё это было для него позором. Таня осторожно приблизилась. Негромко поцокала языком, пальцами дотронулась до загривка. Он дал себя погладить, безучастно уставившись в точку.

— Ну, хороший мой, пошли, пошли, — позвала его Таня.

Дог медленно оглянулся и последовал за ней. В подъезд он вошёл первым. На площадках останавливался и спрашивал взглядом: здесь? Они поднялись на третий этаж. Таня раскрыла перед ним обе двери, вторая была полупрозрачной и открывалась внутрь. Подозрительно озираясь и принюхиваясь, пёс вошёл в квартиру.

— Как тебя звать-то? — спросила Таня.

Дог приподнял голову и коротко стукнул хвостом.

Таня тут же закинула мясо в самую большую кастрюлю, залила её водой, досыпала гречки и стала варить. Под крышкой забурлило. Запах распространялся всё сильнее. Дог сидел в коридоре, но вытягивал шею на всю длину и нетерпеливо заглядывал в кухню.

Насыпав дымящейся мясной каши в большую миску, Таня немного выждала и наклонилась, чтобы поставить её на пол. Дог не мог дольше сдерживаться и рванулся к еде. Тане показалось, что ещё горячо, и она выставила вперёд свободную руку. Пёс глухо зарычал, оскалив зубы.

Таня со стуком выпустила миску и медленно сползла по стене, неотрывно глядя на ощеренную морду сквозь мутную пелену нестерпимой обиды. Снизу вверх. Она вдруг вспомнила, как подруга-кинолог Нина предупреждала, что допускать такого нельзя никогда: любая собака, посмотрев сверху, чувствует себя вожаком, хозяином положения. Но Таня уже ничего не могла с собой поделать. Все слёзы последних месяцев прорвались наружу.

— Ах ты! Т-такой же-е-е… как все мужики! Я тебе мясо варю… покормить хотела… Уйди от меня, убирайся отсюда!

Он никуда не ушёл и не накинулся на еду. Его взгляд будто прояснился. Он сел рядом и вылизал её лицо своим тёплым шершавым языком.

Прошло три месяца. Дог, которого Таня назвала Малышом, поправился. Он резво сбегал по ступенькам, носился по двору, по улицам и парку, чудом вписываясь на длиннющих лапах во все повороты. Иногда осторожно вставал на задние

и заглядывал Тане в лицо. Дома он всегда ложился на коврик, а если передвигался, то с крайней предупредительностью.

Таня выходила из квартиры всё с тем же ведром. Она едва успела прикрыть вторую дверь с полупрозрачным стеклянным окном и задвинуть шпингалет снаружи, когда заметила незнакомого мужчину лет под пятьдесят, с седыми волосами по плечи, который поднимался к ней на площадку. С его правой руки свисал потёртый поводок с пустым ошейником.

— Это вы из десятой квартиры?—зацепившись прищуренным взглядом, хрипло спросил он.

Тане показалось, что он нарочно протрезвел ради их встречи. И всё-таки при каждом раскрытии рта и шумном выдохе до неё докатывалась волна перегара

— Да,—подтвердила Таня.—А вам кого?

— Это вы мою собаку себе забрали? Чёрного дога?

Таня поняла, что перед ней хозяин Малыша… или как его звали раньше? Она не знала, что ответить. Врать бессмысленно. Все соседи подтвердят, а тётка напротив точно всё выболтает.

— Так вот—собака моя,—продолжил мужчина.— Кобель. Ему теперь год и два месяца.

— А откуда я узнаю, что он ваш?

— У меня документ на руках. Кличка. Происхождение. Он же Ромуальд Бургундский.

Мужчина достал из-за пазухи и развернул сложенный вдвое бланк.

— Вы сами понимаете, до какого состояния его довели?

— Это не ваше дело. Я его заберу, он дорогой.

Было видно, как заходили желваки. Мужчина, видимо, прикидывал, отодвинуть ли Таню в сторону или настоять, чтобы сама открыла.

— Вас как зовут?—Таня оттягивала время, судорожно пытаясь найти выход.

— Юрий Гаврилович, с Лагерного. Отворяй уже…

И только Таня протянула руку, как в этот самый момент донёсся резкий рык. Пёс, мирно лежавший на коврике в углу, узнал ненавистный голос и рванулся к двери. Всеми девяноста килограммами своего веса он с утробным рычанием кидался на дверь, которая держалась только чудом. Слюна текла по стеклу. Таня оторопела, а потом медленно перевела взгляд на Юрия Гавриловича.

Тот съёжился и вжался в стену напротив, поняв, что если дверь не выдержит, ему уже не скрыться. На его побелевшем лице выступили землистые пятна. Таня даже заметила, как его седые волосы снова меняют цвет. Или так показалось в тусклом свете лампочки.

— Сейчас я открою, и вы его заберёте?—спросила Таня.

Юрий Гаврилович не сразу её расслышал, а затем резко замотал головой.

— Н-н-не надо,—сдавленно прошептал он.

— А если не поладите, я не при делах.

Зажмурившись, он мотал головой из стороны в сторону, как заводная кукла.

— Тогда хорошо запомните эту квартиру, этот дом и этот двор. И больше никогда сюда не приходите. Понятно вам, Юрий Гаврилович?

Его голова теперь задёргалась сверху вниз: судорожно кивая, он протянул свой бланк в руку Тане. И стал задом спускаться по ступенькам, не отрывая взгляда от грохочущей двери.

Хлопнула дверь в подъезд. Удары стали понемногу стихать.

— Малыш, это я.

Открыла дверь и вошла. Мусор из полного ведра посыпался на пол.

Таня села и долго не могла подняться. Ей казалось, что сейчас он перестанет прикидываться собакой и заговорит. И про всё-всё ей расскажет, как Нострадамус, только короче и понятнее. Но он встряхнул головой и едва слышно о чём-то прорычал.

Таня с мужем мирились ещё дважды, а потом разошлись насовсем.

Севада Григорян

Охотник

Чиркнула спичка. Почерневшая конфорка загорелась голубым огнём. Марк поставил чайник на огонь и разбудил Арама, своего шурина. Арам открыл глаза, потянувшись к полке, на ощупь нашёл очки, надел их, поправил на переносице и посмотрел на часы. Было четыре утра. Он лениво сел и крикнул Алексеевича и Лёху. Алексеевич сразу слез с нар, а Лёха, неохотно оторвав голову от подушки, посмотрел вниз со второго яруса. Маленькая лампа на батарейках тусклым светом освещала безобразный охотничий домик, половину которого занимали двухъярусные нары, а на другой половине разместилось всё остальное. На полу друг на друге валялись болотные сапоги, вдоль стены на крючках висела охотничья одежда. На верёвке, натянутой от нар до двери, висели какие-то тряпки, шерстяные носки Алексеевича и его же жилет из верблюжьей шерсти. Тяжёлая чугунная печка занимала угол у двери, подле неё лежал полупустой мешок с углём. Длинный деревянный стол, как это ни странно, был застелен голубой операционной стерильной скатертью, на которой остались круглые жирные следы от посуды. Над столом тоже были нары, которые использовали как полку. Там валялся всякий хлам, начиная от антенны телевизора и заканчивая эротическими журналами. Кто эти журналы туда принёс, никто не помнил. Но на этой полке лежали и актуальные вещи для охотников: патронташи, бинокли, ножи, фонарики (ружья висели на улице либо в соседнем домике).

Двухконфорочная газовая плита с баллоном, на которой кипел чайник, поместилась в «коридоре». Напротив плиты было помещение, которое служило как универсальный чулан: на полках стояли консервы, рис, макароны, хлеб, овощи, фрукты, мука и даже сливочное масло! Вот и весь охотничий домик. Кухня была на улице, под открытым небом.

Марк почти таким и представлял охотничьи домики, когда читал про них в книгах. Только никак не мог вспомнить, в каких именно книгах читал про них. И это мучило его.

Когда Марк, Арам, Алексеевич и Лёха уже были на ногах, последним на правах хозяина проснулся Владимир Сергеевич, шеф этих охотничьих угодий. Шеф — простой, весёлый, великодушный человек, сибиряк до мозга костей, — охотился в этих краях ещё с девяностых. Он здесь же случайно познакомился с Алексеевичем, закалённым охотником из Подмосковья, орнитологом по профессии. Тогда шёл осенний сезон девяносто второго, Алексеевич с двумя товарищами охотился в этих краях. Два дня беспрерывно шёл дождь. Ни укрыться, ни костра зажечь. Было такое ощущение, что весь мир промок, а вместе с миром и охотники. В поисках сухого места они наткнулись на домик Сергеевича. Так и познакомились. И вот уже на протяжении двадцати шести лет Алексеевич вместе с Сергеевичем два раза в год — от открытия до закрытия охотничьего сезона — находятся здесь, в пойме Оби, где происходит перелёт птиц, размножающихся на севере. Алексеевич встречает и провожает всех охотников и любителей, которые приходят сюда в гости к шефу. На этом мудром и остроумном семидесятилетнем старичке держится всё хозяйство охотничьей базы. Скрадок изготовить — Алексеевич. Манчуки поставить — Алексеевич. Печку растопить — Алексеевич, обед и ужин готовить — Алексеевич. Никто уже не представляет эту базу без него. А с каким смаком и мастерством он всякие охотничьи истории рассказывает — хоть часами слушай! Лишь увидев след зверя в тайге, он такую историю закрутит, так всё это представит, что как будто он с ним рядом шёл, видел, что зверь кушал, на кого охотился. Это всё Алексеевич!

Арам (зять шефа и шурин Марка) охотится в этих краях уже десятый год. Не пропустил ни одного охотничьего сезона. Перестреляет самого Алексеевича. Ружьё, карабин Бенелли и две белые лайки — Амур и Рекс, предмет его гордости и верные друзья.

Лёха — местный парень, он приехал на несколько дней, больше отдохнуть от повседневной суеты, чем поохотиться.

А Марк — с Большой земли (Большой землёй охотники называют наш цивилизованный мир, где все мы живём). В тайгу прилетел лишь вчера и первый раз в жизни на охоту. Поэтому он не вытерпел и встал раньше всех.

Марк, поставив чайник на огонь, с детской радостью начал одеваться. Быстро надел охотничью форму, на портупею повесил кинжал. Сев на скамейку, потянулся к сапогам, как в этот момент Амур и Рекс во дворе подняли страшный лай и бросились в сторону.

— Зверь! — крикнул Алексеевич, и домик вмиг оживился, всё пришло в движение.

Марк выбежал во двор. В высокой траве мелькнули белые спины собак, которые бежали в сторону леса. Арам и Лёха, прихватив фонарик, вслед за Марком вылетели во двор и, сняв с крючка ружья, прыгнули в «Викинг». Арам завёл его. Вездеход чихнул, завёлся и помчался вперёд, в сторону леса. Уже рассвело, и «дорога» легко прослеживалась.

Осенний рассвет Сибири был прекрасен: мягкий и спокойный, с немножко приглушёнными цветами, но в этом была неописуемая красота Севера.

Из-за высоких кочек вездеход не ехал, а подпрыгивал на «дороге», как шарик пинг-понга. Марк и Лёха крепко держались за поручень, чтобы не свалиться с него. Собак уже не был видно, но из леса был слышен их лай. Они держали зверя.

Чем ближе становился лес, тем кочки становились всё больше и больше, и вездеход с трудом преодолевал их. Когда оставалось где-то сто метров до леса, «Викинг» сел на большую кочку и застрял: ни вперёд, ни назад. Парни, не теряя времени, спрыгнули с него и побежали в лес. Марк всё время спотыкался: то ногу поставив на кочки, то проваливаясь между ними. Под густой травой их совершенно не было видно. Наконец они зашли в лес и побежали в сторону, откуда доносился лай собак. Собаки крутились и лаяли вокруг одного дерева.

— Марк, видишь на дереве?! — спросил Лёха, показывая в сторону дерева.

— Да! — ответил Марк, только что заметив барсука среди ветвей.

— Стреляй!

Марк, не задумываясь, торопливо прицелился и нажал на курок. Загремел выстрел. Барсук подпрыгнул на месте и упал на землю, собираясь удрать, но тут же на него набросились Амур и Рекс! Началась неравная схватка между раненым зверем и собаками. Амур пытался ухватиться за горло, а тот, оскалив белые зубы, защищался и сам нападал. Рекс нападал сзади. Барсук крутился на месте, собаки вокруг него.

Марк поднял ружьё и снова прицелился.

— Не стреляй пока! — закричал Арам.

Барсук напал на собак. Собаки отступили на полшага.

— Давай! — крикнул Арам.

Марк выстрелил и промазал, но тут же выстрелил ещё раз. Барсук ослаб и вытянулся на земле. Амур и Рекс снова напали. Амур вцепился в спину зверя, пытаясь порвать его. Барсук больше не сопротивлялся, только издавал последние вздохи.

— Фу, фу! — успокоил Марк собак.

Собаки оставили жертву и сели на задние лапы. Арам довольно потрепал морды и головы своих собак.

Марк подошёл к барсуку и присел возле него. Он был ещё жив. Марк положил руку на его спину и посмотрел в глаза. В них отражалась победная улыбка Марка. На секунду Марку показалось, что барсук тоже смотрит на него. Марк поспешно отвёл взгляд. На теле зверя были кровоточащие мелкие раны. Барсук дёрнулся и замер. Всё…

— Ты хоть понял, какими патронами его снял? — смеясь, спросил Арам.

— Нет! — с недоумением ответил Марк.

— Пятыми!

— Это которые для уток?

— Да! — ответил Арам, и хохот его и Лёхи раздался в лесу.

— Да ну вас! Я был так возбуждён, что готов был с голыми руками на него напасть.

— Молодец! — Арам пожал ему руку. — Это твой первый трофей, поздравляю!

— Отличное начало, — добавил Лёха, похлопав Марка по спине.

Марк пожал руки ребятам и обнял их. В нём проснулся первобытный человек, который живёт в каждом из нас, но каждый справляется с ним по-своему: кто-то глубоко усыпляет его, всю жизнь живя в страхе разбудить, другой даёт ему волю, и для хозяина это заканчивается либо казнью, либо смертным приговором. Третий пытается спрятать его за спиной религий и заповедей. А рождённые охотниками будят его и всю жизнь воспитывают.

— Ну что, возьми его — и пошли, Марк! — сказал Арам.

Марк поднял барсука за шиворот. Это был крупный самец, килограмм десять-двенадцать.

Лёха сфотографировал Марка с трофеем и пошёл вперёд. Марк, оставшись позади, понюхал барсука. К его удивлению, он не вонял! А всю жизнь Марк думал, что барсуки воняют. Убедившись, что зверь не пахнет, Марк прижал его к груди и пошёл за ребятами.

Марк, пройдя труднопроходимые кочки быстрыми шагами, почувствовал слабость в ногах, голова закружилась. Собравшись с силами, продолжал идти, но слабость усилилась, ему захотелось отбросить барсука в сторону и лечь на землю, но он устыдился этой мысли и пошёл дальше. Чем дальше он шёл, тем хуже себя чувствовал. Барсук и ружьё казались в сто раз тяжелее, ноги стали ватными, он спотыкался и еле держался на ногах, хотел звать шурина, но стеснялся. Перед глазами темнело, он знал, что это от нагрузок, от непривычки, и скоро всё пройдёт, просто надо дойти до «Викинга» и отдышаться. И наконец в высокой траве нарисовался зелёный «Викинг». Марк дошёл до него, барсука положил на борт и рухнул на землю. Его сильно тошнило, голова кружилась, тело обливалось холодным пóтом.

— Тебе что, плохо? — Марк очень издалека услышал голос Арама.

Марк отрицательно помотал головой.

— Как нет? Ты бледный, как призрак!

— Сейчас всё пройдёт, это от непривычки,— собрав силы, ответил Марк.
— Ладно, отдыхай пока.

Арам сел за руль и завёл вездеход. Но «Викинг» ни вперёд, ни назад не ехал, как будто его кто-то поймал снизу. Почти так оно и было. В гусеницах вездехода были отверстия, и в одно из них воткнулся пенёк сломанной берёзки. К счастью, в «Викинге» оказалась бензопила. Но просто так пенёк невозможно было спилить, надо было сначала поднять вездеход, чтобы добраться до пенька. Арам взял бензопилу, и они с Лёхой пошли обратно в лес. Марк, отдохнув, пришёл в себя и последовал за ними. Поискав в лесу, ребята нашли упавший набок массивный кедр. Арам завёл бензопилу и за считанные секунды его распилил. После чего каждый взял по полену и пошёл обратно. Марк и Лёха подложили поленья перед гусеницами «Викинга». Арам завёл вездеход и газанул. «Викинг», пытаясь высвободиться из ловушки, начал подпрыгивать на месте. В этот момент Лёха с Марком толкнули поленья под гусеницы. Вездеход сел на них, отрываясь от земли. Лёха подпилил берёзку. «Викинг», освободившись от капкана, грозно прорычав, подался вперёд, с лёгкостью «перешагнув» поленья. Лёха и Марк с радостными криками побежали за ним и запрыгнули в салон. Амур и Рекс побежали за «Викингом». Под ногами Марка лежал барсук. Марк смотрел на него, и чувства сожаления, жалости и гордости перемешались друг с другом, он не понимал, которое из них преобладает внутри. Но когда они доехали до домика и им навстречу вышли Алексеевич и Владимир Сергеевич, в Марке подняла голову гордость; он, одной рукой взяв за шиворот барсука, поднял его выше головы и тоном победителя объявил:
— Мой первый трофей!
— Серьёзно, ты снял его?! — обрадовавшись, спросил Владимир Сергеевич.
— Да, он сам! — ответил Арам, радостный и гордый оттого, что зять не опозорил его перед своими соратниками, а прекрасно прошёл охотничье крещение.
— Здоровый зверь, бл…,— сказал Алексеевич, взяв из рук Марка барсука,— килограмм десять-двенадцать, не меньше.
— Надо проверить его,— сказал Лёха.

Алексеевич обиженно посмотрел на Лёху и вставил:
— В этих краях зверь не болеет, болеют там, ближе к населённым пунктам, которые ковыряются в мусоре, а здесь всё чисто. И к тому же посмотри на него, какой он здоровый, больной так не выглядит.
— Я его не буду есть! — ответил Лёха.
— И не надо, нам больше достанется! — смеясь, ответил Алексеевич и своей косолапой походкой пошёл в сторону кухни.
— Пойдемте быстрее чай пить, зорька скоро закончится,— сказал Владимир Сергеевич.
— Я на зорьку не пойду,— сказал Лёха.
— Я тоже,— добавил Арам.

Марк посмотрел на них с удивлением.
— Как это не пойдёте? Мы же собирались.
— Вот с Алексеевичем поедешь.
— Ладно,— ответил Марк, и они вчетвером зашли в домик.

Алексеевич пошёл на кухню, обмотав верёвкой заднюю лапу барсука, повесил его вниз головой на вешало и пошёл к домику.

Рекс, желая поиграть с отцом Амуром, начал дразнить его, кусая за хвост и резко прыгая назад, но Амур, не поддаваясь на провокации, спокойно лежал перед домиком. Рекс, увидев, что отец не хочет с ним играть, начал искать себе новую «жертву» и тут увидел Алексеевича, идущего к домику. Он быстро спрятался за кустами, прижимаясь к земле, и как только Алексеевич подошёл поближе, он неожиданно бросился на него. Алексеевич чуть не свалился на землю.
— Уйди! — сердито закричал Алексеевич, подняв руку.

Амур, оскалив зубы, зарычал на сына. Рекс, прижав хвост, убежал в сторону, как обиженный ребёнок.

Несмотря на то, что Амур и Рекс были одного роста и похожи как две капли воды, между ними была колоссальная разница в возрасте и опыте. Рексу было шесть месяцев, и это был его первый охотничий сезон, его взяли с собой, чтобы посмотреть, как он себя покажет на охоте. А его отец Амур был уже опытным охотником, бесстрашным и умным. Он и медведя держал, и лося. Арам его очень высоко ценил и любил. Седьмой год как они вместе охотились в этих краях.

Когда Алексеевич зашёл в домик, Арам и Лёха уже лежали на нарах. Марк спешно, обжигая рот, пил чай. Владимир Сергеевич, мешая сахар в чае, расспрашивал об охоте. Марк отвечал коротко, нетерпеливо смотря на Алексеевича, который, не торопясь, налил себе чай, сел, медленно макая хлеб в сгущённое молоко, полакомился, потом на этот же кусок хлеба со сгущёнкой положил докторскую колбасу, проглотил и запил чаем. Марк отвернулся от него.
— А как ты его снял? У тебя же пятёрки были,— спрашивал Алексеевич.
— Прямо так и стрелял,— ответил Марк.
— Пятёрками? — переспросил Владимир Сергеевич, и домик пошатнулся от его громкого хохота.

Марк и Алексеевич, заразившись его смехом, хохотали вместе с ним.

Лёха, подняв голову с подушки, сонно пробормотал:
— Ну дайте поспать, а, Владимир Сергеевич?

От слов Лёхи они ещё громче стали смеяться.

Марк встал с места, Владимир Сергеевич сквозь смех сказал:
— Алексеевич, закругляйся, рассвело уже! — и тоже встал.
— Да, да, встаю! — с готовностью ответил Алексеевич.

Через несколько минут они втроём вышли из домика. Владимир Сергеевич на «Викинге» отвёз Марка и Алексеевича на «мысок». «Мыском» охотники называли длинный полуостровок на озере, который разрезал озеро пополам. В конце озера стоял их скрадок. Марк и Алексеевич, спрыгнув с «Викинга», спрятались в нём.

Владимир Сергеевич поехал обратно. Собаки, которые бежали сюда за машиной, снова побежали обратно.

Марк и Алексеевич, сидя на полевых стульчиках, молча смотрели по сторонам, ожидая уток и гусей. Вдруг с правой стороны полетели утки. Алексеевич и Марк, вскинув ружья, выстрелили. Марк промазал, Алексеевич попал в одну из них. Через несколько минут с правой стороны полетели ещё две. Марк стрельнул три раза и снова промазал, а от двух выстрелов Алексеевича обе утки упали в воду. Марк был просто в восторге от стрельбы своего наставника: тот, увидев птицу, резко вскидывал ружьё и стрелял, как будто и не смотря в сторону птиц, а бедные утки, не понимая, что происходит, подпрыгивали в воздухе или, сделав разворот вокруг своей оси, падали в воду.

Марк, расстреляв целую пачку патронов, наконец-то попал в одну утку, та упала в воду и начала барахтаться — видимо, было подбито крыло.
— Надо её забрать, Алексеевич! — радостно сказал Марк.

Это была его первая утка!
— Потом заберём, никуда не денется, — спокойный тоном ответил Алексеевич.

Но Марка его слова не успокоили, он беспокойно следил, как утка тихо-тихо подплывает к берегу.
— Алексеевич, надо её достать, — не успокаивался Марк. — Сейчас она выйдет на берег, и мы не сможем её найти.
— Да найдём, — растягивая слово «найдём», ответил Алексеевич. — Ты по сторонам смотри.

Снова полетели утки, раздались выстрелы, от точного выстрела Алексеевича утка тяжело и шумно шлёпнулась в воду. Марк с удивлением и завистью закричал:
— Да как вы это делаете, Алексеевич?! Я тоже стреляю в них, но всё мимо!
— Ты стреляй с упреждением. Надо рассчитать скорость полёта, расстояние между вами.
— Так и делаю, — ответил Марк и, посмотрев на воду, посчитал подбитых уток.

Раненой утки среди них не было…
— Я же говорил, я же говорил! — с упрёком сказал Марк.
— Что такое?
— Уплыла утка!
— Да найдём, — снова растянув слово «найдём», ответил Алексеевич.

Марк глазами искал утку на противоположной стороне берега. Он то смотрел в бинокль, то опускал его и смотрел так. Солнце, раскрасив небо в сказочные цвета, поднималось. Утки стали всё реже и реже летать. А потом вовсе перестали.

Погода была ещё тёплая, птица ещё не начала мигрировать, это летали «местные», так, на кормушку и с кормушки. Арам и Алексеевич рассказывали, что, когда начинается миграция, всё небо становится чёрным. Летят со всех сторон сотнями, тысячами…
— Я пойду за лодкой, — устав от поисков и ожидания, сказал Марк и встал с места.
— Да, иди, — ответил Алексеевич и тоже встал с места.

В пятнадцати-двадцати метрах от скрадка в высокой траве была замаскирована резиновая лодка. Марк снял маскировочную сетку с лодки, перевернул её и, потащив за собой, спустил в воду. Первым в лодку залез Алексеевич. За ним следом — Марк. Но не так уж просто был залезть туда. Местность была болотистая, и стоило поставить ногу на воду, как тина сразу засасывала её. Чтобы идти вперёд, Марк слегка опёрся на левую ногу, а правую медленно, сначала освободив пятку, потянул вверх; но пока он вытаскивал правую, левая ещё больше вглубь ушла, затрудняя этим шаги. Для человека непривычного это трудно физически и морально: охватывает чувство беспомощности. Но с помощью Алексеевича Марк поднялся на лодку, и, лавируя между манчуками, они собрали уток и, приплыв к противоположному берегу, вышли из лодки.

Поиски вдоль берега не дали никакого результата. Они начали искать её в высокой траве, которая была с них ростом. Но в густой растительности даже их не видно было с двух шагов. Как они нашли бы утку, которая так хорошо замаскирована цветами местной природы? Но Марк не сдавался, он продолжал искать, спотыкаясь о кочки, вставал и снова шёл.

Алексеевич искал без энтузиазма. А потом и вовсе перестал.
— Пойдём, Марк, не найдём мы её.
— Нет! Я буду её искать!
— Это бессмысленно. Может, она даже и улетела.
— Если бы Амур и Рекс были здесь, они бы нашли, — раздвинув траву, сказал Марк издалека.
— Они не работают на птицу, только на зверя.
— Надо ещё вырастить такую собаку, чтобы по птице работала.
— Не надо, — отозвался Алексеевич.

Марк весь вспотел и замотался. Комары и мошкара сожрали его, он всё время махал перед лицом платком, как нервный, чтобы хотя бы на пару секунд от них был покой (средство от комаров осталось в скрадке). От укусов Марку хотелось зарыться в землю или убежать, но потерянная утка двигала его вперёд, хотя он уже сам понимал, что это бесполезно.

— Марк, пойдём! — снова позвал Алексеевич, сам мучившийся от укусов.

— Зачем мы охотимся, если так легко можем оставить дичь?!

— Это больше спортивный интерес.

— Я так не могу!

— Иногда и так бывает, ничего не поделаешь. Её подберут орёл или лиса.

— Орёл или лиса сами могут добыть свою добычу, а мы должны позаботиться о своей.

Марк прошёл мимо Алексеевича. Алексеевич похлопал его по спине:

— Не расстраивайся!

Марк ничего не ответил, только молча махнул рукой и пошёл к лодке.

Переправившись на другую сторону, они спрятали лодку, уток сложили в рюкзак и пошли на базу.

Ближе к базе им навстречу выбежали Амур и Рекс и, радостно шевеля хвостами, приветствовали их, бросаясь к ногам, потом отбежав вперёд, останавливались, смотрели на них и снова бежали к ним. Марк поймал одного из них и потрепал по спине.

Алексеевич и Марк, отдохнув пару часов, готовились к походу с Арамом и Лёхой. Арам взял свой карабин с оптическим прицелом. Распределив по рюкзакам еду, воду, газовый баллончик с горелкой, патроны, фонарики, рации, они вышли. Владимир Сергеевич остался на базе и взялся готовить шулюм из уток.

Цель похода была познакомить Марка с тайгой и, если повезёт, поохотиться на крупного зверя.

Чтобы дойти до леса, надо было идти несколько километров на запад, а потом повернуть налево и ещё идти три-четыре километра. Дорога была тяжёлой. Высокая трава ростом с человека, по которой они шли, казалась бесконечной. И снова эти проклятые кочки с выступами до колен… Марк иногда пытался ходить по ним, но это было опасно, можно было ногу сломать, так как они были неустойчивы и сваливались набок, поэтому приходилось ставить ногу между ними и потом каждый раз поднимать выше колен. В местах, где заканчивались кочки и трава, начинались глубокие обрывы с небольшими «речками». Это высохшие протоки Оби, которые летом и в начале осени спадали и сейчас казались безобидными речками. Но как только ты ставил туда ногу, тина засасывала её, и трава с кочками казалась приятнее, чем эта «речка». Дойдя до очередного обрыва, Марк наступил на тину, прошёл два шага, и левая нога глубоко увязла в тине; он торопливо вытянул ногу, нога вылезла из сапога, а сапог остался в тине. Чтобы не рухнуть в грязь, Марк голую ногу опустил в воду, до колен погрузившись в грязь. Лёха и Алексеевич, которые шли позади него, вытащили Марка на берег, но, увы, его шерстяные и утеплённые носки были мокрые и грязные. Арам, увидев эту картину, залился смехом и долго не мог успокоиться. Марку пришлось надеть правый шерстяной носок на левую ногу и остаться с одним утеплённым носком на правую. Сапоги стали болтаться на нём и натирать ноги. Ходить стало ещё труднее. А ещё ружьё и патронташ, которые сначала казались лёгкими и были предметом гордости Марка, теперь стали невыносимо тяжёлыми; он начал сожалеть, что вообще напялил на себя этот патронташ.

Амур и Рекс всю дорогу то бежали далеко впереди, то появлялись возле охотников.

Приближаясь к очередному обрыву, собаки рванулись вперёд и начали крутиться возле воды. Охотники прибавили шагу и, дойдя до места, где крутились собаки, увидели чёткие следы самки медведя с двумя медвежатами.

Собаки бросились в сторону леса. Лес уже был виден невдалеке.

— Крупная самка, медвежата ещё не годовалые; скорее всего, родились зимой в берлоге, — при этих словах лицо Алексеевича озарилось светом, приятно было смотреть на него.

— Опасно с ней встречаться! — добавил Лёха.

— Она уже пронюхала нас и ушла далеко, мы их больше не встретим.

— Давайте разделимся на две группы, — предложил Арам. — Мы с Марком зайдём в лес с этой стороны, пойдём на обход, — он показал налево, — а вы с Лёхой зайдёте с правой стороны. Увидимся у Большого озера.

Алексеевич кивнул, и группа разделилась на две части.

Через пять минут Арам и Марк стояли на пороге огромного дремучего леса с высокими елями, соснами и кедрами. Марк почувствовал лёгкое головокружение. Он такой лес видел только на картинах русских художников, читал о нём в русских сказках. И всё было именно так: полумрак, лёгкая дымка и таинственная тишина, время от времени нарушаемая звуками птиц.

Арам повернулся к Марку:

— Отныне говорим только в случае крайней необходимости и шёпотом! Смотри под ноги, на ветки не наступай и ружьё держи наготове.

Марк кивнул, они вошли в лес. Было безумно приятно ходить по лесу, под ногами, как ковёр, стелился толстый слой хвои, гниющих и сухих листьев. После километров кочек и болот ему это место казалось райским уголком.

Издалека, с той стороны, куда пошли Алексеевич и Лёха, тревожно поднялась стая уток и улетела в сторону. А потом снова всё затихло.

Арам остановился, прислушался.

— Там что-то случилось,— шёпотом сказал Арам, показывая в сторону, откуда донеслись звуки.

Они шли дальше, углубляясь в лес. Арам шёл впереди. Марк, отставая от него на пару шагов, с любопытством изучал окрестности, стараясь запечатлеть эти картинки в памяти. На дороге встречались огромные деревья, поваленные прямо с корнями. Они были похожи на богатырей, павших в бою! А в одном месте их вообще было много, пятнадцать-двадцать штук, как настоящее поле битвы. Вокруг павших плотно стояли их собратья, что случилось с этими—непонятно. Марк с недоумением посмотрел на Арама. Но Арам сам был удивлён и не знал ответа. Марк, взглянув в последний раз на эту грустную картину, пошёл дальше.

Вдруг появились Амур и Рекс, они были чем-то возбуждены. На секунду подбежав к Араму и Марку, они понюхали воздух и снова исчезли за деревьями.

Идя в сторону, куда побежали собаки, Арам резко остановился, глядя себе под ноги. Марк быстро подошёл к нему. Под ногами Арама была большая куча медвежьего помёта, и от него шёл пар! Арам и Марк посмотрели друг на друга. В глазах Марка заиграл азарт охоты и жажда приключений.

— И это не та самка, это крупный самец!—сказал Арам, посмотрев вокруг.—Смотри!—и он пальцем показал на землю.

На двести метров по радиусу вся земля была изрыта и перевёрнута с ног на голову, как будто там работал трактор с ковшом. Под некоторыми деревьями были неглубокие ямы и следы медвежьих когтей.

— Что здесь произошло?—удивлённо спросил Марк.

— Кедровка в земле прячет кедровые орехи, а медведь их откапывает и ест. В них белков много. Вот Потапыч их откопал, пожрал, пос…

Поблизости раздался громкий, злой собачий лай. Марк от неожиданности вздрогнул.

— Зверь!—тихо сказал Арам, и они быстрыми шагами пошли на звук лая.

В крови Марка заиграл адреналин, капли пота выступили на лбу, по спине побежал холодок. Он прибавил шагу и сравнялся с Арамом. Лай собак слышался всё ближе и ближе. Разные мысли путались в голове Марка: «А если это будет свирепый медведь? Кто в него будет стрелять? А если только пораним его, и он нападёт на меня или на Арама?.. У меня кинжал есть! Но что мой кинжал против его зубов и когтей?.. Так я выстрелю! А кто я такой вообще, чтобы стрелять в него, кто мне дал такое право? Охотнадзор?! Смешно! Медведь здесь живёт, размножается, даёт потомство, здесь его дом, его лес. А я пришёл к нему в гости и собираюсь убить его! Где справедливость? Он такой же житель нашей прекрасной планеты, как и я! Если я убью его, значит, я убийца, самый обыкновенный убийца! Нет, я охотник! Охотник? То, что у меня есть оружие, делает меня охотником и даёт право? Нет…»

Мысли Марка оборвались, меж деревьев мелькнули белые спины Амура и Рекса. Они, опираясь передними лапами о ствол дерева, лаяли на кого-то наверху. Посмотрев наверх, Марк и Арам увидели чёрного соболя. Маленький красивый зверёк испуганно смотрел то на Арама и Марка, то на Амура и Рекса. Марк, глубоко вздохнув, опустил ружьё. У Арама тоже был взволнованный вид. Амур и Рекс, увидев, что хозяин не заинтересован зверьком, отошли от дерева и снова побежали в лес.

Отдохнув пару минут, Марк и Арам пошли к Большому озеру и через некоторое время без особых препятствий дошли до него. Большим озером называлось окружённое камышами болотистое озерцо, по нему плавали утки.

Арам достал из рюкзака газовую горелку и котелок. Он набрал из ручейка воду в котелок и поставил на горелку. Вода была жёлтой и мутной. Но Арам сказал, что это хорошая вода, которую в кипячёном виде можно пить.

К этому времени пришли Алексеевич и Лёха. Охотники радостно приветствовали друг друга и устало уселись вокруг горелки.

Лёха рассказал, что, не дойдя до леса, они вдалеке увидели медведя, который как пуля бежал из леса вон, на канаве подняв стаю уток. Это произошло так быстро, что Алексеевич и Лёха не успели даже снять ружья с плеч. Они заметили только его спину, переливающуюся от чёрного до коричневого цвета!

— Он почуял нас ещё в лесу и уносил ноги. Мы его свежие следы там видели,—сказал Арам и показал в сторону леса.

Марк лёг на спину и посмотрел в небо. Лазурное небо сразило его. Он не мог оторвать взгляд. Необъятное, глубокое небо успокаивало его, взяло в свои объятия и подняло куда-то высоко-высоко. Всё вокруг перестало существовать для Марка. Остались только он и небо! «Вот оно,—подумал он,—умиротворение, мир! Больше не надо кого-то преследовать, гоняться, стрелять, убивать. Есть только я, небо и природа!»

Глаза Марка закрылись, и он уснул. На лице играла счастливая улыбка.

…В ту ночь Амур и Рекс на базу не вернулись. Пропали навсегда.

— Может, их дух леса забрал?.. Но почему именно их? Хотя всегда так и бывает: невинные платят за виноватых, чтобы последние пострадали ещё сильнее…— размышлял Марк вслух.

Алексеевич молчал. На этот раз у мудрого старика не было ответа.

Станислав Колчин

Эпоха традиционного модернизма

Каждая новая эпоха требует создания соответствующих ей новых ценностей и ориентиров, новой литературы, искусства, культуры в целом; но с другой стороны — сложно придумать что-то принципиально новое, не опираясь на опыт предыдущих поколений. Поэтому для современной эпохи логично выглядит именно соединение интеллектуальных устремлений к познанию истины и тайн Вселенной, а также поиска новых путей развития, с традиционной культурой и духовностью.

Каждое общество в той или иной форме проходит периоды традиционного уклада культуры, модернизации, развития, расцвета, пресыщения и угасания. Одним странам и народам удаётся пережить этот цикл только один раз, другие проходят такие культурные циклы несколько раз за свою историю или же на сотни лет остаются на одном из этих этапов развития или упадка.

То есть любое общество рождается в эпоху своей традиционной культуры, в этот период ведущую роль играют духовно-религиозные ценности мифологического восприятия мира, которые помогают обществу сохранять свою идентичность и устойчивость, формулируют изначальную систему представлений об окружающем мире и человеке. Но традиция не может сохранять свою устойчивость сотни лет, она начинает своё развитие. В европейской литературе между традицией и её модернизацией были периоды классицизма с его идеализацией действительности, романтизма, где центр сюжетной линии смещается в сторону конфликта — личности и общества, но все эти промежуточные этапы рано или поздно заканчиваются полным переосмыслением традиционных представлений и рождением модернизма.

Модерн, модерность (англ. modernity, франц. modernite от лат. modernus — современный) — это интегральная характеристика европейского общества и культуры, сегодня она всё чаще используется в философских и социологических концепциях для обозначения этапа становления и эволюции промышленного общества, приходящего на смену традиционному…

Сторонники «технологического модернизма» — современные социологи и философы — рассматривают модерность «как общество, в котором воплощены идеалы эпохи Просвещения, где осмысленное взаимодействие между миром человека и миром природы регулирует остальные стороны социального бытия». Модерность не только породила Европу, но и сама есть порождение Европы как динамичной социальной системы, расцвет которой пришёлся на XIX в. — эпоху, когда явно доминируют идеалы европейской культуры[1].

Символом интеллектуальных устремлений европейской цивилизации в познании мира, человека и бытия в целом стал модернизм, проникнутый идеей преобразования мира и поиска некой социальной утопии как нового идеала.

Модернизм — это всегда пересмотр духовных ценностей традиционного уклада жизни, когда общество начинает задаваться вопросами: что мы знаем о мире, о Боге, о смысле жизни, почему мы соблюдаем те или иные правила в литературе или искусстве или обряды в быту? Действительно ли они оправданны и несут в себе некую практичную ценность? Общество приобретает веру в могущество человеческого разума и подвергает переосмыслению, а иногда и вовсе полностью отвергает ценности своих предков; пробует заменить их новыми, модернизированными ценностями. Иногда они приживаются — тогда из модернизма рождается новая более-менее устойчивая модернизированная традиция.

Однако чаще всего на закате эпохи модернизма общество приходит к состоянию отсутствия каких-либо ценностей, разочарованию в способности познания мира при помощи интеллектуальной мощи человечества, признанию непознаваемости мира и смысла существования человека. Так рождается такая музейная форма культуры, как постмодернизм, свойственный обществу периода его культурного упадка, обскурации, спада пассионарности, как бы назвал этот период Л. Н. Гумилёв. Культура постмодернизма — это воспоминание о культуре, а его основная идея тонет во множестве равноценных идей и заключается в отсутствии какой-либо идеи.

Философские и ценностные основания постмодернизма — это агностицизм (признание непознаваемости мира), релятивизм (признание

1. *Е. Л. Петренко.* Ю. Хабермас размышляет о модерне.

относительности, изменчивости и случайности всех сущностей), отказ от замысла идеального мироустройства, философский, этический и эстетический плюрализм, отказ воспринимать мир в системе иерархий и бинарных оппозиций, непризнание дидактической функции искусства, восприятие всех явлений как многозначных и противоречивых…

Для многих текстов характерна ирония, установка на эпатаж. Часто нарушаются нормы словоупотребления, сочетаемости, грамматики, орфографии, а также и многие этические запреты[2].

Характерные признаки постмодернизма:

- *интертекстуальность;*
- *пародирование (само-), иронизирование, переосмысление элементов культуры прошлого;*
- *многоуровневая организация текста;*
- *приём игры, принцип читательского сотворчества;*
- *неопределённость, культ неясностей, ошибок, пропусков, фрагментарность и принцип монтажа (принцип ризомы);*
- *жанровый и стилевой синкретизм (соединение, нерасчленённость различных видов культурного творчества);*
- *театральность, работа на публику, использование приёма «двойного кодирования», явление «авторской маски», «смерть автора»*[3].

Безусловно, постмодернизм—это не просто стиль искусства или литературы, а сложный комплекс философских взглядов и культурных ценностей, который нельзя полностью описать в одной формулировке или одним перечислением его основных признаков. В то же время формулировки и перечисления признаков, пусть даже не совсем точные, необходимы для понимания этого культурного явления, суть которого будет более подробно рассмотрена ниже. Более того, внутри постмодернизма рождаются течения, провозглашающие смерть постмодернизма и рождение новой культурной парадигмы под названием «метамодернизм». Основатели этого направления понимают его как *«раскачивание между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой»*[4]. То есть *онтологически метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомлённостью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью…*[5] То есть метамодернизм—это нечто вроде кота Шрёдингера: не модернизм и не постмодернизм, и в то же время может быть и модернизмом, и постмодернизмом, раскачиваясь между ними. Если изучить это явление более внимательно, то выходит, что *одна часть постмодерна—это действительно про бесплодное уныние, но другая—про принципиально новый способ производства культурных явлений и творчество без каких-либо границ. Первое Вермюлен и Аккер называют постмодерном, а второе—метамодерном… Вермюлен и Аккер придумали концепт новой культурной парадигмы, который они описывают так, как некоторые постмодернисты описывают постмодерн*[6].

На самом деле и метамодернизм (Т. Вермюлена и Р. Аккера), и гипермодернизм (Ж. Липовецки), и цифромодернизм (А. Кирби) являются направлениями модернизма только по названию, а в сущности это ответвления самого постмодернизма и попытки выдать новые незначительные модификации постмодернизма за революционно новые культурные формации, пришедшие ему на смену. Но, вопреки всем голословным утверждениям, смерть постмодернизма ещё никем не доказана, и более того—сам постмодернизм не может преодолеть самого себя, поменяв название и затуманив свои цели.

Постмодернизму высших кругов общества, вошедшего в фазу культурного разложения, как правило, сопутствует примитивизм культуры широких масс населения.

Примитивизм несёт в себе сознательное упрощение формы наподобие детского творчества или произведений первобытного искусства. Для него характерны грубый, циничный, но наивный подход к сложным вопросам, отсутствие абстрактного мышления, концентрация тематики произведений на самых простых животных потребностях.

Наиболее проницательные теоретики постмодернизма характеризуют его как искусство, наиболее адекватно передающее ощущение кризиса познавательных возможностей человека и восприятие мира как хаоса, управляемого непонятными законами или просто игрой слепого случая и разгулом бессмысленного насилия…

В свою очередь постмодернистский «взгляд на мир» отмечен убеждением, что любая попытка сконструировать «модель мира»—как бы она ни оговаривалась или ограничивалась «эпистемологическими сомнениями»—бессмысленна. Создаётся впечатление, пишет Фоккема, что постмодернисты считают в равной мере невозможным

2. *Л. В. Зубова.* Современная поэзия и постмодернизм.
3. *И. С. Голованова.* История мировой литературы.
4. *Т. Вермюлен, Р. Аккер.* Заметки о метамодернизме.
5. *Т. Вермюлен, Р. Аккер.* Заметки о метамодернизме.
6. *А. Кардаш.* Критика философских оснований метамодерна.

и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни[7].

Казалось бы, что такого страшного в том, что интеллектуальная элита общества погрязла в постмодернизме? Но на практике это приводит к тому, что многие из «интеллигенции» считают народ духовно неразвитыми людьми, а себя—элитой. Они, самые умные, начитанные (правда, качество прочитанного материала часто весьма сомнительно), глубокие и знающие, будут смеяться над невежественными массами и получать удовольствие от своего утончённого интеллектуального развития. На самом деле эти люди—просто мятежники, которые таким образом выходят из одной уродливой Матрицы (если брать образ одноимённого фильма) и попадают в другую, ещё более уродливую Матрицу. Они, как мыслящие люди, могли бы стать национальной элитой, а становятся эгоистичными выродженцами.

Напомню содержание притчи о Данко из рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль»:

«Жили в старину смелые и сильные люди, но однажды пришли иные племена и прогнали их в глубь леса. Они могли либо вернуться назад и сражаться насмерть с врагами, но тогда с ними умерли бы и их заветы. Могли они и идти вперёд, в глубь непроходимого леса. Так эти люди сидели и думали. Они ослабли от тоскливых дум, и даже кое-кто предлагал сдаться в рабство врагам. Но тут появился Данко, убедил их попытаться пройти страшный лес насквозь и повёл их вперёд. Однажды гроза грянула над лесом, стало настолько темно и страшно, что люди разозлились на Данко и захотели убить его. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. Данко разорвал руками себе грудь, вырвал из неё сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало ярче солнца, и люди, очарованные, снова пошли за ним. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. Данко вывел людей из леса в прекрасную степь. Кинул он радостный взор на свою землю и засмеялся гордо. А потом упал и—умер. Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с телом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой. Оно, рассыпавшись в искры, угасло».

Представьте себе, что Данко видит всю ситуацию, видит выход, но при этом просто посмеивается над своими соплеменниками, презирает их, в итоге становится ещё бóльшим ничтожеством и трусом, чем они, и бессмысленно погибает вместе с ними в том же болоте или в рабстве у врагов. Или, напротив, махнув рукой на всех, кто не слушает его умную речь, пытается уйти в одиночку. В этом случае он, возможно, даже выбирается к свету, на новое место. Но он там будет один жить, как отшельник, пока не одичает, не разучится говорить и не потеряет человеческий облик или пока не станет жертвой зверей или людей другого племени.

По книге, Данко видит проблему, понимает её причины и следствия, находит выход и ведёт людей к этому выходу даже ценой своей жизни. Он поступает как национальная элита, как лучший из своего народа. Лучшие из своего народа—это те, кто его искренне любит. Такие не презирают тех окружающих, которые знают меньше их,—они поднимают их на свой уровень, осознавая простое правило: чем большему количеству людей они дадут знание, тем выше шансы что-то изменить к лучшему.

Типичный представитель «интеллектуальной элиты» постмодернистского общества является антиподом героя рассказа Горького, неким «анти-Данко». Обладая знаниями в узких областях гуманитарных наук, эти антиданковцы являются наиболее ярким примером духовно неразвитого и плебейски покорного, живущего примитивными инстинктами потребления и самоудовлетворения полубыдла. Часто бывает даже так, что псевдоинтеллектуалы в духовном плане становятся гораздо в большей степени выродженцами, чем люди, менее начитанные и сведущие в гуманитарных науках. В обществе складываются такие условия, когда поэты, прозаики, философы, музыканты, художники, кинорежиссёры, кинооператоры, редакторы телепередач и другие люди, создающие массовую культуру общества, как правило, лишены *качеств, что связаны с повышенной пассионарностью: честолюбия, жертвенного патриотизма, инициативы, миссионерства, отстаивания самобытности, творческого воображения, стремления к переустройству мира*[8].

Казалось бы, что страшного в эгоизме и потере пассионарности у творческих людей? Почему для нас так важны их личные качества? Дело в том, что народные массы являются носителем культуры и её потребителем, но сами по себе не могут создавать живопись, литературу, музыку, кино и другие произведения искусства, которые будут формировать мировоззрение следующих поколений. На это способны только люди, вышедшие из этих масс, но имеющие особый талант и прошедшие необходимое обучение или самообучение, то есть творческая элита, а этих людей всегда немного.

Деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией. Разумеется, высшему классу, когда он становится

7. *И. П. Ильин.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм.

8. *Л. Н. Гумилёв.* Древняя Русь и Великая степь.

высшим и пока действительно им остаётся, легче выдвинуть человека «большой колесницы», чем низшему, обычно и состоящему из людей обычных. Но на самом деле внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства. Нам ещё предстоит убедиться, что плебейство и гнёт массы даже в кругах традиционно элитарных—характерный признак нашего времени. Так, интеллектуальная жизнь, казалось бы, взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой псевдоинтеллигентов, не мыслящих, немыслимых и ни в каком виде неприемлемых[9].

Медленно, но верно в постмодернистском обществе складывается такая ситуация, когда культуру общества создают люди, которые не имеют других идеалов, кроме как идеала «жить для себя», стремиться к максимальному комфорту и получению удовольствий. В их постмодернистском сознании стираются границы добра и зла, отклонения и нормы, а общество превращается в общество потребления ресурсов и среду автономных эгоистов, живущих примитивными животными инстинктами, причём нередко нездоровыми инстинктами. Институт семьи разрушается, число рождённых детей и число здоровых людей с каждым годом уменьшается, а число разводов и абортов, так же как число алкоголиков, инфантильных личностей, извращенцев и людей с психическими отклонениями, стабильно растёт, ибо в хаосе идей не существует границ, мешающих человеческому сознанию перейти черту между разумом и безумием. *Ведь грань между нормальным и сумасшедшим, утверждает Фуко, исторически подвижна и зависит от стереотипных представлений*[10]. Понятно, что такое общество обречено на вымирание. И такая фаза не является исключительной в истории человечества. *Очевидно, более правы те теоретики (например, У. Эко и Д. Лодж), которые считают неизбежным появление подобного феномена при любой смене культурных эпох, когда происходит слом одной культурной парадигмы и возникновение на её обломках другой. Причины этой смены могут быть самыми разными: и политического, и социального, и научно-технического, и мировоззренческого плана. Другое дело, что совпадение их во времени усиливает болезненность этой ломки сознания, обостряет восприятие кризисности самого человеческого бытия*[11].

Заканчивается постмодернизм потерей личности и самоидентификации творцов культуры данного направления, то есть «смертью автора». Текст произведения становится просто игрой слов или игрой в слова, независимой от автора, его биографии, взглядов и личной жизни. Обезличенная таким образом литература и философия вслед за автором произведения приводит к смерти (обезличиванию) и читателя. Утончённая пустота произведений постмодернистов доставляет удовольствие только узкому кругу таких же экзистенциально потерянных постмодернистов, а само общество становится всё более диким. Существование такой общности становится бессмысленным, и начинается медленное угасание культуры, народа, страны.

Из этого следует, что рано или поздно постмодернизм должен привести общество к стадии распада и смениться новой традицией, которая приходит либо вместе со сменой населения данной территории на другое население, имеющее более устойчивый и целостный (вероятно, именно традиционный) уклад жизни, либо сметается новой волной модернизма, рождённой из недр постмодернистского общества. Но между первой волной модернизма, что сметает традиционную культуру, и второй волной модернизма, что сметает постмодернизм, создавая новую традицию, существуют серьёзные отличия. Поэтому возникает необходимость новой классификации направлений развития модернизма.

Модернизм я предлагаю условно разделить на три категории: *классический, авангардный и традиционный.*

Классический модернизм (от *лат.* classicus—образцовый, характерный)—это модернизм старой школы, образца конца девятнадцатого—начала двадцатого веков, характеризующийся разрывом с традициями реализма. Ему свойственно новаторство, создание новых стилей и жанров произведений, эксперименты с формой.

Признаки классического модернизма:

- исключительный интерес к личности вне её социальной принадлежности—одинокой, чуждой миру, поиск места человека в обществе, важность личного пространства и личной свободы, противопоставление человека жёсткому традиционному укладу общества, ощущение усталости от постоянного гнёта этого векового уклада и поиск возможности его улучшения, модернизации под изменившиеся условия жизни и запросы людей;
- ценность индивидуального авторского художнического видения мира, где автор произведения выступает неким пророком новых для общества идей, форм и смыслов;
- стремление проникнуть сквозь материальный мир в духовную сущность мира, осознать смысл существования человека;

9. *Хосе Ортега-и-Гассет.* Восстание масс.
10. *И. П. Ильин.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм.
11. *И. П. Ильин.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм.

- устремление к преобразованию мира, созданию новой утопии гармонии и порядка, где человек занимает центральное место как венец мироздания и архитектор будущего мира;
- отход от линейного повествования к возможности дробления произведения на небольшие эпизоды и акцентированию внимания читателя сразу на нескольких героях, имеющих иногда противоположный взгляд на излагаемые события и факты, использование стиля, названного «потоком сознания», характеризующегося глубоким проникновением во внутренний мир героев;
- отход от фотографической точности в отображении повседневной действительности, использование символов, метафор, архетипов как средств многоуровневой подачи информации и познания мира во всей его сложности и противоречивости;
- погружение в подсознание: в центре внимания модернистов — не внешние воздействия на человека, а сама личность человека, его внутренний мир;
- поклонение искусству как высшей ценности в жизни; отказ от традиционного принципа «искусство служит народу». Красота повествования приобретает не меньшее значение, чем смысловое наполнение произведения, ценность произведения зависит от его оригинальности и силы воздействия на читателя, при этом не важно, куда направлены основные идеи произведения — на возрождение общества или на включение процессов его деградации.

Классический модернизм — явление противоречивое и неоднородное, состоящее из разных школ (имажинизм, символизм, акмеизм, футуризм, дадаизм, экспрессионизм, конструктивизм, сюрреализм и другие), поэтому, несмотря на схожесть общей идеи модернистских произведений крайне сложно указать их внешние стилистические признаки, ибо большинство из этих признаков присутствует в технике одних из направлений модернизма и отсутствует в других. Исторически он появляется в период кризиса традиционной культуры, усталости общества от жёстких ограничений традиционной культуры, подминающей всё личное под интересы общественной пользы и в какой-то период своего развития теряющей способность приспосабливаться под изменившиеся условия жизни и идти в ногу с научно техническим развитием общества.

Авангардный модернизм (от *фр.* avant-garde — передовой отряд) объединяет наиболее радикальные разновидности модернизма — его передовые отряды, занятые экспериментами в словообразовании и поисками новых путей развития формы.

Авангард — неотъемлемая и необходимая часть культурного процесса, происходящего в модернизме. Это скорее поэзия для поэтов и живопись для художников, лаборатория слова и цвета. Суть авангардного модернизма — в поиске новых форм для развития основного направления, то есть классического или традиционного модернизма. Сама по себе литература авангардного модернизма часто бывает тупиковой и нежизнеспособной. Это как на войне: авангардный отряд — это тот отряд, что чаще всего погибает без какой-либо славы, но помогает основному войску испытать новые типы вооружения и новые стратегии ведения боя и, главное, понять, куда необходимо идти, выяснить, где враг, где болото, где горы и где реки и как через них продвигаться…

Так же обстоит дело с авангардом (авангардным модернизмом) — узкоспециализированным «элитарным» направлением модернизма, который зарождается в эпоху становления классического модернизма и продолжает существовать в последующие культурные эпохи, являясь, безусловно, важным подспорьем в разработке новых форм для развития как классического и традиционного модернизма, так и постмодернизма и других направлений, доминирующих в культурной жизни.

Традиционный модернизм (от *лат.* traditio — предание, обычай) — это модернизм новой школы, культурное течение двадцать первого века (хотя формирование его началось в двадцатом веке, что будет показано ниже), целью которого является преодоление постмодернизма и примитивизма конца двадцатого — начала двадцать первого веков путём соединения идей, форм и стилистических приёмов классического модернизма с духовными ценностями и художественными образами традиционной культуры, а в будущем — создание новой традиции на основе новейших знаний, то есть модернизация традиции.

Основные признаки традиционного модернизма: возвращение общества к традиции на основе современных научных знаний через воспитание физически, психически, сексуально, морально здорового поколения и укрепление семейных ценностей;

- явный и скрытый протест против доминирования в обществе идейного хаоса, всеядности, эгоизма, примитивизма, гедонизма и бесчестья, против идеи заброшенности человека в мире и бессмысленности его существования;
- стремление преодолеть духовные барьеры между людьми, а также между человеком и обществом; поиск решения проблемы одиночества и заброшенности личности в мире путём интеграции человека в общество и адаптации самого общества к нуждам и потребностям отдельных людей;

- сохранение классических модернистских устремлений к преобразованию мира, созданию некой новой утопии, но в этой утопии человек уже является частью природы, а не противопоставляется природной среде; стремление к созданию обновлённого мирового порядка, которое основано на любви к родной земле и уважении к своему народу, изучении и переосмыслении его истории, культуры, обрядов и обычаев;
- стилистический выход за пределы реализма и постмодернизма далеко в наследие классического модернизма и в образы аутентичной народной культуры с целью гармоничного соединения этих пластов культуры; в то же время—отсутствие явного отрыва от реализма, использование реализма как одного из своих методов художественного описания действительности, а также уважение к любой из стилистических форм прошлого, использование её наработок для своих целей;
- ценность индивидуального авторского художнического видения мира, где автор произведения выступает неким пророком новых для общества идей, форм и смыслов, но в то же время возвращение традиционного принципа «искусство служит народу» и, как следствие, ощущение автором ответственности за свои идеи перед грядущими поколениями;
- приобретают важнейшее значение не только совершенство формы, оригинальность произведения и сила его воздействия на читателей, но и смысловое наполнение произведения, направленность основных идей произведения на духовное возрождение общества.

Традиционный модернизм—это новый термин, но он чётко описывает явление, которое уже достаточно проявило себя в мировой культуре, что я хочу показать на примере русской поэзии, прозы, живописи и музыки. К основателям традиционного модернизма в поэзии можно отнести Сергея Есенина, Николая Рубцова, Алексея Ганина, Петра Орешина, Пимена Карпова и многих других авторов. Свойственное для традиционного модернизма сочетание модернистской техники и любознательности с глубоким понимаем традиционной русской культуры можно найти в сонете Сергея Есенина «Моей царевне»:

Я плакал на заре, когда померкли дали,
Когда стелила ночь росистую постель,
И с шёпотом волны рыданья замирали,
И где-то вдалеке им вторила свирель.

Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем»,—
И, сбросив свой покров, зарылась в берега,
А бледный серп луны холодным поцелуем
С улыбкой застудил мне слёзы в жемчуга.

И я принёс тебе, царевне ясноокой,
Кораллы слёз моих печали одинокой
И нежную вуаль из пенности волны.

Но сердце хмельное любви моей не радо…
Отдай же мне за всё, чего тебе не надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй луны.
(1913–1915)

Мало кто заметил, но в этих строчках показан и расшифрован в самом тексте образ из традиционной песенной культуры, в которой жемчуг является символом слёз. Многогранным и многопластовым является и сам образ «царевны ясноокой», воспринимаемый и как образ женщины, и как образ России, а вероятно, сознательно сочетающий в себе разные смысловые пласты, что придаёт стихотворению одновременно и любовный, и политический оттенок. Во время имажинистского периода творчества Есенина в его стихах усиливается влияние модернизма, но даже в самых экспериментальных работах вроде «Сорокоуста» или «Небесного барабанщика» не наблюдается полного отрыва от традиции. Напротив, по своей сути модернистский по форме «Сорокоуст» является реквиемом крестьянской Руси.

Те же признаки традиционного модернизма можно найти и в поэзии другого известного русского поэта Николая Рубцова.

Кремль, с одной стороны, это твердыня, утверждённая навек, а с другой—сказочно-небесный мираж. Два этих состояния—осязаемой твёрдости, неизменяемости и одновременно некоторой призрачности, игры отражённого света, объединены свойством бессмертия:

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе,—о русская земля!—
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренье и гордыня—
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Образ Кремля принадлежит сразу двум измерениям—небесному и земному, что обуславливает вневременность поэтического действия. Подобная вневременность проявляется и в других стихотворениях Н. М. Рубцова, например, «В горнице»:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды…

Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе…

С одной стороны, ничего сверхъестественного вроде бы не происходит. В горницу заходит матушка, приносит воды, а лирический герой между тем, мысленно обозревая свой садик, собирается в скором времени заняться налаживанием хозяйства: починить лодку и полить красные цветы. С другой стороны, стихотворение исполнено таинственного смысла.

Матушка приносит в горницу ведро воды. Возникает вопрос: для чего могла использоваться вода, набранная в ночное время? Ведь, по народным поверьям, ходить ночью за водой категорически запрещено, это то самое время, когда вода становится нечистой и приобретает отрицательные магические свойства. По сербским поверьям, «набранная ночью вода, безусловно, нечистая, не годится пить такую воду».

Думается, найти и указать причину (если это вообще возможно), по которой матушка ночью пошла за водой, не столь важно. Существенно другое: необычность и неоднозначность самого действия, наделяемого в народных представлениях мистическим смыслом.

Молчание матушки также переводит событие из обычного, мирского измерения в область таинственного, ведь «молчание—форма ритуального поведения, соотносимая со смертью и сферой потустороннего». Более того, «отказ от речи часто выявляет принадлежность некоего лица к потустороннему миру и сверхъестественным силам»,—писала Т. А. Агапкина в статье «Молчание» («Славянские древности: Этнолингвистический словарь»).

Сакральный смысл художественных образов ночной воды и молчания подтверждает, что поэтическое действие стихотворения «В горнице» совершается не в обыденной реальности, но на границе с тем светом. При этом тот свет и этот оказываются едиными.

Матушка переступает временнýю границу, является из мира усопших, но её приход никак не нарушает тишины и покоя светлой горницы[12].

Сложные образы, сочетающие в себе модерновый литературный стиль и мотивы древнерусской культуры, можно в какой-то степени наблюдать в стихах Николая Клюева: *читатели и слушатели Клюева чаще всего готовы были к восприятию народного фольклора, но не имели знаний о глубинной народной культуре. Ощущая подсознательно клюевскую творческую мощь, невольно отвергали не понятое ими. Всё было хорошо и относительно «уютно», пока стихи Клюева воспринимались как своего рода «народное» переложение фольклорных мотивов с «примесью» уже прозвучавшего у «младосимволистов»*[13].

В отличие от Есенина с его глубокой, но интуитивно понятной читателю лирикой, Клюев остался автором, использующим русскую традицию для стилизации своих произведений, в которых он так и не смог подняться до гармоничного сочетания модернизма с образами традиционной культуры. Причину я вижу в том, что Клюев знал русскую традицию, но не жил в ней. Духовная дегенерация отдалила его от традиционных семейных ценностей и свойственного русскому человеку стремления продолжения и укрепления своего рода, поэтому он не смог стать выразителем русского духа, а поэзия Клюева осталась гениальными, но искусственными литературными наработками. Поэтому его лирика не может быть отнесена к традиционному модернизму, так как противоречит первым двум его положениям, касающимся «воспитания физически, психически, сексуально, морально здорового поколения и укрепления семенных ценностей», а также протеста против бесчестья.

Клюев, Клычков, Карпов… Позже их вместе с Александром Ширяевцем, Сергеем Есениным и Алексеем Ганиным назовут «новокрестьянскими поэтами». На самом деле это было явление поэтов Русского Возрождения, становление уникального направления в русской литературе[14].

Многие поэты русского возрождения поднялись в своих творениях до настоящих высот духовного озарения и стали одними из основателей традиционного модернизма в поэзии. Пусть это явление в русской поэзии называлось в разное время разными терминами, но можно и нужно свести их в единую систему наименований. Ещё одним термином, которым принято называть авторов, близких к традиционному модернизму, но уже в прозе, является термин «*патриотический неомодерн*». Именно так назвала Яна Сафронова стиль романа Веры Галактионовой «Спящие от печали».

Принципиальное мифологическое мироощущение романа выражается также в тотальной символизации художественного пространства и, как следствие, сакрализации мифа. В-третьих, в романе присутствуют формальные признаки модернизма. Его структура—это совмещение эпизодов, которые каждый из героев видит во сне и переживает в настоящий момент. Полноценная картина складывается благодаря частому чередованию

12. *А. Е. Чернова.* Небесное и земное в лирике Н. Рубцова.
13. *С. С. Куняев.* Николай Клюев.
14. *С. С. Куняев.* Николай Клюев.

повествовательных планов—прошлого, настоящего и фактического момента сна. Постоянная смена кадра может быть названа приёмом монтажа. Частые временны́е сдвиги и переплетения образуют свободную композицию. В «Спящих от печали» отсутствует единая сюжетная линия, фабула нивелирована. Вместо этого—множество сюжетных линий, каждая из которых лишена линейности повествования. Монтаж, свободная композиция, уничтожение фабулы и отсутствие линейности—типичные формальные характеристики модернистского романа.

Примечательно, что критик Алексей Татаринов в одном из своих выступлений[15] *схоже характеризует роман: «Прекратите пользоваться словом „постмодернизм". Иначе на долгие годы попадёте в компанию унылых демагогов. Попытайтесь посмотреть на литературный процесс 21 века как на яркий, вполне личностный „неомодерн". <…> Есть ли патриотический неомодерн? А как же?! Роман Петра Краснова „Заполье". Роман Владимира Личутина „Беглец из рая". Повесть Андрея Антипина „Дядька". Роман Веры Галактионовой „Спящие от печали". Роман Юрия Козлова „Свобода". Весь Проханов…» И хотя введённый Татариновым термин существует в рамках совсем неоднозначного призыва, внимания и размышления он заслуживает точно*[16].

Введённый Татариновым термин «патриотический неомодерн» вполне близок по своему содержанию к термину «традиционный модернизм», хотя является гораздо менее точным и наполненным смыслом. Так как непонятно, чем именно этот неомодернизм отличается от обычного модернизма: только ли тем, что он появился уже в эпоху постмодернизма, или тем, что несёт в себе некие новые ценности по сравнению с классическим модернизмом? Тут как раз приставка «нео» явно играет против термина. А уж дополнение «патриотический» точно наводит на мысль, что есть и непатриотический неомодернизм, поэтому нельзя обнаружить никакой прямой идейной близости неомодерна с любовью к своей стране и народу.

К традиционному модернизму в живописи можно отнести творчество таких художников, как Константин Васильев, Илья Глазунов, Борис Ольшанский, Всеволод Иванов, Павел Рыженко, Виктор Васнецов, Николай Рерих, а также многих других художников двадцатого—двадцать первого веков. *Васнецова считают основоположником неорусского стиля живописи, преобразованного из исторического жанра и романтических тенденций, связанных с фольклором и символизмом*[17]. Переосмысление через модернизм русской традиции и фольклора свойственно и работам остальных художников. Но наиболее ярко традиционный модернизм проявился в работах Константина Васильева.

Васильев, как никто другой, показал, насколько важен символизм в реалистических работах. Но не тот условный, притянутый символизм, который нужно разгадывать, как ребус, что характерно, например, для мастеров северного ренессанса периода XV–XVI веков, где изображения представляли узаконенную систему символов: туфли, выдвинутые на передний план картины, должны были олицетворять преданность супругов, а собачка—уют домашнего очага и так далее. Под символизмом сам Васильев понимал художественные образы, которые пробуждают высокие чувства.

В картине «Человек с филином» есть сгорающий свиток с псевдонимом художника «Константин Великоросс» и датой, ставшей годом его смерти,—1976-й, есть светоч, который Человек несёт в руке, плеть, прозорливая птица, сомкнувшийся земной круг, нарочито сдвинутый,—всё это символы. Художник не занимался специальным их подбором—они рождались у него подспудно при создании образов.

Существует, например, такое прочтение «Человека с филином». В облике этого старца художник попытался представить мудрость человеческого опыта. Поднявшийся великан соединил собой два мира: небо и землю, подобно мифологическому «древу жизни»—соединителю двух сфер. Васильев напоминает, что на Земле произрастают не только цветы и деревья, но и человеческие жизни. Словно корнями врос старец в землю, ещё не проснувшуюся от холодного сна. Мех его шубы, схожий своей фактурой с заиндевевшими кронами деревьев, свидетельствует о былой связи его с зимним лесом. Человек поднялся из самой природы и достиг таких высот, что головой подпирает небесный свод.

Но что же взял с собой мудрец в нелёгкий путь, равный, возможно, жизням многих поколений, чтобы связать собою два начала и достичь гармонии мира?

В основу истинного возвышения художник кладёт всякое творческое горение (символ его—сгорающий свиток с собственным псевдонимом), очевидно, полагая, что только творческая мысль, рождённая из знания, способна достичь космических высот. Но сгорает имя! И в этом есть второй, личностный смысл. Истинный художник, истинный мыслитель должен полностью забыть о себе ради людей, ради всего народа, только тогда он становится живительной силой…

Из пламени и пепла пробивается вверх небольшой росток дуба—знак вечности. Дубок изображён наподобие нанизанных один на другой цветов трилистника—древнего символа мудрости

15. *Алексей Татаринов.* «Постмодернизма больше нет» // Интернет-журнал «Соты», 2018.
16. *Я. Сафронова.* Пора лихолетий. О романе Веры Галактионовой «Спящие от печали».
17. Википедия. «Васнецов, Виктор Михайлович».

и просвещения. Неумирающие знания оставил на земле огонь творчества!

Над ростком горит светоч, зажатый в правой руке старца. Видимо, это и есть главное, что взял и несёт с собою мудрец. Светоч—символ ровного и неугасимого горения души. Ореол свечи выхватывает тонкие черты лица человека, соединяющие в себе редкую сосредоточенность с возвышенностью мыслей. Какой-то особый смысл переполняет загадочные глаза старца. В них самоуглубление, зоркость не только зрительная, но и внутренняя, духовная.

Над седой головой он держит плеть, а на рукавице той же руки сидит грозная по виду птица—филин. «Живой» её глаз—всевидящее око—завершает движение вверх: дальше звёздное небо, космос. Плеть или бич необходимы, чтобы в любых условиях сохранять стойкость духа: без самобичевания, самоограничения недостижима истинная мудрость. И наконец, изображение филина, совы у разных народов всегда было символом мудрости, беспристрастного видения мира. Филин—птица, для которой не существует тайн даже под покровом ночи. Это то откровение, к которому стремится и которого рано или поздно достигнет грядущий человек. Поэтический образ старца, рождённый художником, как бы включается в вечную жизнь природы и «высказывает то, что молчаливо переживается миром»[18].

Активно развивается традиционный модернизм в музыкальной культуре, где наиболее яркими его проявлениями можно назвать фолк-рок, фолк-метал, викинг-метал, сочетающие модернизм с традиционной культурой, а также различные соединения рок-музыки с классикой. Часто в современных реалиях кажется, что интерес к русской народной песне у современной молодёжи умер, и на концертах народных коллективов можно наблюдать часто только пожилых людей. Но каждый, кто посещал концерты фолк-рок-групп, вроде «Калевалы» или «Мельницы», убеждался в обратном: на рок-концерте молодёжь не только активно танцует (или рубится) под казачьи песни, но и подпевает музыкантам, прекрасно зная слова. Как много в итоге меняет небольшая модернизация песни в виде добавления электрогитар и ударников.

Если внимательно приглядеться к современной русской культуре, то можно заметить, что традиционный модернизм существует в ней уже почти сто лет, но произведения литературы, музыки, живописи и кинематографа, соответствующие основным принципам традиционного модернизма, до сих пор не имели термина, объединяющего их в единое культурное явление. Причём традиционный модернизм—это не столько стилистика автора, сколько его мировоззрение.

Проблема современного постмодернистского общества в том, что оно уже не может напрямую вернуться к традиции, ибо по сути многие видят эту традицию совершенно по-разному. Изучая прошлое, каждый выдёргивает ту часть культурно-исторического наследия своего народа, что ему более близка, и начинает воевать с идеями других составляющих наследия предков.

К примеру, в своём религиозном аспекте русская культура вобрала в себя и язычество Киевской Руси (и подчинённых ей славянских племён), и старообрядческое христианство Московской Руси, и никонианское христианство Российской империи, и атеизм, а также русский космизм Советской России, и даже религии «нового века», то есть мистическо-эзотерические учения, появившиеся во времена Российской Федерации. Но русский дух сохранял свою суть во все эпохи и при любых внешних атрибутах веры. Именно этого не могут понять многие современные патриоты-почвенники. И в итоге нет у них никакой единой культуры и традиции, а только вечные склоки и конфликты из-за разного понимания событий столетней, а иногда и тысячелетней давности. И разодранная на сотни мелких частей традиция в масштабах страны умерла. Умерла, несмотря на то, что сотни тысяч людей продолжают считать себя её последователями, только вот у каждого из них своя традиция. Более того, все они поделены на враждебные группы различной величины, но ни у одной из этих групп нет идеи, приемлемой для всех других, при том факте, что у всех этих людей очень похожие цели и взгляды на жизнь и многие из них одинаково сильно любят свою страну и народ…

Единственным наиболее безболезненным выходом из такой ситуации, на мой взгляд, является модернизация традиции на основе любви к Родине и духовных ценностей, направленных на воспитание физически, психически, сексуально, морально здорового и крепкого будущего поколения:

> Тебе одной плету венок,
> Цветами сыплю стёжку серую.
> О Русь, покойный уголок,
> Тебя люблю, тебе и верую.

Так писал гениальный русский поэт Сергей Есенин в 1915 году. И спустя сто лет та же мысль о том, что является наиболее важным для нового осознания русской культуры, звучит в стихах талантливой питерской поэтессы Марины Волковой:

> В нас любовь к отчим землям—без меры!
> А о вере, коль хочешь, спроси.
> Для меня нету истинней веры,
> Паче веры в величье Руси![19]

18. *А. И. Доронин.* Художник Константин Васильев.
19. *Марина Волкова.* Стихотворение «Пуще Бога я верю в Россию».

Традиционный модернизм — это едва ли не единственная на данный момент возможность вернуть к жизни угасающую в бессмысленности постмодернизма культуру. Традиционные ценности, отвергнутые десятки или сотни лет назад ещё на фазе классического модернизма, в эпоху постмодернизма становятся абсолютно нежизнеспособной архаикой. Известные разве что узким специалистам и музейным работникам воспоминания о традиционной культуре двухсот-трёхсотлетней давности сами по себе нельзя просто взять и скопировать, внедрив населению в новую эпоху, тем более в эпоху информационных технологий. Породить новый пассионарный импульс к развитию общества может только новая культурная традиция, рождённая путём гармоничного соединения изученной и переосмысленной письменной, художественной и устной традиции прошлого, тысячи лет формировавшей взгляды, эстетические вкусы и нормы поведения, с современными научными, философскими и литературными концепциями.

Это и есть задача традиционного модернизма. Его лозунгом можно взять слова Жана Жореса: «*Традиция — это не сохранение пепла, а поддержание огня!*» — так как авторам этого направления наиболее важно сохранить для потомков литературную, а шире — культурную традицию своих предков, но сохранить её живительным огнём знания, а не разложившейся музейной мумией. Сверхзадача традиционного модернизма — в создании из руин бессильной и бесславной постмодернистской реальности новой культурной традиции, соответствующей новому витку духовного и научно-технического развития человеческой цивилизации.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Михаил Кузмин

Родная кровь

* * *

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный мрачнеет дом.
А мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждём.

И ждём чего? самим известно ли?
Какой спасительной руки?
Уж взбухнувшие пальцы треснули
И развалились башмаки.

Никто не говорит о Врангеле,
Тупые протекают дни.
На златокованном Архангеле
Лишь млеют сладостно огни.

Пошли нам крепкое терпение,
И кроткий дух, и лёгкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон!

Но если ангел скорбно склонится,
Заплакав: «Это навсегда!» —
Пусть упадёт, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Струями нежными, не пылкими,
Родная согревает кровь,

Окрашивает щёки розово,
Не холоден минутный дом,
И мы, как Меншиков в Берёзове,
Читаем Библию и ждём.

1920

Елена Иванова

Реализация идей и ценностей постмодерна в поэзии

(на примере книги Линор Горалик «Всенощная зверь»)

О постмодернизме в русской литературе написано множество работ, но однозначных критериев, позволяющих назвать тот или иной текст постмодернистским по своей природе, нет. Есть ряд всем известных внешних признаков: ирония, игра, чёрный юмор, пастиш и так далее, но, как и в случае с любым другим сложным явлением, наличие этих признаков не всегда указывает на суть. Связано это отчасти с тем, что эта суть может присутствовать в тексте в разной степени, виртуозно мимикрировать и регулярно мутировать подобно вирусу, отчасти с тем, что мы являемся современниками постмодерна, который как эстетическое выражение определённой идеологии развивается на наших глазах. А потому наиболее чётким критерием принадлежности литературного текста к постмодернизму стоит считать не внешние признаки сами по себе, а то, в какой мере они работают на идейную основу постмодерна.

Один из крупнейших исследователей данного вопроса Михаил Эпштейн в книге «Постмодернизм и взрывное сознание XXI века» пишет: «На Западе постмодерн всё чаще воспринимается как изжитое понятие, ностальгическая память о „прекрасной эпохе“ конца 20 в. В России постмодерн, как опыт деконструкции и релятивизации любого тоталитарного проекта, ещё устремлён в будущее и может оказаться действенным оружием против тех почвенных, патриархально-мифологических чудовищ, которые власть сейчас яростной пропагандой вызывает из глубин народного подсознания. Постмодерн в России ещё не выполнил своей исторической задачи, и чем больше страна откатывается назад, в домодерное прошлое, тем больше затребованы в ней ценности постмодерна: стилевая мягкость и пластичность, этическая терпимость и открытость, способность ставить индивидуальное и фрагментарное выше тотального. Как ни парадоксально, судьба дальнейшей модернизации России зависит от того, насколько глубоко она усвоит своё собственное постмодернистское наследие, которое в наибольшей степени роднит её с Западом».

Даже столь бегло обозначенный перечень идей и ценностей содержит в себе набор противоречий. «Ставить индивидуальное и фрагментарное выше тотального» означает создавать нечто супертотальное, надтотальное. Но «мягко и пластично». Под «терпимостью» в постмодернистском дискурсе традиционно понимается в том числе отказ от любых бинарных оппозиций. Этика же как таковая всегда строится на бинарных оппозициях. Потому «этическая терпимость» — оксюморон. На деле это означает уничтожение этики. Но, разумеется, не любой, а только христианской, а точнее, православной (здесь речь идёт о России).

Как именно реализуются эти идеи в современной поэзии, можно увидеть на примере творчества Линор Горалик — писателя, поэта, критика, исследователя и активного общественного деятеля. Пожалуй, наиболее ярко обозначенные выше ценности проявлены в её последней книге стихов «Всенощная зверь», вышедшей в 2019 году. Название указывает нам на то, что книга посвящена борьбе с теми самыми «почвенными, патриархально-мифологическими чудищами», о которых писал Михаил Эпштейн.

Глумление над какой-либо идеей или традицией в литературоведении принято называть аккуратным словом «деконструкция». Собственно, вся книга Линор Горалик представляет собой акт такой деконструкции:

…и хрипит, как бессмертный, которого убивают,
как Господень сыночек, когда его прибивают, —
а капрал-то наш говорил про неё,
что она, мол, ребята, покроет всех,
переносит всё, не перестаёт
до тех пор, пока ты не станешь муж…

• • •

…стой, за кем стоишь, и помни о том,
как Он обнял того, у которого пёс,
как Он обнял его позади ларька,
как Он обнял его под обрубки рук, —
тут-то мы к Нему за пазуху — шмыг,
тут-то мы и поняли, что к чему, —
а что пóтом пахнет — оно ничего:
тот-то так вонял — хоть святых выноси.

Карнавальное глумление некоторые исследователи называют приёмом, то есть средством художественной выразительности. Едва ли это так.

Распотрошить, плюнуть и растереть — не столь выразительные действия, чтобы заставить психически здорового стороннего наблюдателя солидаризоваться с производящим их человеком. Потому в литературе этот «приём» работает только для читателя, который был изначально солидарен с автором в его ненависти, а значит, это не средство выразительности, а средство распознавания «своих».

Объектом расчленения Линор Горалик становятся «Церковь-и-государственная-власть». Это такой социальный конструкт, почти в точности повторяющий «Партию-и-правительство». Собственно, в книге между ними разницы и нет, советский официоз, ставший традиционным объектом оплёвывания ещё в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века, в ней оказывается переплетён с вывернутыми наизнанку библейскими сюжетами, как, например, в тексте о сахарной голове, основанном на сюжете об усекновении главы Иоанна Предтечи:

…и славит радио торжества, и мать качается у плиты,
нелепыми бёдрами в такт труду перед соседками поводя,
на блюде водится хоровод кругом известно какой звезды,
на блюде поетая голова сипит изжёванные слова.

Образ современной России в текстах «Всенощной звери» представляет собой квинтэссенцию всего самого отвратительного и состоит, кажется, из всех возможных либеральных клише: здесь и полицейское государство, и жуткая Церковь, и беспросветная серая казёнщина, и главное — кругом грязные овцы и свиньи. Здесь автор явно перестаралась. В рамках либеральной риторики (в самом вульгарном ключе, разумеется) этими клише обычно пользуются поочерёдно, так как некоторые из них являются взаимоисключающими.

Не пострадавший от рук безжалостной государственной машины человек — часть стада, но если случайно пострадал — то он, конечно же, человек, права которого нужно защищать. И важно знать, в какой ситуации быстро достать из рукава нужную карту.

Линор Горалик все карты сразу вывалила на стол, в результате общая картина получилась слишком фантасмагорической даже для тех, кто был бы готов поверить автору.

Однако попробуем вычленить из этого хаоса образы, говорящие о смысловых доминантах. Все они так или иначе связаны с темой насилия. Детский сад — школа — родители — Церковь — тюрьма — казарма — государство — армия составляют одну ассоциативную цепочку всего, что связано с подавляющим и карающим началом. Вместе они формируют образ жуткой и свирепой Родины, от которой никуда не спрятаться, и призваны нагнетать атмосферу ужаса.

Недоспатый и переодетый, влекомый спросонья в сад
может идти вперёд, но смотреть назад,
намертво пойманный цепкою и сухою
неумолимой рукою;
всякий же прочий, выросший из гамаш,
подрастерявший мамаш,
ходит лицом вперёд, но живёт спиной,
чует спиной, как постукивает по ней
крепеньким пальцем цепкая и суха
неумолима рука
шестиперстая, потому что тому дала, и тому дала,
и тебе, голоштанному, припасла
нулевой урок, а светлым-светло,
и нутро дрожит
и пустой стишок повторяет;
ты бежишь-бежишь, а она впереди
догоняет.

Крайне заезженная пластинка. Вспоминается столь же беспросветное, но не столь разговорно-расхлябанно оформленное «Тёмно-синее утро в заиндевевшей раме…» Бродского. И более интересное использование похожего образного ряда другими авторами:

…отдай мне этот воробьиный рай,
трамвай в Сокольниках, мой детский ад отдай…
(Дмитрий Воденников)

…В Гефсиманском детском саду
Тихий час. Не уснувший — наказан.
(Вера Павлова)

Более интересное — потому что там присутствуют другие эмоциональные оттенки и другая интонация в противовес традиционно чернушным текстам «Всенощной звери». В них нет даже оппозиции «свобода — несвобода», «человек — система», на которые читатель смог бы отреагировать, эмоционально включившись. Только несвобода, только безысходность, грязь и ужас, мертвечина и мат. Тексты настолько перенасыщены этим, что трагедия начинает балансировать на грани фарса, это уже почти самопародия:

…О, бывший твёрдый человек,
раскисший человек,
он лупит воздух так и сяк,
не чуя скользких рук,
не чуя мокрого лица и дряблого мясца,
сквозь чёрный каменный пирог
просачиваеца,
сквозь серый град в кромешный ад
просачиваецццца…

Рецепт таких текстов прост. Делим лист на две части. В левой пишем существительные: «мясцо», «холодец», «кровь», «ад», «тупик»; в правой — прилагательные: «мокрый», «склизкий», «серый», «волглый», — и комбинируем в любом порядке. Затем получившиеся словосочетания

организуем ритмически. Некоторые повторяем дважды или трижды. Можно — меняя эпитеты, можно — не меняя. Ну и цитату какую-нибудь в конце (из Пушкина, Библии или советской эстрадной песни).

В книге Линор Горалик есть и чуть более сложно организованные тексты — исключительно за счёт большего объёма тех фрагментов исходного текста, над которым глумится автор. Например, «…и орёт, как сурок, увидавший родные тени…» построено на последовательном переворачивании и обыгрывании отрывков из хрестоматийного Послания о любви апостола Павла. Читательское внимание здесь останавливается на уцелевших обрывках из Послания, изначальный текст слишком глубок для того, чтобы его вывернуть наизнанку. Автор, словно бы чувствуя это, вынужден сооружать что-то наподобие сюжета, делить объект глумления на части и пытаться что-то с ним сделать на протяжении четырёх довольно объёмных строф. И вывернуть не получается — инструментарий слаб. Инструментарий рассчитан на столь же слабого противника, каким был бы, скажем, позднесоветский официоз или современный российский шоу-бизнес.

Для того чтобы более сложный объект издевательств стал удобоварим, его нужно не делить на части, а свести к простому, сплющить, представить поверхностно, однотонно. Например, всю советскую эпоху — сложную и противоречивую, со всем пережитым в ней — или такое сложное понятие, как «государственность» — со всеми его интерпретациями, разным пониманием, историей, развитием — обозначать грубым набором поверхностных символов, тогда и читатель, может быть, включится в эту игру, примет эти коды и будет считывать их именно так, как нужно автору:

Пойдём работать пионерами в юннаты:
ложиться парами в кружок по воскресеньям
и упоительно от зорьки до зарницы
фыфыркать демонам в коричневый животик —
а там проснутся бенедиктые монахи
и ну как станут с нами соцсоревноваться —
а мы откинемся на алые простынки
и надорвём себе животики густые.

Здесь также важно разрушение синтаксической структуры, фрагментация. Ведь если начать строить предложения, то это потребует смыслообразующего начала, и придётся переместиться из эмоционального поля к какой-то логике, возможно, даже рефлексии, и приём перестанет работать. А так — достаточно просто кивнуть в сторону пионеров, и все сразу поняли, что к чему. Конструирование из обрывков фраз, якобы призванное передать хаотичность мира или высокий эмоциональный накал, на самом деле выполняет функцию сплющивания мира, сведéния сложного к простому, настоящих человеческих судеб, чувств, событий — к бутафорским и карикатурным, индивидуального — к обобщённому, живого — к мёртвому:

…Вон как тебя мотает по вагону,
приложит головой о понедельник,
а там и об субботу переплющит;
терпи, терпи, прячь сотки в трущий лифчик,
в Балашихе пописать и обратно
хорошие, да я же сама читаю
берите обе…

Использование обрывков речи, разговорных клише, фраз из рекламы и так далее работает на узнаваемость: всё это призвано придать герою, символу, ситуации достоверность, слегка оживить конкретикой, чтобы читатель не сомневался, что перед ним — не грубое обобщение, а отражение нашей жизни. А высказано оно сумбурно оттого, что глубоко выстрадано автором.

Сплющивание путём бесконечного перечисления без синтаксического оформления — метод крайне примитивный, потому очень распространённый:

…в зале мальчики
девочки вон те две
держатся за руки так
как будто навсегда расстаются
сейчас выйдут
возьмут тачку
за двести рублей поедут
в неуютное
новокосино
почти сразу за мкад
там любить друг друга
на продавленном
полутораспальном
два красноармейца
грустные большие глаза
(как всегда на старых
фотографиях)…
(Станислав Львовский)

Пошли, мам,
попьём кофею
с морковью,
с нашим взглядом.
По шлемам
нежным задом
прокатилась
содрала кожу
прохожих
просила подуть,
подать просила
искала суть
впопыхах
в лопухах…
(Дина Гатина)

Изготовленные таким образом ходульные болванки вполне готовы для использования на заданном смысловом уровне, расположенном чуть ниже уровня дешёвой популярной психологии: разрешили—хорошо, запретили—плохо, удовольствие—хорошо, страдание—плохо. Живой герой, сложные чувства, глубокие мысли в этой системе координат невозможны в принципе.

Интонация издёвки также служит способом избежать прямого и цельного высказывания. Потому что, если с лица лирического героя на протяжении всей книги не сходит ядовитая ухмылка, это выдаёт в нём глубоко страдающего и, главное, думающего человека. В ряде статей о постмодерне критики приводят цитату из Умберто Эко, очень точно, на их взгляд, передающую смысл явления: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюблённого в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей „люблю тебя безумно", потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы—прерогатива Барбары Картленд. Однако выход есть. Он должен сказать: „По выражению Барбары Картленд—люблю тебя безумно". При этом он избегает деланной простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по-простому; и тем не менее он доводит до её сведения то, что собирался довести,—то есть что он любит её, но что его любовь живёт в эпоху утраченной простоты». Какая может быть связь между утраченной простотой и образованностью? Всепоглощающий скепсис—отнюдь не признак высокого интеллекта и эрудиции. Однако такой стереотип в общественном сознании существует, и, видимо, за счёт влияния этого стереотипа язвительная интонация в тексте для многих читателей как-то коррелирует с умом и образованностью (наверное, тот, кто так свысока и через губу обо всём говорит, действительно знает жизнь).

Если вернуться к книге Линор Горалик, то её интонация в этом смысле вполне типична—интонация глубокой саркастической ухмылки. Способов передать её немного.

Во-первых, это наигранная торжественность, псевдопатетичность, пародирующая классические или богослужебные тексты:

…О, пускай же вовеки сочится из нас смоляное!
О, пускай мы всегда
задыхаемся в мёртвом ветру,
превращаемся в наледь сапожную…—

или:

…О, мышка белая, скажи мне, что с тобой?
Уже заря, а ты ещё в предродовой,
как вечером вчера была в предродовой,
как утром до того была в предродовой…

Во-вторых, использование ритма детских песенок и частушек и большого количества слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в издевательском ключе:

…Ах, собаченька, сука чужая, вшая,—
насосалась и выросла пребольшая,
пре-го-лод-на-я.
Глядь—а мы тут лежим такие
беленькие, мягенькие, тупенькие,
кучкой сонненькие, пачкою никакие…—

или

…лежит расслабленный в вагоне
сидит упыренный в совете
а дома свиночки поспали,
потом поели и поспали,
потом поели…

Текстов с карнавальным оханьем и аханьем и навязчивым глумливым сюсюканьем в книге очень много, едва ли не большинство, что, полагаю, изрядно утомило бы даже читателя, разделяющего мироощущение автора. Никакой боли, страдания этот нехитрый метод выразить не способен. Так писать легко, и так пишут многие. Например, Алла Горбунова:

…и любите теперь меня!
Утюжком, наждачком—всё равно.
И плачьте, как та крокодиль.
И танцуйте со мной,
день и ночь танцуйте со мной
кадриль, кадриль, кадриль…

Хочется, однако, подчеркнуть, что скудная поэтика не всегда означает столь же убогую идейную составляющую.

Вот, например, одно из ранних стихотворений Глеба Горбовского, в чём-то, казалось бы, постмодернистское по внешним признакам, но совершенно противоположное по своей сути стихам Линор Горалик:

Пьяные бабы множат морщины.
Пьяные ползают черви-мужчины.
Пьяные руки не цепки, но липки.
Пьяные с губ облезают улыбки.
Пьяные ноги дубасят в настилы.
Пьяные зубы скрежещут, как пилы.
Всё позабыто, сбыто, пропито.
Пили, как лошади из корыта.
Били копытами в землю и в небо!
Не было Пушкина! Не было, не было…

Здесь есть отрицательный аксиологический полюс, но есть и положительный, есть тьма и грязь, но есть и представление о свете.

Или вот, например, текст Линор Горалик, связанный с одним из наиболее часто педалируемых аспектов темы насилия—ценой Победы:

В майскую девятую пятницу
умирает Яков Исаевич;
под окном две девочки лаются,
бьются за какого-то Лифшица—
из смертельных ртов изрыгаются
орденские страшные ленточки,
обвивают чёрные веточки;
выключи кино, завали окно:
Якову Исаичу всё равно.

Вот она, война, наша мать родна:
в каждой подворотне стоит она,
спрашивает, нет ли мобильника,
а когда найдёт (а она найдёт)—
ногтем подцепляет и в рот кладёт
все наши нерезкие фотки резкие,
все наши жидовские смерти русские.

А вот—на ту же тему—стихотворение Юрия Кузнецова:

Отцу

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете.
Взгляни на мать—она сплошной рубец.
Такая рана видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далёких тучах,
Дарила миру призраков летучих—
Сестёр и братьев, выросших в мозгу…
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участья.
Чего мне ждать?.. Летит за годом год.
—Отец!—кричу.—Ты не принёс нам счастья!..—
Мать в ужасе мне закрывает рот.

В первом случае перед нами—попытки при помощи ужимок и хихиканья как-то склеить воедино распадающиеся фрагменты, чтобы достичь того самого эффекта категоричного и грубого обобщения, о котором уже было сказано выше. Во втором—живая боль живого конкретного человека. Да, стихотворение Кузнецова также небезупречно, при желании есть к чему придраться, но дело в самой установке: мир в целом здоров, он живой и объёмный, и герой—личность, и автор—личность.

Есть мнение, что подобные установки устарели и их пора оставить в прошлом. Чаще всего эту позицию выражают волшебной фразой: «Двадцать первый век на дворе». Эта расхожая формулировка, если вдуматься,—такой же потрёпанный штамп, рассчитанный как раз на то, что вдумываться не будут. Обобщение, кивок в сторону определённого ассоциативного ряда. А ассоциативный ряд у собеседника должен при этом возникнуть примерно следующий: развитие—это когда вперёд, к новому, а когда назад, к старому,—это деградация, это плохо. То есть развитие линейно, а не циклично. Грубый, наивный позитивизм.

Особенно странно этот аргумент, основанный исключительно на собственных ощущениях, звучит в устах поклонников творчества поэтов, работающих в одном идеологическом и эстетическом ключе с Линор Горалик. В отличие от авангарда начала двадцатого века, постмодернизм не стремится к новому, он занят исключительно разрушением старого, поэтому пафос движения вперёд, прогресса в разговоре о нём совершенно не уместен.

Уместно лишь констатировать, что языковой инструментарий этой поэзии крайне груб и потому слаб, а идеологическая подоплёка содержит в себе противоречия, путаницу и подмену понятий. Потому со своей основной задачей—разрушением всего, что превращает в кошмар жизнь «думающих людей» в «этой стране»,—он пока не справился.

Дмитрий Косяков

Рок-портреты

Почему для нас это важно

Для нашего поколения это было важно. Первым делом спрашивали при знакомстве: «Что слушаешь?» Сегодня нет смысла задавать такой вопрос молодым людям. Они ответят что-нибудь неопределённое: «слушаю разное», «много что нравится». Они слушают поток музыки с помощью специальных интернет-сервисов и оказываются не в состоянии выбрать своих любимых музыкантов — не только потому, что зачастую не знают их имён, но и потому, что выбор предполагает иерархию ценностей, отказ от чего-то. А это противоречит идеологии консюмеризма.

А мы пели любимые песни под гитару, заказывали на радио. Тогда не было mp3, музыку приходилось подбирать более тщательно. Рокеры формировали идеологию молодёжи девяностых. Их слушали и переслушивали, заучивали их песни наизусть и пели хором, на большинство это действовало гораздо сильнее, чем книги. В этой серии материалов речь пойдёт о ценностях моего поколения.

Мнения о русском роке

О роке в России писали немало, но большинство писаний оказывалось перегружено идеологией вполне определённого толка. Например «100 магнитоальбомов советского рока» Александра Кушнира, «Ария. Легенда о динозавре» Дилана Троя или воспоминания Алексея Рыбина о группе «Кино» буквально переполнены вздохами по поводу того, как авторам не хватало «сникерсов» и порнографии в советской империи зла.

Кушнир на каждой странице подчёркивает техническую неоснащённость и материальную неустроенность советских рокеров, как будто смысл творчества заключается в том, чтобы ежедневно объедаться, напиваться и никогда не трудиться. Поминутно порицая СССР за то, что у начинающих рокеров не было новейшей заграничной аппаратуры, он как-то забывает объяснить: а куда же подевался весь цвет отечественного рока после наступления долгожданной рыночной демократии? Новейшие иностранные средства записи и инструменты появились в свободной продаже, отдельные «идейно правильные» рокеры даже наелись и обросли жирком, прикупили яхты и дома, а никакого расцвета рок-культуры так и не произошло. Напротив — полный упадок.

Дилан Трой свою книгу про «Арию» начинает со слов не о группе, а о том, как ужасно жилось за «железным занавесом». Видимо, не утерпел. Так первым делом и выпалил. Не преминул похвалить нынешний режим за то, что теперь на каждом углу торгуют «Металликой» и футболками. Причём на белом глазу объявил, что «железный занавес» создала «коммунистическая пропаганда», а не правительства капиталистических стран, желавшие от этой пропаганды оградить своих подданных, а также стремившиеся изолировать и удушить советскую экономику, как считают историки.

Например, знаменитый западный философ и социолог Теодор Адорно вскоре после Второй мировой войны писал: «Наша социальная система в современной фазе и объективно, и автоматически стремится „задёргивать занавес“, так что наивным людям не видно, что происходит»[1].

Но, понятное дело, Дилан Трой гораздо больше книг по истории и политологии прочитал, так что ему всякие там философы с мировыми именами не указ.

Ещё его жутко раздражает, что телерепортажи советских журналистов из США и Великобритании, как правило, касались социальных проблем (безработицы и дороговизны), вместо того чтобы передавать концерты Майкла Джексона или Тины Тёрнер. Эх, да его надо прямо в министерство культуры сажать с такими предложениями: мол, зачем народу думать о каких-нибудь проблемах? — давайте-ка лучше ему мозги очередным «Евровидением» полирнём! Впрочем, там это и без Троя понимают и давно так действуют. «Пока народ танцует, он не опасен», — это ещё Меттерних говорил.

Кушниры, трои, рыбины и иже с ними даже не представляют, насколько своими разглагольствованиями они унижают тех, о ком пишут, то есть самих рокеров, которые, надо сказать, не чурались социальных проблем, а, напротив, пытались их по-своему осмыслить и о них заявить, призвать поколение к борьбе за лучшее будущее

1. *Адорно Теодор В.* Исследование авторитарной личности. М., 2012. С. 105.

человечества. Всяких шутов гороховых, марионеток шоу-бизнеса я рокерами назвать не могу и заведомо выношу за скобки.

Корни рок-музыки

Все знают и не устают напоминать, что советский рок вторичен по отношению к року западному. Но давайте не будем забывать, что те же англичане переняли рок-энд-ролл у американцев, а те, в свою очередь, создали его на основе народной музыки африканцев. Мировая культура на протяжении столетий развивается путём контактов и заимствований, новые направления и стили возникают не на пустом месте.

Особенно это актуально для «массовой культуры» двадцатого—двадцать первого веков. Масскульт, для того чтобы существовать, вынужден паразитировать на чужой культуре. В негритянских блюзах чёрные жаловались на свою беспросветную жизнь, а под рок-энд-ролл стали отплясывать сытые белые. Конечно, Элвис Пресли, Бо Диддли, Джерри Ли Льюис—это музыка для танцулек, на которых веселилась благополучная американская молодёжь. Можно безо всяких экивоков сказать, что рок-энд-ролл первой волны был «попсой», в чём-то ещё более примитивной и бездумной, чем поколение поп-звёзд, которому он пришёл на смену (Фрэнк Синатра, Луис Армстронг).

Соединённые Штаты не пострадали в войне—напротив, увеличили свои влияние и благосостояние, вырвав у разрушенной Европы статус центра капиталистического мира. Американской публике не хотелось ни знать, ни помнить ужасов войны, на территории США находили приют бывшие нацистские главари.

Европейская молодёжь была иной, и досуг большинства молодых людей не был таким шикарным. Да и культурное влияние Америки не могло ещё быть таким тотальным, как теперь, из-за меньшей развитости способов сообщения. Музыка распространялась на пластинках, а их ещё предстояло доставить через океан, наладить каналы сбыта…

Неудивительно, что прежде других и наиболее полно рок-энд-ролл восприняла Великобритания. Она стояла ближе к США не только территориально, но и идеологически.

Британская молодёжь была более расположена к восприятию американизированного масскульта. Однако для развития рок-энд-ролла требовалось не только распространение американских пластинок, но и наличие ещё ряда условий: соответствующих инструментов и аппаратуры, студий звукозаписи, площадок для выступлений. А пока всё это формировалось, в Британии бытовал стиль скиффл—эдакий сплав английских народных мотивов с американским диксилендом. Этот стиль был достаточно демократичен, исполнители играли на чём попало: например, в качестве ритм-инструмента использовалась стиральная доска. Особого умения и техники игры этот стиль тоже не требовал.

Кстати, с музыки скиффл начинали и знаменитые «Битлз».

Секрет успеха «Битлз»

Дело не в самих «битлах»

Как известно, «великолепная четвёрка» появилась именно в Ливерпуле, потому что в портовый город быстрее попадали пластинки с записями заокеанских звёзд. «Битлы», как и другие молодые британцы, прониклись американской музыкой и принялись подражать Элвису Пресли, Эдди Кокрану и Джину Винсенту, потихоньку нащупывая свой стиль.

Но дело не только и не столько в самих «битлах», сколько в представителях британского музыкального бизнеса. Они, конечно, давно почуяли, что рок-энд-ролл пахнет деньгами, что он завоёвывает всё бóльшую популярность, и кусали себе локти, глядя на расцвет американской эстрады[2]. Под расцветом в данном случае стоит понимать не рост художественности, то есть формальной и содержательной сложности, а эффектность и прибыльность—собственно, в этом и заключается суть масскульта.

Итак, хозяева британских клубов и танцплощадок стали охотно приглашать к себе начинающие бит-команды и даже приплачивать наиболее успешным, тем, которые хорошо развлекали публику. Это, в свою очередь, мотивировало юных музыкантов серьёзнее относиться к музыке, видеть в ней источник заработка—то есть основное занятие жизни, а не хобби. Так понемногу стала складываться система британского шоу-бизнеса. Парни из бедных семей увидели в рок-музыке социальный лифт, который позволит им если не разбогатеть, то, по крайней мере, не вкалывать на заводе. Стоит напомнить, что все четверо «битлов» происходили из рабочих кварталов Ливерпуля, а их родители относились к рабочему классу или низшим служащим. Отец Джона Леннона работал стюардом на торговом судне, и отец Джорджа Харрисона был моряком, отец Ринго Старра был кондитером, а отец Пола Маккартни—клерком. Забавно, что именно Пол Маккартни, имевший из них наиболее «высокое» происхождение, писал самые коммерчески успешные, попсовые песни,

2. Отличную прибыльность рок-музыки поняли и фирмы грамзаписи: в 60-е и 70-е годы 75–80% их продукции стали составлять именно пластинки рок-музыки. Продажи пластинок в США увеличились с 277 миллионов долларов во время зарождения рока в 1955 году до 600 миллионов в 1959 году и 2 миллиардов в 1973 году (см. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей).

а «чёрные косточки» Джордж и Джон заняли в группе позиции философа и бунтаря.

В формирующейся системе шоу-бизнеса молодёжь получала какой-никакой, пусть тесный, социальный лифт, а хозяева бизнеса получали огромное количество конкурирующих между собой коллективов, между которыми они были вольны выбирать, как капризная невеста.

В этом смысле успех «Битлз» и им подобных команд зависел от целого сонма людей: помимо владельцев клубов, это были также менеджеры вроде Брайана Эпстайна, саунд-продюсеры вроде Алана Парсонса, выковавшего звук «Битлз» и «Пинк Флойд», рекламщики, стилисты и так далее. А уж пересаживаясь на профессиональные рельсы, избранные музыканты-счастливчики получали возможность полностью посвятить себя творчеству, отточить свой стиль, добиться определённого уровня мастерства. Так что можно смело предположить, что если бы на заре их карьеры «битлов» бы вдруг переехал самосвал, то их место немедленно заняла бы другая команда, которая проделала весь тот же путь и писала бы очень похожие песни, так что история рока в целом не изменилась бы.

Как формировался их стиль

Умные продюсеры понимали, что для того, чтобы успешно конкурировать с американскими поставщиками музыкального товара, им необходимо создать собственный уникальный продукт, а посему начинается поиск собственного звучания, эксперименты со способами записи. Также и самим музыкантам даётся зелёный свет для художественного экспериментаторства. Так и формируется особый «ливерпульский» стиль (merseybeat). Усилия не пропали даром: битловская композиция «I Want to Hold Your Hand» впервые потеснила американских исполнителей в американских же хит-парадах и положила начало «британскому вторжению» на сцену США.

Кроме того, Эпстайн серьёзно занялся внешним видом «битлов» и их поведением на сцене. Леннон потом вспоминал, что продюсер заявил музыкантам: «Смотрите, если вы действительно хотите попасть на более высокие площадки, вам придётся измениться: перестаньте есть, ругаться и курить на сцене»[3].

К сожалению, изложение истории «битлов» и иных рокеров слишком часто зацикливается на фигурах самих музыкантов и их творчестве и не замечает тех сил, которые направляли их творчество и определяли его. Нам рассказывают сказки, написанные по шаблону «американской мечты»: вот жили-были такие простые бедные парни, которые любили заниматься музыкой и мечтали пролезть на вершину славы; так они хорошо об этом мечтали, что вдруг выдумали необычный стиль и кучу замечательных песен; их полюбили, заметили, и вот они уже знамениты на весь мир, зарабатывают огромные деньги и бесятся с жиру, выбрасывая телевизоры из окон гостиниц… Однако не будем забывать про такой неотъемлемый элемент шоу-бизнеса (и бизнеса вообще), как контракт. Опутанные по рукам и ногам обязательствами, музыканты являются в прямом смысле частной собственностью своих менеджеров и компаний. Впрочем, на заре шестидесятых «битлам» до этого было ещё далеко, да и сама система шоу-бизнеса в Европе ещё только формировалась, ощупью вырабатывая свои механизмы и подгоняя друг к другу различные элементы.

Пока что звукорежиссёры ещё только изобретали те настройки аппаратуры, которые станут фирменным звуком «Битлз», а сама «ливерпульская четвёрка» выдавала на-гора песни про девчонок.

В связи с чем же произошёл перелом в творчестве «битлов», и благодаря чему их песни стали чем-то бóльшим, чем музыкой для танцулек? Причины опять же стоит искать далеко за пределами черепных коробок самих «битлов».

Почему именно шестидесятые

После Второй мировой войны во всём мире растёт антикапиталистическое движение, авангардом которого становится молодёжь, преимущественно студенчество. Пик этого движения приходится на шестидесятые годы, а кульминацией становятся события «красного мая» в Париже в 1968 году. Кстати, обратите внимание, что именно в 1968–1969 годах выходят самые знаменитые альбомы «классического» западного рока (битловские «White Album» и «Abbey Road», «John Wesley Harding» Боба Дилана, «Waiting for the Sun» группы «Doors», «Crown of Creation» группы «Jefferson Airplane» и так далее). Мы ещё рассмотрим этот вопрос, а пока отмотаем ленту событий на пару лет назад.

Антикапиталистическое движение было крайне неоднородно по своему составу и идеям: от кондовых просоветских местных компартий, боровшихся за победу восточного блока в «холодной войне», до ситуационистов и хиппи, стремившихся низвергнуть власть мирового капитала при помощи художественных экспериментов или оккультных ритуалов. Общим было лишь ощущение, что капитализм — это плохо и так дальше жить нельзя. Его разделяли и студенты, и рабочие, и значительная часть интеллектуалов (в том числе творческая интеллигенция).

Вот как обобщает идеи молодых бунтарей шестидесятых Александр Тарасов: «Бунтующая молодёжь 60-х отрицала рутинную „цивилизацию“ корпоративной Америки — с её ханжеской

3. The Beatles Anthology. Chronicle Books, 2000. С. 67.

моралью, убогим интеллектом, расовыми предрассудками, конвейерной экономикой, пещерным антикоммунизмом, показной религиозностью, стандартизированным образом жизни, позитивистским конформистским мышлением. Она требовала создания нового общества—общества без репрессивной морали, без репрессивных политических институтов, без примата конформизма, без игнорирования интересов личности, без отчуждения, общества, где творческая деятельность, самовыражение, самореализация таланта были бы в чести, а не в загоне. Независимо от того, к какому сообществу принадлежали бунтари—к хиппи, йиппи, „новым левым", борцам за гражданские права, борцам за равноправие негров, пуэрториканцев, индейцев, чиканос, к рок-культуре, „параллельному кино", „вне-бродвейскому театру", „психоделической живописи", движению за новый образ жизни (коммуны) или к „движению Иисуса",—представления молодых бунтарей радикально отличались от представлений их отцов»[4].

Эти настроения не могли не захватить и «битлов», ведь тогда звёзды рока не были ещё отделены от окружающей жизни заборами собственных вилл и бортами своих яхт. На битловском альбоме «Rubber Soul» 1965 года уже появляются написанные Джоном Ленноном при некотором участии Пола Маккартни песни «Nowhere Man» и «The Word».

В первой из них высмеивается мещанин, обыватель, не задумывающийся над смыслом своей жизни.

Любовь, которая упоминается в песне «The Word» («Don't you know, the word is love?»),—это уже не пубертатная тяга к девочке, а нечто большее. Чувство любви для молодёжи шестидесятых распространяется не только на полового партнёра, но на всё человечество, выражает новый принцип мирового устройства. Когда рокеры пели о любви, то они требовали отказа от всех войн, причём не только от войн между государствами, но и от «войны всех против всех», войны за место под солнцем, на которой основано капиталистическое общество.

Английский журналист Саймон Фрит дал такое описание настроениям молодёжи: «Возможно, атмосфера 67-го лучше всего может быть выражена словом „оптимизм". Люди—и особенно молодые—чувствовали, что всё может быть (и будет) лучше. Юность полагала, что может завоевать весь мир; и музыка отражала настроение этого момента. <…> Музыка не стала символом ухода для разочарованного поколения; она стала символом поколения, почувствовавшего способность осуществить реальные перемены—социальные, политические и личные»[5].

«Моя семья—это все те, кто чужие слёзы ценит как свои собственные»,—говорил кумир молодёжи шестидесятых Эрнесто Че Гевара. А один из идейных вдохновителей «новых левых» философ Эрих Фромм писал: «Любовь, которая может относиться только к одному человеку, уже самим этим фактом доказывает, что она не любовь, а садистско-мазохистская привязанность. Возвышающее утверждение личности, заключённое в любви, направлено на возлюбленного как на воплощение всех лучших человеческих качеств; любовь к одному определённому человеку опирается на любовь к человеку вообще».

Эту же идею выразили «Битлз» в песне «All You Need is Love», которая стала своеобразным гимном движения хиппи. Но стала не потому, что открыла какие-то новые идеи, а потому, что соответствовала уже сложившимся и укрепившимся убеждениям протестной молодёжи. Это важно понимать: рокеры не повелевали мнением аудитории, как это пытаются преподнести нам сегодня, а лишь откликались на него, стремились выразить. Те, кому удавалось сделать это предельно точно и ярко, и становились глашатаями поколения. Не устану повторять простую, но абсолютно недоступную современным публицистам мысль Бертольда Брехта: «Ведомые ведут ведущих».

По мере того, как менялась западная молодёжь шестидесятых, менялись и рокеры. В 1968 году Джон Леннон в знак протеста против участия Великобритании в биафро-нигерийской войне возвратил правительству свой из четырёх орденов Британской империи, которые с такой помпой были вручены «битлам» в 1965 году премьер-министром Вильсоном «за вклад в развитие британской культуры и её популяризацию по всему миру».

Боб Дилан

Историки «Битлз» указывают на влияние на «битлов» творчества Боба Дилана, которое стало ощутимо уже в альбоме «Revolver» 1966 года. Сам Джордж Харрисон утверждал, что четвёрка заслушала записи американского фолксингера до дыр. Но и здесь мы должны присмотреться не к самому Бобу Дилану, а к тому, что стоит за ним. Боб Дилан, безусловно, талантливый автор, но не бывать ему столь популярным, если бы он не откликнулся на те проблемы, которые волновали молодёжь, и если бы он не предложил такое решение этих проблем, какое она (молодёжь) уже нашла.

Наследие Джо Хилла

Боб Дилан пришёл в рок из фолксингерской среды, которая была гораздо более политизированной. Американский фолк как явление старше

4. *Тарасов Александр.* Молодёжь как социальный бульдозер. http://saint-juste.narod.ru/buld_tup.html
5. Цит. по: «Гражданская оборона» наступает, или Апология нигилизма. Иов, 1989. «ДВР» № 8.

рок-энд-ролла, представители этого направления были гораздо теснее связаны со «старыми левыми», с рабочей средой. Например, знаменитый фолксингер Пит Сигер состоял в коммунистической партии США. Фолксингеры—вроде наших бардов, но куда политизированнее и «зубастее». В отличие от Галича или Кима, они не просто критиковали или высмеивали режим, но открыто призывали слушателей его изменить.

Первым, если не по старшинству, то по значению, фолксингером считался Джо Хилл, творивший песни и историю ещё во время Первой мировой войны. Джо Хилл был не просто участником, но лидером американского рабочего движения и был расстрелян по сфабрикованному властями обвинению в 1915 году.

Песни для него были не просто искусством, но оружием политической борьбы. «Листовка, как бы хороша она ни была, читается только один раз. Песня же выучивается наизусть и повторяется многократно. И я твёрдо убеждён в том, что если кому-то удастся выразить несколько холодных, всем известных фактов в песне и одеть их в юмористические одежды, чтобы они утратили свою сухость, то он сумеет достучаться до гораздо большего числа рабочих, слишком ограниченных и равнодушных для того, чтобы прочесть листовку или статью об экономике»[6],—говорил он.

И его песни становились музыкальными листовками. Например, в песне «The Preacher and the Slave», написанной на мотив знаменитого религиозного гимна, он разоблачал стремление проповедников примирить угнетённых с несправедливостью, заставить их отказаться от борьбы за лучшую жизнь, обещая им посмертное воздаяние.

Long-haired preachers come out every night
Try to tell you what's wrong and what's right
But when asked how 'bout something to eat
They will answer in voices so sweet

You will eat, bye and bye
In that glorious land above the sky
Work and pray, live on hay
You'll get pie in the sky when you die

В сущности, эта песня стала прекрасной иллюстрацией тезиса Маркса о том, что «религия есть опиум народа». В другой знаменитой своей песне—«Casey Jones—the Union Scab»—Джо Хилл порицал штрейкбрехерство. Эта песня была переведена на русский язык, её исполнял Леонид Утёсов:

Кейси Джонс с машины не слезает.
Кейси Джонс обычный держит путь.
Кейси Джонс—покорный раб хозяев,
Они ему повесили медаль на грудь.

После гибели Джо Хилла от рук правительства ему была посвящена также ставшая популярной песня «I Dreamed I Saw Joe Hill Last Night», в которой выражена идея бессмертия народного героя (эта песня также была переведена на русский язык):

Убить Джо Хилла не смогли
Ни петля, ни ружьё.
Союз рабочих всей Земли—
Бессмертие моё.

И знай, когда рабочий класс
В последний выйдет бой,
С друзьями будет среди вас
Джо Хилл, всегда живой!

Боб Дилан и фолксингеры

Именно продолжателями дела Джо Хилла считали себя американские фолксингеры Вуди Гатри, Джо Глэйзер, Пит Сигер, Фил Окс и другие. Они исполняли песни Джо Хилла и другие популярные народные песни, рассказывающие о нелёгкой жизни бедняков, а также сочиняли свои. Например, Вуди Гатри написал песню «Miss Pavlichenko», в которой восхищался героизмом советской женщины-снайпера, а Пит Сигер—песню «Big Muddy», в которой говорил о том, что лидеры США завели страну в трясину и пора бы перестать им подчиняться.

Сам Боб Дилан признавал большое влияние Вуди Гатри на своё раннее творчество. Большая часть репертуара Дилана поначалу состояла из песен Гатри. У него Дилан заимствовал гитарные приёмы, подражал его манере пения.

Песни фолксингеров были порой плакатны, но просты и понятны, они были не способом развлечься, а призывом к действию. Даже когда они исполняли песни неполитического содержания, общественные, политические взгляды исполнителей окрашивали эти песни. Вообще, сам факт посещения концерта политически активного фолксингера уже являлся определённым выбором, тем более что многие песни на концертах исполнялись хором.

Посему считалось, что фолк предназначен для думающей, политически активной аудитории, а рок-энд-ролл—для дураков и конформистов. Вот почему переход Боба Дилана в стан рок-энд-ролла и выступление в сопровождении электрических инструментов многие сочли предательством, капитуляцией перед масскультом. Рок-выступление Дилана на фолк-фестивале в Ньюпорте было освистано, а на концерте в Манчестере из толпы раздался возглас: «Иуда!»

В начале шестидесятых Боб Дилан выступал в одиночестве, аккомпанируя себе на гитаре и губной гармошке. Он исполнял как народные песни вроде «Lonesome River Edge» или «Back Door

6. Письмо издателю газеты «Солидарность» (Solidarity) от 29.11.2014.

Blues», так и собственные, остриё которых было направлено против социальной несправедливости и войн,—например, «Masters of War» и «With God on Our Side». В последней песне высмеивается ханжество, с которым организаторы войн всегда объявляют своим сообщником Господа Бога, а также кратко описываются чёрные страницы истории США—от геноцида индейцев до готовности обрушить ядерное оружие на советских людей. Откликом на Карибский кризис, предостережением против ядерной войны стала и песня «A Hard Rain's a-Gonna Fall».

Популяризатором творчества Дилана стала фолк-певица Джоан Баэз, с которой Дилан был тогда помолвлен.

Зенит славы и переход к року

Альбомы 1964 года «The Times They Are a-Changin'» и «Another Side of Bob Dylan» ещё шире раскрыли талант Дилана и подтвердили его протестную, бунтарскую позицию. Например, песни «Blowin' in the Wind» и «The Times They Are a-Changin'» стали гимнами левой молодёжи. Сегодня официозные писаки пытаются выставить Боба Дилана тех лет пламенным борцом за «либеральные ценности», но это совершенная чушь. Молодёжь, которая подпевала песням Дилана, активно боролась с буржуазным обществом и презирала либеральную риторику. То, что в итоге вместо революции и построения социалистического общества они получили лишь ряд либеральных реформ и чуть более расширенные гражданские права, вовсе не означает, что именно это они и ставили своей конечной целью. Молодёжь искала не мелких улучшений внутри существующего общества, а коренной переделки самого этого общества, изменения его основ. Вот почему «перемены», о которых поёт Дилан тех лет, обретают в его песнях космический масштаб и сравниваются со «вторым пришествием».

В текстах дилановских рок-песен чувствуется влияние поэзии Джона Китса и Артюра Рембо, что проявляется в усложнении, углублении литературных образов, обогащении языка. Однако здесь уже проявляется определённая двойственность. Если Рембо был духовным наследником Французской революции, участвовал в восстании Парижской коммуны, был ярым противником буржуазии и врагом мещанства, то Китс был певцом собственной души, зацикленным на своём внутреннем мире, чуждым гражданским или гуманистическим чувствам. Конфликт между общественной и узкоиндивидуальной установками должен был однажды разрешиться в ту или иную сторону. Ну а пока новый характер поэзии потребовал новой музыкальной формы.

Вообще, Дилан собирался исполнить свои песни в сопровождении рок-группы ещё в 1963 году при записи альбома «The Freewheelin' Bob Dylan», но продюсеры (о влиянии которых на творчество западных рок-музыкантов никогда нельзя забывать) не допустили этого. Шоу-бизнесмены, ведавшие делами Дилана, изменили своё отношение к року на рубеже 1964 и 1965 годов, после того как дилановские песни, сыгранные рок-группами, например, «Mr. Tambourine Man» в исполнении «The Byrds», поднялись на вершины американских хит-парадов.

Стоит отметить, что переход из сообщества фолксингеров к поп-культуре был в том числе намечен и расставанием с Джоан Баэз и бурным романом с Эди Седжвик—светской львицей, актрисой киностудии Энди Уорхола.

В новом качестве

Перейдя в стан рок-энд-ролла, Боб Дилан показал, что и в «электричестве» можно исполнять социально заострённые, протестные песни.

На альбоме 1965 года «Highway 61 Revisited», первом полноценном ро́ковом альбоме Дилана, появляется песня «Tombstone Blues»—поток метафор, в числе которых Джек-потрошитель в роли председателя Торговой палаты, а также босоногая мать, работающая на фабрике. Сама форма организации текста в виде потока образов неплохо подходила для отражения того, что происходило в головах обывателей: окружающая действительность представлялась им карнавалом абсурда. В подражание этой песне впоследствии Майк Науменко создаст свой «Пригородный блюз», а Борис Гребенщиков—«Древнерусскую тоску».

В песне «On the Road Again» с альбома «Bringing It All Back Home», вышедшего в том же году, Дилан изображает американское общество в виде дома, в котором живут сумасшедшие, и заканчивает песню словами: «И ты ещё спрашиваешь, почему я не живу здесь? А я удивляюсь, почему ты не уезжаешь». Конечно, автор имеет в виду не эмиграцию, не переезд в другую страну, и слушатели это отлично понимали.

Таким образом, можно констатировать, что переход от фолка к року позволил певцу освободиться от традиций и требований музыки рабочего протеста, позволил таланту Дилана расцвести; если сравнить прозрачную ясность и даже некоторую наивность песен вроде «Blowing in the Wind» или отчётливую публицистичность «Masters of War» со сказочной пестротой «Changing of Guards» или метерлинковской загадочностью «All Along the Watchtower», то становится очевидным, что Дилан вышел на совершенно новый уровень творчества и открыл в своём таланте новые грани.

Но, вместе с освобождением от идейных и художественных рамок движения фолксингеров, творчество Дилана стало и более бесформенным, его

позиция стала скрываться за цветистостью фраз и усложнённостью символов и метафор.

Например, в песне «I Wanna Be Your Lover» внезапно всплывают Федра и Распутин. Зачем? Бог весть. Автор щеголяет эрудицией и предлагает слушателю сыграть с ним в «Что? Где? Когда?» — угадать, какое отношение перечисляемые персонажи имеют к соседним строчкам песни. Угадали? Молодцы. Выводов делать не нужно — пора переходить к следующей песне.

Метафоры становятся самоцелью, их разгадывание превращается для слушателей в забавную игру, которая подменяет собой размышления над мыслью и позицией автора. По проторённой Диланом дорожке ринулись многие рокеры, превратившие своё творчество в яркий иллюзион; наиболее последовательным русскоязычным подражателем Боба Дилана стал Борис Гребенщиков, получивший за это прозвище Боб и сфотографировавшийся для обложки альбома «Все братья — сёстры» со сборником дилановских текстов в руках.

Итак, Дилан ярко и образно критикует западное буржуазное общество, используя для этого весь арсенал новейших музыкальных средств. Но какой выход он предлагает? Пока Дилан был фолксингером, само собой подразумевалось, что он разделяет методы своих собратьев по гитаре. Фолксингеры же являлись членами различных коммунистических и социалистических движений. В большинстве своём они выступали за организацию общественного давления на правительство при помощи демонстраций и иных массовых акций в целях проведения социалистических преобразований, а также продвижения кандидатов-социалистов на руководящие государственные посты. Отсюда призывы к солидарности и миру в таких песнях, как «We shall overcome» и «Which side are you on?». Пожалуй, наиболее радикальную позицию среди них заняла Малвина Рэйнолдс (будущий автор песен для «Улицы Сезам»), сочинившая песню «It isn't nice», в которой заявляла, что невозможно добиться перемен, придерживаясь рамок закона.

It isn't nice to block the doorway,
It isn't nice to go to jail,
There are nicer ways to do it,
But the nice ways always fail.

В песне она прямо заявляла, что власти в борьбе с левыми ведут себя отнюдь «не мило» и с лёгкостью нарушают собственные законы, когда им это надо. Однако Рэйнолдс призывала не к ответному насилию, а лишь к более смелой агитации, не более того.

Дилан свёл счёты со своим прошлым и посмеялся над прямолинейностью и политизированностью американских бардов, в песне «Desolation Row» обронив:

Everybody's shouting
"Which side are you on?"
And Ezra Pound and T. S. Eliot
Fighting in the captain's tower
While calypso singers laugh at them.

Эстетство, религия, шоу-бизнес

Но стоит отметить, что разрыв с прежней аудиторией и товарищами по сцене дался Дилану не так-то легко. После трёх хитовых ро́ковых альбомов («Bringing It All Back Home», «Highway 61 Revisited», «Blonde on Blonde») он пережил серьёзный творческий кризис, так что, воспользовавшись произошедшим несчастным случаем (или только слухами о таковом), на некоторое время исчез с глаз публики. А уже следующий альбом «John Wesley Harding» был определённой данью прошлому — тексты его стали проще, мелодии спокойнее, с налётом фолка и кантри.

И всё-таки Дилан сделал свой выбор — в пользу рок-сцены и большого шоу-бизнеса. Изменил ли он свои идейные установки? Конечно, ничего нового певец изобрести не мог, он мог лишь поддержать одну из уже существовавших позиций. Какие же методы борьбы с властью денег, полицейским террором и разнузданностью войн применяла молодёжь тех времён?

Помимо легальных методов политической борьбы, за которые стояло большинство фолксингеров[7], существовал революционный путь партизанской борьбы, продемонстрированный всему миру Фиделем Кастро и Че Геварой, существовал путь индивидуального террора, по которому пытались идти отдельные группы, вроде RAF и «Weathermen». Всё это были методы борьбы, изменения мира, исправления его несовершенств. Существовал путь капитуляции и бегства — в религию, в наркотики, в эстетство.

Легко догадаться, какой из двух путей, борьбы или бегства, был менее опасен для истеблишмента и к какому из них власть настойчиво подталкивала молодых бунтарей. Сам Боб Дилан пошёл по религиозной тропинке. Несправедливости капиталистической системы он противопоставил мир индивидуальных мистических переживаний, религиозное морализаторство, то есть стремление накормить себя и окружающих тем самым «небесным тортиком» («Pie in the Sky»), о котором в своё время предостерегал рабочих Джо Хилл.

Кстати, Боб Дилан своеобразно отдал дань этому великому певцу в песне «I Dreamed I Saw

7. Отмечу, что, конечно, не абсолютно все фолксингеры придерживались левых, антикапиталистических взглядов. Правительство и церковь пытались взращивать своих собственных карманных менестрелей, но, как ни странно, они всё же оставались *маргиналами* в той обстановке общественного подъёма.

St. Augustine» на альбоме 1968 года «John Wesley Harding». Конечно же, эта песня является переделкой знаменитой «I Dreamed I Saw Joe Hill last night», только на место рабочего лидера, отдавшего жизнь в борьбе за счастье угнетённых, автор ставит церковного проповедника.

I dreamed I saw St. Augustine
Alive as you or me
Tearing through these quarters
In the utmost misery

Кстати, ещё один почитатель творчества Дилана, автор текстов песен группы «Nautilus Pompilius» Илья Кормильцев, почти дословно перевёл эту песню, заменив только главного персонажа, Августина, на Христа—так что у него получилось «Мне снилось, что Христос воскрес». Обратите внимание, что стихотворный размер песни Кормильцева абсолютно совпадает с ритмом песни Дилана и, соответственно, песни о Джо Хилле. Мало того, Кормильцев ещё раз возвратился к этому тексту Дилана в песне «Труби, Гавриил, труби!».

Конечно, Блаженный Августин Дилана выступает обличителем современного общества, бессребреником и мучеником. Но герой песни, а вместе с ним и Боб Дилан критикуют капитализм с религиозных позиций, от имени христианской нравственности.

Не на высоте религии и рок-культуры

Многие религиозные проповедники шестидесятых, как и певцы, тоже были настроены антикапиталистически: одни—искренне, другие—чтобы удержать паству.

Достаточно вспомнить такое явление двадцатого века, как «теология освобождения»—учение, доказывавшее, что всякий христианин обязан быть революционером. Например, католический священник Оскар Ромеро с позиций христианства выступал против войн, социального неравенства. Справедливость он ставил выше церковной субординации. «Я готов на всё ради единства церкви, но я не могу идти против своей совести»,—говорил он. За непримиримость своих взглядов и популярность в народе он и был убит агентами ЦРУ.

Впрочем, до такой высоты христианской нравственности Боб Дилан не поднялся. Его христианство было куда более умеренным и респектабельным. Видимо, аморфность позиции (при бесспорном поэтическом таланте) и позволила Дилану получить огромную популярность среди людей различных взглядов и жить долго и счастливо, заработать кучу денег, пользоваться благосклонностью властей и получать от них всевозможные награды, в то время как более неистовые и принципиальные рокеры умерли молодыми.

В 1978 году Дилан объявил, что заново открыл для себя христианство, его альбомы начинают напоминать сборники церковных гимнов. Но и в этом повороте мы можем видеть дыхание эпохи: левое движение в США и Европе выдохлось, группки радикалов были разгромлены, массовые движения потеряли свою массовость, старшее поколение идеологов сошло в могилу, бывшие молодёжные лидеры пересели в чиновничьи или менеджерские кресла, в Советском Союзе царил «застой». Потерпевшие поражение дети искали способа примириться с миром отцов. Религиозный эскапизм предоставлял им такую возможность.

Кстати, даже сама природа поэтического таланта Дилана может быть отчасти объяснена его христианскими взглядами и жидкостью политических убеждений. Обратите внимание на особенности стилей других религиозных авторов, например, Честертона или Гребенщикова. Вычурность и чрезмерная усложнённость фраз Честертона, его утомительное многословие и постоянные парадоксы или многослойное нагромождение цитат в песнях Гребенщикова вызваны тем, что им, в сущности, нечего сказать. Причём не только публике, но и самим себе. Приблизиться к своим кумирам вплотную—это значит разглядеть их искусственность, придуманность. Кстати, именно воспетый Диланом Блаженный Августин сказал своему Богу: «Если бы я увидел себя, я бы увидел Тебя»,—видимо, не догадываясь, насколько атеистически звучит эта мысль. Пристальный и прямой взгляд на Творца открывает, что Он сам является творением—созданием фантазии верующего. Отсюда у религиозных писателей эта ситуация притяжения-отталкивания: они, с одной стороны, постоянно пишут о предмете веры, пытаются приблизиться к нему, но одновременно и скрывают лик божества за множеством масок-аллегорий, удаляются от него на почтительное расстояние, опутывают предмет веры многослойной пёстрой шелестящей обёрткой слов, образов.

Как когда-то фолксингеров, на этот раз Боб Дилан предал протестный рок. Многие бывшие поклонники и коллеги-рокеры обвинили Дилана в ханжестве. Джон Леннон откликнулся на его песню «Gotta Serve Somebody» о служении Богу композицией «Serve Yourself»:

You say you found Jesus Christ, he's the only one
You say you've found Buddha sittin' in the sun
You say you found Mohammed facin' to the East
You say you found Krishna dancin' in the street

Well there's somethin' missing in this God Almighty stew
And it's your mother
You got to serve yourself
Nobody gonna do for you.

Боб Дилан докатился по пути религиозной благости до того, что в 2009 году выпустил диск рождественских песенок. Критики расхвалили релиз,

заодно сравнив Дилана с фолксингером Бёрлом Айвзом[8]. И это сравнение весьма символично, ведь Бёрл Айвз поначалу дружил с американскими коммунистами, но как только оказался в чёрных списках, отрёкся от своих друзей, а на некоторых и настучал в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, после чего отказался от политики и принялся петь рождественские песенки. Зато и карьера Айвза пошла в гору, и награды всяческие подоспели. Так что сравнение с Айвзом, может быть, и преподносилось критиками как похвала, но Боба Дилана должно было бы насторожить.

Ведомые ведут ведущих

Однако Боб Дилан, при всём своём непостоянстве и скрытом конформизме, всё же остаётся выдающимся поэтом, он выразил множество нюансов чувств и мыслей американца двадцатого века, хотя это именно оттенки и нюансы — главного он предпочитает не касаться. Он может заявлять ту или иную позицию в своих интервью, но песни его остаются достаточно абстрактными и идейно расплывчатыми, что и делает их приемлемыми для любых площадок и любой аудитории.

Повторюсь, ведомые ведут ведущих, и описанный поворот в творчестве Дилана был обусловлен кризисом рабочего, профсоюзного движения, кризисом «старых левых» и увлечением молодёжи карнавальными формами протеста, ростом эскапистских настроений.

Если перегной является отличным удобрением для цветов, то и рок-культура расцвела благодаря разложению молодёжного протеста, переходу его в чисто культурные формы. Помните, «мечтатели» Бертолуччи задавались вопросом, почему во Франции нет знаменитых рок-групп? Не потому ли, что французское студенчество в 1968 году дралось на баррикадах, то есть было поглощено реальной борьбой за изменение окружающего мира, в то время как молодёжь Англии смотрела на них со стороны и наигрывала на электрогитарах?

«Пока народ танцует — он не опасен», — эту мысль Меттерниха отлично (хотя и с различной скоростью) усвоили правительства различных западных государств и открыли шлюзы для творческого самовыражения молодёжи, пусть даже это творчество где-то и оскорбляло вкус добропорядочных граждан. Уж лучше допустить эпатаж, пусть лучше молодые бунтари оскорбляют существующий порядок словом, но не делом. «Мы перебесимся и станем как вы», — иронично отметил шахназаровский курьер. Так оно и вышло.

«Аквариум» — недоразгаданная тайна

Мифология группы «Аквариум» приписывает Борису Гребенщикову и его команде два подвига: 1) борьбу с советской идеологией и 2) пропаганду религии в стране научного атеизма. Однако если бы кто похвалил БГ за это в начале восьмидесятых, тот бы, наверное, посмеялся или обиделся. Даже из комсомола Гребенщиков вышел не добровольно, а был исключён, да и то не за какое-то протестное поведение, а по чистому недоразумению: на тбилисском рок-фестивале из-за плохого качества аппаратуры жюри вместо строчки «выйти замуж за Ино» услышало «выйти замуж за сына» и сочло это пропагандой инцеста. При этом в созданный под патронажем комсомола (и с подачи КГБ) ленинградский рок-клуб «Аквариум» был принят одним из первых. А главный соратник и соавтор Гребенщикова Анатолий Гуницкий и вовсе вошёл в совет этого рок-клуба. «Аквариум» активно выступал, в том числе на концертах под коммунистическими лозунгами, и не встречал в этом никаких помех и не видел в этом никакой проблемы.

В 1983 году главное молодёжное издание, «Московский комсомолец», признало «Аквариум» группой номер три в СССР, в 1984 группа уже заняла в этом рейтинге второе место, а в 1987 году журнал «Юность» объявил «Аквариум» группой номер один в Союзе. На протяжении восьмидесятых группа буквально не вылезает из телевидения, раздаёт интервью и даже снимается в кино. Не всякому писателю или художнику так везло, будь он хоть трижды коммунистом. Так что позднейшие заявления участников и историков группы о каком-то там «подполье» звучат не только необоснованно, но даже нескромно: а чего им ещё было надо — чтобы Горбачёв на подтанцовке сплясал?

Когда «Аквариум» только начинался, в песнях Бориса Гребенщикова не было ничего не только антисоветского, но и мистического. Их смысл хотя и был изложен довольно заковыристым языком, однако вполне укладывался в рамки советской идеологии периода «застоя».

Возьмём один из первых релизов «Аквариума» — «Синий альбом» 1981 года.

В самом деле, что такого потустороннего или протестного в песне «Герои рок-н-ролла» («Молодая шпана»)?

Ну, сетует автор на то, что не видит вокруг себя талантливой молодёжи. В СССР постоянно говорили о «воспитании достойной смены» и тому подобное. Хоть в «Пионерскую правду» этот текст отправляй.

Текст песни «Чай» («Гармония мира не знает границ — сейчас мы будем пить чай») вообще напоминает бытовую зарисовку.

Что непонятного в песне «Железнодорожная вода»?

8. Bob Dylan takes the Christmas spirit to "Heart". http://usatoday30.usatoday.com/life/music/reviews/2009-10-12-dylan-christmas-album_N.htm

Мне нравится лето тем, что летом тепло.
Зима мне мила тем, что замёрзло стекло.

Разве что не так уж очевиден смысл самого образа «железнодорожной воды». Но это не от скрытности или сложности, а, скорее, от невнятности образа. Как позже объяснял сам Гребенщиков, образ «железнодорожной воды» родился в его сознании под впечатлением от света ночных фонарей, который причудливо отражался на рельсах Финляндского вокзала. Просто вместо того, чтобы разъяснить этот образ, развернуть его до метафоры, Гребенщиков предпочёл напустить психоделического тумана.

Да, и ещё в этой песне есть слова: «…голый в снегу при свете полной луны»,—которые принято интерпретировать как намёк на практику дзэн. Есть пара песен, отсылающих к растафарианству («Рутман», «Единственный дом»), но они скорее напоминают стилизации.

Разве всё это идёт в сравнение, например, с песенками Дольского или Окуджавы, которые куда сильнее отклонились от коммунистической идеологии вправо и гораздо смелее двинулись навстречу религиозным настроениям или ностальгии по царской России?

Дольский ещё в 1970 году в песне «Господа офицеры» поминал и «суд Божий», и «господ офицеров—голубых князей». Булат Окуджава в 1976 году на вечере поэзии в Лужниках преспокойно исполнял свою «Грузинскую песню», в которой есть и Бог, и «синий буйвол, и белый орёл, и форель золотая». А ведь ни Окуджаву, ни Дольского не назовёшь ни диссидентами, ни борцами за идею—обычные вполне официозные барды своего времени.

Я говорю это всё к тому, что не стоит, разглядев в песнях раннего «Аквариума» что-то эдакое, не совсем похожее на гимн СССР, тут же записывать участников группы в бунтари. Если посмотреть на творчество этой рок-группы (да и многих других) в более широком контексте, то есть хотя бы на фоне творчества признанных советских авторов, то становится очевидно, что в плане текстов, смысла песен рокеры держались от границы дозволенного на почтительнейшем расстоянии и делали новый шаг в её направлении не раньше, чем другие эту границу отодвигали.

Можно заявить, что запрет распространялся не на слова, а на звук, что запрещён был сам роковый стиль. Но надо сказать, что именно «Синий альбом» исполнен в мягком камерном стиле, ничего раздражающего слух советского обывателя в нём не было: акустическая гитара, бонги, губная гармошка. Это было обусловлено как техническими причинами (отсутствие электрических инструментов), так и причинами идейными (увлечение членов группы творчеством Боба Дилана и музыкой регги).

Кстати сказать, даже кумир Бориса Гребенщикова Боб Дилан на тот момент уже на всю голову болел христианством. Его альбом 1980 года «Saved» буквально напичкан христианскими проповедями, в то время как Гребенщиков до начала восьмидесятых всё ещё держит в своём творчестве дистанцию по отношению к религии.

Как правило, рокеров преследовали за незаконную экономическую деятельность, то есть проведение подпольных концертов, где со слушателей взимались деньги. Действительно, даже за квартирный концерт популярный исполнитель получал неплохие деньги, и этот вид дохода мог составлять солидную (если не основную) часть его заработка. Такая деятельность была запрещена советским законом, преследовалась и каралась. На нелегальные концерты милиция устраивала облавы. Но лично Гребенщикову они были не страшны: он имел неплохие связи и нередко узнавал об облавах заранее.

Но вернёмся к песням. Со временем они становятся всё более вычурными в плане текстов, теперь Гребенщиков подражает не раннему Бобу Дилану, а… позднему Бобу Дилану. У него Гребенщиков заимствует приём нагромождения цитат, которым БГ начинает пользоваться, чтобы оглушить, подавить слушателя, прикрыть хитросплетениями отсылок бедность содержания и создать иллюзию некоего потаённого смысла, до которого слушателю якобы никогда не добраться. Поскольку текст воспринимается на слух, то аудитория успевает расшифровать лишь часть гребенщиковских шарад, и после прослушивания песни у неё остаётся приятное чувство прикосновения к некой недоразгаданной тайне.

Вообще, говорить о том, какой смысл вкладывал Борис Гребенщиков в свои песни, довольно трудно, потому что, несколько раз поймав его, мягко говоря, на довольно буквальном подражании другим авторам, начинаешь сомневаться: а не является ли и эта строчка и этот образ очередным заимствованием?

Однако жизненным материалом для всех этих песен служила жизнь обычного представителя богемы, в них постоянно упоминаются домашние концерты, пьянки, хождение в гости и непрерывные встречи-расставания с девушками.

Сегодня на редкость задумчивый день,
А вчера был дождь, играть было лень.
Наверное, завтра; да, завтра наверняка;
Во славу музыки
Сегодня начнём с коньяка…
(«Мой друг музыкант»)

Там, где я пел, ты не больше чем гость,
Хотя я пел не для них.
Но мы станем такими, какими они видят нас,—
Ты вернёшься домой,
И я домой,
И все при своих.
(«Гость»)

И так до бесконечности. Причём чем более любой певец «профессионализируется», тем более он замыкается в кругу этой самой профессиональной деятельности и начинает петь о том, как певец поёт песни, да о том, как развлекается после концертов. В лучших своих вещах этой поры («Мой друг музыкант», «Иванов») Гребенщиков поднимается до критики бездумного богемного житья-бытья, но в конечном итоге оправдывает богемную среду тем, что она порождает искусство. Искусство, по Гребенщикову, в оправдании не нуждается, оно хорошо безотносительно к тому, каково его качество и приносит ли оно хоть какую-то пользу окружающим. Впрочем, это тоже не его выдумка. Подобные идеи, восхваления некоего абстрактного искусства, образа художника-чудодея, идеалистическая вера в преобразующую силу искусства, которая способна исправить мир безо всяких революций, уже вовсю раздавались в советском искусстве и отражали кризис официальной идеологии.

Собственно, не о том же ли говорили Стругацкие в «Гадких лебедях», представив в качестве преобразователей всего мира учителей-интеллигентов (хотя бы и с суперспособностями)?

Да и среди рокеров Гребенщиков в превозношении представителей искусства был не одинок — вспомните Константина Никольского с его «Музыкантом» и Алексея Романова и его «Городок».

Конечно, идея преобразования мира исключительно силами искусства (или педагогики) очень заманчива. Тут не нужно ни долгой и жертвенной политической борьбы, ни отвоевания власти у более сильного противника — просто выходишь на подиум и «нажимаешь ногой на мощный фуз». Красота!

Кстати, эта идея таит в себе и элемент презрительного отношения к окружающим: как же, они ни стихов доселе не слыхивали, ни музыки, а теперь гений-музыкант им сыграет что-нибудь лирическое, и люди за ним, как за пророком, хоть на край света пойдут. Нет уж, извините, чтобы люди за тобой пошли, нужно, во-первых, перелопатить гору книг, изучить целый ряд гуманитарных дисциплин, во-вторых, глубоко понять этих самых людей, понять их самые главные, самые неотложные нужды и заветные мечты, и, наконец, в-третьих, упорным трудом на деле доказать, что ты не трепач, что ты готов за народное счастье жизнь положить. А герои рок-энд-ролла зачастую даже элементарно не в состоянии бросить пить. В какую светлую даль за ними идти? Дальше кабака не уйдёшь.

Не сомневаюсь, что Гребенщиков от многих собратьев по сцене выгодно отличается в плане образованности и начитанности, но всё же в идейном плане он всегда оказывался вторичен по отношению к другим авторам и выступал лишь более или менее успешным транслятором уже открытых идей.

При всём вышесказанном, я не хочу сказать, что песни Гребенщикова и ему подобных плохи. Всё относительно. Борис Борисыч проигрывает в таланте своим предшественникам бардам (как американские рокеры кое в чём уступали фолксингерам) или поэтам вроде Евтушенко и Рождественского, зато творчество «Аквариума» превосходит почти все песни современной попсы (к попсе отнесём и большинство современных рокеров). Всё-таки в начале восьмидесятых популярность гуманистических идей в мире была ещё достаточно высока, США не установили мировую гегемонию и культ потребления, так что даже индивидуалист и сноб тех времён выглядел и звучал гуманнее современных авторов. Например, сегодня строчка «Дайте немного воды сыновьям молчаливых дней» звучит как откровение: надо же, автор не для себя просит и не для своей подруги, а для других людей, за всё поколение радеет! Кстати, тема песни «Сыновья молчаливых дней» вполне традиционна для советского искусства восьмидесятых: речь идёт о поколении времён культа личности, забитость и покорность которого осуждали ещё шестидесятники.

По мере развёртывания перестройки, когда гласность была декретирована сверху, вместе со всеми стал смелеть и Гребенщиков, да и то с оглядкой и не в первых рядах. С 1985 года, который считается началом перестройки, в песнях Гребенщикова начинает всё настойчивее появляться образ весны, противопоставляемой зиме.

Сегодня принято считать, что БГ чудесным образом прозрел предстоящий развал «тоталитарного Союза» и наступление рыночного рая, в котором мы до сих пор киснем. Однако, повторюсь, достаточно хотя бы поверхностно познакомиться с публицистикой и искусством тех лет, чтобы увидеть: на первых этапах перестройка подавалась народу в виде второй хрущёвской «оттепели», и именно так её понимало подавляющее большинство интеллигенции. Тогда были выпущены на экраны многие снятые в шестидесятых фильмы (например, в первоначальном, неурезанном виде вышли «Тугой узел» и «Застава Ильича»), было снято табу с имени Хрущёва, вышло несколько посвящённых ему книг (например, «Хрущёв Никита Сергеевич. Материалы к биографии», в которой представлены отзывы Михаила Ромма, Андрея Вознесенского, Роя Медведева). Интеллигенция такую трактовку разделяла и поддерживала. А поскольку рокеры относились всё-таки к наименее образованной (в силу молодости, богемного образа жизни) части интеллигенции, то они оказывались, как правило, наиболее зависимыми от идеологического «мейнстрима». Отмечу, что, к примеру, текстовик группы «Водопады имени

Вахтанга Кикабидзе» прямо называл тогда Хрущёва своим политическим кумиром.

В сознании советских людей выстраивалась такая схема: Октябрьская революция — это «весна»; затем следуют сталинские «заморозки»; потом хрущёвская «оттепель»; потом брежневский «застой», то есть снова «заморозки»; и вот, наконец, перестройка — новая «весна», то есть возврат к ленинским традициям (обратите внимание, что альбомы группы «ДДТ» 1990 и 1992 года называются «Оттепель» и «Актриса Весна»).

И Гребенщиков, конечно, хотя и был уже тогда парнем начитанным, но исключения из общей массы советской интеллигенции не составлял. Так что его строки «Это просто наши танцы на грани весны» и «Я начинаю движение в сторону весны» понять немудрено. Наконец, с этой точки зрения вполне прозрачны образы «детей декабря» и «полярников»:

> Боже, помилуй полярников с их бесконечным днём,
> С их портретами партии, которые греют их дом;
> С их оранжевой краской и планом на год вперёд,
> С их билетами в рай на корабль, идущий под лёд.
> *(«Боже, храни полярников»)*

Интеллигенция (рокеры в том числе) принимала перестройку восторженно, чутко прислушивалась к её лозунгам и на разные лады их перепевала. Но, повторю ещё раз, на первых порах перестройка воспринималась как вторая «оттепель».

Конечно, нельзя не обратить внимание и на элементы правой идеологии, которые начинают появляться в песнях Гребенщикова с середины восьмидесятых и впоследствии только усиливаются. Хотя крик «Право руля!» для его лирического героя всё ещё кажется диким (см. песню «Комната, лишённая зеркал»), но он уже настойчиво хочет «вернуться домой». Этот призыв к возврату звучит в песнях Гребенщикова неоднократно. Очевидно противоречие: с одной стороны, он хочет двигаться вперёд, к «весне», а с другой — жаждет вернуться назад, в некий «дом». О каком «доме» идёт речь?

В первую очередь, конечно, о корнях, о деревне, о старой крестьянской Руси, о традиционной народной культуре и быте. Обратите внимание на песни «Держаться корней», «Серебро Господа моего» или «Деревня».

> Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле.
> Я открываю свойства растений и трав.
> Я брошу в огонь душистый чабрец, —
> Дым поднимается вверх, и значит, я прав.

Обратите внимание, что лирический герой в этой воображаемой деревне вовсе не работает, а только нюхает цветочки да плетёт веночки, как на полотнах сентименталистов. Похоже, что он не знает и не желает знать, что такое настоящая русская деревня, особенно дореволюционная.

Речь идёт не только о беспросветной темноте и вырождении, но и о социальных противоречиях, которые подтачивали изнутри российскую деревню. Скрытая вражда, пронизывавшая деревню сверху донизу, прорвалась открытой войной после революции 1917 года.

Позволю себе привести одну цитату, на этот раз из исторической книги: «Голод, эпидемии умерщвляют сотни тысяч людей при полном молчании образованного общества. В газетах пишут о пирах великосветских кутил, курят фимиам новым хозяевам жизни — денежным мешкам, сплетничают о похождениях актрис, а деревня умирает. Да разве они могут написать, что при освидетельствовании новобранцев пятая часть крестьянских сынов признаётся „негодной к службе в армии по состоянию здоровья"? Разве напишут в газете о том, что из крестьянских изб уползают клопы, — хозяева так отощали, что насекомые недоедают? Разве осмелится кто рассказать о деревенских хатах, стоящих без соломенных крыш, скормленных скоту, и о скотине, не имеющей силы встать на ноги от такой кормёжки?»[9]

Откуда же у Гребенщикова его фантастический, розовый взгляд на деревенское житьё? Начнём с того, что в советской литературе мощно о себе заявило литературное течение «деревенщиков», которые, с одной стороны, противопоставляли деревню обуржуазившемуся городу, а с другой, начали «праветь» ещё с семидесятых годов. Вспомните «Матрёнин двор» Солженицына, «Прощание с Матёрой» Распутина. К восьмидесятым годам образ гибнущей, но вожделенной деревни уже прочно укрепился на телеэкранах. Почти в каждом мультике, в каждом фильме фигурировал эпизод с «домиком в деревне», в который герой приезжал отдохнуть душой после городских передряг. Навскидку вспоминаются фильм «Противостояние» с эпизодом про мать-старушку, которая вечно ждёт погибшего сына в деревенском домике, мультфильмы «Бабушкин урок» и «Бабушкин сундук», поздние рассказы Шукшина.

Кстати, у того же Шукшина, наряду с рассказами о деревенских родителях, которые ждут возвращения городских детей, о деревне, противопоставляемой суматошному городу («Игнаха приехал», «И разыгрались же кони в поле»), есть и произведения, проявляющие интерес к наследию христианства, пока ещё исключительно с точки зрения защиты культурных памятников («Крепкий мужик», «Мастер»).

Вот и Гребенщиков — хотя в деревню так и не переехал, зато начал активно вставлять в свои песни различные отсылки к православной религии:

9. *Прокофьев В.* Андрей Желябов. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1960. С. 212.

то церковный хор фоном пристроит, то ввернёт в текст фразу «Господи, спаси мою душу», а то и целую строчку по-церковнославянски отчебучит. Но, несмотря на все эти полупоклоны и недореверансы в адрес христианства и православной религии, примерным исполнителем церковных обрядов и регулярным посетителем церкви Гребенщиков так и не стал. Как и большинство перестроечных интеллигентов, он воспринимал христианство как некое нравственное учение, а церковную обрядность воспринимал с чисто эстетической, культурной точки зрения. То есть храм—это красивая архитектура, иконопись—это красивая живопись, церковное пение—это красивая музыка. И только.

Как писал ещё в начале двадцатого века Максим Горький, «религиозные наши мыслители из интеллигентов неизбежно упираются лбами в двери казённой церкви». Советский обыватель времён перестройки с удовольствием бы посещал церковную литургию как музыкальный концерт, ходил бы в храм, как в картинную галерею. То есть тогда, когда ему хочется. А в другое время ходил бы на другие выставки или концерты. Он даже попостился бы разок, на пробу. Естественно, большинство внезапно охристианившихся советских людей и не думало о том, что церковь претендует на *всё* свободное время (и деньги верующих), что религия—это запутаннейшая идеология, строгая система поведения и ритуалов, и что никаких вольностей в обращении с религиозными текстами и их трактовкой тут не дозволяется (во всяком случае, никому, кроме церковных иерархов). Гольбах иронично отмечал в своём «Карманном богословии»: «*Церемонии*—телодвижения, строго регламентированные духовенством и имеющие целью доставлять Богу удовольствие; их значение так велико, что лучше дать целому народу погибнуть от огня и железа, чем внести в них самое незначительное изменение»[10].

Перестроечные обыватели всячески поддерживали и приветствовали возрождение силы и власти церкви, а когда дело было сделано, отхлынули, почуяв, что в церкви они не посетители бесплатной выставки, а гости у довольно требовательного и придирчивого хозяина. Короче, перестроечные интеллектуалы думали, что они будут пользоваться церковью как захотят, а вышло наоборот.

Но тогда, в разгар перестройки, Гребенщиков пел: «Об этом знает любая собака: не плюй против ветра». Он и не плевал. Он всегда держал нос по ветру и плевал туда, куда плевали все,—то есть сначала в сталинизм, а потом и в весь СССР и коммунизм вообще.

Расплевавшись со своей родиной, Гребенщиков в 1988 году поехал в США. Надо сказать, что и тут он поступил предательски по отношению к своим друзьям и соратникам, поскольку музыкантов «Аквариума» он с собой не взял, а без БГ это был уже не «Аквариум». То есть выступать (и зарабатывать) под маркой «Аквариум», в которую они вложили столько творческих усилий, они уже не могли.

Гребенщиков же предпочёл работать в США и Англии с крутыми западными музыкантами. Надо сказать, он и по сей день утверждает, что в плане места жительства «с энтузиазмом относится к Англии» и вообще к Европе[11]. Вплоть до развала СССР наших эмигрантов в капстранах принимали неплохо: это было выгодно с точки зрения повышения престижа капитализма, демонстрации превосходства рыночной системы в плане комфорта и свободы. Гребенщиков записал альбом «Radio Silence», который даже занял сто девяносто восьмое место в канадском хит-параде. Альбом был записан на английском языке, Гребенщиков рассчитывал вписаться в западную поп-индустрию. Да не вышло: СССР был уничтожен партноменклатурой под предводительством гребенщиковского тёзки, США & Cº выиграли «холодную войну», и интерес к перебежчикам резко сократился. Теперь спрос был не на диссидентских пустобрёхов и культурных деятелей, а на высококлассных советских специалистов: учёных, инженеров, врачей, которые гастарбайтерами потекли на Запад.

Контракт на запись восьми альбомов, подписанный Гребенщиковым с компанией CBS, был свёрнут. Доброжелатели группы утверждают, что Гребенщиков сам гордо хлопнул дверью[12], однако более вероятным представляется, что дверь захлопнулась не у него за спиной, а перед его носом.

Пришлось Гребенщикову возвращаться, правда, теперь уже не в СССР, а в совсем другую страну. Здесь он собирает новый состав группы. Вообще, как позже заявлял Гребенщиков, «если людям будет интересно играть со мной, то это будет „Аквариум“. Это буду не я лично, потому что мы, когда работаем вместе, мы и делаем всё вместе»[13]. Можно сказать, что Гребенщиков объявил: «„Аквариум“—это я». Или, перефразируя другого самодержца, «член „Аквариума“—это тот, с кем я играю и пока я с ним играю». С тех пор гуру неоднократно

10. *Гольбах Поль.* Карманное богословие. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 198.
11. *Гребенщиков Борис.* «Всё, что мы делаем, имеет отражение в разных мирах…». Фонтанка.ру. http://www.fontanka.ru/2010/03/11/025/
12. 10 важнейших инди-групп. http://www.colta.ru/articles/jagermeister-indieawards/4909?part=3
13. Интервью Бориса Гребенщикова «Нашему радио» (Брянск). http://handbook.reldata.com/handbook.nsf/Main?OpenFrameSet&Frame=Body&Src=1/A75AE167B877F792C3256CF6004578D8%3FOpenDocument

перетасовывал состав группы, назначая и изгоняя людей по собственной прихоти[14].

Картина развала великой страны производила сильное и гнетущее впечатление, однако обывателям хотелось верить, что из этой разрухи родится нечто новое. Надеялись они напрасно: родился ворох беспомощных, зависимых от иностранного капитала клептократических государств. Но тоска и надежды начала девяностых породили наиболее яркие, «классические» альбомы русских рокеров. «Пластун» (1991) и «Актриса Весна» (1992) у «ДДТ», «Шабаш» (1991) и «Для тех, кто свалился с Луны» (1993) у «Алисы», «Зомби» (1991) у «Крематория» и так далее.

Гребенщиков откликнулся на произошедшую катастрофу «Русским альбомом». Это, пожалуй, наиболее нагруженный отсылками к православию альбом Гребенщикова. Есть в нём и довольно мрачные песни, например, «Волки да вороны» и «Кони беспредела». Кстати, последняя явила собой попытку описания и объяснения произошедших в стране перемен в контексте всей истории России. Поэтому остановимся на ней подробнее.

Гребенщиков утверждал, что «Русский альбом» стал откликом на смерть рок-барда Александра Башлачёва. Легко обнаружить перекличку между текстами «Коней беспредела» и башлачёвского «Ванюши». Творчество Башлачёва, безусловно, заслуживает отдельного портрета. Здесь же пока отмечу, что Гребенщиков не стал первооткрывателем своеобразной «историософии», содержащейся в «Конях беспредела». Впрочем, как увидим далее, не был им и Башлачёв.

Обратимся к тексту Гребенщикова:

Ехали мы, ехали с горки на горку,
Да потеряли ось от колеса.

Езда по горам и ухабам—это история России, осью которой для Гребенщикова являются «традиционные ценности», то есть православная религия и основанная на ней культура. Вот эта-то ось и была утрачена на очередном из «ухабов». Мысль не новая. Стенания об «утрате корней» и необходимости вернуться в лоно церкви раздавались в прессе и по телевидению с конца восьмидесятых годов, так что Гребенщиков тут, как всегда, идёт по проторённой колее.

Вышли мы вприсядку, мундиры в оборку;
Солдатики любви—синие глаза…

Вот что интересно: Гребенщиков невольно признаёт, что после «утраты оси» люди вздохнули свободнее—стали плясать, принарядились, объявили себя «солдатами любви», смотрели на мир чистыми глазами. Тут у него уж невольно прорывается тоска по вере и оптимизму вчерашнего дня. Советские люди смотрели в будущее с надеждой, стремились вперёд. «Мудрые» идеологи новой России поспешили отменить будущее, повернуться к нему спиной, чтобы вечно рыдать по «золотой» старине.

Как взяли—повели нас дорогами странными…

События русской революции Гребенщиков объявляет следствием большевистского заговора и обмана. Вообще прекрасно это звучит: «взяли—повели». Как будто многомиллионный народ—это такой ослик, которого можно взять да повести куда нужно. Даже цари при поддержке церкви (а ведь это у нас «ось», как выяснилось!) не смогли запросто превратить весь русский народ в крепостных рабов. Народ неустанно бунтовал против своего рабства. Теперь же горстке заговорщиков удалось взять полтораста миллионов человек и положить их себе в карман. Неужели Ленин с Троцким были такими джеймсами бондами, что сумели перехитрить всю царскую полицию, и такими терминаторами, что смогли победить всю «золотопогонную» царскую армию, или такими цицеронами и златоустами, что сумели переговорить всех говорунов обмануть буквально всю страну, так что крестьяне позабросили своё излюбленное православие и, как апостол Пётр по воде за Иисусом, пошли за большевиками сами не зная куда?

Собственно, этот миф о русской революции не нов, его распространяли ещё белоэмигранты. Дадим же слово обвиняемым. Господину Гребенщикову отвечает товарищ Троцкий:

«Дело в том, что общество не меняет своих учреждений по мере надобности, как мастер обновляет свои инструменты. Наоборот, практически оно берёт нависающие над ним учреждения как нечто раз навсегда данное. В течение десятилетий оппозиционная критика является лишь предохранительным клапаном для массового недовольства и условием устойчивости общественного строя: такое принципиальное значение приобрела, например, критика социал-демократии. Нужны совершенно исключительные, не зависящие от воли лиц или партий условия, которые срывают с недовольства оковы консерватизма и приводят массы к восстанию.

Быстрые изменения массовых взглядов и настроений в эпоху революции вытекают, следовательно, не из гибкости и подвижности человеческой психики, а, наоборот, из её глубокого консерватизма. Хроническое отставание идей и отношений от новых объективных условий, вплоть до того момента, как последние обрушиваются на людей в виде катастрофы, и порождает в период революции скачкообразное движение

14. Конечно, Гребенщиков постоянно подчёркивает, что в «Аквариуме» он ровно на том же положении, что и другие участники, но уже тот факт, что на этот вопрос уполномочен отвечать только он, говорит о многом.

идей и страстей, которое полицейским головам кажется простым результатом деятельности „демагогов“»[15].

Таким образом, представление о том, что русскую революцию делал не сам народ, что она была ему навязана, коренится в глубоком презрении к этому народу, в неверии в его разум и чувства, в приравнивании к тупой скотине, которую можно взять за рога и повести на убой (впоследствии Гребенщиков будет неоднократно употреблять в песнях слово «стадо»). Уж скорее вышеприведённые строки Гребенщикова можно было бы отнести к периоду приватизации.

Вели — да привели, как я погляжу;
Сидит птица бледная с глазами окаянными;
Что же, спой мне, птица — может, я попляшу...

Теперь автор обвиняет большевиков в той разрухе, которую он наблюдал в 1992 году. Хорошенькое дело! Оно, конечно, прошлое определяет будущее, но не в том ведь смысле, что наши давние предки специально и точно его выдумывают и назначают. Это ведь всё равно что обвинять Вольтера или Руссо в наполеоновских войнах. Почему бы тогда не обвинить во всём династию Романовых? Можно ведь сказать, что они так плохо управляли страной, спровоцировали революционный кризис, который привёл к крушению империи, образованию СССР, вырождению партии и приходу к власти Горбачёва, а потом Ельцина, которые этот СССР развалили, и теперь Гребенщикову неприятно на это смотреть. А то и на Рюриковичей можно бочку покатить или вообще на Древний Рим.

Не логичнее ли было обратить свой гнев на Ельцина и его партноменклатурных соратничков? Или, наконец, на себя? Ведь Гребенщиков такой индивидуалист и нарцисс! Но в том-то и проблема, что эгоисты-мещане не делают революций.

Гребенщиков и по сей день открещивается от любого активного вмешательства в политику, отвергает любые перемены на том основании, что перемены — это революция, а революция — это убийство детей. В интервью «Фонтанке.ру» он так и объявляет: «Напомню, что любая революция неизбежно сопряжена с огромными человеческими жертвами. Спросите у себя самого: вы готовы убивать детей?»[16] При этом Гребенщиков подло молчит о том, что отсутствие революции также чревато массовыми смертями, в том числе детскими. Капитализм без всяких войн, «мирным» способом, убивает без счёта. Даже религиозный философ Бердяев признавал во время Первой мировой войны: «Всё современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне»[17]. Сегодня, когда РПЦ отбирает помещение или землю у очередной детской больницы[18], когда казнокрады «оптимизируют» расходы на здравоохранение, социальную поддержку малоимущих, когда отупляющий масскульт провоцирует игры в самоубийства[19], это чревато мучениями и преждевременными смертями детей.

Где же был всемудрый Гребенщиков, когда страна катилась в пропасть? Пел песни про «Движение в сторону весны», а потом и вовсе смылся за кордон. На кого пенять-то? Ну конечно, на Ленина. Он сдачи не даст.

Спой мне, птица: сладко ли душе без тела?
Легко ли быть птицей — да так, чтоб не петь?
Запрягай мне, Господи, коней беспредела;
Я хотел пешком, да, видно, мне не успеть...

А чем мне их кормить, если кони не сыты?
Как их напоить? — они не пьют воды.
Шёлковые гривы надушены, завиты;
Острые копыта, алые следы.

«Кони беспредела» — это и есть советская история, которая является несправедливой и неправильной, потому что в СССР не было царя, дворян и, конечно же, православной церкви... ой, то есть была, но мало. «Острые копыта, алые следы» — очевидно, намёк на репрессии. Надо сказать, что права православной церкви вернул именно ненавистный русским неотрадиционалистам Сталин. Ну чем не единство и борьба противоположностей?

Опять же, невольно в образе «коней беспредела» Гребенщиков отразил и стремительное развитие страны. Трудно не заметить в истории Советского Союза индустриализацию, социальные преобразования, научные достижения, выход в космос, рост влияния на международной арене вплоть до превращения во вторую мировую сверхдержаву. Но всё это, конечно, не главное. Главное, чтобы церквей побольше строилось. И в этом акценте на примат культуры есть и своекорыстный момент: Гребенщиков-то у нас тоже стал мистиком, религиозным певцом, стало быть, и ему от распространения религиозных настроений одна польза — почёт и преклонение.

....

15. *Троцкий Лев.* История русской революции. М.: Республика, 1997. Т. 1. С. 28.
16. http://www.fontanka.ru/2010/03/11/025/
17. *Бердяев Н.* Судьба России.
18. См., например, *Садыков Р.* Монастырь отсудил землю у центра «Детство». http://scepsis.net/library/id_3451.html
19. Погибший в Красноярске подросток мог состоять в «группе смерти». http://1line.info/incidents/

А вот и все мои товарищи — водка без хлеба,
Один брат — Сирин, а другой брат — Спас.
А третий хотел дойти ногами до неба,
Но выпил, удолбался — вот и весь сказ.

Эх, вылетела пташка да не долетела;
Заклевал коршун да голубя.
Запрягли, взнуздали мне коней беспредела,
А кони понесли — да все прочь от Тебя…

Вот так-то. Советская история хоть и приблизила людей к космосу, но отдалила от Бога. Видимо, в качестве возмездия Бог и покарал советских людей Ельциным и приватизацией. Хотя нет, при Ельцине же начался «духовный ренессанс»… Опять какая-то путаница выходит: не то софистика, не то схоластика. Это только в песне всё складно получается.

Но таких связных в идейном плане текстов у Гребенщикова немного. Наиболее постоянными темами его произведений, наряду с религией, остаются выпивка и женщины, коих он воспринимает преимущественно в качестве сексуального объекта: «Пейзанки с визгом мочатся в кустах» («Картинки из сельской жизни»), «А в небе бабы голые летят» («Московская Октябрьская»), «Вышла из дому Настасья, в чём её мама родила» («Инцидент в Настасьино») и так далее. Кстати, сегодня БГ выступает за легализацию проституции (и наркотиков), но якобы исключительно из заботы о бюджете страны[20]. Так что — sex, drugs, бюджет!

А всякие там религиозные намёки в текстах песен не стоит принимать слишком серьёзно, ибо по большей части тексты «Аквариума» (включаем сюда и песни на стихи Джорджа Гуницкого) представляют абсурдистский стёб, набор образов, призванных удивить и позабавить.

Конечно, главным идеологом абсурдизма в «Аквариуме» был Анатолий (Джордж) Гуницкий, одно время даже являвшийся директором «Театра абсурда», писавший в этом стиле не только стихи, но и пьесы. Однако и в творчестве Гребенщикова абсурд играет ключевую роль, особенно в его поэзии и прозе.

Идеологи русского абсурдизма Хармс и Введенский, оказавшие большое влияние на русских рокеров (в том числе, например, на Кузю Уо и Егора Летова), исходили из мистического, религиозного мироощущения. Абсурдисты отталкивались от посылки, что мир устроен иррационально; если мир создан всемогущим Богом, чья мудрость человеку непонятна, то попытки объяснить мир с помощью человеческого разума тщетны: в мире вещей и тем паче в человеческом поведении торжествует абсурд, бессмыслица с точки зрения человеческих разума и морали, но, видимо, имеющая какое-то значение для таинственного божества. Абсурдисты намеренно стремились превратить свои произведения в соединение несовместимого, в рассыпающуюся мозаику, кавардак, случайный набор разнообразнейших элементов действительности.

Однако если присмотреться к творениям того же Хармса повнимательнее, то окажется, что элементы, которые комбинирует автор, не так уж разнообразны, их набор ограничен кругозором обыкновенного российского столичного жителя начала двадцатого века. Действие произведений Хармса, как правило, разворачивается в городе (при том, что Россия начала века была преимущественно крестьянской страной), и далеко не в различных частях города. Например, мы не увидим в этих произведениях ни заводов, ни казарм — обычно это квартиры да чиновничьи конторы. Если же вдруг в фокусе авторского зрения появляются крестьяне, то это оказываются не настоящие крестьяне, а переодетые, взятые не из деревни, а со сцены оперного театра (см. «Исторический эпизод»).

Вот и выходит, что «вселенский абсурд» Хармса объективно, помимо воли автора, превращается в абсурд буржуазной жизни или абсурд буржуазного сознания.

Как мы помним, среди рокеров изображать окружающую действительность в виде карнавала абсурда начал Боб Дилан, которому подражал и Гребенщиков.

Важно отметить ещё один формальный приём, которым пользуются и Дилан, и Гребенщиков: как правило, изображение абсурда даётся в куплетах их песен, в то время как скрепляющая разрозненные картинки идея даётся в припеве. Например, в песне Дилана «Is Your Love In Vain?» вереница образов постоянно возвращается к заглавному вопросу: «Неужели твоя любовь напрасна?» Также и песня «Emotionally Yours» постоянно упирается в признание: «В чувствах я всегда буду твоим».

То же и у Гребенщикова, например, в песне «Не могу оторвать глаз от тебя». В куплете автор поёт о себе и своей жизни, выдаёт метафоры одну за другой, а в припеве повторяет: «Я не могу оторвать глаз от тебя».

Почему так? Самый очевидный ответ заключается в том, что для отчуждённого человека современного общества, особенно для буржуа, который не только не понимает, но и боится окружающего мира, — единственным прибежищем становится личная жизнь, чувство интимной привязанности, которое превращается в убежище от житейских треволнений.

20. «Логично предполагать, что легализация — как средств воздействия на сознание, так и проституции — сильно оздоровила бы общество; ведь оттого, что сейчас они вне закона, меньше ни того, ни другого не становится. Просто деньги идут не в государственную казну, а в „теневые структуры“». http://www.fontanka.ru/2010/03/11/025/

Но есть тут и другой аспект: ведь Дилан и Гребенщиков не дают прямых указаний на то, что адресатом их песен является девушка или вообще человек, что позволяет трактовать их как песни религиозные, молитвенные, то есть обращённые к некоему божеству. Недаром в видеоклипе на песню «Не могу оторвать глаз от тебя» Гребенщиков изображается медитирующим на вершине горы в полном одиночестве, а не в обществе приятной дамы. Тем более что у обоих авторов есть и песни, адресатом которых является Господь Бог,—«Señor» и «Хозяин».

Таким образом, связующим элементом сознания для певцов абсурда становится именно религия, она позволяет им хоть как-то систематизировать представление о мире, увидеть в происходящем некий смысл. И именно в этом, а не в постоянном упоминании мифологических персонажей или религиозных ритуалов, заключается главный религиозный посыл песен «Аквариума». Причём песни такого рода (с обращением на «ты» к некоему потустороннему адресату) становятся постоянными у Гребенщикова уже в девяностые, то есть по мере того, как религия внедрялась в сознание населения взамен научного мировоззрения.

В этот же период Гребенщиков сформировал новое отношение к недавнему советскому прошлому («всё было плохо») и новый образ своей юности («нас угнетали»), а также отношение к настоящему («теперь всё хорошо, и нас не угнетают»). Договорился даже до того, что заявил, будто никакой приватизации в России не было, а все потёкшие за границу в девяностые капиталы были получены не от распродажи накопленных страной богатств, а являлись наворованными и припрятанными деньгами КПСС![21]

Ну а заветную мантру про свою несчастную юность, растоптанную кагэбэшным сапогом, он повторяет почти в каждой публичной беседе. Любопытно, что когда ему фанаты задали, казалось бы, обыденный вопрос: «Чего вы больше всего боитесь в жизни, и что доставляет наибольшую радость?»—БГ с пафосом ответил, что не хочет никому «навязывать своё мироощущение». Зато когда дело доходит до политики, то Гребенщиков, не стесняясь, начинает компостировать мозги аудитории либеральными штампами про то, что «и десять, и сорок, и сто лет назад власть в России была точно такой же, как сейчас» и что «лучше, чем сейчас, власть в России никогда не бывала»[22].

В интервью «Нашему радио» в 2002 году он объявил: «Тогда в силу того, что мы находились на положении скорее подсудных деятелей, то есть мы были откровенными нарушителями закона только потому, что мы играли не то, что было официально принято играть, у нас не было возможности заниматься тем, что мы делаем, профессионально, поэтому, к моему великому сожалению, многое из того, что было записано тогда, могло быть записано лучше при другом социальном строе, если бы у нас была возможность просто больше работать с музыкой. А теперь есть возможность работать с музыкой, не приходится отвлекаться на мелочи типа „как пробраться в студию незамеченным“. Для меня однозначно лучше сейчас. Не важно, в чём проблема, главное, чтоб не мешали работать. Для меня музыка является занятием стопроцентным, двадцать четыре часа в сутки, мне интересно этим заниматься. Поэтому, естественно, хочется сделать то, что я делаю, максимально хорошо».

Правда, уже через пару секунд Борис Борисыч вынужден был сознаться: «Если посмотреть на всю постсоветскую музыку, то я, честно говоря, с трудом смогу вспомнить людей, которые ставили цель что-либо сделать в музыке. Последние десять-двенадцать лет. Не помню ни одного *музыканта*. Есть очень много хороших *исполнителей*. Но человека, который пытался сделать что-то, что ещё не сделано, или просто сыграть на инструменте хорошо,—таких, к сожалению, я не помню. Меня это немножко печалит»[23].

Получается, что в Союзе всё было плохо, рокеров преследовали, не давали им заниматься любимым делом, но музыканты с большой буквы были, а теперь им создали все условия, но настоящие музыканты перестали быть, а тех, какие есть, слушать противно.

Напрашивается обывательский вывод: мол, искусство—это преодоление, мол, рок существовал, борясь с «совком», и вообще развивался не «благодаря», а «вопреки», и тому подобное.

Но разве сейчас не с чем бороться? Развал экономики, разгул криминала, полицейское насилие, власть денег, чванство бюрократов, падение нравов, культурная деградация…

Нет, дело отнюдь не в этом. А в том, что, во-первых, советский государственный аппарат, может быть, и не вполне удовлетворял спрос советских граждан на оригинальное, актуальное искусство, но зато создавал сам этот спрос. Престиж высокого, интеллектуального искусства был высоким, существовал массовый спрос на поэзию, литературу, театр, живопись. Причём требования к искусству предъявлялись тоже высокие: Евтушенко—это вам не Пригов, острые постановки в советском «Современнике» не сравнить с непристойными кривляниями на современной сцене. Причём развитая и насыщенная сфера культуры (в которой,

21. Ответы на вопросы читателей. BBC, май 2007. http://www.aquarium.ru/documents/interview/interv14.html
22. http://www.fontanka.ru/2010/03/11/025/
23. Интервью Бориса Гребенщикова «Нашему радио» (Брянск). http://handbook.reldata.com/handbook.nsf/Main?OpenFrameSet&Frame=Body&Src=1/A75AE167B877F792C3256CF6004578D8%3FOpenDocument

конечно, была и своя «попса», но ею всё далеко не исчерпывалось) подпиралась развитыми и продвинутыми сферами образования и науки—все эти три сферы вместе и определяли интеллектуально-творческую среду. Сегодня учителя превращены в некую помесь официантов и клоунов на детском утреннике, а учёные низведены до статуса попрошаек и шарлатанов, выуживающих деньги у инвесторов при помощи различных фокусов.

И ещё один важный момент. Вся советская маргинальная творческая богема могла спокойно заниматься творчеством потому, что могла практически не работать и при этом не помирать с голоду. Легко им жилось, понимаете? Развитая социальная сфера, мощный сектор государственной собственности много что делали бесплатным, да и благополучные и воспитанные в духе коллективизма люди терпимее относились к «нищенствующим поэтам»: можно было за спасибо, за песни под гитару прокатиться зайцем в общественном транспорте, подкормиться у какой-нибудь продуктовой базы, пожить в каком-нибудь летнем лагере или не использующемся доме, можно было числиться на какой-нибудь должности кочегара или сторожа, получать вполне неплохую зарплату и при этом почти не показываться на работе. Так ведь ещё эта братия кочевряжилась и обижалась, что вынуждена работать, чтобы уйти от статьи за тунеядство, хотя в действительности они вообще могли ничего не делать и жить «на халяву». Можно сколько угодно называть это признаками распада, расхлябанности советской системы, неэффективного расходования ресурсов, но именно это и позволило существовать хвалёному и «героическому» рокерскому подполью, художникам-авангардистам, писателям-мистикам и прочим иконам диссидентства и вволю заниматься творчеством.

При нынешнем капитализме такой андеграунд просто невозможен. Его и нет.

Подводя итог сказанному, хочется подчеркнуть, что если в 1991 году Гребенщиков пел: «Коммунисты мальчишку поймали»,—то это не потому, что он родился с ненавистью к плановой экономике и жаждой разрушить СССР. Гребенщиков плыл по течению, а уж течение принесло его туда, куда принесло.

То, что лично он в результате приватизации и включения бывшей РСФСР в капиталистическую миросистему оказался в выигрыше, материально разбогател, и предопределило его любовь к рынку и заставило петь: «Да здравствует частная собственность, да здравствует капитализм»,—хотя в советское время он об этом если и помышлял, то уж, во всяком случае, не заикался. «Жизнь всех людей едва ли станет лучше; но жизнь отдельного человека может стать лучше»,—говорит теперь Гребенщиков, когда фанаты просят его высказаться по поводу ужасающей жизни народа в стране. Мол, кто успел, тот и съел[24].

Чувство политической и коммерческой конъюнктуры не изменяет гуру и ныне: то он выступит в Кремле для членов правительства, то петицию в поддержку «болотных сидельцев» подмахнёт, то встречу рокеров с Сурковым организует[25], то примет участие в марафоне Amnesty International, то к Грызлову побежит на кофеёк, то в ельцинскую предвыборную кампанию впишется. На обвинения в беспринципности Гребенщиков отвечает со всею откровенностью: «Если бы меня Леонид Ильич Брежнев пригласил чашку кофе выпить, я бы тоже пошёл»[26].

Как с сильными мира сего, так обстоит у Гребенщикова и с сильными мира небесного: то в церкви свечечку поставит, то в индийский ашрам съездит просветления занять. Правда, стоит заметить, что, как и большинство наших «буддистов» и «индуистов», эти религии Гребенщиков знает только с чужих слов, то есть в европеизированном варианте. Из всех лам его привлёк датчанин Оле Нидал; занимаясь переводами буддийских текстов на русский язык, он берёт за основу не оригинал, а англоязычные пересказы. То есть, как настоящий русский, Восток он предпочитает разглядывать через британский монокль.

Такая гибкая поза позволяет ему прекрасно ладить и с кремлёвскими бюрократами, и с западными правозащитниками, дружить с церковными иерархами и выступать в ООН по протекции неоиндуистского гуру. Видимо, попытка эмиграции показала ему, что за своего его на Западе всё равно принимать не будут, а в качестве экзотического восточного гостя—пожалуйста.

Александр Башлачёв и его вера

Рок-бард Александр Башлачёв считается одной из самых загадочных фигур в отечественном роке.

24. http://www.fontanka.ru/2010/03/11/025/

    Неплохо устроился в «лихие девяностые» и другой участник «Аквариума»—Всеволод Гаккель. Он стал арт-директором клуба «Тамтам». Кстати, после этого он предал вскормивший его русский рок анафеме и стал с ним активно бороться, то есть не допускать на свою площадку исполнителей этого стиля: «Основной критерий был прост: это не должно быть похоже на русский рок» (цит. по: *Смирнов Илья.* Записки из ада. http://politconservatism.ru/blogs/zapiski-iz-ada).

25. В том же брянском интервью (см. примечание 13) Гребенщиков изрёк: «У меня точка зрения при взгляде на государство самая простая, она вполне совпадает с точкой зрения самой древней цивилизации на Земле, китайской: „Есть власть. Есть Сын Неба. Власть существует только для того, чтобы люди, простые люди вроде нас с вами, могли жить и делать то, что они должны делать“».

26. *Гераскина А.* Борис Гребенщиков: «Я—цыган. А цыгану терять нечего». Новая газета. 08.06.2007. https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/06/08/33152-boris-grebenschikov-ya-tsygan-a-tsyganu-teryat-nechego

Эта «неразгаданность» связана и с самим фактом ранней смерти, и с её характером (самоубийство). Причём знавшие Башлачёва подчёркивают, что бытовая неустроенность не могла для поэта стать главной причиной сведения счётов с жизнью. Гражданская жена Башлачёва Анастасия Рахлина утверждает, что в середине восьмидесятых стоимость столичного квартирного концерта составляла от шестидесяти до ста рублей; играя всего по пять концертов в месяц, Башлачёв мог бы обеспечить и себя, и семью. Но, по её словам, Башлачёв не мог тогда заставить себя играть на публику, ему было «плохо, противно» этим заниматься[27].

Пытаясь дать собственное объяснение причины самоубийства, она заявила, что Башлачёв был очень одинок, так как его «духовное видение было особенным», что он видел то, чего не видели другие, и потому взаимопонимание с людьми для него существовало только «до какого-то барьера, который невозможно преодолеть»[28]. Некоторые тут приплетают даже «комплекс Кассандры».

Однако давайте всё-таки постараемся разглядеть то, что видел вокруг себя Александр Башлачёв и в чём может заключаться причина его разлада с окружавшей действительностью. Конечно, всего мы никогда не поймём, но заострим внимание на некоторых аспектах, которым не уделяет должного внимания большинство исследователей и биографов Башлачёва.

В родном Череповце Башлачёв успел выучиться на журналиста и поработать художником на местном металлургическом комбинате, а также журналистом в местной газете «Коммунист». Впоследствии он с пренебрежением отзывался об этом опыте в интервью и на концертах, однако, если вдуматься, в его песнях очень много публицистики, конкуренцию в этом плане среди отечественных рокеров ему может составить только Летов.

В 1984 году песни Башлачёва услышал Артемий Троицкий и рекомендовал поэту перебраться в Петербург. До этого переезда Башлачёв активно не выступал, с музыкальной средой Череповца не был связан и сам определял своё положение в музыке как «наблюдатель»[29], он общался с местными музыкантами, но ни с кем не играл. Впрочем, не сыгрался он и ни с кем из питерских рокеров, так и остался бардом-одиночкой.

На вопрос: «Как ты пишешь свои песни?» — он однажды ответил: «Они возникают из совокупности событий». Так давайте постараемся наметить некоторые связи между песнями Башлачёва и «совокупностью событий», происходивших в жизни автора и в жизни всей страны.

Одно из самых ранних включаемых в сборники стихотворений Башлачёва, «Разлюли-малина», датировано 1978 годом, умер он в 1988 году. То есть творческая деятельность поэта совпадает с последним периодом существования СССР — от рецидива брежневского застоя до завершающего этапа перестройки. Ещё одной важной вехой на творческом пути барда стал переезд в Петербург, после чего он влился в рок-тусовку и стал известен широкой публике. Произошло это в 1985 году, то есть в первый год перестройки. Таким образом, вехи жизни поэта вписаны в последнюю главу советской истории, что и придало его произведениям трагический настрой, превратило в попытку осмыслить причины кризиса.

Не понимая тех перемен, которые происходили в советском обществе, их механики и той трактовки, которую давала этим переменам официальная пропаганда, слушатель может запросто прослушать в песнях Башлачёва нечто весьма существенное, выражаясь словами поэта, «глядеть да глаза не надеть».

Конечно, можно утверждать, что Башлачёв пел о вечных ценностях, и нечего мешать его оторванные от реальности песни с мутной перестроечной действительностью, но о «вечных ценностях» пели и плясали сотни и сотни людей, а неповторимость творчества каждого из них выражается именно в том, как абстрактные идеи гуманизма или поиска идеала преломлялись во времени и эпохе. Тем более что только эпоха и конкретизирует, наделяет плотью сами понятия «идеал», «родина», «человек» и «Бог».

Для современного искусствоведа или филолога всё просто: главное — разыскать в произведении отсылки к мифу, желательно к христианскому. Как только ссылки на миф (архетипы) найдены, всё остальное выбрасывается за ненадобностью. Смысл же труда всякого писателя, художника, режиссёра, по мнению такого исследователя, сводится к тому, чтобы намекнуть публике на необходимость чтения Библии, а смысл Библии — к побуждению людей ходить по воскресеньям в церковь.

Довольно убогая выходит схема.

Поэтому давайте-ка всё-таки попробуем разглядеть в песнях Башлачёва не потусторонний мир или сюжеты библейских времён, а приметы реальной страны и реальной эпохи, в которых эти песни создавались.

В самых ранних стихах Башлачёва ощущается пессимизм, критический взгляд на людей и положение дел в стране, тоска по старой (дореволюционной? допетровской? доромановской?) России. То, что прогнило что-то в Советском государстве,

27. Д/ф «Александр Башлачёв. Смертельный полёт». РТР, 2005.

28. *Кутловская Елена.* История про невостребованность. Независимая газета. http://www.ng.ru/saturday/2007-06-01/19_story.html

29. *Башлачёв Александр.* Корни всегда остаются в земле. РИО, 1988.

для поэта было очевидно ещё в 1980 году, то есть когда ему было двадцать лет. Он тогда написал:

Здесь нет дождя. Бывает просто сыро.
Здесь неба нет, а только кислород.
Давным-давно—слыхали?—пятая часть мира
Превращена в бесплодный огород.
(«Ах, до чего ж весёленькая дата!..»)

Это не подростковые стенания об одиночестве и непонятости, Башлачёв печалится об отечестве. Однако тогда он ещё не возводил напраслину на большевиков и революцию. В раннем стихотворении «Оковы тяжкие упали» поэт полемизирует с Павлом Антокольским. Если у Антокольского «октябрьский вихорь спящих будит на бурных митингах своих», то Башлачёв указывает на краткий период подлинной свободы после Октября, он заблуждается лишь в том, что считает революцию абсолютно напрасной и неудавшейся:

Октябрьский ветер пел недолго,
Недолго ветер ликовал.
Церквям—пожар, поэтов—в Волгу,
И новый царь к кормилу встал.

Он не в короне, а в фуражке,
Во лбу не бриллиант—звезда,
И в той метели новой, страшной
Волками выли поезда.

И снова «Россия, бедная Россия!», и снова разрушение церквей как главное обвинение революционерам. Однако разрушение церквей при Ленине сверху не декретировалось и не являлось частью проводимой новой властью политики. Да, церковные ценности изымались в целях борьбы с голодом. Церковь, если бы действительно чтила заповеди Христа, давно бы уже сама должна была раздать всё своё богатство бедным. Об уничтожении церквей речи не шло, не проводилось и репрессий против духовенства. Если попов сажали и расстреливали, то не в качестве попов, а в качестве активных контрреволюционеров. Большевики и Ленин вовсе не исключали возможности сотрудничества с духовенством. Отсюда и возник феномен «обновленчества», когда часть священников активно сотрудничала с советской властью.

Теперь возьмём одну из самых ранних из дошедших до нас в аудиозаписях песен Башлачёва—«Грибоедовский вальс». Это история о простом советском труженике:

В отдалённом совхозе «Победа»
Был потрёпанный старенький зил,
А при нём был Степан Грибоедов,
И на зиле он воду возил.

Автор не приукрашивает своего героя, а описывает с убийственным реализмом: «обычный человек» Степан—пьяница и бабник, его жизнь посвящена нехитрому труду и примитивным удовольствиям, культурные потребности не выходят за пределы танцев в райклубе.

А вот дальше происходит чудо: прибывший в деревню с сеансом «выдающийся гипнотизёр» заставляет Степана вообразить себя Наполеоном и переносит его на поле сражения.

Он увидел свои эскадроны,
Он услышал раскаты стрельбы,
Он заметил чужие знамёна
В окуляре подзорной трубы,

С ролью полководца Степан справляется так же блестяще, как и с баранкой своего зила, но видение пропадает, и возвращение в реальность оказывается болезненным и унизительным. Этот сюжет напоминает новеллу Томаса Манна «Марио и волшебник», там гипнотизёр также издевается над публикой, упивается властью над ней и, унизив простого парня Марио, гибнет от его руки. Башлачёвский гипнотизёр тоже показан без симпатии: он «смеётся над тёмным народом» и «скалит жёлтые зубы», но жертвой становится не он, а сам Степан, который в результате кончает жизнь в петле. Не удивительно ли, что тема суицида звучит уже в этой ранней песне (далее она будет неизменно повторяться)?

Почему Степан убивает себя? Он осознаёт ничтожество своей жизни, окружающей действительности, свою оторванность от исторического процесса, от больших свершений. При этом Башлачёв не обличает своего героя—напротив, он сочувствует Степану, его горю, верит в то, что в самом обычном советском шофёре может скрываться удивительный потенциал. Самоубийство героя—это одновременно и самоосуждение, и бунт, и потому в петле он оказывается в костюме Наполеона.

Башлачёв верит в огромные способности окружающих его людей, высокое призвание каждого из них, но видит и их реальную приземлённость, приниженность, развращённость.

Всё? Нет, не всё. На этом заканчивается то, что понимал в своей песне сам автор, и начинается то, чего он не понимал, но всё-таки сказал против воли.

Откуда взялась эта самая приниженность, и что могло бы стать источником освобождения, что означает высокое призвание?

Наполеон—это дитя Французской революции. Его восхождение с самого нижнего армейского чина к вершине императорской власти стало возможным в первую очередь благодаря уничтожению сословных барьеров, которые были непреодолимы даже для больших талантов; кроме того, именно революция дала ему армию нового типа, более демократичную, в которой каждый солдат сражался не за страх, а за совесть, и тем превосходящую армии феодального образца. Именно

революция, ломающая рамки старого общества, открывает небывалые перспективы перед отдельной личностью, даёт простор для реализации таланта, личной отваги и ума. Перед народами Российской империи такой простор открылся после 1917 года: обычные царские прапорщики становились высшими командующими Красной армии (как Иван Сорокин), вчерашние политические преступники выходили из подполья прямо на вершины государственной власти (как Ленин и Зиновьев), заключённые возвращались из каторги и ссылки и становились всемогущими комиссарами (как Шаумян и Каменев). Революция возносила их, а контрреволюция впоследствии убивала. И сам Наполеон, вознесённый Французской революцией и растоптавший её, был в конце концов уничтожен объединившимися силами европейской реакции[30].

Почему же Степан Грибоедов оказался совсем не в той ситуации, что Наполеон? Почему он вынужден прозябать, почему ему не досталось широкого поля деятельности? Потому что революция в России (СССР) уже закончилась. К восьмидесятым годам, после сталинского контрреволюционного террора, после брежневского криптосталинистского застоя, октябрьский ветер и правда окончательно утихли (последним настоящим революционным выступлением стало восстание Валерия Саблина в 1975 году) — осталось мещанское болото.

Верно сказал Александр Тарасов, что последние советские (и первые эрэфные) поколения оказались на свалке истории:

«Чем они могут похвастаться? Тем, что не смогли, не захотели противостоять насаждению в бывшем СССР периферийного капитализма, предотвратить гибель десятков миллионов людей в последние двадцать лет, предотвратить массовое насаждение нищеты, преступности, коррупции, проституции, наркомании, интеллектуально-культурной деградации, детского алкоголизма, детской порноиндустрии и т. п.?

Раз не смогли этому противостоять, значит — *уже* на „свалке истории“»[31].

Истинно свободен может быть только революционер, об этом говорили и Камю, и Сартр, и Че Гевара, и ещё много кто. «Раб, сознающий своё рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам», — писал Ленин.

Вот именно таким холопом и ощутил себя Степан Грибоедов — и повесился. И хотя бы так доказал, что он не вмещается в рамки навязанной ему жизни.

Скорее всего, сам Башлачёв с этой частью моих рассуждений не согласился бы, но это была бы субъективная и сознательная позиция. Объективно же и подсознательно в песне сказано именно это.

Наполеон силён чужой силой — присвоенной им силой революции, силой многих и многих людей, силой народа, которую он грубо приватизировал точно так же, как в девяностые годы отпрыски партийных бонз и криминальные авторитеты делали своей личной собственностью не ими созданные предприятия, превращаясь в олигархов, так же, как политические шарлатаны присваивают голоса избирателей и становятся президентами различных стран. В отличие от последних, у Бонапарта есть и свои личные силы: талант стратега, смелость и харизма полководца, расчётливость парламентёра. Но всё же главная его сила — это революционный народ.

О чём же жалеет Степан Грибоедов? О том, что он не император? Нет. О том, что он не вершит историю, что его жизнь пуста и лишена подвигов и больших событий.

В этом смысле образ Чапаева был бы гораздо более показателен (Чапаев ближе к народу). Но этот образ Башлачёв не захотел использовать, поскольку он был замусолен, банализирован, канонизирован партийным официозом, от которого советскую молодёжь (за вычетом комсомольских карьеристов) тошнило.

И тут мы подходим к источнику слабости Степана Грибоедова. Он — часть народа, у которого отняли революцию.

Сталин также был силён чужой силой. Из собственных дарований у него были лишь практическая сметливость да коварство, его личная власть росла по мере уничтожения наиболее умных, честных и твёрдых большевиков. Чем сильнее мельчала партия, тем значительнее становился Сталин; окружая себя ничтожествами, он возвеличивался на их фоне. Но достижения сталинской эпохи опирались на мощь и энтузиазм революционного народа. В стахановском движении, героизме Великой Отечественной войны всё ещё чувствуется отзвук Октября, постепенно затихающим эхом которого и является советская история[32].

И вот Степан Грибоедов — итог этого процесса, последнего акта истории СССР. Революционный

30. Понятно, что революция во Франции закончилась ещё до прихода Наполеона к власти, но во внешней политике Наполеон всё-таки продолжал защищать буржуазные завоевания Французской революции и потрясать троны европейских монархий.

31. *Тарасов Александр.* Соломон Косукхин, модель бис. http://saint-juste.narod.ru/antiochkina.html#_ftnref2

32. Может быть, революционный импульс лишь немного усилился в «оттепель» по сравнению с позднесталинской эпохой. Я повторяю: может быть.

потенциал народа уже почти окончательно выветрился, его гордость уже почти совершенно растоптана (окончательно она будет растоптана в девяностые, и дальше народы бывшего СССР уже будут жить без всякой гордости). Потому-то Степан Грибоедов и слаб: он живёт для себя и своих примитивных наслаждений (выпивка, женщины), ему не хочется с кем-либо воевать, ему некого повести за собой в бой, за ним и рядом с ним никого нет. Над ним есть начальство, которое он наверняка ненавидит и не уважает, у него есть работа, но нет настоящего дела. И всё это потому, что революция в России закончилась, Павка Корчагин и Мальчиш-Кибальчиш выродились в Степана Грибоедова. У него ещё хватило сил осознать и устыдиться своего ничтожества. «Надо заставить народ ужаснуться себя самого, чтобы вдохнуть в него отвагу»[33],—писал Маркс. Современные Стёпки никакого стыда уже не чувствуют. Всё нужно начинать сначала.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что сам Башлачёв таких широких выводов из своего произведения не делает, а в плане формы ещё раз указать на выдающийся реализм текста песни, меткость деталей, каждая из которых богата содержанием (Степан поднимается на сцену из последнего ряда, у гипнотизёра неприятная желтозубая улыбка и так далее).

В этом же русле создана песня «Музыкант».

С восемнадцати лет
Он играл что попало для крашеных женщин и пьяных мужчин.
Он съедал в перерывах по паре холодных котлет.
Музыкант полысел, он утратил талант, появилось немало морщин.
Он любил тот момент,
Когда выключат свет и пора убирать инструмент…
(«Музыкант»)

Перед нами снова реалистическая картина жизни обывателя. На этот раз контраст достигается тем, что речь идёт о музыканте, который ненавидит свою работу. Башлачёв даёт яркую иллюстрацию философского понятия «отчуждение», введённого Марксом.

Конечно, музыкант не производит вещественного продукта, который можно было бы физически передать другому лицу, но так или иначе, работая за деньги, он вынужден играть то и так, что и как нужно заказчикам. Музыка, которую он создаёт, ему не принадлежит. Суть же отчуждения, о которой говорит Маркс, в том, что человек перестаёт быть творцом, то есть перестаёт быть человеком. Кстати, ещё одним примером отчуждения в песне Башлачёва является упоминание о том, что музыкант ненавидит свою жену. Институт брака является одним из порождений института частной собственности, который, в свою очередь, происходит из отчуждения.

В рефрене Башлачёв многократно повторяет: «Но по ночам он слышал музыку». Автор верит, что в соотечественниках ещё сохранилось живое, творческое начало, что их ещё можно оживить. И отводил эту роль искусству, в том числе и своим песням. К такому же способу решения проблемы деградации общества барда подталкивал культурный мейнстрим того времени. В советских мультфильмах, фильмах, песнях бесчисленное количество раз превозносилась буквально магическая сила искусства.

Собственно, никто не отрицает облагораживающего воздействия высокой культуры. Опасность заключалась в абсолютизации её возможностей, в сведении всех способов и путей улучшения общества исключительно к искусству. В фильме «Андрей Рублёв» Андрея Тарковского, снятом в 1966 году, весь народ буквально преображается с первым ударом колокола, однако в картине литьё колокола показано как сложный производственный и организационный процесс, в котором принимает участие огромное количество людей, то есть колокольный звон стал итогом их коллективных усилий. А вот в мультфильме Андрея Хржановского «Стеклянная гармоника», снятом два года спустя, музыка буквально превращает исковерканных жадностью и эгоизмом чудовищ в прекрасных людей, причём без какого-либо ответного усилия с их стороны, практически чудесным произволом. Да и самому музыканту это не стоит видимых усилий, он вообще почти не шевелится, а только держит в руках чудесный инструмент. В этой связи можно вспомнить и песню Андрея Романова «Городок», в которой бродячий артист одними только звуками музыки заставляет людей идти за собой на поиск «далёкой страны»:

Музыкант прошёл под окнами, мелодии простой
Никто не смог запомнить: весь город спал.
Он свободен был и счастлив, никому не делал зла.
Он просто пел, хотя его никто не звал.

Кто в духоте ночной не закрывал окна,
Того уж нет.
Ушли искать страну, где жизнью жизнь полна,
За песней вслед.
(«Городок»)

Образ тоскливого тощего музыканта или художника, который возвышается живой укоризной над грязной толпой, сделался неотъемлемым символом перестроечного искусства, и по сей день он периодически всплывает на поверхность культурной жизни.

Конечно, надежды на изменение людей одними лишь усилиями искусства, без изменения

33. *Маркс Карл.* К критике гегелевской философии права; Нищета философии. М., 2007. С. 47.

характера общественных отношений, наивны и вредны, чисто культурнические попытки обречены на провал. Уж насколько была популярна в СССР музыкальная, литературная, изобразительная классика, однако это не предотвратило ни развал страны, ни варварскую приватизацию, ни беспредел девяностых, ни чудовищную культурную деградацию.

Дело в том, что отчуждение порождается не незнакомством с высоким искусством или нехваткой пропаганды «нравственных ценностей», а изолированностью человека от человека, от общества, от политики, неспособностью человека влиять на общественные процессы, сведением его роли к исполнению чужих решений, принятых без его участия. В ходе перестройки (и ранее, и далее) людям внушали мысль о всесилии искусства, чтобы отвлечь их внимание от реальных источников отчуждения.

Башлачёв искренне пытался воздействовать на окружающих людей при помощи искусства и, потерпев неудачу и осознав эту неудачу, впал в депрессию, разочаровался в себе и в людях. Кстати, это стало одной из причин его гибели. А ведь, покончив с собой в 1988 году, он ещё не застал то, что дальше произошло со страной и «моральным обликом» советских людей.

Конечно, башлачёвская вера в людей важна и ценна. Несмотря на степень их падения и безуспешность отдельных просветительских попыток, нельзя впадать в цинизм подобно антигероям пьес Шварца. Помните заявление Министра-администратора из «Обыкновенного чуда»? «Весь мир таков, что стесняться нечего». Примерно отсюда же Раскольников выводит идею об обыкновенных и необыкновенных людях и так далее.

Башлачёв ставит вопрос гуманизма, чувства ответственности перед всем человечеством:

Да как же любить их—таких неумытых,
Да бытом пробитых, да по́том пропитых?
Да ладно там—друга, начальство, коллегу,
Ну ладно—случайно утешить калеку,
Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу—чужих, неизвестных,
Да так, как подругу, как дочь, как невесту?
Так как же, позвольте спросить?
(«Тесто»)

Нельзя, объявив человечество банкротом, высокомерно желать ему поскорее самоуничтожиться, как делают некоторые псевдореволюционеры в периоды революционного спада. Ленин, несмотря на то что интеллектуально превосходил даже своих ближайших соратников, не позволял себе тона высокомерия или пренебрежения даже в пылу дискуссии, был прост в общении, умел признавать свою неправоту, посмеяться над собой, легко находил общий язык с представителями разных социальных слоёв (исключая, может быть, только самых заскорузлых мещан да чопорных аристократов).

Делая революцию, надо не только ненавидеть капитализм и его сознательных защитников, но и любить будущего человека и стараться разглядеть ростки этого будущего в своих современниках. Последнее ценное качество, пусть смешанное с наивностью, у Башлачёва было:

Долго ждём. Все ходили грязные.
Оттого сделались похожие,
А под дождём оказались разные.
Большинство—честные, хорошие.
(«Время колокольчиков»)

Но Башлачёв умел не только любить, но и презирать, клеймить едкой иронией, и эту иронию он направлял против растущего и крепнущего мещанства. Он высмеивал тягу к комфорту и сытому тупому существованию:

Тепло, уютно и чисто.
Мы скоро уходим, скрипя золотой зубочисткой
В слоновых зубах…
(«Королева бутербродов»)

Не менее метко он изобразил формирующийся на горбу советского общества новый привилегированный слой:

У Большого у театра, где сегодня «Травиата»,
Собралась, как для парада, стая новеньких машин.
В этот синий летний вечер, умываясь, лаком блещут,
Превращая вечер в вечность, замерев, стоят в тиши.

«Волга» ноль-семнадцать-двадцать,
«Волга» двадцать-десять-тридцать,
«Волга» два ноля-сто сорок, «Жигули» и «Шевроле»,
И «Москвич» не очень старый, также неизвестной марки
Симпатичная машина с папуасом на стекле.
(«У Большого у театра»)

И далее по тексту те же самые машины оказываются и у стадиона, где идёт матч СССР—Канада, и у входа на выставку Пикассо. Люди, которых мы не видим, имеют не только довольно статусные по тем временам автомобили, но и блатной вход на недоступные для других мероприятия. Конечно, всё это мелочи по сравнению с бессовестной вакханалией роскоши, которую позволяют себе сегодняшние хозяева России, но почти все они, так или иначе, выходцы из тех самых кругов, о которых пел Башлачёв.

Именно низменная тяга к комфорту, ростки мещанства и разложили советского человека. Красиво, хотя и несколько туманно, об этом повествуется в «Егоркиной былине». В ней описывается довольное и сытое житьё главного героя:

Как сидит Егор в светлом тереме,
В светлом тереме с занавесками,

С яркой люстрою электрической,
На скамеечке, крытой серебром,
Шитой войлоком,
Рядом с печкою белокаменной,
Важно жмурится, ловит жар рукой.

Как тут не вспомнить галичевское: «А что у папи у её пайки цековские и по праздникам кино с Целиковскою!»?

Однако Башлачёв ошибочно возлагает вину за отчуждение и примитивизацию народа не на контрреволюцию, а на революцию. Эта солженицынская белоэмигрантская идея уже потихоньку просачивалась в информационное пространство и овладевала умами граждан. Она проникла даже в мультфильмы (см. «Ерик», «Колобок, колобок» и другие). Очевидно, под воздействием подобных идей Башлачёв рисует себе идиллическую картинку одухотворённого и блаженного жития народа в царской России. А революцию и формирование советского общества изображает неким дьявольским наущением. Это представление ещё более отчётливо выражено в балладе «Ванюша»:

Как ходил Ванюша бережком
Вдоль синей речки,
Как водил Ванюша солнышко
На золотой уздечке.

Душа гуляла,
Душа летела,
Душа гуляла
В рубашке белой.

Ванюша, конечно же,—символ русского народа. Но стоит ли напоминать, что жизнь этого самого народа при царях состояла вовсе не из вольных гуляний в белых рубахах, а из мучительного труда и борьбы с голодом, а белые рубахи русские крестьяне надевали только в гробу, да и то только те, кто мог себе это позволить?

Может быть, автор имеет в виду особенную духовность и возвышенное состояние культуры на Руси? Но, простите, статус православной церкви, её монополию на духовную власть приходилось насаждать штыками, причём не только среди вольнодумствующей интеллигенции, но и среди крестьян, внутри которых массово образовывались секты, причём даже материалистического толка. Культура же задыхалась под гнётом цензуры и развивалась не благодаря, а вопреки царскому режиму, в борьбе с ним. Патриарх Филарет требовал вымарать из «Евгения Онегина» даже строчку «И стая галок на крестах» в описании Москвы, объявив её «поруганием святыни». Народ же был настолько оторван от культуры, тёмен и не образован, что боялся и избивал врачей и массово мёр от всевозможных эпидемий, вызванных голодом и элементарной антисанитарией («в рубашке белой»!).

Далее в песне Башлачёва Ванюша опьяняется собственной силой и удалью и заворачивает в кабак, где тёмные личности начинают сбивать его с «верного пути» и прежде всего отвращать от религии:

Хошь в ад, хошь—в рай!
Куда хочешь—выбирай.
Да нету рая, нету ада.
Никуда теперь не надо.

Вот, оказывается, как просто! Революция произошла потому, что злоумышленники обманули русский народ и привили ему нехорошие атеистические идеи.

Солженицынская концепция, подхваченная Башлачёвым и, кстати сказать, другими рокерами (см. «Кони беспредела» Гребенщикова, «Храм» Шевчука), напрочь выкидывает из истории и Первую мировую войну, которая, в сущности, стала главным ударом по империи, и Февральскую революцию. Как, например, быть с тем, что борцы с революцией—высшие офицеры и бывшие члены Думы—в 1917 году по совету британского посла Бьюкенена планировали сдать Петроград немцам? Как быть с заявлением самого низложенного царя Николая II о том, что социалист-революционер, глава Временного правительства Керенский «положительно на своём месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем будет лучше»?[34] Все противоречия и сложности истории выбрасываются на помойку, история действительно сводится к мифу. Главное же, солженицынская, казалось бы—русофильская, концепция превращает русский народ в стадо наивных дурачков, которыми вертит кто ни попадя.

Далее в песне Ванюше становится плохо и тесно в кабаке, в который он попал, он хочет уйти, и за это его убивают те же самые злоумышленники-подстрекатели:

И навалились,
И рвут рубаху,
И рвут рубаху,
И бьют с размаху.

Вот и выходит, что революция произошла потому, что глупый народ был обманут горсткой честолюбцев, которые отвратили народ от Бога и каким-то чудом за какой-то год внушили всему русскому народу новые взгляды на жизнь взамен «вековых, исконных, глубинных» православия и царелюбия. А когда народ опомнился и снова захотел себе религию и царя, то против него устроили репрессии. Очевидно, имеются в виду сталинские репрессии тридцатых годов. Однако сталинские репрессии были вызваны не тем, что народ вдруг возмечтал о церкви и троне. Сталин направлял свои удары против двух угроз

34. Цит. по: *Дубинский-Мухадзе И. М.* Шаумян. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 251.

своей власти — против партийной оппозиции, то есть против истинных революционеров, и против деревни, которую насильно стали загонять в колхозы. Большевики-антисталинисты боролись за защиту революционных завоеваний; кстати, за то же самое боролись и крестьяне, которые дрались за землю, добытую в ходе революции. Попы и помещики вместе с царём крестьянам, конечно, были совершенно неинтересны.

«Если в глазах антикоммунистов преступления сталинизма рассматриваются как проявления „сатанизма“ большевиков, их изначальной иррациональной страсти к насилию над беззащитными людьми, то коммунистические оппозиции четко отделяли борьбу против действительных классовых врагов от борьбы против собственного народа и поэтому рассматривали сталинские преступления как жесточайшее поругание большевистских принципов и традиций»[35], — писал выдающийся советский и российский историк Вадим Роговин.

Увы, в песнях Башлачёва можно услышать отголоски именно такого иррационального, чисто перестроечного представления о сталинских репрессиях, о котором писал Роговин:

Этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стёр,
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтёр.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму,
Он тугая пружина, Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.
(«Абсолютный Вахтёр»)

Песня написана блестяще, талантливо, но чересчур абсолютизирует сталинизм, показывает его как силу, восторжествовавшую чуть ли не в мировом масштабе и на вечные времена. Как ни странно, в этом безусловный антисталинист Башлачёв воспроизводит один из постулатов сталинского культа, то есть преувеличивает его силу, мощь, рисует СССР монолитной цитаделью сталинизма и не замечает наличие сопротивления, «левой оппозиции» режиму.

Впрочем, если воспринимать эту песню исключительно как протест против полицейщины и авторитарного бюрократизма, то она прозвучит актуально и в большинстве современных стран. Жаль только, что поэт рисует слишком уж беспросветную картину победившего зла, против которого никто не борется. Жаль, что голос Башлачёва вплетался тогда в общий хор Солженицыных-Яковлевых. При этом ни Башлачёв, ни другие рокеры не обладали ни программой борьбы, ни ресурсами для её воплощения. А у Яковлевых и иных высокопоставленных идеологов перестройки были и программа, и ресурсы. Так что выходило, что «перестройщики» задавали повестку, а рокеры использовались в качестве хора.

Знаменитый поэт, рок-текстовик Илья Кормильцев описывал это так: «„Мы ждём перемен“, — пел Цой, а какой-нибудь Черниченко объяснял, каких именно. „Скованные одной цепью“, — пели мы, а какой-нибудь Коротич объяснял, что речь идёт о шестой статье Конституции. „Твой папа — фашист!“ — вещал Борзыкин, а „Новый мир“ объяснял: да, таки фашист, потому что в детстве плакал, узнав о смерти Сталина»[36].

Да, повестку задавали правительственные идеологи. А что в качестве позитивной программы могли предложить рокеры? Что мог предложить Башлачёв? Только абстрактное «духовное возрождение», «пробуждение», «возврат к утраченным корням и ценностям».

Кстати, песня «Ванюша» заканчивается описанием воскресения главного героя:

И тихо встанет печаль немая,
Не видя, звёзды горят, костры ли.
И отряхнётся, не понимая,
Не понимая, зачем зарыли.

Каким это «пробуждение» и «возрождение» оказалось в действительности, Башлачёв, к сожалению или к счастью, уже не увидел. Уверен, что оно бы ему не понравилось. В конце концов, Башлачёв был хоть и заблуждающимся, но искренним, тонко чувствующим человеком. Он бы легко и достаточно рано распознал и фальшь переизданной РПЦ, и торжество попсы над подлинной культурой, и окончательное вырождение русского рока.

Собственно, Башлачёв и не строил себе особенных иллюзий относительно окружавшей его богемной тусовки и едко высмеивал её:

И каждый вечер в ресторанах
Мы все встречаемся и пьём,
И ищем истину в стаканах,
И этой истиной блюём.
(«Мы льём своё больное семя»)

Отнюдь не исключаю, что нездоровая, патологическая атмосфера столичной богемной тусовки стала ещё одной причиной его смерти. Александр Липницкий вспоминал о последних годах Башлачёва: «Я навещал его в последние месяцы, зимой, — он жил тогда в Комарово, и там была такая смурная, непонятная атмосфера. Я помню, что застал как-то вместе с ним людей из „Алисы“, Кинчева, все в чёрном. Они играли по пустым вёдрам топорами. Шаманизм устраивали… У меня возникло тогда

35. *Роговин Вадим.* Власть и оппозиции. http://www.trst.narod.ru/rogovin/t2/zakl.htm

36. *Кормильцев Илья.* Великое рок-н-ролльное надувательство-2. http://www.nautilus.ru/news/ilya-26-09-07-articles.htm

тяжёлое чувство: прямо в духовный ад попал человек...»[37]

Башлачёв очень болезненно переживал уродства окружающего мира, ощущал разницу между тем, чем являлись окружающие люди, и тем, чем они могли бы, должны были стать:

> Мы снимем штаны, но останемся в шляпах,
> Выключим свет, но раздуем огонь.
> На улице—резкий удушливый запах.
> Скажите, откуда взялась эта вонь?
>
> Мне кажется, где-то протухло большое яйцо...
> *(«Сегодняшний день ничего не меняет»)*

Башлачёв чувствует, что в зародыше погибла какая-то великая возможность, какая-то светлая мечта. На самом-то деле он оплакивает разрушающийся и гибнущий советский проект, который начинался надеждами на справедливое переустройство всего мира, создавался под горьковским лозунгом «Человек—это звучит гордо», а пришёл к ничтожеству Степана Грибоедова. С сознанием советской интеллигенции был проделан поразительный фокус: наблюдая вокруг себя развал Советской страны и её великой культуры, интеллигенты сетовали не о своей стране и своих согражданах, а о давно исчезнувшей матушке-Руси, о «поругании религии». Вот и Башлачёв в интервью Андрею Бурлаке сказал: «Эта нить—что называется, связь времён,—никогда не рвалась. Скажем, где была топь, там никогда не построят храм. Через двести лет на месте берёзовой рощи—спокойный район, а где была топь—наоборот, опасный так или иначе. А где был дуб—срубили его и построили храм. Самое главное, когда лес рубят, его рубят на корню, то есть корни всегда остаются в земле. Они могут тлеть сотни лет, могут смешаться с землёй, но они *остались*—корни этих деревьев. По моему убеждению, это не может не влиять на весь ход последующих событий. Главное—корни»[38].

Однако не там и не те он ищет корни. Башлачёв считает революционную идеологию и советскую культуру чем-то искусственным, наносным, забывая о том, что революционная традиция имеет глубокие корни в российской истории и русской культуре, она восходит к народникам и декабристам, к «золотому веку» русской литературы, к бунтам Стеньки Разина и Емельяна Пугачёва, к казацкой и разбойничьей вольнице, к старообрядчеству. Кроме того, она вбирает всё прогрессивное наследие мировой культуры, включая Высокое Просвещение и гуманистические черты народных преданий и религий, в том числе и изначального христианства.

Понятное дело, что в том же христианстве хватает и реакционных, антигуманных черт, привнесённых фарисеями различных эпох. Увы, наряду с гуманизмом, неприятием стяжательства, Башлачёв воспринял и эти губительные черты. Мистицизм понемногу просачивается в его песни и последовательно заполняет их. Мрачный мистицизм рано или поздно отвращает человека от реальности; чем религиознее человек, тем больше времени и сил он тратит на мечты о потустороннем. Церкви пришлось специально объявить самоубийство грехом, потому что на самом деле суицид является самым прямым выводом из религии. Тема самоубийства, смерти, заявленная в «Грибоедовском вальсе», всё навязчивее повторяется в башлачёвских песнях по мере усиления мистических ноток: «Пытался умереть—успели откачать» («Палата №6»); «Долго старуха тряслась у костра, но встал я и сухо сказал ей:—Пора» («Похороны шута»); «Кто смажет нам раны и перебинтует нас, кто нам наложит швы? Я знаю—зима в роли моей вдовы» («Осень») и так далее.

Кстати, Башлачёв был склонен уничтожать свои черновики, крайне неохотно позволял записывать свои песни, не стремился оставить что-то после себя. В результате от поэта осталось катастрофически мало рукописей: в последние годы он уничтожил, потерял, раздал тетради со своими текстами и при этом отклонил предложение журналиста Андрея Бурлаки издать сборник стихов, что впоследствии создало большие трудности для исследователей его творчества. В своих воспоминаниях Александр Липницкий отмечает: «Думаю, что он старался о сделанном не думать вообще. Путь Башлачёва не был материальный. Ему было всё равно, получат ли его записи выход куда-нибудь или нет, сколько людей—больше или меньше—будут их слушать»[37].

Суммируя, можно сказать, что поэта убило то, что убило и всю отечественную культуру: Сталин и его приспешники, предавшие революцию, уничтожившие коммунистов и террором загнавшие страну на гибельный путь; брежневское правительство, развратившее советский народ попсой и потреблением и превратившее коммунистическую идеологию в бессмысленный ритуал; горбачёвская команда, окончательно запутавшая и сбившая с толку народ своей перестройкой, подготовившая встраивание страны в капиталистическую систему; а заодно и тусовщики, свихнувшиеся от наркотиков, мечтавшие никогда ни о чём не думать и никогда ничем, кроме потребления, не заниматься. На фоне последних Башлачёв выделяется искренностью, подлинным литературным талантом, стремлением понять и разрешить противоречия времени. К сожалению, на том пути, которым он решил двигаться к этой цели, его ждало неизбежное поражение.

37. Воспоминания и интервью об Александре Башлачёве. http://musicrock24.ru/alexander-bashlachyov/35-content/368-memoirs-and-interview-o-bashlacheve.html

38. *Наумов Лев.* Александр Башлачёв: человек поющий. СПб., 2014. С. 537.

Сергей Бударин

Светом любви обручённый

● ● ●

Не забыть под звон капели
Мне свой ветхий дом родной,
Где играет на свирели
На крыльце апрель шальной,

Где на днях под звёздной кущей
Залепечет милый плёс.
Наливаясь соком в пуще,
Зазвенят стволы берёз.

То ли звёзды шепчут в уши,
То ли вижу в снах чудны́х,
Что мальцом босым по лужам
Я бреду в краях родных.

И, вскормлённый слёзным соком,
Я иду тропой сырой,
Где стоит в лесу высоком
Неизбывный дом родной.

Колесом вселенским солнца
Золотой раскручен день.
А у милого оконца—
Золотых лучей плетень.

Чтоб я был всегда везучий,
Чтоб мне жизнь была светла,
Нить из пламя грозной тучи
Для рубахи мать спряла.

Возмужал в рубахе красной,
С волосами цвета медь…
И пошёл тропой ненастной
По Руси в свирель дудеть.

● ● ●

С бледной ладони небес
Снял ты кольцо золотое.
Светом рассеял окрест
Вещее Слово святое.

В млечной магической мгле,
В бездне космической чёрной
Встал я, чтоб жить на земле,
Светом любви обручённый.

● ● ●

День лучезарный певуч.
Катится с неба волною.
Тёплый пульсирует луч
Яркой игристой весною.

По небу ходит волна
Русского доброго света.
Плещет о стёкла окна
Райская музыка эта.

Утром журчащим проснусь—
Музыкой неба согретым.
В день ключевой окунусь
В горнице, залитой светом.

● ● ●

Утро в небесных лугах
Стадо барашков пасёт.
Зорька в багряных шелках
За руку солнце ведёт.

Уши развесил лопух.
Музыка в небе парит.
Утро, весёлый пастух,
В рог золочёный трубит.

Тихо ворота скрипят.
С криком летят журавли.
Утренним светом сквозят
Церкви в багряной дали.

Полночь… В небесных мирах
Стадо барашков плывёт.
С прядью седой на висках
Месяц по небу идёт.

Сник под забором лопух.
Глухо, как пьяница, спит.
Полночь, печальный пастух,
В рог золотой не трубит.

Тихо ворота скрипят.
С неба ушли журавли.
Светом вселенским горят
Церкви в небесной дали.

● ● ●

Подхожу я к туманной дороге,
Где златая рыдает ветла.
И в горящей осенней тревоге
Журавлей пролетает стрела.

Путь змеистый и месяц высокий
Сквозь туман предо мною блестят…
Что сулит мне мой путь одинокий,
И о чём мне так звёзды гудят?

Может, там, в стороне неизвестной,
Будет сердце слезой прожжено,
И, как месяцу в яме небесной,
Мне во тьме утонуть суждено.

И душа над землёй золотою
Заискрится, любовью маня.
Обернётся небесной звездою.
В ней родное узнает меня…

Но, быть может, в краю неизвестном
Не сгорю я в житейском огне
И в таинственном гуде небесном
Буду петь о родной стороне…

И весна над округой родною
Вольной птицей расправит крыла,—
Будет ждать меня мать под ветлою,
Будет встреча, как песня, светла.

● ● ●

С грустных осенних дорог
Лютых ветров помело
Прямо к избе на порог
Пламя листвы намело.

Пасмурных дней жернова
Вязнут в бору золотом.
Лунных лучей рукава
Мокнут в пруду под окном.

Запах гвоздики тягуч.
Спит у скамьи лебеда.
В бочках сверкающих туч
Плещет о донья вода.

Цаплей повисло гнездо,
Злой пустотою гудя.
Сквозь облаков решето
Сеются зёрна дождя.

Лей, дождевая вода!
Пейте, поля и луга!
Взвейся над гладью пруда,
Радуги звонкой дуга!

Ты не болей о былом,
Буйна моя голова.
В жизни над всяким двором
Грома висит булава.

● ● ●

Подхожу я знакомой тропою
К свету синих цветов луговых.
Вдалеке из лесов вековых
Мне берёзонька машет рукою.

И струится из озера хлеба
Вниз по склону овсяная медь.
И рассвет, словно бурый медведь,
Медовуху лакает из неба.

Заалели зарёю залесья.
Засияли вдали облака.
И светла мне о прошлом тоска,
Как льняных колокольчиков песня.

Потому-то, в тоске утопая,
Я пришёл под сиянье лугов
Расплескать синеву лепестков,
В буйство вешних цветов наступая,

Где близки под напевами ветра
Сердцу быстрые волны овса.
И сочится мне счастьем в глаза
Зорька нежною алостью света.

● ● ●

Ранним искрящимся летом
В снежном метельном бреду
Млечным окутаны светом
Яблони в нашем саду.

Солнце алеет и пышет,
Цвет осыпая с ветвей.
Звонкое небо колышет
Песней своей соловей.

Яблоком жёлтым созреет
Солнце на ветке зари.
Сердце моё отогреет,
Светом любви обагрит.

● ● ●

Ива в осеннем дворе
Тихим задумчивым днём,
Словно свеча в алтаре,
Вспыхнула жёлтым огнём.

Ветер метёт по земле
Воск шелестящей листвы.
Плещут в заоблачной мгле
Лебеди свет-синевы.

Осень, молитву шепча
Перед иконой небес,
Светится, словно свеча,
В предощущенье чудес.

● ● ●

Сердце моё молодое
Нежный туманит закат.
Дремлют полынь с лебедою
Возле дороженьки в сад.

Звёзды, как жемчуг зернистый,
В небе над тихим прудом.
Сел соловей серебристый
На покосившийся дом.

Ивы выводят в тумане
Возле пруда хоровод…
Тонет в предутренней рани
Жемчуг небесных высот.

Сердце моё молодое,
В эту ночную теплынь
Про дорогое былое
Шепчет украдкой полынь.

Мчится над огненной бездной
Зорька в багряных шелках.
Жемчуг сверкает небесный
В рыжих её волосах.

Прямо к пруду дорогому—
Звёздной дороженькой в сад.
Прямо к тебе, молодому,
Под соловьиный раскат.

● ● ●

Полночь сыра и душиста.
Кони стоят у плетня.
Хрипнет гармонь гармониста.
Тлеет костёр без огня.

Сосны глухими рядами
Стонут на диком юру,
Хвойными держат руками
Месяц в гудящем бору.

С грустью кукует кукушка,
Сидя на ветке сухой.
И покосилась избушка
Под невесёлой ольхой.

О ты, сосна дорогая,
Полночь и месяц седой!..
Пусть меня тройка гнедая
К жизни несёт молодой.

Пусть распоётся гармошка,
Пляшет огонь над костром.
И загрустит у окошка
Мать обо мне, дорогом.

Будет гадалкой кукушка
Врать мне о жизни иной.
Каждая рядом избушка
Будет казаться родной.

● ● ●

Берёзы сквозят во дворе,
Сливаясь со светом отвесным.
Их кровь запеклась на коре,
Взывая к воротам небесным.

Она по стволам растеклась,
Цепляясь корнями за землю.
Но с небом я чувствую связь,
И сердцем я родине внемлю.

А чёрная кровь на коре—
Святая расплата пред небом.
Берёзы сквозят во дворе
Божественным внутренним светом.

● ● ●

Сокол, паря в небесах,
Тьму воронья́ одолеет.
Светом в моих волосах
Луч заревой заалеет.

Сокол крылами взмахнёт,
Небо к земле прижимая.
Волнами тень всколыхнёт,
Солнце на крылья вздымая.

Небо с крыла на крыло
Катится, страха не зная,
Держит всем вранам назло
Солнце вселенского рая.

● ● ●

Зреют в заоблачной ниве
Звёздные зёрна зари…
Звон в колокольном разливе
Льют по земле звонари.

Звёздною высью рябою
Зёрна зари расцветут.
В роще пред сонной избою
Тихо старухи поют

Песню о жизни неспешной
В светлой своей стороне…
Скачет в долине безбрежной
Всадник на белом коне.

Колос в заоблачной ниве
Лунным срезает серпом.
Кормится в радужной жниве
Конь его звёздным овсом.

Песню о жизни неспешной
Тихо старухи поют.
Звон колокольный утешный
В сердце своём берегут.

• • •

Лунный кувшин на рассвете
Млечность тумана разлил,
На огневом бересклете
Пламя цветов погасил.

Руку мне ветер игривый
Влажным лизнул языком.
Я по осоке сонливой
К речке бегу босиком.

Мчится за мной неустанно
Ветер, как пёс озорной…
Я никогда не расстанусь
С милой степной стороной.

Что ж ты расплакалась, ива,
Голову низко склоня?..
Говором нежным прилива
Речка встречает меня.

Млечным туманом вскормлённый
На заливном берегу,
В край свой приволжский влюблённый,
Рухну в траву на бегу.

• • •

Сердце вспорхнуло в груди,
Память услышав родную.
Как на параде, дожди
Дробь отбивают шальную.

Плащ лучезарных небес
Утро наденет на кроны.
И всем деревьям окрест
Звёзды слетят на погоны.

Яркой зарёй в облаках
Лес заалеет широкий.
Тополь в туманных лугах
Держит дозор одинокий.

Словно солдат начеку,
Старшего видя по званью,
Руку приложит к виску,
Честь отдавая сиянью.

Сердце, с природой в ладу,
Крылья в груди расправляет,
В звонкую мчит высоту,
Отчий простор прославляет.

• • •

Широко над пшеницы полями
Разгорелся огонь заревой.
А колосья златыми струями
Плещут счастьем в душе молодой.

Так во мне принимало участье
И шуршанье подолов берёз…
А ветвей непорочных запястье
Был готов целовать я до слёз.

Соловей напоил меня трелью…
Соловей, ты мне голос родной!
Ночь провёл под его я свирелью
С одинокой красивой луной.

Я хочу золотою душою
Для себя и людей опростеть,
Чтобы день предрассветной метлою
Выметал с неба звёздную медь.

А полей золотое сиянье,
Что в своих сберегу я глазах,
Обещает когда-то свиданье
И горенье цветов на межах.

• • •

Дни за поводья зари
Чёрную лошадь ведут.
В тихом бору глухари
Небо жемчужное пьют.

Светит лампада в избе,
Словно на небе звезда.
Слёзно о русской судьбе
Шепчет в полях резеда.

Чёрная лошадь заржёт.
Вскинет поводья зари.
Слёзы с небесных высот
Выпьют в бору глухари.

Гаснет лампада в избе.
Тает на небе звезда.
Горько о русской судьбе
Плачет в полях резеда.

Сергей Шкарпета

Жизнь — мельница

Возвращение

В дымке туманной кадящих рассветов
Я возвращаюсь в крестьянскую Русь,
Чутко в себе ощущаю поэта,
Каждой берёзке в ответ улыбнусь.

Вырвался я из зловещего плена
Шумных машин и громадных домов,
Где бездуховность, как пламя геенны,
Испепеляет добро и любовь.

Вольно ворвавшись в летящем вагоне
В тайну озёр, где пророчит камыш,
Зная о том, что рёв поезда тронет
Спящих просторов невинную тишь,

Дальше от города мчит меня поезд
С музыкой грустной стучащих колёс,
В окнах мелькает берёзовый пояс,
Плотным кольцом подвязавший овёс.

Тает туман в поцелуях рассвета,
Ближе я к родине с каждым селом.
Лошадь в лугах, озарённая светом,
Машет приветливо рыжим хвостом.

Время, что замерло, двинется снова,
Нежно проснувшись в ласках зари.
Эту природу, как будто корову,
Выдою рифмами в строки свои.

* * *

Жизнь — мельница, а мы — зерно.
Нас жернова судьбы измелют,
И тело то, что нам дано,
Мукою праха ляжет в землю,

Но колос духа прорасти
Над прахом тела может в небо,
Чтоб в нём бессмертье обрести,
Став Божьей плотью, то есть Хлебом.

Воспоминание детства

Я помню детства путь короткий,
Медовый запах трав с полей,
Где я держусь ручонкой робкой
За фартук бабушки моей.

Мы с ней идём к кому-то в гости…
Воскресный солнечный денёк…
Из малых лет я малой горстью
Лишь это в памяти сберёг.

Всплывает образ той дороги,
Кресты погоста в стороне.
И в детской я спросил тревоге:
«Бабуль, ты не умрёшь ведь, нет?»

Волос моих коснулась нежно,
Ответив грустно и светло:
«Нет, внучек, не умру, конечно…»
Я счастлив был от этих слов.

Но счастья светлыми путями
По жизни мало я шагал.
Взрослея, родичей смертями
Я жизни временность познал.

Мне скорбью душу охватило,
Когда за бабушкою дед
На том погосте стал могилой
Моих счастливых детских лет.

Обманом, завистью и злостью
Меня испытывает жизнь.
Но память предков на погосте
Мне заповедует: «Держись!»

И в памяти туманно-мглистой
Средь колосящихся полей
Иду с душой воскресно-чистой,
Как фартук бабушки моей.

• • •

По снегу, как по облакам,
Навстречу роще я бегу,
Где, волю дав своим рукам,
На казнь деревья обреку.

Бензопилы мотор устал
Рвать тишину в пылу борьбы,
Вторгается в деревья сталь
Зубцами роковой судьбы.

Нарушил утренний я сон,
Плеснувши из глубин души
Свою энергию в лицо
Природе, дремлющей в тиши.

Вот набирает сил трагизм
Жестокой заготовки дров,
А солнца светлый оптимизм
Скрыт в пессимизме облаков.

Рублю спокойно я дрова,
Совсем не думая о том:
Природа, как и мы,—жива,
Как мы—она под топором.

• • •

Здесь деревья, кажется, другие,
А не те, с которыми я рос.
А. Передреев

Я вернулся снова в суету.
Я оставил тишину и поле,
Где деревья малые растут
И себе не мыслят лучшей доли.

Там живые травы и земля,
Здесь домам лишь мёртвым подыматься.
Жизнь живая там, где жизнь полян,
Мёртвая—где города дымятся.

Я с холодным городом мирюсь,
Привыкая жить в нём—умираю,
И к деревьям я обратно рвусь,
К родине, в которой оживаю.

Но душа мучительно болит,
Я боюсь, пока ещё не зная:
Мне ль деревья не узнать вдали,
Иль меня деревья не узнают.

Леонид Мартынов

В рабочей слободке

• • •

Выдвинутые подбородки,
Суковатые кулаки…
Это было в рабочей слободке
Над гранитным бортом реки.

Сцапали фараона:
—А ну-ка сюда волоки!—
Нынче не время óно
Над гранитным бортом реки!

И разговор короткий—
Слова не говоря…
Это было в рабочей слободке
В пламени Октября,

Там, где туман, витая,
Плыл над волной реки,
Старых архангелов стаю
Пряча на чердаки.

1920

Дарья Ильгова

Детская наша бравада, взрослая наша печаль…

* * *

Даже сейчас, стоя за неприступной стеной,
Говори со мной.
Вот мои тапки у койки, в столе ключи.
Говори со мной, не молчи.

Белые шайбы таблеток отмечу галочками на листе,
Что лежит на комоде у выхода в коридор.
Даже если забуду, даже если приму не те,
Выйду в домашних тапках к тебе во двор,
Не узнавая тебя, не понимая причин,—
Говори со мной, не молчи.

Руки, которые помнят, как обнимать.
Я была тебе мать. Не такая плохая мать.
И я здесь, мы идём вдоль дома, рука в руке,
Объясняемся на неведомом языке,
Обменявшись ролями. Отчаянно жжёт внутри—
Говори со мной, говори со мной, говори.

Вдоль малины и виноградника до скамьи—
Ещё слово, ещё мгновение—вот скамья.
Собирая по косточкам жалкий скелет семьи,
Вспоминая, что мы семья.
Вечная радость моя,
Вечная боль моя.

* * *

Памяти пятна—события, лица.
Маленький вдох как возможность проститься.
Санки в сарае, в углу костыли,
Дремлющий пёс в придорожной пыли.

Косточка детства в земле вызревала,
Не признавая иного родства,
Чем чернозём тяжелее металла
Или побитая зноем листва.

В каждом движении скрыта разлука:
Бело-лиловая маковка лука
Бегло кивнёт—это знак вам двоим,—
Словно тебя признавая своим.

И, вырастая из прежнего тела,
Наспех прощаясь с земным и пока
Робко приветствуя, звать неумело
Ветер, созвездия и облака.

* * *

Тихо летает пичужка
В дымке фонарных огней.
Стылая наша «однушка»—
Сколько намолено в ней!

Сходится быт безнадёжный
Здесь, за верстой столбовой
Жизни твоей бездорожной,
Жизни моей кочевой.

В мире дешёвых иллюзий,
В мире грошовых идей
Силятся взрослые люди
Так походить на людей.

Нам же досталась в награду
Вместе с «прости» и «прощай»
Детская наша бравада,
Взрослая наша печаль.

* * *

Как репетиция жизни, грубость
И вздор неся,
Прошла нелёгкая наша юность
И вышла вся.

Остались только манящий хаос,
Обида, злость,
Чтоб сердце жалось и трепыхалось,
Рвало, рвалось.

И страшно в этом водовороте
Людских страстей
Любить, быть верным своей природе,
Растить детей.

Вот отчего мы так беспощадно
Летим на дно.
Да так и надо, да ну и ладно.
И всё равно.

Это не тело, это душа ветшает.
Гул нарастает, свет этот спать мешает.
Это фонарь? Это тоннель? Ау!
Слышишь меня? Странно слова плывут.

Мимо крыльца, колодца, речной водицы.
Памяти детства не за что ухватиться.
Гусеница в капусте, полёт шмеля.
Тёплый приём. Ты слышишь, земля-земля?

Радоваться земному, любой поделке,
Не отличая подлинник от подделки,
Шуму подземки, театру теней на стенке,
Важному разговору и тишине.
Всему, что живёт во мне.

Память, что горстку пепла,
Ветром подхватит лёгким,
Наскоро буераки
Жизни моей облетев.
Где ты песчинкой белой
К чёрной дыре несёшься?
Вынырнуть на обратной,
Солнечной стороне.
К девочке незнакомой—
Синее платье в алый
Крупный горох. Неужели,
Господи, это я?

ДиН симметрия

Игорь Северянин

Поэза правительству

Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает вето
К признанию и срамное клеймо.

Правительство, зовущее в строй армий
Художника, под пушку и ружьё,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя своё.

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нём к себе вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий ямб цезурой,
Я хлёстко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На притесненье гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтать ему о днях иных…

1920

Анна Маркина

Дотянись до прощения

* * *

Словно мясо ножом — так любовь отрезает.
Дотянись, дотянись до прощения.
Будто стрелки в дворовой игре исчезают,
будто ты по цепочке, на звенья разъятой,
всё пытаешься выйти из тёмной пещеры…
И такое молчание невероятное,
и любая вода обращается солью,
и никак не нащупает выход Том Сойер.
Кто казак, кто разбойник на карте июля?
И в кого полетит злополучная пуля?
По условиям — чувства кривая
задевает, как стрелы, взведённые оси,
и по игреку входит в высокую осень.

Всё, что делает нас, по чуть-чуть убивает.

И поэтому будь наготове:
потерять, изогнуться, сломаться, разбиться,
не суметь устоять на обтёсанном слове,
а ещё быть подстреленной из-за угла
теми пулями, что ты вручаешь убийце,
тем оружием, что ты сама принесла.

* * *

Ненадетое колечко.
Надоело по уму.
Разыщу я человечка
И с собой его возьму.

Подниму его, отмою,
Буйный нрав его смягчу.
Хорошо, когда нас двое.
Будто едем по лучу.

По-над речкой, по-над кручей,
По земле и по углю.
Он потерян, он горючий.
Да ведь я его люблю.

Всяк мужик сейчас изношен.
Баба правит на возу.
Ни за что его не брошу,
В тёплый сумрак привезу.

Едем — кочка. Едем — тропка.
Разухабистый наш путь.
Едем-едем на растопку.
Едем-едем. Как-нибудь.

* * *

Стихи-то были… лопухи на грядке,
вода из крана с золотистой взвесью.
Потом они построились в порядке,
притихшие терпители репрессий.
И я над ними, как товарищ Сталин
с НКВД журнальным, надзирала.
Агутин пел, что музыка устала.
Не может быть, чтоб музыку украли.

Помятые, звенящие артисты,
скисающие в крохотной гримёрке,
фанерный звук в концертах полумёртвый
и режиссёр, на музыку не чистый, —
однажды просто сцену уступают
словам, не обречённым тормозами.
И музыка дорогу прорезает,
слепая.

* * *

Раз в году приезжаешь к родне
и стараешься быть на волне,
но течение мыслей относит
от их быта, где стынет река
прокисающего молока
и опоры стоят на откосе.

Ты, зелёный тепличный побег,
чем поможешь ты им, человек
надувной, помидорка столичная?
Запечён под московской фольгой,
ты настолько нездешний, другой,
что они тебя ловят с поличным:

мало шлёшь о себе новостей,
не заводишь собак и детей.
А работа? А выпить? А замуж?
Переходишь молчание вброд.
Прополов небольшой огород,
к легкокрылым делам уезжаешь

от их дома, где печка чадит,
где надежда берётся в кредит,
от малюсенькой точки на карте.
И о маме скучаешь сильней,
и обрубки усталых корней
волочишь через темень плацкарта.

* * *

Не пускают меня в раздевалку,
Говорят:
— Без петельки не смей.
Голова тридцать лет, приживалка,
Тяжелеет на шее моей.

Как-то всё хлестаково, брат Пушкин,
Мне темно, мне темно среди них.
Скачет ночь, скачет ночь в черепушке
С табуном вороных.

* * *

Много снега, мало денег,
Плачу ночью на полу.
Жизнь меня, как нитку, вдела
В узкоухую иглу.

Узкоухи, узколобы
Я, игла, они, оно.
Каждой ночью Пенелопа
Распускает полотно.

Было море… и озёра,
Компас, люди, корабли.
Был узор. И нет узора.
Нитка вьётся на мели.

Этой ниткой можно вышить
Путь домой, волненье вод.
Ткани нет. Лежит прокисший
За окошком небосвод.

Тихий плеск ассоциаций.
Шов неровный у судьбы.
Не порваться, не порваться,
Не порваться только бы.

Указ

Приказали на топоре внести
Указ—
без всяких там обходных лазеек:
бабушки плохо сидят в театрах,
бабушки плохо сидят в музеях.
Всех изгнать.
Переизбыток древностей.

Небо над городом начинает рдеть.
Есть ли разница бабушкам, где сидеть?

Сложностями времена прошиты.
Опасностей вдосталь.
Пусть сидят по домам под защитой.
Пусть сидят со всеми удобствами.

Не дали открыть и рта нам.
Загнали на дно, как ихтиандров.
Изгнали бабушек из музеев.
Изгнали бабушек из театров.
Бабушки стали таять.

Потому что, когда отвернулись
и когда от целого отрезают части,
через щёлочку оконную и дверную
жизни не достучаться.

Таяли, таяли и растаяли.
Культура стоит пустая.

Но я знаю: растаяв, осадком культуры став,
они выпали все на своих постах—
этим «чщщщ», прокатанном сквозняками,
этим слежением за руками.
Они там—бессменные и живые,
Вечные стражницы угловые.

Екатерина Щерба

Судьба в твоих руках

Настоящий друг

По окнам, злясь и пытаясь попасть внутрь, стучал неугомонный ливень. В небольшом магазинчике было тепло. Дверь со скрипом открывалась, впуская внутрь прохожих. Вот вошли мужчина в запотевших очках, мальчик с потёртым рюкзачком и женщина с собакой, промокшие от дождя. Все хотели посмотреть на необычное животное, весть о котором разлетелась ещё вчера.

Когда подходили совсем близко, удивление и радость на лицах сменялись отвращением и ужасом:

— Дракон?! Фу! Он такой страшный! Посмотрите на его крыло! Оно разорвано. Он никогда больше не сможет летать. Наверное, поэтому его отдают просто так. Кто захочет взять такого?—и люди, не желая больше терять драгоценное время, что-то бормоча себе под нос, один за другим выходили из магазина.

— Эх…— вздохнул продавец.— Ну как же так? Не волнуйся, мы обязательно найдём тебе дом!— добавил он, наклоняясь к маленькому дракончику.

Вдруг дверь открылась, и в магазин вошла девочка с рыжими хвостиками. Закрыв зонт, она медленно прошлась по магазину, оглядываясь по сторонам.

— Это ваше?—и девочка протянула продавцу небольшую листовку.

— Да. Пойдём, я покажу.

— Какой он красивый!—ахнула девочка.—Я назову тебя Бублик! Мы с тобой обязательно подружимся!

Девочка достала из кармана монетки.

— Я хочу его купить.

— Мы отдаём его просто так,—улыбнулся продавец.

Бережно закутав своего нового друга в тёплый плащ, она вышла на улицу. Дракончик осторожно высунул мордочку, пробуя на вкус холодные капли дождя. Девочка засмеялась.

— Знаешь, Бублик, а мы с тобой похожи. Я тоже особенная…—девочка сняла перчатку и пошевелила металлическими пальцами.

Обещание

— Осталась всего неделя,—нежно прошептала мама, уткнувшись носом в разноцветную скорлупу.

Внутри яйца с причудливыми завитушками послышалось тихое попискивание: малыш хотел поскорее вылупиться и увидеть солнечный свет и свою маму.

Внезапно что-то вспыхнуло, словно тысячи ярких огней сразу обрушились на мир. Земля задрожала. Мама-динозавриха испуганно оглянулась по сторонам, крепче прижимая яйцо к себе.

— Не бойся, я рядом,—успокаивающе говорила она.—Всё будет хорошо.

Земля гудела и содрогалась, а вокруг бушевало пламя. Казалось, что солнце упало на землю и вот-вот беспощадно сожжёт её. С неба начали сыпаться камни, а мама всё повторяла:

— Я всегда буду с тобой, ничего не бойся…

И—тишина… Весь мир замер сразу. Не осталось ничего…

Горы… Эти величественные снежные гиганты, уходящие в облака и гордо смотрящие вниз. Они захватывают дух и завораживают каждого. Именно за это Лера и полюбила их. Каждый год на зимних каникулах она вместе с семьёй приезжала в маленький домик у подножия каменных великанов.

Сегодняшнее утро было по-особенному солнечным. Лера взяла любимые лыжи и побежала на улицу. Когда девочка скатывалась с небольшой горки, одна из её лыж зацепилась за что-то твёрдое, и Лера упала в пушистый снег, сильно ударившись ногой. Отряхнувшись, она увидела красивый причудливый камень.

— Мама, папа, посмотрите, что я нашла!—закричала Лера.

А спустя полчаса в комнате возле потрескивающего камина лежало небольшое яйцо.

— Мама, у меня будет свой динозавр!—радовалась девочка.

— Прошло уже столько лет. Не думаю, что это возможно. Но мы можем оставить его возле камина: вдруг случится чудо?—добавила мама, увидев грустное лицо дочери.

— Ничего не бойся, я всегда буду с тобой,—ласково говорила Лера, аккуратно укутывая яйцо пледом.

Ночью девочку разбудили треск и попискивание. Тихо подойдя к двери, она включила свет и ахнула: вместо разноцветного яйца возле камина

лежала горстка скорлупок, а рядом сидел динозаврик, цвета молодой травы с серыми крапинками.

Лера осторожно подошла к динозаврику и взяла его на руки, а он лизнул её в щёку.

— Мама, мама, наконец-то мы встретились! Мне было очень холодно и страшно без тебя!

Лера прижала к себе динозаврика и заплакала.

— Мама, почему ты плачешь?

— Прости, малыш, я никогда не смогу заменить тебе маму,— сквозь слёзы ответила девочка,— но я обещаю, что стану для тебя настоящим другом!

Волшебник в каждом из нас

У каждого человека есть свои страхи, переживания. И каждый человек властен над ними: он всегда сможет побороть и контролировать их.

А ещё каждый человек — немного волшебник: он может даже самую невероятную мечту воплотить в жизнь и сделать реальной.

У каждого человека есть своё хобби. Это может быть что угодно: танцы, пение или фотографирование. Но иногда хобби превращается в смысл жизни и, возможно, может изменить чью-то судьбу.

Вы сейчас услышите одну интересную историю о том, что даже самые обыкновенные на первый взгляд вещи — не такие, какими мы привыкли их видеть.

Я очень люблю рисовать. И это не просто увлечение: для меня каждая картина — это новый мир, новая история и немного волшебства. Каждый день после уроков я спешу в любимую изостудию. Но последние несколько недель мне хочется сидеть дома, закрывшись в комнате от этого жестокого мира. Я как будто разучилась радоваться каждому дню, счастливым моментам. Просто мои родители разводятся.

Кто сказал, что девочка должна обязательно остаться с мамой? Я одинаково люблю их обоих и не представляю свою жизнь без папы. Ведь с мамой мне нравится ходить за покупками, делиться своими секретами, печь вкусные блинчики по вечерам; а с папой мне всегда интересно играть в компьютерные игры, слушать захватывающие и смешные истории и помогать чинить машину. А ещё я люблю, когда на выходных мы всей семьёй играем в «Монополию» или ходим в кино. А теперь мне нужно научиться жить без этих счастливых моментов.

Я сидела и смотрела в окно, как хмурится серое небо, пытаясь укутать город в чёрное покрывало, и звонкие капли неугомонно барабанят по крышам.

Вдруг раздался телефонный звонок, и рука машинально потянулась к телефону. В трубке раздался весёлый и немного встревоженный голос одноклассника.

— Где ты пропадаешь? Без тебя так скучно,— протянул Андрей.— Скоро выставка, а у тебя ещё не готовы картины. Слушай, тебе обязательно нужно прийти сегодня,— таинственно добавил он и отключился.

Через полчаса я стояла возле большого здания с высокими колоннами. Сделав пару шагов и с силой потянув на себя ручку двери, оказываешься в просторном холле с множеством картин на стенах — работами учеников студий, с фотографиями танцующих пар — воспитанников танцевальных коллективов.

«Абрис» находился в самом конце холла. Я зашла в небольшую, но уютную комнату, и меня встретил Андрей:

— Привет! Ты куда пропала? У тебя что-то случилось?

В ответ я махнула рукой.

— Да так, всё хорошо,— с грустью улыбнулась я,— не переживай. В школе просто задали много проектов.

Достав мольберт, положив рядом краски и взяв кисточку, я начала выводить штрихи. Только вдохновения совсем не было. Тогда я решила посмотреть на работы других детей. Больше всего мне понравилась картина Андрея. На ней была изображена красивая осенняя аллея с фонарями. Посмотрев на неё, мне показалось, что ветви деревьев шевелятся на ветру.

«Показалось»,— подумала я.

Я медленно шла домой, листья шуршали под ногами. Задумавшись, не сразу обратила внимание, что Андрей молча идёт рядом.

— Ты точно не хочешь мне ничего рассказать? Мы дружим уже восемь лет, я знаю, что-то не так,— сказал Андрей.— Ну, если не хочешь, можешь не говорить.

— Не хочу идти домой… — тихо ответила я.

— Может, зайдём на чашечку чая?— услышала я в ответ.— Говорят, здесь неплохо,— подмигнул Андрей, показывая на кафе напротив.

Меня словно прорвало. Я рассказала ему о своих переживаниях и о том, что не знаю, что будет дальше. А потом мы ещё долго болтали обо всём на свете.

Я посмотрела на часы. Эти три часа пролетели незаметно, и пора было идти домой.

— Ты завтра придёшь?

— Обязательно,— и я встала из-за столика.

— Не волнуйся, всё будет хорошо!— донеслось ко мне, когда я выходила из кафе.

На следующий день настроение немного улучшилось. Я зашла в студию и сразу подошла к Андрею. Он уже почти закончил рисовать свою картину: по аллее шла молодая пара. Мне на минуту показалось, что это двое влюблённых, но сейчас они в ссоре и идут не рядом, а немного на расстоянии друг от друга. Это была самая красивая картина, которую я видела. Я сразу подумала о своих родителях, и слезинка вдруг покатилась

по щеке. Быстро смахнув её, я отвернулась и подошла к мольберту, пытаясь нарисовать хоть что-то.

Собираясь домой, Андрей предложил мне пойти вместе: всё равно идти нам в одну сторону. Так мы дошли до самого дома. Уже прощаясь, я заметила у него в руках картину.

— Это тебе. Я же видел, как ты на неё смотрела. И не говори, что тебе она не понравилась.

Я молча смотрела на удаляющуюся фигуру друга, прижимая к себе подарок.

Когда вечером мама зашла ко мне в комнату, она крикнула:

— Миша, посмотри, что нарисовала наша дочь!

Родители долго смотрели на картину.

— Это подарок друга. Завтра — выходной, и я хочу выспаться, — тихо сказала я, закрывая дверь.

Вечером я долго не могла уснуть, не зная, что будет завтра. Так хотелось, чтобы всё снова стало как раньше: завтраки по утрам всей семьёй, а потом прогулка в парке, и не важно, в какую погоду.

Утром меня разбудил ароматный запах булочек с корицей. Дома никого не оказалось, и, зайдя в кухню, я увидела накрытый стол, на котором лежала записка: «Дорогая, мы не хотели тебя будить. Когда позавтракаешь, приходи в наш любимый парк, на дворе прекрасная погода!»

Я забежала в комнату и…ахнула. Пара на картине шла по аллее, только теперь держась за руки!

Я наспех позавтракала и выбежала из дома. И вправду на улице стояла чудесная погода: листья кружились в танце, а осеннее солнышко дарило всем тёплые лучи.

В парке я сразу увидела родителей. Они были как на той картине и весело о чём-то разговаривали.

Я сразу же набрала номер Андрея и договорилась с ним встретиться вечером в том самом кафе.

— Т-твоя картина! Она живая! Ты что, волшебник?! — недоумевала я.

— Может быть. А ты разве не знала, что каждый человек немного волшебник? — подмигнул Андрей.

Город, который у тебя в крови

Я никогда не видела свою бабушку. Мама всегда искала отговорки, почему я не могу её навестить. Но вот сдан последний экзамен, и я уже студентка Донбасского государственного технического университета. Я могла поступить учиться в любой город, но, не знаю почему, я выбрала именно Алчевск. А ещё здесь живёт моя бабушка, которую я так давно хотела увидеть.

Прозвенел звонок с последней пары. Я вышла из здания университета и медленно шла по улицам и аллеям, и всё почему-то казалось таким родным. Я с восхищением подошла к старому заброшенному театру. Осторожно прикасаясь к потрескавшимся стенам, вдруг представила, каким же он был раньше красивым. Слёзы грусти заблестели на ресницах.

Даже небольшой дождик совсем не испортил настроение. Я подставила ладошку под прохладные капли и улыбнулась. Запахло свежестью, и мне стало очень легко, как в детстве. Я на минуту забыла обо всём и начала прыгать по лужам, словно маленькая девочка. Вдруг выглянуло солнце, и каждый листочек потянулся к нему. Посмотрев наверх, я увидела радугу, которая заняла половину неба, показывая свои яркие краски.

Я села на восьмой маршрут автобуса и приехала в очень красивое место. Его называют мостиком любви. Я стояла и смотрела на уточек. Ветер играл с листвой, и я поняла, что полюбила Алчевск.

По дороге к бабушке я купила коробку конфет. С волнением я постучала в дверь. Мне открыла седоволосая старушка.

— Как же ты похожа на свою маму, — сказала бабушка и заплакала.

Мы очень долго разговаривали обо всём и пили чай с конфетами. Когда я собиралась уходить, мы обнялись, и я тихо прошептала:

— Бабушка, здесь так красиво! Я влюбилась в этот город.

— Так ты же родилась здесь, — и бабушка улыбнулась.

И тогда я поняла, что любовь к родному городу у тебя в крови, и не важно, где ты живёшь. Важно то, что ты снова возвращаешься к нему и твоё сердце навсегда принадлежит родному краю.

Ульяна Лисова

За семнадцать вёрст до…

(«Игра в классики» на основе повести В. Г. Сорокина «Метель»)

Но теперь печальна дорога,
И тяжёл мой удел.
Я не смею тревожить Бога:
я него много дел.
Рюрик Ивнев

Наверное, бедняга, которому удалось первому додуматься до колеса и построить телегу, умер человеком счастливым: труд его обессмерчен, а сам он покоится мирно. Колумбу и Куку повезло чуть меньше, но в их заслугах сомневаться не приходится. Есть люди, чей удел — быть первыми в чём бы то ни было, это — их почётный знак, порой — терновый венец, но это уже будет как кому угодно…

Что ж, первооткрывателями нам побыть, к сожалению, уже не удастся; зато мы можем наречь себя учениками Пушкина и на протяжении всего своего творческого пути следовать за бессмертным мастером, воспевая звезду пленительного счастья и рыдая над письмами, трагически оставшимися без ответов. И всё бы хорошо, если бы не одно «но»: современная литература строится не на банальном подражании классикам, а на «игре в классики». Хорошего автора отличает именно вежливый тон, с которым он, как бы попросив разрешения у «первооткрывателя» заранее, использует многолетний материал для создания совершенно нового текста; после кропотливой работы в ларчике остаётся только надежда на такого же вежливого читателя, который сможет не только понять и простить, но ещё и стать настоящим соавтором. Заимствование не то чтобы воссоздаёт уже явленный миру лик, но творит нечто такое, что невозможно было себе представить до этого. Чужая мысль заразительна: влияние мысли может быть судьбоносно — исключительно в лучшем смысле этого слова. К тому же, основываясь на классических образах, автор может выстроить свою собственную драматургию диалога с вечным мастером, даже вступить в полемику — но без злобы, не заставляя никого терять ни терпение, ни сознание.

Как классика живёт в современных текстах? Я бы сказала, что в условиях весьма комфортных: здесь ей и должный почёт, и лучшие роли, пусть даже второстепенные, а всё-таки заметные. «Игра в классики» игрой остаётся до конца, элементы театральности неизбежны; но если театр — это увеличительное стекло, то современные тексты — целая обсерватория, где одно стекло накладывается на другое, и так до бесконечности; наблюдать за героями и за событиями — одно удовольствие.

Такая обсерватория есть у каждого писателя: у кого-то — большая, просторная, у кого-то — покомпактнее. Колесо заново не изобрести, сюжеты тоже стары как мир — в буквальном смысле. Интертекст давно уже стал естественным явлением в современной литературе. Один из хороших примеров «включения» интертекста в эту игру — повесть В. Г. Сорокина «Метель».

Хочу отметить, что Сорокина я просто очень ценю как писателя и как удивительного рассказчика — мастера, что называется, на все руки. Уже нет автора (по Р. Барту), с недавних пор — и постмодерна; Сорокин же сумел изловчиться и продолжать существовать вне постмодернистского пространства, и при этом линию свою пытается загнуть в спираль. Такое упрямство цепляет и провоцирует; и если эпатаж — второе имя Сорокина-постмодерниста, то я позволю себе назвать Сорокина нынешних годов экспериментирующим классиком, для которого новый опыт сродни развлечению.

Реминисценция к повести Пушкина считывается сразу; но всё же за основу пушкинский сюжет Сорокин не берёт, создавая яркого героя, которому поручена великая миссия — спасти больных. Гарин многолик: он и Дон Кихот, который борется со стихией, уверенный поначалу в своей победе, и Онегин, разменивающийся любовью («…Как глупо мы расстались, я даже и не пообещал ей написать…»), и «человек из Мёртвого дома» Достоевского, не униженный и не оскорблённый, и чеховский герой-интеллигент — на это указывает не только профессия врача: чеховские мысли в гаринской голове звучат с иной интонацией: «Нет, брат! спать теперь некогда… Жить надо, Козьма, жить!»

Но каков герой, таков и его спутник — рыжий Перхушка-Санчо Панса, неуклюжий и неумелый. Яркую характеристику даёт ему мельник, называя непутёвого извозчика Иваном Сусаниным,—

и удивительно и по-настоящему грустно становится, когда брошенные слова пьяницы Маркыча оказываются правдой. Здесь же—тройка-Русь, что мчится в Долгое: пятьдесят крохотных лошадок и самокат, натерпевшийся за всю дорогу едва ли не больше героев. Хочется проверить: даст ли эта тройка ответ? Но художественной доминантой повести делает Сорокин именно этот контраст «малого и великого»: «кукольный» капризный Семён Маркыч и его schöne Müllerin; замёрзший великан, его снежное творение и хрупкий транспорт героев; маленькие храбрые жеребцы, тянущие за собою самокат и спасителя, против огромного («с трёхэтажный дом») коня с красной попоной и большого поезда, нагруженного людьми и ещё бог знает чем…

Эта пёстрая нестройность мира напоминает о приключениях свифтовского Гулливера, вот только нашего путешественника с красным крестом чудесным образом спасают китайцы—и если Гулливеру везло каждый раз оказываться возвращённым домой, то куда предстоит отправиться с вакциной Гарину, нам, увы, не сообщают. Более того, особенности нарратива повествователя—одной из важнейших составляющих любого литературного текста—в текстах Свифта и Сорокина во многом перекликаются: читатели становятся очевидцами нереальных, полусказочных событий, оставаясь при этом сторонними наблюдателями практически до самого конца. Здесь хотелось бы отметить одно существенное различие, потому как, отказавшись от экспериментов на грани фола, Сорокин всё же умудряется «вытянуть» читателя-зрителя на сцену и, в отличие от Свифта, позволяет ему включаться в действие, занимает его. Продолжая концептуалистскую традицию игры со словами, подменяя их первоначальное значение, он заставляет разгадывать эти шифры—одни «витаминдеры» и «пирамиды» чего стоят. Конечно, с последними получилось слишком уж очевидное самоцитирование: «рыбки» в «Дне опричника» были такой же загадкой и действовали подобно галлюциногенам. Однако весьма вероятно, что это—очередной хитроумный приём, просто не до конца раскрытый. В конце концов, видения и сны Гарина—примечательные эпизоды, где красной нитью проходит и фаустианский мотив искушения, сделки с дьяволом, и психологический портрет героя, символические тайны и страхи.

Жуткая сцена—казнь, кипящее масло, подмостки, и беснующаяся толпа, и отплясывание в котле—как средневековый Mortis Saltatio, триумф безумства, торжество Смерти, «сумасшедшая пляска бездонного мира». Пожалуй, с точки зрения эмоциональной напряжённости этому отрывку нет равных во всём романе, по крайней мере для меня; и, если понемногу распутывать этот плотный клубок аллюзий, образов и спрятанных символов, уйдёт вечность. Гарин превратится в голубя—символ чистоты, надежды, Святого Духа, мира и света; мифологизированный сюжет сновидения напоминает средневековое сказание о чудесном спасении, а оно как бы предвосхищает финал повести. Доктор не прибывает в Долгое, чтобы спасти отчаявшихся больных, он спасается сам: его заглушают дикий рёв, хохот и хор, поющий Верди,—он тонет в сугробах, оглушённый метельным свистом.

Трагические развязки видений характерны и для Перхушки: эти наивно-трогательные, очаровательные, полудетские истории про слона с ярмарки с песнями Элвиса, про дельфинов, про жеребцов либо как-то бессовестно обрываются, либо заканчиваются мрачно. Это тоже своеобразный драматургический ход, благодаря которому можно догадаться, что ждёт героев не пушкинский забавно-светлый финал. Итогом жизненной истории Козьмы, полуграмотного деревенского мужика, для которого главное, чтоб лошадки были сыты и чтоб самому хватало, становится, на удивление, «превращение» в прекрасную бабочку «с ангельским ликом»—на ум тут же приходят тексты Набокова, его восхищение этими волшебными созданиями, самая красивая из которых—«мёртвая голова»—его, Козьмы, спутница и спасительница. Таким образом, доминантный мотив дороги превращается в мотив побега, побега от страха и от холода, который с каждым мгновением приобретает воистину вселенские масштабы. Попытка выполнить своё предназначение оборачивается попыткой избежать злого рока судьбы; но из схватки с судьбой человек ещё никогда не выходил победителем. Об этом и пишет Сорокин: человек—тот, кто не сворачивает с пути, тот, кто идёт до конца, пусть и заведомо зная, что впереди—Долгое, но не Счастливое.

Было ли сказано об этом до «Метели»? Да, и не единожды. Кем впервые, как часто и сколь много—это не так важно: важен именно факт, благодаря которому можно с уверенностью сказать, что повесть Владимира Сорокина—текст, созданный в лучших традициях русской классики, а сам автор—настоящий мастер слова. Ему уже ничего никому не нужно доказывать, яростно колотя ботинком по деревянной кафедре; быть знаменитым некрасиво, а кому-то известность и вовсе не идёт. Жаль только, что для тех, кто знаком только с «Нормой», Сорокин так и останется фриком, который пишет про немытую Россию, но ни прощаться с ней, ни отмывать её не собирается.

Солнце в подарок

Сочинения учеников Жеблахтинской средней школы Ермаковского района Красноярского края

Тема сочинения «Солнце в подарок» как-то не сразу всколыхнула детей. Да и сами преподаватели задумались: о чём писать?

И вдруг… Работы детей стали ложиться на мой стол каждый день. Отчитываю после уроков и понимаю: дети солнцем своим выбрали семью. А по-другому, пожалуй, и быть не могло.

Читаешь откровения малявок и размышления довольно взрослых детей — и ловишь себя на мысли: перед тобой детское искусство слова о семье. И ничего им неведомо об искусстве семейной жизни, которое, пожалуй, самое сложное из всех искусств. Но большинство-то из нас — самоучки. Оглядываясь на прожитую жизнь, понимаешь, что семья — это маленькое, но сложно устроенное государство. И главные жители этого «государства» — дети. В этом «государстве» им должно быть хорошо, если связь между близкими родными глубока, как телепатия. Вспомним из Льва Николаевича Толстого об отношениях Лёвина с Кити: «Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он».

«Солнце в подарок» — это не про подарки. Это семья в подарок. Об этом пишут наши дети.

УЛЬЧУГАЧЕВА НИНА НИКОЛАЕВНА,
директор МБОУ «Жеблахтинская СОШ»

Самый лучший день в моей жизни — это день моего рождения. Когда я проснулся и открыл глаза, вся комната была увешана шариками и поздравлениями моих родителей. Надо мной висел подарок от папы и мамы. Потом у меня были гости. Было очень весело и радостно. Мама и папа придумали смешной стол из мультиков и устроили много конкурсов. А потом был торжественный торт со свечками, которые я дул-дул, а они не задувались. Все смеялись и пытались мне помочь. Свечки погасли, но в доме было солнце. Это было потому, что мне было хорошо. Как будто солнце в подарок в этот день заглянуло в наш дом.

Сидельников Паша, 1 класс

Грэй — мой маленький щенок. Мне его подарил папа. Я о нём очень мечтала. Когда папа подарил мне этого щенка, мне показалось, что это солнышко моё. Я его очень люблю. Нос у него как пуговица, чёрного цвета. Он всегда мокрый и холодный. Ушки маленькие, глаза добрые. Грэй — самый доверчивый друг. Я его очень люблю. Мне хорошо с ним.

Быкова Наташа, 1 класс

Летом я поехала за солнцем к бабе Вале и дедушке Вите. Мне было хорошо у них. Я помогала бабушке собирать ягоды в саду, кормить кроликов и кур. Дни были очень тёплые. Солнце светило ласково. И у нас у всех было счастье от солнца. Мы любили друг друга. А когда любишь друг друга — это значит, даришь солнце в подарок.

Кириенко Злата, 1 класс

Недавно в нашем доме появился котёнок. Его подарили мне родители. Я была очень рада новому другу. Назвала его Том. Первые дни он всего боялся и не понимал, где он находится. Через неделю Том освоился. Я купила ему игрушечную мышку. Тому она очень понравилась. Он весь вечер играл с ней: прыгал, кувыркался,— а я хохотала. Том согревает меня своей преданностью. Он для меня как солнце в подарок.

Кайкова Алёна, 2 класс

Была зима, тридцать первое декабря. Я пошёл к папе, и тогда мне позвонил брат Егор. Он сказал, что под ёлкой лежат два телефона. Я обрадовался. Сбылась моя мечта. В тот момент у меня было столько радостных впечатлений, как будто лучик солнца попал ко мне домой. А в этом году под ёлкой оказались только носки и конфеты, но самое главное солнышко — моя мама. Она всегда со мной.

Варик Клим, 2 класс

Когда я был ещё крохой, мама подарила мне друга-медвежонка. Я назвал его Бу-Бу. Мы вместе спали, играли и гуляли. До сих пор мы вместе. Теперь я редко с ним играю. Но всё равно он мой друг. Я люблю его за фиолетовую окраску, за умные и добрые глазки, за фиолетовый носик и за его куцый хвостик. Вот такой он, мой друг. Это моё солнце.

Денисов Дима, 2 класс

Когда я была маленькая, мне подарили на день рождения самый лучший подарок в мире — велосипед. Велосипед был синий. Но это ничего страшного.

Для меня самый лучший подарок—моя мама и мой папа. Иногда они называют меня солнцем, потому что у меня глаза сверкают, как солнечные лучики.

Варюшкина Соня, 3 класс

Когда мне было годика три, я мечтал иметь кота. Я просил родителей, чтобы они мне подарили котёнка. Однажды папа привёз мне маленький серенький комочек шерсти. Этот комочек я назвал Тимкой. Моей радости не было предела. С моим питомцем мы даже спали вместе. Сейчас Тимону шесть лет. Он стал большим и ленивым котом. Иногда он уходит гулять на несколько дней, и я за него волнуюсь, боюсь, чтобы он не потерялся. Когда придёт, мне становится радостно и тепло, как от солнышка.

Козлитин Олег, 3 класс

Самый лучший подарок для меня—это моя семья. Она греет меня своим теплом, как летнее солнце. Я очень люблю свою семью. Когда у меня день рождения, я приглашаю на него своих друзей, а мама старается сделать его лучше, чем прошлое. Когда я сижу рядом с мамой, мне кажется, что я на небесах и обнимаю солнышко. Папа мой—это тоже солнце, которое отгоняет тучи. Когда играю с Кирой, она такая милая, что для меня она тоже сверкает, как солнышко. Я очень люблю свою семью.

Штукарина Карина, 3 класс

Первое слово, которое произносит маленький ребёнок,—это «мама». Мама—самый лучший, самый любимый человек на всей земле. Моя мама помогает в любых трудностях, в задачах, которые я не могу решить. Если мама на меня кричит, стараюсь на неё не обижаться и уже не убегаю в другую комнату и не говорю на неё всякие плохие слова. Иначе она может очень сильно расстроиться. Если вдруг мама заболеет, помогаю ей что-нибудь приготовить кушать, доделываю все домашние дела, а потом обниму маму и поцелую. Ведь она моё солнышко, а я её солнце.

Ашлапова Аня, 3 класс

Недавно в школе я получила тройку. Я очень расстроилась. На перемене сидела грустная. Мне совсем не хотелось играть с друзьями. Ко мне в коридоре подошла Нина Николаевна, директор школы. Она протянула мне красивый мешочек. Это был подарок в честь моего дня рождения. В мешочке была маленькая фарфоровая статуэтка—собачка. Она была расписана синими красками. Собачка смотрела на меня круглыми весёлыми глазами, улыбалась и как будто махала хвостиком. Я сразу забыла про тройку. Мне захотелось улыбаться. Теперь собачка сидит у меня на столе и помогает делать уроки. Вот и солнце в подарок.

Шевченко Арина, 4 класс

Когда мне было четыре года, мама с папой подарили мне велосипед. Я был несказанно рад. На улице Антон учил меня кататься на велосипеде. Первый раз я упал, во второй раз—чуть-чуть проехал и тоже упал, в третий раз—я научился кататься. Это был самый лучший подарок!

Фильшин Иван, 4 класс

Однажды моя подружка Даша пригласила меня к себе в гости. Мы долго играли вместе. Потом выглянуло солнышко, и мы вышли на улицу и увидели на дороге надпись. Белым мелом было написано: «С 8 Марта, дорогие девочки!» Мы засмущались, а мальчишки выскочили с другой стороны и подарили нам по букетику лесных цветов. Для нас с Дашей это было солнце в подарок, а может быть, мы для мальчишек были солнцем.

Лямина Кристина, 5 класс

«Солнце в подарок»—это сложная тема. Я решил её раскрыть так. На мой день рождения я очень ждал, чтобы Клим пошёл приглашать гостей. Через несколько минут я увидел, как к нашему дому подъехала машина. Я посмотрел и увидел папу. Я сразу же побежал за ограду и начал принимать подарки. Отец подарил мне огромный арбуз и планшет. Я взял планшет, а отца попросил занести арбуз. Я не ожидал такого подарка, потому что отец мой—это теперь редкое «солнце в подарок» для меня.

Варик Егор, 5 класс

В нашу школу в гости приезжает часто дяденька. У него трудные имя и отчество, но мы все запомнили, что его звать Усуб Шабабович. У него за пазухой будто солнце живёт, потому что он всегда дарит школе подарки. Мы любим скамеечку на школьном крыльце, читаем книжки, которые он подарил школе. У него много солнца за пазухой, я так думаю.

Ульчугачев Глеб, 5 класс

Однажды мы поехали всей семьёй на природу. Для меня это было удивительно, потому что мы очень редко выезжаем на природу. Я был очень рад, что отдохнул от гаджета. У речки мы стали раскладывать еду и веселиться. Мы купались и разговаривали, а вечером собрались около костра и начали рассказывать смешные истории. Когда мы ехали домой, я думал: как было бы хорошо, если бы мои родители дарили мне такое солнце хотя бы несколько раз в году.

Коновальчук Данил, 6 класс

Я думал над этой темой, «Солнце в подарок», и понял, что это солнце, которое я вижу каждый день, радуюсь ему и буду радоваться всегда.

Как-то раз я приехал к бабушке летом и сразу же пошёл на улицу играть с ребятами, но в это время

пошёл дождь. Я расстроился и вернулся домой. Наступил вечер. Я сидел, играл с телефоном, а бабушка читала книгу. Вскоре я уснул.

На другой день я проснулся ближе к обеду, выглянул в окно и увидел радугу с солнцем. Я понял, что это солнце мне в подарок, да ещё и радуга. Очень хороший подарок.

Степанов Женя, 6 класс

Солнце в подарок—это моя любимая бабушка, которая всегда меня подбодрит и успокоит. Она такая радостная, в любую погоду. С ней всегда солнечно и радостно. Один раз она была грустной, и я решил её развеселить. Перепробовал всё, но бабушке было невесело. Я спросил её: «Что ты такая грустная, бабушка?» Она мне сказала, что заболела. И я стал за ней ухаживать. На следующее утро она проснулась и была весёлая и радостная, как солнце. Бабушка для меня всегда будет солнцем в подарок.

Степанов Женя, 6 класс

Подарок может быть разным. Для каждого свой. Например, поездка в другую страну, машина, игрушка или любовь.

Для меня солнце в подарок—это поездка в Крым с моей семьёй. Ещё хочу привести пример из рассказа Тургенева «Муму»: для Герасима самый лучший подарок был—Муму.

Подарки бывают разные, а почему сочинение назвали «Солнце в подарок»? Да потому что солнце—самое светлое на земле.

Степанчук Дима, 7 класс

Мне кажется, солнце в подарок—это бесконечный заряд энергии, который веселит тебя летом и не даёт скучать зимой. В летнее время загораешь на пляже или работаешь весь день на солнце. И тебе хорошо, что оно тебя греет. Зимой тоже получаешь заряд от солнца. Только выглянет солнце—и на душе сразу солнечно, ведь зимой больше грустных и пасмурных дней.

Бумаженко Андрей, 7 класс

Как только начинается рассвет на планете Земля, так солнце просыпается и начинает подниматься, чтобы пробудить людей и природу. И пошёл от солнышка свет, тепло. Лучи его проникают ко мне в окно, щекочут глаза и нос, лезут под тёплое одеяло. Какой сказочный солнечный подарок—это солнце.

Мышкина Линда, 7 класс

Я давно мечтал о сестре или братике. Я представлял, как буду играть, нянчиться с ним, но когда мы переехали в другую деревню, я совсем забыл о своей мечте. Однажды я узнал, что моя мама беременна, и понял, что моя мечта скоро сбудется. Я уже придумал, что будет дальше. А дальше будет так: я буду защищать свою любимую сестру, буду баловать всякими вкусностями, гулять по улице, играть в песочнице, купаться в речке. Но не буду давать играть в свой компьютер. Потом я опомнился, что она ещё не родилась, и я перестал думать об этом. А через неделю мама уехала на сессию, и я забыл про своё счастье. Через месяц мама вернулась с учёбы. У неё уже был большой живот, увеличился в разы, и я понял, что моя мечта большими верными шагами идёт ко мне.

И вот пришёл долгожданный день, когда мои родные поехали за моей мамой и маленькой сестрёнкой в больницу. Дома мама сказала: «Вот оно, наше маленькое счастье!» Я решился подержать свою маленькую сестрёнку. Когда я увидел её лицо, я понял—это солнце в подарок.

Журавель Олег, 7 класс

Человек не может жить и существовать один. Ведь не зря все мы боимся одиночества. Для нас важны уважение и любовь окружающих, самых дорогих и близких людей. Без семьи, без родителей нас бы вообще не было. Семья—это место, где искренне радуются твоим успехам, делят с тобой твои неудачи, беду, поддерживают и помогают во всём. Семья—это крепость, где ты чувствуешь себя защищённым, тебе тепло и хорошо от ласковых рук матери, доброго взгляда отца. Для меня моя семья—это источник всего хорошего и светлого. Нас в семье четверо.

Мой папа—это глава семьи. Для всех нас он главная опора, защита. Главное для него, чтобы мы выросли порядочными людьми, уважающими других людей, были добрыми и справедливыми.

Моя мама—хранительница семейного очага. Она создаёт уют и тепло в доме. В маминых руках все проблемы становятся такими маленькими, стоит ей прижать тебя и погладить по голове. Когда тебе совсем плохо, мама напоит ароматным чаем, и ты всё ей расскажешь сам, а она даст мудрый совет.

У меня есть ещё один близкий человек—это старшая сестра Настя. Она старше меня на девять лет, но для нас эта разница в возрасте незаметна. Мы любим вместе ходить на секции, рассказывать друг другу свои секреты. Она умеет выслушивать и давать дельный совет.

Я очень люблю свою семью. Мне просто необходимо видеть в глазах своих родных любовь и понимание. Почему я написала о своей семье? Я отвечу так: жизнь и есть лучший подарок в жизни каждого человека. А жизнь мне подарили родители. Хорошо, что они у меня есть.

Пичугина Лера, 8 класс

В один прекрасный летний день мы с мамой отправились в магазин. Сначала мне не хотелось вставать с постели, но мама поторапливала. Когда мы оказались около магазина «Всё для спорта», я ещё не могла понять, зачем мы сюда приехали, а мама

вдруг сказала: «Ты же мечтала о роликах». Я поняла, что мама хочет мне их купить. Радость так и прыгала из меня. Но мама мне сказала: «Если будешь вести себя хорошо, то будешь кататься». Теперь у меня есть свои ролики. И я рада этому подарку.

Левшина Ира, 8 класс

Однажды к нам в школу приехал эколог и привёз с собой видео о природе, о детях, которые помогают природе. Он привёз с собой целый пакет желудей дуба и начал раздавать их детям. Мне досталась целая горсть. Дома я их посадила. Всё сделала так, как рассказывал эколог. Я теперь каждый день поливала жёлуди и разговаривала с ними. Было очень радостно, когда появился росток, а затем и второй. Выхаживали их всей семьёй. Наконец, пришло долгожданное время высадки росточков в землю на улицу. Мы с мамой решили посадить их около кустарников. Сейчас дубы уже окрепли, хоть стебельки их ещё слабенькие, но листочки уже большие. У меня есть мечта. Когда дубы вырастут, я поставлю между ними скамейку, чтобы в жаркие дни сидеть в теньке и радоваться солнцу. Это ведь солнце подарило мне такие дубки.

Скрыль Жанна, 8 класс

Многие люди делают пожертвования, отправляя деньги для спасения жизни других людей, в том числе и детей, родившихся с физическими отклонениями. Люди всем миром собирают деньги для лечения больных детей. Ведь даже совсем незначительная сумма может помочь выжить человеку. Есть люди—доноры. Они сдают свою кровь для спасения человека совершенно незнакомым людям. Если когда-либо придётся, я тоже могу сдать кровь во имя спасения человека.

Я считаю, что жизнь—это солнце в подарок.

Табунцова Лера, 8 класс

За свою жизнь человек получает множество различных подарков. Подарком может стать какой-нибудь предмет, вещь, игрушка; подарком может стать какое-либо событие, поступок. А ещё подарком может стать солнце. Нет, не то солнце, что освещает наш мир, не то, что раскаляет летом воздух до сухого треска. Подарком становится то солнце, которое есть у тебя в душе. Оно умеет прогонять мрак. Это солнце в душе сладкой золотой струёй растекается по венам, проникает в самое сердце. И нам становится удивительно легко и тепло, и душа купается в этом солнце. Хочется дарить его всем вокруг. Интересно, а где же его найти? Где живёт это самое солнце?

Оно живёт везде. На румяных щёчках ребёнка, в руках милой матери, в добрых, полных ласки и заботы глазах бабушки, между строк на страницах книги, в звуках музыки и везде, где может только быть добро. Когда человек делает вам добро, он делится своим солнцем с вами, дарит вам его. В моей жизни есть особое солнце—мои друзья. Мы редко с ними видимся, редко общаемся, но мгновения, проведённые с ними, запоминаются надолго, запоминается искренность в общении. Эти моменты остаются светлым пятном в моей памяти. Они как солнце в подарок.

Журова Настя, 9 класс

Есть много источников счастья и наслаждения, но самое главное, на мой взгляд,—это солнце. Вы только представьте, что было бы на земле, если бы не было солнца. Ведь стоит ему спрятаться за тучи, и на душе становится неуютно, падает настроение. Как только появились первые солнечные лучи, тебе сразу тепло и весело. В плохую погоду просто хочется сидеть дома, в голову приходят разные грустные мысли. Зато когда явилось оно, горячее и доброе солнце, немедленно идёшь на улицу, встречаешься с друзьями и радуешься жизни. Я люблю солнце и хочу, чтобы эта звезда горела всегда.

Фильшин Антон, 9 класс

Над этой темой я долго думал и не понимал, что она значит, но потом в голову начали приходить разные идеи. Солнце в подарок для меня—это моя девушка, Таня. Когда я на неё смотрю, мне сразу становится жарко, сердце начинает биться чаще. Может, я не понял смысла—«Солнце в подарок»? Но для меня Таня и есть солнце в подарок.

Журбин Михаил, 10 класс

«Солнце в подарок»—эту фразу каждый человек понимает по-своему. Для одного—счастливые и незабываемые дни путешествий, для другого—безвозмездная помощь.

Для меня главным подарком является моя мама, самый дорогой и любимый человек. Ведь она отдаёт столько нежности, тепла, заботы и внимания нам, детям. Только она способна любить нас так искренне. Никто не может представить, сколько горя и радости может вместить в себя материнское сердце. Когда мы болеем, она готова забрать болезнь или боль себе. Главное, чтобы её ребёнок был счастлив и здоров. Я знаю, моя мама всегда разделит и радость, и беду в минуты жизни вместе со мной. Мама готова простить все проступки. Вы когда-нибудь задумывались, если бы не было наших матерей, что было бы с нами?!

Для каждой мамы солнце—это её ребёнок. Мамы отдают лучшие годы своей жизни нам, своим детям, поэтому берегите своих матерей. Это подарок на всю жизнь.

Тарасова Алина, 10 класс

У каждого из нас своя судьба, и у всех есть своя мечта. Кому-то нужны деньги и богатства, кому-то

собачка, а кому-то просто семья, здоровье и счастье близким. То самое солнышко в подарок, которое получает каждый человек, идёт с ним по жизни. Ведь когда твоя мечта сбывается, ты не забудешь это никогда. Моё солнце — это моя мама, тот самый человек, который будет со мной рядом всегда. Это моя поддержка и опора, доброта и ласка. Каждый день мама дарит мне улыбку, объятия. Она распространяет свои солнечные лучики на всех нас: на Влада, на меня, на Маркушу. Мамино тепло, как летнее солнце, обогревает всех нас. Моим родным и самым горячим солнышком всегда будет моя мамочка.

Харитонова Неля, 10 класс

Человек каждый день получает подарок. Это не обязательно что-то материальное. Это может быть улыбка близкого человека, добрый поступок или просто хорошее слово. Для меня солнцем является моя дружная семья. Отними её у меня — я бы не смогла существовать. Ведь солнце — это то, без чего мы не можем жить на этой планете. Самым главным лучиком этого большого и яркого солнца является моя мама. Без неё смысл моей жизни кардинально бы поменялся. Мама дарит мне улыбку каждый день, независимо от того, какое у неё настроение, и я стараюсь отвечать ей тем же.

Но случилась в нашей семье большая беда, мама заболела и тут я поняла, что именно она приносит в нашу семью теплоту и радость. Мамочке было очень трудно справляться с болезнью, и тогда нам пришлось давать ей то, что она давала всем нам, чтобы мы были счастливы. Вскоре мама поправилась и снова начала освещать наш дом светом добра и любви.

Я не могу сравнивать какие-либо подарки со своими родными и близкими. Считаю, что если у тебя будет хорошая и благополучная семья, то каждый день будет праздником. Нужно ценить то, что у нас есть, и непосредственно беречь и любить. Для меня «солнцем в подарок» являются не материальные ценности, а любящая семья.

Козлитина Екатерина, 10 класс

Долго думал над значением названия сочинения «Солнце в подарок». Я понял, что для меня это означает тёплые воспоминания, связанные с детством. В то время я, как и любой мальчишка, хотел себе велосипед. В один из обычных дней мне подарили его, но была одна проблема — я не умел на нём ездить. Мой дедушка мне говорил, что для того, чтобы ездить, нужно научиться держать равновесие. Я всё понимал, но как все, севшие впервые на велосипед, падал, набивал шишки, синяки. И всё-таки научился держать равновесие. Вряд ли забуду совет деда. Велосипед этот был «солнцем в подарок». Теперь я понимаю: чтобы было меньше синяков и шишек в жизни, очень важно держать равновесие.

Шмелёв Андрей, 10 класс

У каждого из нас есть выбор и путь, цель и мечты. Цель человека — это путеводная звезда, дорога к этой звезде — путь, а человек — путник. Человек может просто существовать и умереть, а может, достигнув цели и выполнив свою миссию, остаться навсегда в сердцах людей, как, например, у М. Горького в «Старухе Изергиль» есть герой, которого редко встретишь в нашем современном обществе. Это Данко. Его цель — самопожертвование. В трудную минуту он — лидер, его сердце пылает от любви к людям. Оно полно надежды. Оно — солнце для людей, потому что Данко думает не о себе, а о людях. Желаю, чтобы у всех так было.

Томилов Николай, 11 класс

стр. 42
Антипова Дарьяна
Москва/Красноярск, 1984 г. р.

Родилась на Алтае. Выпускница Красноярского литературного лицея имени В. П. Астафьева (семинар Р. Х. Солнцева), училась в Красноярском государственном университете, в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар А. П. Торопцева). Член Союза писателей Москвы. Участвовала в форумах молодых писателей России, в литературных семинарах в ФРГ, Нидерландах, Сербии. Публикуется в литературных и электронных изданиях (газета «Детский район», журналы «День и ночь», «Московский вестник», альманахи «Илья», «Белая скрижаль», «Лампа и дымоход» и др.). Играет на этнических барабанах и поёт в музыкальной этногруппе «ВеданЪ КолодЪ». Живёт в Москве и Красноярске.

стр. 24
Басалаева Елена
Красноярск, 1987 г. р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. В 2009 году с отличием окончила филологический факультет Сибирского федерального университета. Преподаёт русский язык и литературу в Красноярской гимназии №13. Публикации на сайтах «Добрая лира», «Город детства», в журнале «День и ночь» и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Большой финал» (Мурманская область). Лауреат журнала «День и ночь» (2019) в номинации «Проза».

стр. 108
Бимаев Анатолий Владимирович
Абакан, 1987 г. р.

Родился в Красноярске. Окончил юридический факультет Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Публиковался в журналах «Абакан», «Сибирские огни», «Нева», альманахе «Порог-АК», сборнике «Антология молодых авторов Хакасии», газете «Мол», интернет-изданиях «Пролог» и «Za-Za». Участник 9 и 12 форумов молодых писателей России и стран ближнего зарубежья. Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока (Томск, 2015). Участник Регионального совещания сибирских авторов (Новосибирск, 2016).

стр. 82
Бирюков Андрей Петрович
Старый Оскол, 1984 г. р.

Родился в городе Старый Оскол. Учился в средней школе №8. В настоящий момент работает продавцом-кассиром в продуктовом магазине. Стихотворения начал писать в 18 лет. Более 20 раз публиковался в местной прессе. Некоторое время назад выполнял функции критика в одной из литературных интернет-групп. Состоит в поэтическом объединении «Творческий фонарь».

стр. 175
Бударин Сергей Сергеевич
Новокуйбышевск, 1990 г. р.

Родился в Новокуйбышевске. Студент Самарского государственного технического университета (факультет автоматики и информационных технологий). По будущей профессии — информатик-экономист. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород), «Русское эхо» (Самара) и др. Стихи пишет с 11 лет. Участник Первого международного семинара-совещания молодых писателей в Переделкино (октябрь 2011). Лауреат всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли» (2011). Лауреат Всероссийского конкурса поэзии имени Льва Ошанина (2012). Обладатель бронзового диплома III Международного славянского форума «Золотой Витязь» в номинации «Большая поэзия» (2012).

стр. 86
Галиаскарова Елена Фёдоровна
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила инженерно-строительный институт СФУ в 2008 году. По профессии — инженер-эколог. Лауреат и магистр, член жюри МФ ВСМ (Международного фонда «Великий Странник — молодым»). Диплом лауреата (III место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Кредо жизни и призванье» (о море и моряках). Диплом лауреата (I место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Лучшее трёхстишье». Специальный приз жюри от Библиотеки семейного чтения г. Ломоносова за стихи о городе Ломоносове-Ораниенбауме. Диплом победителя молодёжного поэтического конкурса «Графит». Дипломант V Международного литературного конкурса «Верлибр-2018» в номинации «Особый взгляд. Поэзия». Участник международного фестиваля «Всемирный день поэзии» 2019 года (4 место по городу Красноярску). Участник конкурса литературных авторских театров «ФЛАТ-2019». Лауреат III степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба-2019».

стр. 128 **Григорян Севада Геворгович**
Москва, 1983 г. р.

Родился в селе Ирбейское Красноярского края. Затем вместе со своей семьёй переехал на родину в Армению. Жил и учился в Ереване. В 2007 году поступил во ВГИК и переехал жить в Москву. Учился на сценарном факультете. На основе дипломной работы в Армении сняли полнометражный художественный фильм «Доброе утро», который удостоился пяти международных призов. Прозу пишет с 2004 года. Рассказы печатались в армянских литературных журналах и газетах «Гретерт», «Гарун», «Литературная Армения». В 2005 году вышел сборник рассказов «Сноубийца».

стр. 125 **Евсюков Александр Владимирович**
Москва, 1982 г. р.

Родился в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут (семинар М. П. Лобанова) в 2007 году. Работал охранником, грузчиком, археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и т. д. Прозаик, критик. Публиковался также и со стихами в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Октябрь», «День и ночь», «Homo Legens», «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы», «Звезда Востока» (Ташкент), «Роман-газета», «Нева», «Зинзивер», «Нижний Новгород», «Подъём» (Воронеж), «Волга — XXI век», «Гостиный Двор», многих альманахах (в том числе «Образ», «Terra-poetica», «Литературные знакомства»), сборниках, интернет-журналах «Кольцо „А“» и «Пролог». В 2017 году в издательстве «Русский Гулливер» вышла первая книга рассказов «Контур легенды». Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский и польский языки. Участник и руководитель труднических экспедиций на остров Анзер Соловецкого архипелага. Лауреат конкурсов малой прозы имени Андрея Платонова (2011), «Согласование времён» (2012). Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016) и Российско-болгарского литературного конкурса (2017). Победитель (3-е место) премии «В поисках Правды и Справедливости» (2017). Лауреат международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), международных фестивалей-конкурсов «Русский Гофман», «Образ Крыма», премии журнала «Зинзивер» в области критики. Участник форумов молодых писателей России, I Международного литературного фестиваля имени М. Горького в Нижнем Новгороде.

стр. 144 **Иванова Елена Сергеевна**
Санкт-Петербург, 1984 г. р.

Участник ЛИТО «Молодой Петербург», член Союза писателей России. Принимала участие в двух конференциях молодых литераторов Северо-Запада, в Некрасовском совещании молодых писателей в Карабихе (2018), совещании в Химках (2019), различных городских литературных фестивалях. Стихи и критические материалы публиковались в коллективных сборниках, в «Литературной газете», «Невском альманахе», альманахах «Молодой Петербург», «Аврора», «Подъём», «Волга — XXI век» и др. Автор книги стихов «Прогулка» (2014).

стр. 181 **Ильгова Дарья Алексеевна**
Москва, 1990 г. р.

Родилась в селе Ольховатка Верхнемамонского района Воронежской области, выросла в Воронежской области. Выпускница МГППУ, окончила Литературный институт имени А. М. Горького (2015, семинар Г. Н. Красникова). Автор книг «Расстояния» (2009), «Снимки» (2013) и «Молчание» (2014). Стихи печатались в журналах «Литературная учёба», «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Дети Ра», «Плавучий мост», «Аргамак», «Слово\Word», в альманахах «День поэзии» и «Артбухта», в сборнике «Траектория», в «Литературной газете», в антологиях «Русская поэзия. XXI век», «Воронежские поэты — 21 век» и др. Победитель литературного конкурса имени Василия Кубанёва и лауреат премии по поддержке талантливой молодёжи.

стр. 134 **Колчин Станислав Сергеевич**
Калуга, 1984 г. р.

Родился в Ташкенте. Окончил энергетический факультет Ташкентского государственного технического университета. С 2015 года член Российского союза профессиональных литераторов. Лауреат конкурса XIII Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским» в номинации «Поэзия», проводившегося в Рязани 28 мая 2016 года, лауреат второго тура Международного литературно-музыкального конкурса «Дары Муз» в номинации «Стихотворение», проводившегося в Керчи 25–27 августа 2016 года, лауреат областного конкурса патриотической поэзии имени Твардовского (Калуга, 2017).

стр. 3 **Костров Владимир Андреевич**
Москва, 1935 г. р.

Поэт, переводчик, литературный критик. Родился в деревне Власиха Костромской области. Окончил химфак МГУ (1958), Высшие литературные курсы (1969). Был членом КПСС. Работал инженером-химиком на оборонном предприятии в Загорске, в журналах «Техника — молодёжи» и «Смена», рабочим секретарём правления Московского отделения СП РСФСР (с 1980-го), заместителем главного редактора журнала «НМ» (с 1986-го). С 1979 года ведёт семинар поэзии в Литинституте; доцент. Печатается с 1957 года. Автор книг стихов «Первый снег», «Кострома — Россия», «Утро в Останкине», «Металл и нежность», «Я вас

люблю», «Товарищества светлый час», «Солнце во дворе», «Если любишь…», «Нечаянная радость», «Открылось взору», «Свет насущный», «Роза ветров», «Стратостат», «Песня, женщина и река» и др. Публиковался в газете «Завтра», в журналах «Знамя», «НМ» (№11/1988; №7/1991), «Россия» и в коллективных сборниках. Член Союза писателей СССР. Избирался членом правлений СП РСФСР и СП СССР, председателем Клуба независимых. Член редколлегии журнала «ЛУ», редсовета журнала «Роман-газета XXI век». Председатель Пушкинского комитета СП России, вице-президент Фонда 200-летия А. С. Пушкина. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1984), медалью «За укрепление боевого содружества» (2000). Лауреат многочисленных государственных и литературных премий. Член правления Союза писателей России.

стр. 149 **Косяков Дмитрий Николаевич**
Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Работает в РИЦ «День и ночь».

стр. 6 **Кузнечихин Сергей Данилович**
Красноярск, 1946 г. р.

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института распределился в город Свирск Иркутской области, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Первое стихотворение напечатал ещё школьником. Как прозаик дебютировал в 1981 году в альманахе «Енисей». Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Стена» (1992), «Похмелье» (1996), «Неприкаянность» (1998), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012), «Уходящее время» (2016), книг прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014), «Седьмая жена Есенина» (2017), «Закрытый перелом» (2017), «Игры на интерес» (2018). Печатался в «Литературной газете», журналах «Енисей», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «День поэзии», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Арион», «Дети Ра», «Наш современник», «Мера», «Аргамак», «Бельские просторы», «Паровозъ», «Предлог», «Коростель», «Киевская Русь» (Украина), «Радуга» (Украина), «Южное сияние» (Украина), «Побережье» (США), «Образы жизни» (США), «Эдита» (Германия), «Зарубежные задворки» (Германия), альманахе «День поэзии. 1986», коллективных сборниках. Составитель сборников Анны Барковой, Александра Тинякова, Николая Рябеченкова, Аркадия Кутилова книжной серии «Поэты свинцового века». Составил антологию интимной лирики «Свойства страсти». Член Союза российских писателей, член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 188 **Лисова Ульяна Алексеевна**
Красноярск, 2002 г. р.

Учащаяся 11 класса СОШ №10 Красноярска. Пишет с 6 лет, интересуется литературой и живописью. Выпускница Суриковской школы №1, дважды стипендиат Губернаторской стипендии, победитель Всероссийской олимпиады школьников по литературе (10 класс), победитель всероссийских и региональных конкурсов по литературоведению («Научный дебют»). Лауреат премии И. Рождественского (2016, 2 место в номинации «Проза»), участник литературной смены в ОЦ «Сириус» «Современный литературный поток» (2019, 2020, январь), лауреат международных конкурсов по живописи и книжной иллюстрации. Участник международного пленэра в Суздале (август 2019).

стр. 80 **Мамлина Наталья Александровна**
Москва, 1988 г. р.

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар поэзии Сергея Арутюнова). Публиковалась в журналах «Православное книжное обозрение», «Зинзивер», «Дети Ра», «Артбухта», «Дружба народов», «День и ночь» и др. Автор сборника стихотворений «Себе наперерез» (2011).

стр. 183 **Маркина Анна.**
Люберцы, 1989 г. р.

Окончила Литературный институт имени Горького. Публикации стихов и прозы — в «Дружбе народов», «Prosodia», «Юности», «Кольце А», «Южном сиянии», «Независимой газете», «Литературной газете», в журнале «Плавучий мост» и др. Автор книги стихов «Кисточка из пони» (2016) и повести «Сиррекот, или Зефировая гора» (2019). Главный редактор журнала «Формаслов».

стр. 20 **Новиков Илья Александрович**
Абакан, 1988 г. р.

Родился в небольшом шахтёрском городке Междуреченске (Кемеровская область). Неоднократный победитель в региональном конкурсе «Радуга талантов». Участник «Летнего литературного лагеря» на родине М. Е. Кильчичакова. Публикации

в журналах «Абакан», «Юрта», «Доля», «День и ночь». В 2018 году удостоен звания лауреата Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, в номинации «Молодое дарование» за подборку стихотворений «Наш симбиоз». В 2019 году стал обладателем именной стипендии Главы Республики Хакасия.

стр. 122

Овакимян Сати

Ереван (Армения), 1988 г.р.

Родилась в Ереване. Окончила факультет театроведения Ереванского государственного института театра и кино (2010). Работала журналистом и сценаристом в телекомпаниях. Автор сборника рассказов «Полуостров» (2017). Печаталась во многих армянских СМИ.

стр. 90

Орлов Александр Владимирович

Москва, 1975 г.р.

Поэт, прозаик, историк, критик. Родился в Москве. Окончил Московское медицинское училище №1 имени И.П. Павлова, Литературный институт имени А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, права, и литературы в ГБОУ «Школа №1861 «Загорье». Автор пяти стихотворных сборников: «Московский кочевник» (2012), «Белоснежная пряжа» (2014), «Время вербы» (2015), «Разнозимье» (2017), сборника малой прозы «Кравотынь» (2015), книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси» (2015), книги стихов «Епифань» (2018). Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А.П. Платонова 2011 года, Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф.Н. Глинки 2012 года, Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С.С. Бехтеева 2014 года. Обладатель золотого диплома VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2016 года; лауреат VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2017 года; обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» за стихотворную книгу «Разнозимье» и в благословение за труды, понесённые на ниве духовного просвещения и издательской деятельности; лауреат XIII Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ 2018 года за книгу стихов «Епифань». Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия» «Литературная учёба», «Лучик», «Наш современник», «Подъём», «Православная Москва», «Сибирские огни», «Учительская газета», «Юность», антология стихотворений выпускников, преподавателей и студентов Литературного института имени А.М. Горького «Поклонимся великим тем годам», антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!».

стр. 10

Ромашков Юрий Валерьевич

Енисейск, 1988 г.р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х — новый переезд, на этот раз Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В.П. Астафьева, который окончил в 2014 году. С 2011 года и по сей день работает научным сотрудником фондов Енисейского краеведческого музея имени А.И. Кытманова. Историко-литературные этюды Юрия Ромашкова, которые периодически печатаются в местных газетах, стали заметным явлением в культурной жизни Енисейска. В 2014 году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа». Лауреат Фонда имени В.П. Астафьева (2019).

стр. 88

Самусенко Екатерина Олеговна

Красноярск, 1998 г.р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. Студентка Сибирского федерального университета. Победитель нескольких молодёжных литературных конкурсов. Постоянный автор красноярской газеты «Детский район» и рубрики «Синяя тетрадь» журнала «День и ночь». Автор двух книг прозы. В составе команды «КЛТНН» стала победителем XIX чемпионата России по интеллектуальным играм среди студентов (2019).

стр. 115

Татур Виктория

Москва, 1985 г.р.

Родилась в Ташкенте. Публиковалась в сборниках «Валины сказки» (2017), «О бабушках и дедушках» (2018), «Таксичная книга» (2019), «Таинственная планета» (2020), «Будь человеком» (2020); в журналах «Формаслов», «Путеводная звезда», «Литературный маяк», «Простокваша». Победитель литературного конкурса «Первая книга» Международного фестиваля детской литературы «Чудо-книга» (Оренбург), X Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2020), лауреат II Международной премии в области детского литературного творчества «Алиса-2020». Участница Всероссийской школы писательского мастерства ЦФО от СЭИП имени Филатова (2019). Участница семинаров молодых писателей в Оренбурге, Самаре, Вологде. Химках.

стр. 100

Теплицкий Виктор Валерьевич

Красноярск, 1970 г.р.

Священник. Родился в Красноярске. Учился в Сибирском технологическом институте, служил в Советской Армии. В 1992 году принял крещение

и оставил институт. Работал дворником, грузчиком, посещал церковные богослужения. Окончил Высшие богословские пастырские курсы в 1999 году. В настоящее время служит священником в храме Николая Чудотворца, возглавляя одновременно молодёжный отдел Красноярско-Енисейской епархии. Печатался в литературном журнале «День и ночь», в литературно-художественном и религиозно-философском журнале «Новое и старое». Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературной премии всероссийского фонда В. П. Астафьева в номинации «Иной жанр» за драму «Королевское сердце» (2005).

стр. 121

Цыглер Анна

Бородино (Красноярский край), 1981 г. р.

Родилась в городе Зеленогорске Красноярского края. Впоследствии семья переехала в Воронежскую область, в село Хомутовка, а затем вернулась в Сибирь и обосновалась в городе Бородино. Стихи регулярно печатаются в местной газете «Бородинский вестник», в коллективных сборниках. Имеет высшее экономическое образование. Работает сурдопереводчиком во Всероссийском обществе глухих.

стр. 92

Чернова Анастасия Евгеньевна

Москва, 1987 г. р.

Прозаик, публицист, литературовед. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького и аспирантуру. Рассказы, повести, статьи о литературе и публицистика опубликованы в многочисленных российских изданиях. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Участник семинаров молодых писателей и международных литературных форумов. Лауреат российских и международных литературных конкурсов. Главный редактор интернет-издания «Соты», ведущая одноимённого литературного клуба. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Награждена медалями преподобного Епифания Премудрого III степени (Издательский совет Русской православной церкви), «Николай Рубцов» (региональная общественная организация «Вологодский союз писателей-краеведов»). Преподаёт литературу в московских вузах.

стр. 179

Шкарпета Сергей Сергеевич

Москва, 1988 г. р.

Поэт. Родился в Москве, но бо́льшую часть жизни провёл в Воронежской области. Стихи начал писать с 13 лет. Первая публикация появилась в районной газете «Ольховацкий вестник» в 2004 году. В Воронеже его стихи звучали на областном радио в передаче «Перепутье», а в 2005 году он стал лауреатом литературного конкурса «Услышь меня, моя деревня», заняв третье место. Эти стихотворения Сергея были опубликованы в областной газете «В округе». В Москве стихи С. Шкарпеты публиковались в журналах «Форум», «Московский Парнас», «Всенародная поэзия России». В 2007 году молодой поэт стал победителем областного конкурса «На соискание премии воронежской молодёжи имени В. Кубанёва в области литературы и народного творчества». В Москве в 2007 году он занял третье место в фестивале гражданской поэзии «Часовые памяти» и стал дипломантом IV Московского молодёжного фестиваля «Поколения». В 2006 году в Воронеже вышла в свет первая книга стихотворений «Благовест». В 2012 году в московском издательстве вышла вторая книга стихотворений «Прутья совести».

стр. 185

Щерба Екатерина

Алчевск (ЛНР), 13 лет

Принимала участие во многих международных, всероссийских и республиканских конкурсах: заняла 1 место во Всероссийском международном конкурсе «Не угасает свет его стихов», посвящённом творчеству М. Лермонтова, гран-при Международного конкурса литературного и художественного творчества «Планета Михаила Зощенко» (2019), диплом за 3 место в международном литературном конкурсе «Берег мечты» в номинации «Проза», диплом 1 степени за участие во всероссийском конкурсе творческих работ «Глазами детскими на мир…», диплом за 1 место в VII международном конкурсе «Домашние питомцы».

Оформление внеочередного выпуска «ДиН» — дань благодарности художникам, ушедшим из жизни в роковом 2020-м, *Валерию Сысоеву* (1943–2020) и *Григорию Краснову* (1942–2020).

Прошлое, настоящее и будущее встречаются в искусстве! Так было, есть и будет!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных

РЕЦЕНЗЕНТ
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края. Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Глеб Бобров
Луганск

Елена Буевич
Черкассы

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы работы Григория Краснова и Валерия Сысоева.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496

В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске

БИК 045 004 788
КПП 540 643 001

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3, т. +7 950 991 4349

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 1.12.2020
Дата выхода в свет: 15.12.2020
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340 эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Валерий Сысоев

Три маски

2011

На обложке:

Григорий Краснов

Воин Востока

125 × 135

2019

Валерий Сысоев

Три маски

2011